Бунич Игорь

«Гроза». Кровавые игры диктаторов

Предисловие

Из 54-х лет жизни, которые судьба отпустила Ленину, он в течение 47 лет не имел возможности воплотить свои бредовые идеи в жизнь, однако высказывал их вполне откровенно. «Нужно, – неоднократно вещал вождь мирового пролетариата, – чтобы народы знали те тайные пружины, которые порождают войны». Сам он ни из чего тайн не делал.

Охваченный манией власти над миром, вождь считал, что добьется мирового господства путем так называемой «Мировой революции», теоретиком и практиком которой он считал самого себя.

Хотя, по утверждению Ленина, «большевики не имеют отечества», сам он, будучи русским человеком или, по крайней мере, русским подданным, хорошо успел узнать родное Отечество прежде чем поднялся на призрачные вершины интернационализма.

Родившись в разгар Пятисотлетней войны, он чуть ли не с гимназических лет был в эту войну втянут, потерял в ней брата, попал в тюрьму и был выкинут водоворотом этой войны за границу на долгие годы эмигрантского прозябания.

У него было достаточно времени, чтобы, глядя из Франции, Австрии и Швейцарии, попытаться понять Россию и ее народ.

Анализируя эту обстановку, великий вождь большевиков исписал тысячи страниц и выкрикнул миллионы слов, но живя в иллюзорном мире – прибежище всех шизофреников, так ничего и не понял и, как всегда, погубил собственное дело абсолютно неверными выводами.

То агрессивное поле, которое витало над Россией всю ее фиксированную историю, было порождено непрекращающейся войной между народом и властью, и движущая сила этого

поля всегда была направлена внутрь страны. Только очень опытным и циничным правителям удавалось использовать это агрессивное поле во внешних войнах, но оно всегда – как извивающаяся раскаленная лента – пыталось вырваться из-под контроля властей и ударить по ним самим.

Попытка Ивана Грозного направить накопившуюся агрессию замученного народа вовне привело к Всероссийской смуте, которая едва не уничтожила Московское царство.

Это царство было уничтожено Петром Великим, которому первому удалось по-настоящему использовать накопившуюся агрессивную энергию во внешней войне и отвоевать 22 года, сопровождая боевые походы небывалым террором внутри страны. Более того, великий реформатор составил нечто вроде методики для будущих правителей России, где наряду с беспощадным террором внутри страны предлагал использовать агрессивное поле народа, направленное против власти, как неиссякаемый источник энергии, с помощью которого можно быстро захватить всю Европу и Азию вплоть до «южных морей». Для этого следовало без передышки бить в барабан и иметь свирепую тайную полицию. Зачем все это надо – Петр сформулировать не мог или не захотел.

Не мог же он признаться, что все это нужно только для того, чтобы усидеть на троне. Его преемники не могли или не умели воспользоваться петровскими методами, а потому череда государственных переворотов прошла в российской истории через весь XVIII век и плавно перетекла в бесконечные наполеоновские войны.

Ленин считал себя умнее Петра I. Придя к власти и рассматривая несчастную Россию как «Депо Мировой Революции», он немедленно объявил эту самую «революцию» своей главной целью, надеясь с ее помощью повернуть накопленный веками потенциал ненависти и агрессивности вовне.

«Пора прощупать Европу штыком! – радостно картавя, провозглашал вождь мирового пролетариата. – Да здравствует мировая революция!». *«Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови...»*

И немедленно была создана тайная полиция, по сравнению с которой даже Тайную канцелярию Петра I можно считать церковным приютом для сирот. Даже сам Петр ужаснулся бы от того террора, который был задействован в стране адептами «мировой революции». Речь уже шла о полном, поголовном истреблении общественных классов в широком диапазоне: от буржуев до кулаков. Юридическая некорректность терминологии позволяла убивать любого, ибо кого было нельзя назвать кулаком, можно было назвать подкулачником. И любого – пособником мировой буржуазии.

Но не тут-то было!

Ленин, считавший, что любая кухарка может управлять государством, сам управлять таким государством, как Россия, оказался совершенно не способен. Ему далеко было до Петра Великого. Первая же попытка создания «железных пролетарских батальонов», которые, по замыслу вождя, должны были поднять над планетой «Красное знамя труда», привела к жесточайшей гражданской войне, бунтам, мятежам и восстаниям, когда все с ожесточением ненавистью стали истреблять друг друга в лучших традициях Пятисотлетней войны. Ленин, как и всякий маньяк, видимо, мнил себя бессмертным, но на вершинах российской власти долго не живут, и в 52 года вождя мирового пролетариата хватил первый инсульт, от которого он уже не оправился, пожив в итоге всего на год больше, чем выпало пожить Петру Великому.

Умирая, вождь оставил своим последователям такое количество ложных истин, возведенных его учениками в ранг объективных законов, что не следует удивляться страшному семидесятилетнему маршу нашей страны от одной катастрофы к другой вплоть до самого развала.

Сталин прилагал поистине титанические усилия, пытаясь направить вовне энергию Пятисотлетней войны, но всякий раз, когда, казалось бы, ему это удалось, энергия страшного поля вырывалась у него из рук, обрушивая очередной сокрушительный удар по нему самому и всей стране.

Страну корежило от внутриполитических кризисов в багровом кошмаре самоистребления. Шестая часть суши напоминала огромный назревший нарыв, готовый лопнуть и затопить гноем все человечество на планете. Измены, заговоры, тотальное вредительство, массовое истребление народа, водовороты смертельных интриг, небывалая милитаризация общества и экономики; насаждаемая идеологами режима психология «защитников» осажденной и блокированной капиталистическим окружением крепости, – все это постоянно приводило в кровавые тупики, оставляя единственный выход – большую внешнюю войну.

О подобной войне мечтал Ленин, а Сталин сделал все, чтобы она стала реальностью, несмотря на то, что назревавший на теле страшный общественно-политический нарыв, лопнув, грозил, по канонам Пятисотлетней войны, утопить в гное и его самого, и созданный им режим.

К счастью для Вождя Всех Народов, гнойник оказался проткнутым немецким штыком, и хотя для страны это означало очередную национальную катастрофу, вектор агрессивной энергии народа второй раз с 1812 года повернулся вовне, дав возможность товарищу Сталину перевести дух и даже стать генералиссимусом, да и попутно уничтожить еще 27 миллионов сограждан.

Вряд ли Сталину удалось бы достигнуть больших результатов, если бы, подчиняясь инстинкту самосохранения, он осуществил разработанную под его руководством операцию «Гроза» – удар в тыл германским войскам после их высадки на Британские острова с последующим победным маршем по «освобождаемой Европе».

Да еще неизвестно, удалось бы справиться тогдашней Красной Армии, раздираемой Пятисотлетней войной, с поставленной задачей, несмотря на подавляющее преимущество в живой силе и технике над потенциальным противником.

Жизнь распорядилась в пользу Сталина и возглавляемого им режима. Накопленную за 500 лет агрессивную энергию народа удалось обратить против внешнего врага, а чудовищными цифрами понесенных потерь долгие годы удерживать вектор ненависти в нужном режиму направлении, в течение более полувека непрерывно гремя в военные барабаны, чтобы постоянно напоминать об откровенно спровоцированной и с преступной бездарностью проведенной войне (которую Сталин приказал именовать Великой Отечественной), в надежде, что океанами пролитой крови она погасит пожар Пятисотлетней. Но этого сделать не удалось, и Пятисотлетняя война Сокрушила Советский Союз с еще большей легкостью, чем до этого она уничтожила Московскую Русь и Российскую Империю, и не исключено, что следующим ударом она сокрушит и Российскую Федерацию. Обе мировых войны для Пятисотлетней были всего лишь – пусть значительными – но эпизодами.

Вступление

Идея мирового господства стара как мир. Желание добиться военной, политической и экономической гегемонии над миром возникало не в одной буйной голове в течение не столь уж долгой истории нашей цивилизации. Александр и Цезарь, калифы и Наполеон – вот далеко не полный перечень тех, кто пытался теоретически обосновать и практически осуществить манящую идею мирового господства.

Переберемся сразу в XX век, когда мощные империи, которым, казалось бы, до достижения полной мировой гегемонии оставалось предпринять лишь крохотное усилие, лопнули и развалились от избытка имперских амбиций.

Первой развалилась Россия. Обидно развалилась – накануне тщательно спланированной, прекрасно подготовленной, скоординированной с союзниками военной кампании, которая по всем признакам должна была привести войну к победному завершению. Но не выдержала тысячелетняя империя военного напряжения и рухнула именно в тот момент, когда считала себя сильной как никогда.

Второй рухнула Германия. Немецкие войска стояли на Западе в ста милях от Парижа, а на Востоке – в ста милях от Петербурга, оккупируя огромные пространства Европейской России и добрую половину Франции. Но жесткая удавка английской блокады перехватила горло.

Затем с треском и грохотом распалась древняя империя Габсбургов. За ней рухнула величественная Оттоманская империя – Блистательная Порта – с трудом удержав в слабеющих руках драгоценные проливы. Веками Габсбурги и султаны разбирались друг с другом в бесчисленных войнах, а рухнули вместе, в кои веки оказавшись в военном союзе.

Зато уцелела Английская империя, и не только уцелела, но, на первый взгляд, стала еще более мощной, присовокупив к себе отобранные у немцев и турок обширные колониальные владения. Дикая зависть, быстро переросшая в страшную ненависть, подавила все прочие чувства к Англии со стороны пострадавших держав.

Оплеванная и униженная, лежала поверженная Германия, потерявшая не только Эльзас и Лотарингию, но и Рурскую область. У нее отобрали все колонии, и более того – чтобы совсем унизить поверженного противника – англичане в качестве одного из условий капитуляции требуют и добиваются сдачи им в полном составе гордости Германии – ее флота открытого моря – флота, который если и не выиграл Ютландского боя с чудовищным Гранд-Флитом англичан, то, во всяком случае, дал британцам повод поразмыслить о своей непобедимости на море.

Истерика унижения прокатывается по раздавленной Германии. В баварском госпитале в рыданиях бьется о железные прутья солдатской койки отравленный газами ефрейтор первой роты 16-го баварского пехотного полка, Адольф Гитлер, – дважды раненный в боях с англичанами на Ипре и Сомме, награжденный за мужество двумя Железными крестами.

Хотя окончательно до сих пор так и не установлено, за что Гитлер получил свои награды, сам по себе случай награждения рядового кайзеровской армии за одну войну двумя Железными крестами II и I класса является уникальным и предполагает весьма значительный подвиг.

Война отбросила Германию на помойку истории. Некогда блестящая немецкая марка превратилась в пыль. Остановились заводы, миллионы безработных и нищих, страшная социальная напряженность, выплата военных репараций, голод, беспорядки, поляризация общества вокруг крайне радикальных партий, пустые прилавки магазинов – можно ли все это сравнить с процветающей всего четыре года назад страной? Работы нет, да и работать нет никакого стимула, поэтому люди проводят все время на митингах, где новоявленные «народные вожди» предлагают свои рецепты по выводу Германии из глубочайшего политического и экономического кризиса.

Но что за вести приходят с востока – из России? Какая-то международная банда авантюристов захватила там власть и открыто провозглашает идею мирового господства, подаваемую под соусом «мировой пролетарской революции». Их агентура уже будоражит Германию. Но... Как великолепна пришедшая из России идея создания партийного государства на базе идейной партии. Партии, скованной железной дисциплиной, конспиративной, как орден иезуитов, возглавляемой железным вождем, опирающимся на подчиненный ему беспощадный карательный аппарат. Как прекрасна идея объявления вне закона отдельных групп населения во имя консолидации вокруг партии и трепета остальных!

Россия... Она распадалась на глазах. Многомиллионная армия разбежалась по домам. В хаосе стремительного водоворота всесокрушающей анархии исчез царский трон – как не было. Объявили о своей независимости Польша, Украина, Прибалтика, Финляндия, республики Закавказья, ханства и эмираты Средней Азии. Отвадилась от империи половина Сибири. О своем нежелании иметь дело с Москвой объявили все казачьи территории от Дона до Уссури.

Однако группа фанатиков и авантюристов не растерялась при виде страшного развала. Более того, с невероятной смелостью, граничащей, как казалось многим, с самоубийственным безрассудством, большевики объявили своей целью «мировую революцию», «создание мирового пролетарского правительства» с поголовным физическим уничтожением всех, «кто не с нами».

Россия была объявлена «депо мировой революции». Весь мир вздрогнул от лозунга уничтожения буржуазии как класса без каких-либо четких формулировок, кого считать буржуем. Да кого угодно! В стране была задействована система военного коммунизма, по сравнению с которой даже чистый социализм Платона мог показаться библейским Эдемом.

Горят дворцы, взлетают на воздух древние храмы, разворовываются национальные ценности, втаптываются в грязь и кровь национальные святыни и традиции, бежит из обезумевшей страны цвет нации, оставшиеся превращаются в заложников, каждую минуту ожидая пули палача.

В заложников превращается все население страны. В. секретных директивах и инструкциях чуть ли не штампом становятся слова: «Полное, поголовное истребление...» Еще бушует пожар гражданской войны, а красные конники уже рвутся «прощупать» соседнюю Польшу.

Сокрушительный разгром под Варшавой, почти совпавший по времени с громом двенадцатидюймовок Кронштадта, заставляет наконец большевистских фанатиков очнуться от боевого угара. Кандидат в вожди мирового пролетариата впервые после 1917 года испуганно оглядывается по сторонам.

Цветущая всего семь лет назад Российская империя лежит в дымящихся кровавых руинах. Уничтожена не только молодая русская промышленность, но и древний русский хлеб. Армия «воинов-интернационалистов», составленная из бывших немецких и австрийских военнопленных, латышей, китайцев и евреев паровым катком катится по стране, уничтожая «мелкобуржуазную стихию» – то бишь крестьян, не желающих снова превращаться в крепостных. Крестьяне отвечают массовыми восстаниями. Их глушат артиллерией, обливают ипритом, душат боевыми газами. Несколько лет уже никто не сеет и не пашет. Невиданный со времен Смутного времени голод поражает умирающую страну.

Разрушены железные дороги, практически полностью уничтожен военный и торговый флот. Внешняя торговля, как и внутренняя, сведены к нулю. Твердый русский рубль – гордость русских экономистов – просто испарился. Товарно-денежные отношения прекращены. Некогда величественная Православная Церковь, молчит и даже не молится. Разбитая и распятая страна лежит в крови. Она воскреснет, но это уже будет не Россия, а нечто страшное.

Возможно, так оно и было задумано, однако великий вождь мирового пролетариата, несколько растерявшийся и разочарованный, поскольку ни одно из его пророчеств так и не сбылось, выбывает из игры, пораженный инсультом. А вскоре и умирает, диктуя перед смертью стенографисткам свои знаменитые последние письма, из коих вытекает, что единственным путем из смертельного тупика, в который он завел страну, является возвращение назад к капитализму европейского типа.

Тогда для чего же все делалось?.. А как же мировое господство, идея которого уже захватила его учеников? Что делать с Коминтерном?

Маленький рябой человечек с черными усами в полувоенном кителе и заправленных в высокие сапоги бриджах, стоя над гробом Ленина, произносит клятву продолжать дело великого вождя. «Мы клянемся тебе, товарищ Ленин...»

Его внешний вид контрастирует с обликом других соратников покойного лидера, одетых в костюмы-«тройки» и галстуки. Ведь так постоянно одевался сам Ленин, а стиль жизни вождя – это стиль жизни эпохи! Поблескивая стеклами пенсне, с трудом скрывая усмешки, они слушают, как с сильным кавказским акцентом рябой усач читает свою клятву. «Мы клянемся тебе, товарищ Ленин...»

Ленин не любил его за грубость и необразованность, а они – его соратники и ученики – просто презирали этого «недоучку-семинариста», – с уголовными манерами, сочетавшимися с капризностью кинозвезды и злопамятностью дикого горца. Они временно вытолкнули его вперед у смертного одра Ленина, чтобы за его бутафорской спиной продолжать грызню за ленинское идеологическое наследство... Но их время уже ушло. Они еще немного покричат о «всемирном пролетариате» и о «неминуемом крахе капитализма», и потом каждый получит свою пулю в затылок.

Иосиф Сталин – сын сапожника из грузинского городка Гори – всю свою предреволюционную деятельность свел к так называемому «практическому марксизму», организовывая бандитские нападения на банки, инкассаторов, почтовые поезда и даже пароходы, чтобы обеспечить деньгами прозябающих в эмиграции и не умеющих заработать копейку своим трудом вождей «пролетарской» революции.

В перерывах между «эксами», как назвал его деятельность Владимир Ильич, Иосиф Джугашвили сидел по тюрьмам или находился в ссылке, общаясь с профессиональными уголовниками, полицейскими провокаторами и люмпенами всевозможных сортов. Он не оттачивал свои ораторские способности и интеллект в швейцарско-датско-шведских кафетериях в диспутах с деградирующей европейской социал-демократией.

Сталин видел страшную растерянность Ленина после подавления революции в Венгрии и после Кронштадтского мятежа. Он видел, с какой трусливой поспешностью вождь дал сигнал ко всеобщему отступлению, именуемому НЭПом, лицемерно отказываясь от всего того, о чем страстно вещал несколько дней назад, в частности, от основы осцов своего учения – достижения мирового господства путем мировой пролетарской революции.

Несколько раз Ленин успокаивал товарищей, что уже со следующей недели начнет приканчивать НЭП, и они точили ножи, но на следующей партконференции услышали от вождя, что «НЭП – это всерьез и надолго!».

Столь беспринципное лавирование, эти шараханья – то вправо, то влево, раздражали и показывали, что, похоже, вождь более не соответствует своей высокой миссии. Тогда и случился у Ильича первый инсульт, очень быстро приведший к обыску в его личном кремлевском кабинете, а потом и к смерти...

Социализм невозможно построить, неоднократно подчеркивал Ленин, не покончив с «мелкобуржуазной стихией», т.е., говоря человеческим языком, – с независимостью крестьян.

Сталин выдвигает лозунг о «построении социализма в одной отдельно взятой стране», ссылаясь при этом опять же на Ленина, который как раз всегда утверждал обратное.

От столь еретической трактовки великого учения, от невероятной наглости, с которой был преподнесен новый лозунг, определявший генеральную линию партии, перехватило дыхание у всей «старой большевистской гвардии». Но Сталин знал, что делал.

Измученный народ был глух к лозунгам мирового господства. Десять лет небывалых по своей ожесточенности войн не только изменили душу народа – изменился и его антропологический тип. Народ мутировал в нечто совершенно непохожее ни на что. Практически полностью исчезла старая, гуманная русская интеллигенция. Был полностью

истреблен и исчез с лица земли знаменитый русский промышленный пролетариат, а ударившая по деревне коллективизация вынудила пойти на заводы и стройки первой пятилетки согнанных с земли крестьян, давая властям человеческий материал для любого вида обработки. Кампания против кулаков, уничтожившая 15 миллионов человек, как и предвидел Сталин, консолидировала общество, если то, что существовало в стране, можно назвать обществом. Все это общеизвестно, но как-то отошло на задний план, что в залпах и крови «второй гражданской войны», – как сам Сталин назвал коллективизацию, – проходили процессы, ускользнувшие от внимания тогдашнего мира и нынешних историков. А происходило следующее: создавалась и развертывалась невиданная по масштабам и технической оснащенности армия. Работа по милитаризации страны, проведенная Сталиным с того момента, как он сосредоточил в своих руках всю полноту государственной и партийной власти в 1934 году, потрясает воображение как одно из чудес света.

В самом деле, вспомним, что основу населения СССР в начале и середине 30-х годов составляла многомиллионная масса крестьянства, видевшая в своей жизни только два механизма – топор и соху. Эту массу легко можно было, конечно, мобилизовать, посадить на коня, научить стрелять из винтовки или крутить штурвал боевого корабля. Но нужно было другое. Необходимо было, во-первых, создавать кадры военно-воздушных сил. Не элитарные кадры пилотов первой мировой из гусарских, кавалергардских и морских офицеров, а сотни тысяч летчиков, штурманов, радистов, авиаинженеров, техников, ремонтников, оружейников. Нужно было создать высококвалифицированные кадры авиационной промышленности. И создать все это из дикой и первобытной крестьянской массы.

И не это даже главное – а то, что все это было создано менее чем за пять лет!

Но это только авиация. А танки? Десятки тысяч танков требовали не одну сотню тысяч специалистов в самых разнообразных областях. И все они появились за пять лет! А ведь их всех еще нужно было до этого учить читать и писать!

Далее – флот! Самый сложный вид вооруженных сил, требующий от личного состава мощного багажа технических знаний. Более двухсот подводных лодок – больше чем у всех морских держав вместе взятых – было построено с 1933 по 1940 год, и каждая лодка имела два подготовленных экипажа.

Какая же немыслимая гигантская работа была проделана! Вспомним, что если наверху каким-то чудом уцелели несколько царских генералов и полковников, то на среднем и низшем уровне военного управления не осталось никого – все поручики, ротмистры, капитаны были перебиты до единого человека или бежали за границу. Из старого наследства не осталось ничего – все было создано заново.

Для современной армии не годились и кадры гражданской войны. Во-первых, потому, что они были совершенно неграмотными, а во-вторых, что самое главное, они были созданы Троцким и не без основания считались троцкистскими. А посему с ними обшлись не менее круто, чем с бывшими царскими офицерами: все были безжалостно ликвидированы.

Для чего с такой поспешностью создавалась немыслимо огромная армия, в сотни раз превосходящая все пределы необходимой государственной обороны, если даже сам Сталин в своих многочисленных речах отмечал растущий пацифизм в Европе, раздираемой противоречиями, потрясаемой кризисами и практически невооруженной? Вспомним цифры: армия Франции – 300 тысяч, включая колониальные формирования; рейхсвер – 150 тысяч и ни одного не то что танка, но даже броневика; США – 140 тысяч и рота (экспериментальная) бронеавтомобилей; Англия – 90 тысяч, разбросанные по всей империи; СССР – 2,5 миллиона и уже четыре полностью укомплектованных танковых корпуса.

На танкодромах под Казанью вкупе с секретно прибывшими офицерами рейхсвера отрабатывается тактика танковых клиньев. Жаждущие реванша немцы – естественный союзник в будущем походе.

Огромная многомиллионная армия, готовится к «яростному походу». Из миллионов глоток раздается громоподобный рев: «Да здравствует великий Сталин!».

Пока Сталина раздирали внутренние противоречия и комплексы неполноценности, постоянно заставляя «сверять жизнь по Ленину», бывший ефрейтор первой роты 16-го баварского пехотного полка стал канцлером Германии как фюрер (вождь) партии, победившей на выборах в Рейхстаг.

Организованная им Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), обогащенная опытом шестнадцатилетнего существования партийного государства на Востоке, пришла к власти гораздо более организованно, чем в России, явно не желая ввергать свою страну в российский хаос. Партийный карательный аппарат был уже готов, но и старый не уничтожили, а мирно соединили с новым.

Придя к власти под лозунгом возрождения Германии и полного отказа от статей Версальского договора, которые сам Черчилль как-то назвал «идиотскими», Адольф Гитлер для консолидации вокруг себя всего немецкого народа также выбрал жертву, но не буржуазию или крестьян, как его учителя на Востоке (Гитлер считал эти мероприятия в корне ошибочными), а евреев Германии, которых он для начала специальным актом объявил вне закона. Нацистская антиеврейская кампания была просто скопирована с антикулацкой кампании в СССР, с той лишь разницей, что кулаком или подкулачником в СССР могли объявить кого угодно, а в Германии все было сразу поставлено в рамки порядка, чтобы не давать волю низменным инстинктам населения – тут уж или ты еврей, или не еврей, – как повезло родиться.

Надо заметить, что Сталин, мягко говоря, евреев терпеть не мог, но побаивался, отлично понимая нутром старого уголовника, столько лет варившегося в российском революционном подполье, что связываться со столь грозным противником небезопасно.

Гитлер, будучи столь же малообразованным, как и Сталин, не имел, однако, богатого жизненного опыта и восточной хитрости Иосифа Виссарионовича. Никто не предостерег его от столь опрометчивого, во многом спровоцированного шага.

В отличие от Станина Гитлер не мучился комплексами и нерешительностью. Он любил рисковать и не тратил много времени на обдумывание своих внешнеполитических шагов. Не успев занять кресло канцлера, он тут же в одностороннем порядке денонсировал Версальский договор и приказал своим войскам оккупировать Рурскую область. В Кремле насторожились. Вот оно начинается. Но дремлющая на лаврах победителя прошлой войны, разложенная социалистами Франция ограничилась вялым протестом, а в Англии «правительство Его Величества» выразило по этому поводу «озабоченность и сожаление».

Вновь задымили трубы Рура, забилось «в радостном ритме» остановленное сердце Германии, рассасывая безработицу и прочие неразрешимые проблемы Веймарской республики. Гитлер официально объявил о программе перевооружения Германии без каких-либо ограничений.

Набирающий силы вермахт марширует по стране. Прошедшие богатую практику в Липецке и Казани летчики и танкисты быстро ставят программы перевооружения на широкую ногу. Из миллионов глоток раздается громоподобный ликующий вопль: «Хайль, Гитлер!». Веди нас, вождь! Аншлюс Австрии. Встревоженные страны Антанты пытаются договориться о новом союзе.

Итак, в двух крупнейших странах Европы на волне унижений и крушения имперских амбиций времен первой мировой войны возникли два чудовищных режима, которые, как бы они ни маскировали свои цели, а к чести их надо сказать, что они свои цели и не особенно скрывали, начали добиваться того, чего не удалось их незадачливым предшественникам — императору Николаю и кайзеру Вильгельму.

В одной из этих стран – Советском Союзе – возрождение старого имперского духа происходило на основе интернационал-социализма с откровенным замахом на мировое господство, пусть пока не фактическое, но по крайней мере духовное. «Если не получился Третий Рим, то пусть хоть получится Третий Интернационал», – острили циники из ленинского окружения. В византийских играх борьбы за личную власть Сталин, выдвинув лозунг «построения социализма в одной стране», откровенно перевел идеологию большевизма в русло национал-социализма, хотя многонациональная специфика СССР не позволила ему воплотить упрощенную гитлеровскую формулу: «Одна страна, один народ, один вождь!». Временно задвинув на второй план полученную в наследство от Ленина идею мировой революции, но искренне веря в глобальные пророчества Ильича, Сталин терпеливо ждал признаков исполнения этих пророчеств, дабы захватить весь мир под предлогом интернациональной помощи братьям по классу и сокрушению «мирового капитализма».

Гитлеровский режим возник на фундаменте национал-социализма, однако программа национал-социалистической партии быстро рассеяла все сомнения в том, что Гитлер будет воплощать ее в границах Германии 1914 года.

Обе партии – ив Москве, и в Берлине – считали себя «рабочими», провозглашали свои решения от имени трудящихся, виртуозно жонглируя понятием «народ».

Возникновение в таком маленьком «ареале», как Европа, двух огромных хищников фактически одного семейства и лишь чуть-чуть отличавшихся видом, без труда давало понять каждому, кто внимательно следил за развитием событий, что вдвоем им здесь не прокормиться. И прежде чем каждый начнет выполнять свои глобальные планы, им придется разобраться друг с другом.

Наглый плагиатор из Берлина вызывал законное раздражение в Москве. Украв и слегка перелицевав рожденную восточным соседом идеологию, он нахально пытался выдать ее за собственное изобретение, мешая работать и срывая московские планы. Естественно, он должен быть уничтожен. Но с максимальной пользой для социализма. Сталин не любит рисковать. Все, что он делает – он делает основательно. У него еще есть время – по крайней мере он так считал.

В отличие от восточного соседа Гитлер считает, что у него времени нет.

Оба отлично понимают, что схватка неизбежна. Один из них должен быть уничтожен. Оба понимают также, что задача это – тактическая, поскольку истинные задачи гораздо шире. Мешая и путаясь друг у друга под ногами, проверяя друг друга при каждом удобном случае, скажем, в Испании, в Югославии, на Халкхин-Голе – они не забывают, что главным их врагом, главной помехой на пути к «мировой революции» является Англия.

Сталин с видимым удовольствием играет на чувствительных струнах европейской политики. Его идея коллективной безопасности будоражит общественное мнение Англии и Франции, но Сталин, отлично понимая, что его боятся ничуть не меньше, чем Гитлера, мастерски блефует, обставляя свои предложения заранее невыполнимыми условиями пропуска Красной Армии в случае германской агрессии через территории то Польши, то Чехословакии, то Румынии.

Да и Англия с Францией со страхом взирают на происходящее в сталинской империи. Постоянно «сверяя жизнь по Ленину», Сталин ни на минуту не прекращает террора. Ленин постоянно призывал «обосновать и узаконить его (террор) принципиально, ясно, без фальши и без прикрас». Следуя завету великого учителя, Сталин превратил террор в норму государственной жизни СССР.

Глава 1. Сговор

Внутренние дела не дают возможности Сталину сосредоточиться на главной проблеме – подготовке марша в Европу. Но этот марш невозможен, пока в стране не будет наведен порядок. Тот порядок, который, по мнению вождя, является идеальным для выполнения его

плана – оставить как можно меньше населения, не включенного ни в какие армии. Таких просто не должно быть. Но это легче сказать, чем сделать! Правильно расставить «кадры», когда речь идет о почти двухстах миллионах, задача космическая, но Сталин считает ее вполне разрешимой, если будет выполнен весь комплекс намеченных им «политических и организационных мероприятии».

Он сам определяет ежегодные цифры для ГУЛАГа, которые, постоянно возрастая, достигают своего пика не в 1936 г., как многие считают, а в 1940 и 1941 гг.

Самому Гитлеру удалось навести в собственной стране нужный ему порядок гораздо быстрее. Это и понятно, учитывая организованность населения и размеры территории Германии. Бурная динамика старта влечет Гитлера дальше – к Судетскому кризису. Целостность молодой Чехословацкой республики гарантирована странами-победителями первой мировой. Начинается европейский кризис.

Общественное мнение давит на правительства Англии и Франции не связываться с Гитлером – пусть забирает свои Судеты. Продолжая нервировать Гитлера, Сталин, которого ловко оттеснили от участия в европейских делах, снова предлагает меры «по коллективной безопасности». Но Англия и Франция не хотят связываться с одним бандитом, чтобы остановить другого. Сталин обращается к Чехословакии с предложением ввести на ее территорию Красную Армию. Бенеш и Гаха в ужасе шарахаются от протянутой руки московского диктатора. В итоге после Мюнхена Судеты достаются Гитлеру без единого выстрела. Струсившая Чехословацкая армия, значительно превосходящая вермахт по технической оснащенности и боевой подготовке, подтверждает немецкое мнение о чехах как «о сплошной банде симулянтов».

Гитлер, подобно удачно блефующему игроку, сорвавшему банк без единого козыря на руках, азартно продолжает игру. Видя, как не хотят идти на соглашение страны бывшей Антанты; особенно радуясь, что удалось так ехидно унизить чванливую Англию, навязав ей Мюнхенское соглашение, Гитлер в пылу азарта быстро намечает следующую жертву – Польшу, считая свои руки полностью развязанными. Он ошибается, но ошибается искренне. Англия не собирается прощать ему Мюнхена и совместно с Францией объявляет о гарантиях Польше. Гитлер публично называет гарантии «куском бумаги, который можно использовать разве только в клозете». Англия чувствует на себе иронические взгляды всего мира – Чехословакии тоже были даны гарантии!

В это же время Сталин предлагает свою «помощь» Польше с условием ввода на ее территорию ограниченного контингента частей Красной Армии. «Неблагодарная» Польша отвечает на предложение «искренней помощи» призывом резервистов. Сталин, посасывая трубку, исчезает в клубах табачного дыма.

Между тем Гитлер намечает дату вторжения в Польшу – ориентировочно на 26 августа 1939 года, объявив своим несколько перетрусившим генералам, что возможен только некоторый перенос даты, но не позднее 1 сентября.

12 февраля 1939 года английский Кабинет проводит секретное совещание. На совещании присутствуют представители английского и французского генеральных штабов. Изучается подробная картина возможностей Германии:

«...Экономика Рейха перенапряжена. Стратегического сырья хватит лишь на несколько месяцев ведения войны. Гитлеровский флот можно пока вообще не принимать во внимание. Позиционная война на континенте за французскими укреплениями линии Мажино и тесная блокада с моря удушат Рейх к январю 1940 года, если Гитлер развяжет войну с Польшей в августе 1939-го».

Кабинет принимает резолюцию: если Гитлер нападает на Польшу, Англия и Франция без колебания объявляют ему войну. Французская армия и экспедиционные силы англичан сдерживают вермахт на суше, не предпринимая—для минимизации жертв – каких-либо активный действий, в то время как английский флот при посильной поддержке французского накидывает на Германию старую добрую удавку морской блокады, из которой нет даже теоретического выхода, кроме капитуляции. Что касается СССР, то Сталин, стоя по колено в крови собственного народа, вряд ли способен при таких обстоятельствах активно вмешаться в европейские дела.

Союзники ошибаются, но как и Гитлер, ошибаются искренне. Они еще плохо знают Сталина. Весь террор затеян им именно для того, чтобы активно вмешаться в европейские дела, чтобы превратить СССР в единый военно-трудовой лагерь, скованный самым надежным, по мнению Сталина цементом – страхом. Мюнхенское соглашение, оттянувше начало давно ожидаемой Сталиным Европейской войны, вызвало у него прилив бешенства. Но, в отличие от Гитлера, он умеет держать себя в руках.

10 марта 1939 года вождь выступает с отчетным докладом на XVIII съезде партии. Как обычно, он говорит на придуманной еще Лениным «новоречи», где мир – это война, правда – ложь, любовь – ненависть, агрессия – оборона. Как правило, в подобных речах сразу понять невозможно ничего. Но Сталин не может сдержать своего недовольства и разочарования по поводу того, что война в Европе, которую он ждег уже почти 19 лет, так и не началась. Он обрушивается на Англию и Францию, называя их за то, что они не дали вспыхнуть европейскому конфликту, «провокаторами войны». Но, видимо, забыв о ярлыке «провокаторы войны», который он озвучил всего минуту назад, вождь с неожиданной откровенностью начинает клеймить «политику невмешательства» Англии и Франции, прямо заявляя, что такая политика представляет чуть ли не основную угрозу интересам Советского Союза.

Пока Сталин с удивительной для него страстностью произносил речи, выслушивая бурные овации сидящих в зале манекенов, в самый разгар съезда, 15 марта, Гитлер захватил всю Чехословакию, хотя по Мюнхенскому соглашению ему полагалась только Судетская область.

Стало ясно, что Гитлера на испуг не возьмешь. «Адольф закусил удила», – в свойственной для себя манере сообщала американская разведка из Берлина. Подобные сообщения, правда, в более обтекаемой форме, полетели почти во все крупные страны мира.

В европейских столицах, сопя, терлись боками разведки практически всех стран Ни одно решение, ни одно мероприятие сохранить в тайне не удавалось. Серые потоки донесений, украшенные яркими лентами дезинформации, кольцами гигантского змея обвивали взбудораженную Европу.

Английский кабинет продолжал на всякий случай зондировать почву о возможности англо-советского военного союза (с этой целью 16 марта советское посольство в Лондоне посетил сам премьер Чемберлен), но никто этого союза не хотел. Напротив, уже существовал весьма изящный план – стравить между собой СССР и Германию и решить тем самым как европейскую, так и мировые проблемы. Наиболее верным способом для этого, как указала в представленном правительству меморандуме английская разведка, являлось провоцирование сближения Германии и СССР.

«Если эти страны придут к какому-либо политическому, а еще лучше – к военному соглашению, то война между ними станет совершенно неизбежной и вспыхнет почти сразу после подписания подобного соглашения»

К такому же выводу на основании данных разведки пришел и президент США Рузвельт, получив первые сообщения о наметившемся советско-германском сближении.

«Если они
(Гитлер и Сталин) заключат союз, то с такой же неотвратимостью, с какой день меняет ночь, между ним начнется война».

21 марта, в день закрытия XVIII съезда, правительство Англии предложило Сталину принять декларацию СССР, Англии, Франции и Польши о совместном сопротивлении гитлеровской экспансии в Европе. Как и предполагалось, ответа не последовало.

31 марта Англия и Франции объявили о гарантиях Польше. Сталин усмехнулся, но промолчал. В ответ Гитлер объявил денонсированным англо-германское морское соглашение 1935 года. Воспользовавшись моментом, Гитлер также объявил о расторжении германо-польского договора о ненападении, заключенного в 1934 году.

6 апреля подписывается англо-польское соглашение о взаимопомощи в случае германской агрессии.

13 апреля Англия и Франция предоставляют гарантии безопасности Греции и Румынии. Советская пресса ведет издевательскую кампанию над «английскими гарантиями», постоянно напоминая, во что они обошлись доверчивой Чехословакии.

16 апреля Англия и Франция направляют советскому руководству проекты соглашений о взаимопомощи и поддержке на случай, если в результате «осуществления гарантий Польше западные державы окажутся втянутыми в войну с Германией». Но никакого конкретного ответа нет. Англичанам, если у них вообще существовали на этот счет какие-либо сомнения, становится ясно все. Сталину не нужны какие-либо меры, пакты и гарантии, способные обеспечить мир в Европе. Ему нужна война, и он сделает все от него зависящее, чтобы она вспыхнула как можно скорее.

Впрочем, к чести Сталина надо сказать, что он и не пытался особенно этого скрывать.

На том же XVIII съезде начальник Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, один из ближайших сотрудников вождя, Лев Мехлис под бурные аплодисменты воющего от восторга зала ясно расшифровал сталинскую мысль:

«Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик!»

3 мая 1939 года на последней странице газеты «Правда» в разделе «Краткие новости» появилось маленькое сообщение о том, что нарком иностранных дел «М.Литвинов освобожден от должности НКИД по собственной просьбе в связи с состоянием здоровья». На должность наркома, говорилось в том же сообщении, назначен т. Молотов В.М.

В мире это сообщение грохнуло набатом. Снят Литвинов – сторонник мер коллективной безопасности против наглеющей Германии, а ведь Сталин специально держал его на посту, демонстрируя Гитлеру абсолютную невозможность каких-либо официальных переговоров.

В Берлине же царило ликование. В Париже и Лондоне также все поняли правильно. Особенно в Лондоне. Сталин сделал первый намек на возможность сближения с Гитлером. Хорошо. Они сами не заметят, как в порыве дружеских об ьятий начнут душить друг друга. Серьезные попытки заключить какое-либо соглашение в СССР прекращаются. Еще будут, конечно, англо-франко-советские переговоры, несерьезность которых будет очевидна как

договаривающимся сторонам, так и практически всему миру – с главной целью раззадорить Гитлера.

А над Москвой продолжают греметь военные барабаны, литавры и трубы. Еще в своем «Новогоднем обращении к советскому народу» Сталин в газете «Правда» от 1 января 1939 года призвал Советский Союз быть готовым «разгромить любого врага на его территории», пустив в обращение новую военную доктрину – *«бить врага малой кровью на его территории».*Правда, при этом, по правилам «новоречи», необходимо было добавлять, как в заклинании, магические слова «если СССР подвергнется нападению».

Насколько эта преамбула ничего не значила, показали последующие события, полные грубых провокаций.

Сталин, безусловно, был удивительным человеком. Еще недавно он публично подверг резкой критике теорию так называемого «блицкрига» (молниеносной войны), назвав ее «продуктом буржуазного страха перед пролетарской революцией», и никто еще не успел охнуть, как Сталин, переведя всем понятное выражение «блицкриг» на «новоречь», сформулировал, как всем казалось, свою собственную военную доктрину – «малой кровью на чужой территории». Что это, как не тот же самый «блицкриг»?

«Сокрушительньш удар по территории противника» начал свое шествие по стране. Об этом говорили и 21 января на торжественном заседании по случаю годовщины смерти Ленина, на котором сидящие в зале последний раз имели удовольствие видеть на свободе железного наркома Ежова. Об ударе истерически кричали 23 февраля, в день, который Сталин повелел считать днем Красной Армии. Этот призыв постоянно звучал в речах делегатов XVIII партсъезда и даже... на траурном митинге по случаю гибели в авиакатастрофе известной советской летчицы Полины Осипенко.

Всего через четыре дня после снятия Литвинова – 7 мая 1939 года – на торжественной церемонии выпуска слушателей военных академий Сталин выступил с краткой, но выразительной речью, в частности, сказав: *«Рабоче-Крестьянская Армия должна стать самой агрессивной из всех когда-либо существовавших наступательных армий!».*Бурные аплодисменты, встретившие появление вождя на трибуне, заглушили невнятно произнесенную им магическую преамбулу: «Если враг навяжет нам войну».

Почти открыто разворачивается огромная армия вторжения в Европу. В обстановке небывалого военного психоза был вдвое увеличен военный бюджет, продолжала развиваться еще невиданная в мире военная промышленность.

Но кто же этот враг, которого надо громить на его собственной территории? Он никогда не называется прямо. Кругом враги. Кого укажут конкретно, того и будем громить на его собственной территории малой кровью...

Гром военных маршей, доносящийся из Москвы и Берлина, не очень пугает лондонских политиков. Осведомительные сводки о состоянии вермахта и Красной Армии исправно ложатся на письменные столы отделанных в викторианском стиле кабинетов Уайтхолла. Вермахт при вторжении в Чехословакию, не встретив никакого сопротивления, показал себя далеко не лучшим образом. Танки застревали даже на дорогах. Солдаты обучены плохо. Постоянные пробки на дорогах и общая неразбериха говорят о том, что и работа штабов всех уровней весьма далека от совершенства...

С другой стороны – РККА. Резня, устроенная Сталиным, практически свела самую большую армию в мире к огромному стаду баранов, трусливо ожидающих, на кого следующего обрушится топор мясника.

«Какая-либо инициатива отсутствует. В армии процветают пьянство и воровство, потоком сыпятся доносы, никто друг другу не доверяет».

Работа штабов почти полностью парализована. Выдвинутая Сталиным доктрина ведения наступательной войны «на чужой территории» еще не нашла никакого отражения в оперативных документах. Планов на оборону также не существует. Огромная армия развернута вдоль границы, как неуправляемое стадо у загородки загона.

Воинственные заявления двух лидеров мирового тоталитаризма в большой степени можно считать блефом, но их полная безответственность может привести к самому неожиданному развитию событий. В то же время намечаются и осторожно делаются первые шаги диктаторов навстречу друг другу, что можно только приветствовать, ибо когда это сближение произойдет – война между двумя континентальными суперхищниками станет неизбежной.

Пока вся инициатива сближения исходит от Москвы, что, учитывая неожиданную замену Литвинова Молотовым, не удивительно. Так, через два дня после смещения Литвинова в Министерство иностранных Дел в Берлине явился поверенный в делах СССР Георгий Астахов и в разговоре с советником Шнурре намекал на возможность возобновления торговых переговоров.

20 мая немецкий посол в Москве граф Шуленбург в течение двух часов беседовал с новым наркомом иностранных дел Молотовым, который дал понять немцу, что существуют предпосылки для радикального улучшения советско-германских экономических и политических отношений. На вопрос Шуленбурга, как это можно осуществить практически, Молотов, прощаясь, ответил: «Мы оба об этом должны подумать...»

21 мая английский и французский генеральные штабы проводят еще одно секретное совещание, на котором подтверждаются ранее принятые решения по тактике ведения войны с Германией и ее быстрого удушения в случае агрессии против Польши. Вопрос уже не стоит: воевать или нет в случае нападения на Польшу. Ответ однозначен – воевать. Заодно охлаждается воинственный раж Москвы. Несколько английских журналов сообщают о концентрации английской бомбардировочной авиации на ближневосточных аэродромах. В радиусе их действия находится единственный советский источник нефти – Баку. Второго Баку у Советского Союза нет, и можно легко представить, что будет с немодернизировавшимися с 1912 года приисками, если на них обрушатся английские бомбы.

22 мая в обстановке оперной помпезности Гитлер и Муссолини подписывают договор о военном союзе – «Стальной пакт». После подписания пакта Гитлер признается своему другу и союзнику, что намерен до наступления осени напасть на Польшу. У дуче, по его собственным словам, «похолодели руки». Но Гитлер и не строит никаких иллюзий о боеспособности своего союзника. Главное, чтобы хитрые англичане не переманили Италию на свою сторону, как произошло в первую мировую войну.

23 мая Гитлер собирает своих высших генералов на новое совещание. Он снова напоминает им, что война неизбежна, поскольку его решение напасть при первой же возможности на Польшу остается неизменным. На письменном столе фюрера лежит добытый разведкой протокол последнего секретного совещания английского и французского генеральных штабов. Гитлер настроен скептически. Он не верит, чтобы эти разжиревшие от роскоши англо-саксы могли решиться на войну. Свое истинное лицо они уже показали в Мюнхене. Но в любом случае это ничего не меняет, так как его главная цель – поставить на колени Англию. Если англичане хотят войны – они ее получат. Внезапной атакой нужно уничтожить их флот, и с ними покончено.

Генералы не разделяют оптимизма своего фюрера. Напротив, они считают, что Германия совершенно не готова к войне, особенно к войне с Англией, опирающейся на ресурсы своей необъятной империи. Генералы – все участники первой мировой – хорошо осознали английский план ведения будущей войны. При нынешнем состоянии Германии произойдет именно так, как планируют англичане.

24 мая начальник тыла вооруженных сил Рейха генерал Томас представляет фюреру секретный доклад. В своем докладе генерал обращает внимание фюрера на следующее: вооруженные силы Германии, включая вермахт, люфтваффе и кригсмарине, имеют общий запас топлива на полгода, всех видов резины, включая сырой каучук, – не более чем на два месяца; цветных металлов, никеля и хрома – на три месяца, алюминия – на полгода. Не менее кризисное состояние и с боезапасом. На складах ВВС авиабомб едва хватит на три месяца неинтенсивной войны. Артиллерия и танки имеют в запасе три боекомплекта снарядов – на три недели не очень интенсивной войны с заведомо слабым противником.

В это же время фюреру пришла грозная бумага от правления Имперского банка, где со свойственной банкирам прямотой говорилось, что финансовое положение Рейха близко к катастрофе. В случае войны, подчеркивали финансисты, при тотальной мобилизации всех средств и ресурсов, к 1943 году Германия исчерпает все до дна и прекратит свое существование как государство.

Копия совершенно секретного доклада генерала Томаса передается в Москву в тот же день, когда ее в ярости комкает Гитлер. Два часа на перевод – и она у Сталина.

Надо дать понять Гитлеру, что СССР готов ликвидировать его сырьевой дефицит, снабдить его всем необходимым, лишь бы он решился на европейскую войну, особенно на войну с Англией.

30 мая Георгий Астахов, заявившись в министерство иностранных дел Германии, куда его никто не звал, открытым текстом объявил заместителю рейхсминистра Вайцзеккеру, что двери для нового торгового соглашения между СССР и Германией «давно открыты») и он не понимает, что это немцы так нерешительно в этих дверях мнутся. Ошеломленный Вайцзеккер ответил Астахову, что недавно заключенный пакт «Берлин – Рим» не направлен против СССР, а направлен против поджигателей войны – Англии и Франции, о чем Астахов его и не спрашивал, но с удовольствием принял сказанное к сведению.

Обе стороны еще с подозрением посматривают друг на друга, робко делая навстречу первые шаги. Немцы боятся, что Москва и Лондон неожиданно договорятся между собой, Москва действует также сверхосторожно, чтобы, с одной стороны, не вспугнуть немцев, а с другой, не дать Лондону возможности разобраться в проводимой византийской игре. В Лондоне видят, как неумолимо сближаются две критические массы – СССР и Германия. Взрыв неизбежен. Однако столь медленное развитие событий начинает нервировать Сталина. Если Гитлер действительно решил напасть на Польшу не позднее 1 сентября, то почему он ведет себя столь нерешительно?!

Время идет, и до 1 сентября осталось уже совсем мало времени. Гитлер не может отменить им же установленную дату, но нельзя допустить, чтобы она – вместо даты его очередного триумфа стала датой еще одной катастрофы Германии. Он понимает, что поляки не сложат трусливо оружие, как чехи. Это будет война. Деваться некуда – союз со Сталиным нужен. Более того, он просто необходим!

Пока Гитлер не может прийти к решению, давая указания своему МИДу и тут же отменяя их, Сталин делает следующий осторожный шаг вперед. 18 июля советский торговый представитель в Берлине Евгений Бабарин явился в МИД Германии к экономическому советнику Шнурре и заявил, что СССР желает расширить и интенсифицировать советско-германские торговые отношения. Бабарин принес проект соглашения с перечнем всего, что СССР намерен и может поставлять в Рейх.

У Гитлера и его советников захватило дух. В проекте было перечислено все то, о чем бил в набат в своем докладе генерал Томас, причем в таком количестве, что можно было отвоевать не одну, а две мировых войны!

Риббентроп дает указание Шнурре пригласить Астахова и Бабарина в шикарный ресторан и прощупать их за бокалом вина в неофициальной интимной обстановке.

Встреча в ресторане 26 июля затянулась за полночь. Оба русских держались непринужденно и откровенно. Георгий Астахов под согласное кивание Бабарина пояснил, что политика восстановления дружеских отношений полностью соответствует жизненным интересам обеих стран. В Москве, пояснил советский поверенный в делах, совершенно не могут понять причин столь враждебного отношения нацистской Германии к Советскому Союзу. Советник Шнурре поспешил заверить русских, что восточная политика Рейха уже полностью изменилась. Германия ни в коей мере не угрожает России. Напротив, Германия смотрит в совершенно противоположном направлении. Целью ее враждебной политики является Англия. Ведь, по большому счету, *Германию, Россию и Италию связывает общая идеология социализма,* направленная против разлагающихся капиталистических демократий. Не так ли?

Немецкий посол Шуленбург, бомбардируемый отчаянными телеграммами из Берлина, пытается добиться приема у Молотова, но не видит в Москве тех лучезарных улыбок, которые расточали Астахов с Бабариным в берлинском ресторане. Инструкции Риббентропа и Вайцзеккера требуют от посла перевести переговоры с русскими в область «конкретных» договоренностей и попытаться добиться согласия Сталина на государственный визит в Москву рейхсминистра Риббентропа.

3 августа Молотов принимает Шуленбурга более чем холодно. Да, СССР заинтересован в улучшении советско-германских отношений, но пока со стороны Германии он видит одни «благие намерения». Нарком напоминает послу об Антикоминтерновском пакте, о поддержке Германией Японии во время советско-японского конфликта у озера Хасан, об исключении Советского Союза из Мюнхенского соглашения. У Шуленбурга возникает впечатление, что русские вовсе не хотят никакого соглашения с Германией, а все еще надеются договориться за немецкой спиной с западными союзниками.

14 августа Риббентроп инструктирует Шуленбурга, чтобы тот срочно встретился с Молотовым. Министр напоминает послу о былой дружбе между двумя странами и подчеркивает, что говорит «от имени фюрера». Риббентроп просит добиться у русских разрешения на его визит в Москву, чтобы он мог «от имени фюрера изложить свои взгляды лично господину Сталину». Он требует, чтобы Шуленбург все это представил Молотову в письменном виде. Тогда и Сталин будет точно информирован о немецких намерениях. *Гитлер готов разделить между Германией и СССР не только Польшу, но всю Восточную Европу, включая Прибалтику, которую она заранее уступает Советскому Союзу. Пусть об этом узнает Сталин!*

15 августа Шуленбург снова пробивается на прием к Молотову и, нервничая, зачитывает ему послание Риббентропа. Молотов приветствует желание Германии улучшить отношения с СССР. Что касается визита Риббентропа, то он требует «достаточной подготовки, чтобы обмен мнениями привел к конкретным результатам.» К каким результатам? Ну, скажем, как немецкое правительство отнесется к заключению договора о ненападении с Советским Союзом? Может ли оно влиять на Японию, чтобы та прекратила конфликты на монгольской границе? Как *отнесется Германия к присоединению Прибалтики к СССР? Пусть все это в Берлине продумают, а потом мы примем Риббентропа.*

Шуленбург – старый дипломат кайзеровской школы – ошеломлен. Советский Союз предлагает пакт о ненападении в то время, как в Москве начальники штабов СССР, Англии и Франции ведут переговоры о совместных военных действиях против Германии. Верх политического цинизма! Но негодование графа быстро охлаждается прибывшей 16 августа очередной директивной телеграммой из Берлина, где от него требуют снова увидеть Молотова и информировать его, что «Германия готова заключить с СССР договор о ненападении сроком, если Советский Союз желает, на 25 лет. Более того, Германия готова

гарантировать присоединение Прибалтийских государств к СССР. И, наконец, Германия готова оказать влияние на улучшение и консолидацию советско-японских отношений. Фюрер считает, что принимая во внимание внешнюю обстановку, чреватую ежедневно возможностью серьезных событий, желательно быстрое и фундаментальное выяснение германо-русских отношений.

В Берлине с растущим нетерпением и нервозностью ждут ответа из Москвы, засыпая Шуленбурга дополнительными инструкциями и указаниями самого пустякового характера. Например, сообщить точно время предстоящего приема у Молотова.

Молотов встречает Шуленбурга очень холодно. Он снова напоминает о былой враждебности Германии по отношению к СССР. Ему нечего добавить к тому, что он сказал о визите Риббентропа в прошлый раз. Он вручает немецкому послу ноту, полную упреков, подозрении и недомолвок. Нота заканчивается словами: «Если, однако, Германское правительство ныне решило изменить свою прошлую политику в направлении серьезного улучшения политических отношений с Советским Союзом, Советское Правительство может только приветствовать подобное изменение и, со своей стороны, готово пересмотреть собственную политику в контексте серьезного улучшения отношении с Германией». Но для этого, подчеркивает советская нота, «нужны серьезные и практические шаги». Это не делается одним прыжком, как предлагает Риббентроп.

Сталин тянет. Пусть немцы созреют как следует и предложат Москве максимум того, что могут. Он отлично понимает, что в его руках ключ к запуску европейской войны, и продумывает возможные варианты, взвешивая собственные шансы.

Сталин колеблется. Огромная армия уж развернута вдоль западных границ. На войну работает практически вся экономика огромной страны. Секретные цифры сводок, лежащие на столе Сталина, обнадеживают и вдохновляют. Если еще два года назад военная промыпшенность выпускала ежегодно 1911 орудий, 860 самолетов и 740 танков, то уже к концу прошлого, 1938 года, почти полностью переведенная на военные рельсы экономика стала выдавать в год 12687 орудий, 5469 самолетов и 2270 танков. Готов уже новый закон о «Всеобщей воинской обязанности», который должен увеличить и так немыслимую для мирного времени армию чуть ли не в три раза.

Сталин доволен. Создано почти тройное военное превосходство над любой комбинацией возможных противников. Пожалуй, можно начинать.

А обстановка в Берлине уже напоминала паническую. Принимались все меры, чтобы скрыть нервозность руководства от армии.

В немецкое посольство в Москве летит очередная телеграмма с пометкой «Весьма срочно. Секретно», требующая от Шуленбурга немедленно добиться новой встречи с Молотовым.

Послу указывалось, что он должен напомнить Молотову об успешном прохождении «первой стадии» переговоров, т.е. о советско-германском торговом соглашении, которое было подписано «как раз в этот день» (18 августа), и о необходимости перехода ко «второй стадии» переговоров. Риббентроп снова напоминает, что готов срочно вылететь в Москву, имея полномочия вести переговоры с «учетом всех русских пожеланий». Каких пожеланий? Издерганный Риббентроп уже не скрывает и этого:

«Мне предоставлено право подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в тех или иных вопросах внешней политики. Например, в установлении сфер интересов в Балтийском регионе. *Однако это представляетсявозможным только в устной беседе»,* —подчеркивает Риббентроп.

Отступать уже некуда. Он инструктирует Шуленбурга, что на этот раз тот ни при каких обстоятельствах не должен принимать русского «нет».

Напряжение растет. В немецких портах в полной боевой готовности, дрожа и вибрируя от проворачиваемых двигателей, стоят «карманные» линкоры и дивизионы подводных лодок, ожидая приказа, чтобы выйти на коммуникации англичан. Но приказ невозможно отдать, пока не будут получены известия из Москвы, а каждый час промедления означает, что боевые корабли не успеют развернуться в заданных районах до 1 сентября. Две армейские группы, предназначенные для разгрома Польши, также необходимо еще придвинуть к границе. Но сигнала нет, поскольку Сталин еще не сказал «да».

Томительно текут часы, но из Москвы никаких известий. Нервное напряжение становится совершенно невыносимым. В приемной фюрера пронзительно звенит телефон. Адъютант подает трубку Риббентропу. Докладывает советник Шнурре. Вчера переговоры с русскими о торговом договоре закончились полным согласием, но русские уклонились от подписания договора, заявив, что сделают это сегодня в полдень. Только что последовал звонок из советского посольства о том, что подписание договора откладьтается по политическим соображениям в связи с новыми инструкциями из Москвы.

А в это время в Москве гордый граф фон Шуленбург добивается нового приема у Молотова. Он зачитывает очередное послание Риббентропа.

Молотов дослушивает Шуленбурга до конца. Нет, говорит он, наша позиция остается прежней. Сначала торговое соглашение. Потом мы его опубликуем и посмотрим, какой эффект он вызовет за рубежом. А только затем займемся актом о ненападении и протоколами. В настоящее время советское правительство даже приблизительно не может сказать о дате визита Риббентропа. Такой визит требует очень основательной подготовки.

Шуленбург, чувствуя, что «его сердце вот-вот разорвется», возвращается в посольство.

Неожиданно сообщают, что Молотов просит посла прибыть к нему сегодня еще раз в 16.30.

Приветливо улыбаясь, Молотов заявил ошеломленному Шуленбургу, что Советское правительство пересмотрело свои взгляды и теперь считает, что договор о ненападении необходимо заключить как можно быстрее. А потому Молотову поручено передать немецкой стороне для изучения проект этого договора, как его понимает советская сторона. В связи с этим советское правительство согласно принять рейхсминистра Риббентропа где-нибудь 26 или 27 августа.

Граф Шуленбург понимает, что подобное изменение взглядов Молотова произошло из-за прямого вмешательства Сталина, причем это вмешательство произошло где-то между половиной третьего и половиной четвертого 19 августа. Ликующий посол быстро составляет телеграмму в Берлин:

«Секретно. Чрезвычайной важности. Советское правительство согласно принять в Москве рейхсминистра иностранных дел через неделю после объявления о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что если о подписании экономического соглашения будет объявлено завтра, то рейхсминистр иностранных дел может прибыть в Москву 26 или 27 августа...»

26 или 27 августа! Забыв о гордости, Гитлер лично садится писать послание Сталину, прося советского диктатора принять как можно раньше Риббентропа. В предчувствии исполнения собственных планов Гитлер забывает, сколько грязи и ненависти они вылили со Сталиным на головы друг друга за последние пять лет.

«Москва. Господину Сталину.

Я искренне приветствую подписание нового германо-советскоготоргового соглашения как первого шага в изменении германо-советских отношений. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня долгосрочную основу германской политики. Таким образом, Германия возобновляет политический курс, который был выгоден обоим государствам в течение прошлых веков...

Я принял проект договора о ненападении, переданный Вашим министром иностранных дел господином Молотовым, но считаю крайне необходимым прояснить некоторые вопросы, связанные с этим договором, как можно скорее. Сущность дополнительного протокола, столь желаемого Советским Союзом, по моему убеждению, можно согласовать в кратчайшее время, если ответственный немецкий представитель сможет лично прибыть в Москву для переговоров. Правительство Рейха не видит, как можно иным путем согласовать и утвердить текст дополнительного протокола в кратчайшее время.

Напряжениемежду Германией и Польшей становится нетерпимым... В любой день может возникнуть кризис. Германия отныне полна решимости отстаивать интересы Рейха всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении. По моему мнению, желательно, чтобы наши две страны установили новые отношения, не теряя времени. Поэтому я снова предлагаю, чтобы Вы приняли моего министра иностранныхдел во вторник, 22 августа, в крайнем случае – в среду 23 августа. Рейхсминистр иностранных дел имеет полные полномочия составить и подписать пакт о ненападении, а также протокол к нему. Принимая во внимание международную обстановку, пребывание министра иностранных дел в Москве более двух дней представляется совершенно невозможным. Я буду рад как можно быстрее получить Ваш ответ.

Адольф Гитлер».

Потекли часы мучительного ожидания, прерываемые нервозными звонками к Шуленбургу. Какое решение примет всемогущий кремлевский диктатор?

Наконец, в 21.35 21 августа 1939 года в Берлин приходит ответ Сталина, составленный на изящной «новоречи»:

«Канцлеру Германского Рейха А.Гитлеру.

Благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении ознаменует решительный поворот в деле улучшения политических отношений между нашими странами.

Советское правительство поручило мне информировать Вас, что оно согласно с тем, чтобы господин фон Риббентроп прибыл в Москву 23 августа.

И. Сталин».

Германское радио, передававшее музыкальную программу, неожиданно прервало передачу, призвав слушателей к вниманию. Торжественный голос диктора объявил экстренное сообщение: «Правительство Рейха и Советское правительство пришли к соглашению заключить друг с другом Пакт о ненападении. Рейхсминистр иностранных дел прибудет в Москву в среду, 23 августа, для ведения переговоров».

На следующий день, 22 августа, Гитлер собрал на новую конференцию своих генералов, призвав их вести войну «жестоко и без всякой жалости», подчеркнув, что он, вероятно, даст приказ атаковать Польшу 26 августа – на шесть дней раньше, чем планировалось.

Отметив также величие и авторитет таких личностей, как Муссолини и Франко, Гитлер особо подчеркнул, что ни в Англии, ни во Франции «нет выдающихся личностей» подобного масштаба, как он, а потому эти страны не представляют какой-либо серьезной опасности.

23 августа, около полудня, два больших трехмоторных «Кондора» приземлились в Москве с Риббентропом и его многочисленной свитой. Рейхсминистра встречал Молотов и, как принято говорить, «другие официальные лица».

Обе стороны, быстро договорившись о разделе Польши и о предоставлении СССР свободы рук в Прибалтике и Финляндии, единодушно сошлись во мнении, что в нынешней кризисной международной обстановке виновата исключительно Англия.

Сталин доброжелательно выслушал жалобу Риббентропа и, пыхнув трубкой, глубокомысленно заметил: «Если Англия доминирует над миром, то это произошло благодаря глупости других стран, которые всегда позволяли себя обманывать». Очарованный Сталиным Риббентроп принялся было оправдываться за Антикоминтерновский пакт, уверяя советского властелина, чго тот был в первую очередь направлен против «западных демократий».

«Мы искренне хогим мира, – заверил Сталина Риббентроп. – Но Англия провоцирует войну и ставит нас в безвыходное положение».

Рука Сталина мягко легла на плечо рейхсминистра. «Я верю, что это действительно так – почти нежно произнес отец всех народов, – Германия желает мира».

Затем Сталин поднял фужер и, к великому удивлению всех присутствующих, произнес тост. «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера. Поэтому я хочу выпить за его здоровье!» Было провозглашено много тостов и много выпито. Последний тост – за *немецкий народ* —также произнес, высоко подняв кавказский рог, Сталин. Выпить за советский народ не предложил никто. О нем как-то забыли.

А что же думал Гитлер? Разве не сам он пророчески писал в «Майн кампф»:

«Сам факт заключения союза с Россией сделает следующую войну неизбежной. А в итоге с Германией будет покончено»

Действительно, деваться ему было некуда!

Глава 2. Польский трамплин

24 августа Риббентроп вернулся в Берлин. Туда же из своей резиденции в Берхтесгадене прибыл и Гитлер. Риббентроп восторженно доложил фюреру о своей поездке в Москву. Как только германские войска доходят до Варшавы, русские наносят по полякам удар с востока. Повод для удара они придумают сами. Войну на Западе они нам полностью обеспечат сырьем и моральной поддержкой. За это Сталин просит половину Польши, Прибалтику, Финляндию и Бессарабию. Много? В конце концов, это старые русские территории, утраченные во время национальной катастрофы 1917 года. Ну, хорошо. Пусть забирает, гнусный азиатский вымогатель! Но, мой фюрер, ведь все это было согласовано заранее. Да, да, пусть забирает! Благодарю вас, Риббентроп! Все отлично! На рассвете 26-го мы начинаем!

Выполняя приказ фюрера, немецкие войска стремительно выдвигаются к польской границе. На острие клина, на направлении главного удара, обеспечивающего «блицкриг», разворачивается танковый корпус генерала Гудериана.

Пятидесятилетний Гейнц Гудериан – основатель и душа бронетанковых сил Рейха. Фанатичный поклонник тактики танковых клиньев, теорию который он познал еще в середине 20-х годов в далекой Казани (!), нетерпеливо ждал рассвета, чтобы впервые на практике доказать сомневающимся, как ведется современная война. Его танки должны мощным ударом прорвать польский фронт, сбросив рассеянные польские войска в подготовленные «мешки», и стремительно, не ожидая пехоты, двигаться на Варшаву.

Накануне корпус был поднят по тревоге и после многочасового марша подошел к исходному рубежу. Стоя у своей штабной танкетки, генерал с радостью и волнением смотрел на проходящие мимо него колонны танков. Молодцы! Ни одной отставшей машины! Боевой дух его танкистов высок, как никогда. Командиры танков, высунувшись из башенных люков, улыбаясь, приветствовали своего любимого генерала.

И в этот момент неизвестно откуда взявшийся офицер связи вручил Гудериану пакет с пометкой срочно. Генерал вскрыл пакет и не поверил своим глазам: наступление отменялось. Приказ фюрера. Гудериан взглянул на часы. Времени для эмоции уже не было. Вскочив на подножку штабного бронетранспортера, генерал кинулся вдогонку за своими танками, чтобы успеть остановить их.

Огромная, готовая к вторжению армия Рейха замерла у самого порога войны. В штабах ломали голову, что могло произойти? А случилась самая малость. Выступая в парламенте, премьер-министр Англии Чемберлен, назвав советско-германский договор «неприятным сюрпризом», далее заявил следующее:

«В Берлине его обнародование приветствуют с чрезвычайным цинизмом, как огромную дипломатическую победу, которая ликвидирует любую военную опасность, так как предполагается, что мы и Франция теперь уже не будет выполнять наши обязательства в отношении Польши. Напрасные надежды!».

Еще накануне, 23 августа, посол Великобритании в Берлине Гендерсон вручил фюреру личное послание Чемберлена. Призывая Гитлера не тешить себя иллюзиями относительно того, что подписанный в Москве пакт изменит позицию Англии в отношении ее обязательств Польше, английский премьер открыто предупредил фюрера о неизбежности войны.

Считая, что он высказал свою позицию «абсолютно ясно», Чемберлен снова призвал Гитлера искать мирное решение своих разногласий с Польшей, предлагая для этого посредничество, сотрудничество и помощь Великобритании.

Это послание Гитлер со своей легкомысленной воинственностью во внимание не принял. Мало ли что можно написать в личном послании. Посмотрим, что запоют англичане, когда узнают о договоре со Сталиным! Но речь Чемберлена в парламенте отрезвила Гитлера, как удар по голове. Речь в парламенте – это не личное послание, это слова, сказанные на весь мир. Теперь ясно, что англичане не блефуют – они готовы начать войну и вести ее сколько придется.

Если говорить по правде, то воевать с ними совсем не хочется. А за что, собственно, с ними воевать? За их империю? Пока не дотянуться, пока еще руки коротки – флота нет.

Перед взором Гитлера снова встают картины боев на Ипре и Сомме. Отчаянные попытки кайзеровской армии прорваться к Ла-Маншу, чудовищные потери без всякого результата. Тусклые, как в аду, огни и чудовищные запахи эвакогоспиталя, где он, отравленный английскими газами, бился о железные прутья солдатской койки, узнав о капитуляции...

К нему на прием буквально продирается, разгоняя адъютантов, гросс-адмирал Редер. Обычно спокойный и сдержанный адмирал теперь не скрывает своего состояния, близкого к истерике. Почти половина торговых и грузопассажирских судов Германии находится в море или в иностранных портах. Война с Англией означает их неминуемую гибель. Если война начнется потерей половины торгового юннажа, то ее можно уже и не вести, а просто сдаваться!

Адмиралу, как и Гитлеру, есть что вспомнить. Он помнить, как они выходили в море в прошлую войну, вжав голову в плечи, с ужасом следя за горизонтом, стремясь всеми силами избежать какого-либо боевого соприкосновения с англичанами. Он помнит, как они трусливо, под прикрытием тумана обстреливали рыбачьи поселки на восточном побережье Англии, дрожа от возбуждения и страха, в надежде, что их не поймают. И когда их все-таки поймали у Ютланда и навязали бой, то уж Редеру было лучше других известно, что это была никакая не «великая победа», а скорее «чудесное спасение». А уж потом – до самого Скапа-Флоу – они боялись даже нос высунуть в море, читая по кают-компаниям патриотические брошюры о том, как победили англичан, в то время как Германия уже агонизировала от морской блокады. Нет! Одно дело ненавидеть Англию и открыто призывать Бога ее покарать, совсем

другое – снова чувствовать на себе беспощадный взгляд пятнадцатидюймовых английских орудий.

Нервничали и генералы, также хорошо помнившие прошлую войну. Они делились на две категории: те, что испытали триумф на восточном фронте, развалив своего противника и навязав ему Брестский мир, смотрели на будущий конфликт более оптимистично чем те, кто пережил позор капитуляции в Компьенском лесу, подписав ее под злорадной ухмылкой маршала Фоша. Но и те, и другие не хотят больше воевать на два фронта.

Гитлер задумывается. С трудом подавляя очередную истерическую вспышку, он отдает приказ остановить войска. Выгнав из кабинета военных, Гитлер позвонил Герингу и сообщил, что отменил приказ о вторжении в Польшу.

«Это временная мера или окончательное решение?» – спросил изумленный рейхсмаршал.

Гитлер редко скрывал правду от своих «партайгеноссе» и потому честно сказал уставшим голосом: «Я должен посмотреть, не можем ли мы устранить британское вмешательство...».

И вот Гитлер, который совсем недавно заявил, что больше всего боится, чтобы «какая-нибудь грязная свинья не влезла в последний момент в качестве посредника», сам начинает лихорадочно этого посредника искать. Им оказывается некто Далерус – шведский подданный, банкир и бизнесмен, международный авантюрист, работавший на пять разведок, включая советскую и, конечно, английскую.

Далерус находится в теплых дружеских отношениях с Герингом, с английским министром иностранных Галифаксом, с польским министром иностранных дел Веком и, разумеется, с мадам Коллонтай, покорившей Стокгольм своими элегантными туалетами и лекциями об истинной свободе духа и совести в Советском Союзе.

Далерус получает от немцев инструкции передать англичанам, что Гитлер готов договориться с поляками мирным путем. Ему нужен только Данцигский коридор, и даже не весь коридор, а только территория вдоль железнодорожного пути, с несколькими станциями...

В Москве Сталин с хрустом ломает папиросу, но вместо того, чтобы набить табаком трубку, раздраженно бросает ее в пепельницу. Глаза диктатора становятся совершенно желтыми. Именно в такие моменты холодеют пальцы у верного и много повидавшего Поскребышева. Случилось то, чего Сталин опасался больше всего: в последний момент ефрейтор струсил! Фашистская мразь! Подонок! Трусливая сволочь!

В роскошном особняке советского военно-морского атташе капитана 1-го ранга Воронцова, расположенном в берлинском районе Грюневальд, вечером 27 августа 1939 года сидело несколько человек. Один из них был фрегатен-капитан (капитан 2-го ранга) Норберт фон Баумбах – военно-морской атташе Германии в СССР, прибывший в Берлин по делам службы, дабы получить от своего командования разъяснения «в свете новых отношений с СССР». Во втором можно было узнать военно-морского адъютанта самого фюрера капитана-цур-зее (капитана 1-го ранга) Карла Путткамера.

Говорил Воронцов, немцы слушали. Изящным костяным ножом Воронцов водил по карте Северной Атлантики. Торговым судам Германии, находящимся в иностранных портах, и в океане, нечего бояться предстоящего конфликта с Англией. Им следует резко изменить курс на север и идти в Мурманск, где они смогут укрыться на некоторое время от англичан, а затем, воспользовавшись плохой погодой и надвигающейся полярной ночью, прорваться вдоль норвежского побережья в Германию.

Советское правительство дало разрешение укрыть немецкие суда в северных портах СССР. Англичане этого совершенно не ожидают и наверняка проморгают всю операцию. Они будут ловить немецкие суда совсем в другом месте: на подходах к Ла-Маншу и в Северном

море. В Мурманске немецких моряков будет ожидать теплый и дружественный прием. Туда заблаговременно могут выехать сотрудники немецкого посольства в Москве...

Между тем выбранный в качестве посредника Далерус, получив соответствующие инструкции из Москвы, сознательно срывает свою миссию, где-то чего-нибудь не договаривая или наоборот, говоря лишнее.

«Неужели вы не понимаете, – доверительно сообщает Далерус своему *другу* Герингу, – что война англичанами уже предрешена. Но в настоящее время, имея СССР в качестве дружественного нейтрала, можно не так уж беспокоиться. Англичанам нужно дать хороший, короткий урок, и они без сомнения пойдут на мир». Геринг кивает. Рассуждения Далеруса вполне совпадают с его взглядами.

Доклад адмирала Редера о неожиданном предложении СССР укрыть немецкие суда в Мурманске не удивил Гитлера. Информация, которая начала стекаться к фюреру в последние часы, ясно говорила, что СССР не просто «нейтрал», пусть даже дружественный, а почти союзник. Взаимная ненависть к Англии – сильнее незначительных идеологических расхождений, главным образом в формулировках. Он знает больше, чем адмирал, но пока не говорит об этом Редеру.

Рассматривается вопрос о возможности базирования немецких подводных лодок на советских базах Кольского полуострова, откуда они с большой эффективностью могут вести боевые действия против англичан Советские экономические поставки, как ему доложили сегодня, не будут осуществляться в рамках только что заключенного торгового соглашения. Они будут удвоены. Более того, если Германия из-за английской блокады не сможет осуществлять морскую торговлю с нейтральными странами, то к услугам Германии – советская Транссибирская магистраль.

Боевой задор фюрера, разогретый сталинскими посулами, не спал даже после того, когда ему доложили, что 28 августа был подписан англо-польский договор о взаимной военной помощи в случае агрессии Германии То, что английские гарантии получили юридическую силу союзного договора, уже не могло напугать Гитлера

Нельзя терять момента, когда практически вся сырьевая мощь России (а может быть, и военная) так неожиданно отдана в твое распоряжение. Окончательный срок вторжения в Польшу – 1 сентября.

В Советском Союзе газеты никак не комментируют только что заключенный пакт с Гитлером. Пресса полна сообщений о военных приготовлениях в Польше, Англии и во Франции:

«...Военная истерия в Польше. Всеобщая мобилизация. Польская кавалерия готовится к маршу на Берлин. Чудовищные погромы этнических, немцев во многих городах Польши. Беззащитную Германию снова готовятся растерзать империалистические хищники!»

31 августа Молоюв делает доклад на сессии Верховного Совета СССР. С сидящими в зале «депутатами» можно особенно не церемониться. Но нужно скрыть от мира истинные планы Кремля. Пусть мировое общественное мнение пока попереводит его «новоречь» на человеческий язык, а там уже будет поздно. Пршихшему залу Молотов поясняет суть германо-советского пакта:

«Нам всем известно, что с тех пор, как нацисты пришли к власти, отношения между Совегским Союзом и Германией были напряженными . Но, как сказал 10 марта товарищ Сталин, „мы за деловые соглашения со всеми странами"

Кажется, что в Германии правильно поняли заявления товарища Сталина и сделали правильные выводы. 23 августа следует рассматривать как дату великой исторической важности. Это поворотный пункт в истории Европы и не только Европы. Совсем недавно германские нацисты проводили внешнюю политику, которая была весьма враждебной по

отношению к Советскому Союзу. Да, в недавнем прошлом... Советский Союз и Германия были врагами. Но теперь ситуация изменилась, и мы перестали быть врагами...

По советско-германскому соглашению Советский Союз не обязан воевать ни на стороне британцев, ни на стороне германцев. СССР проводит свою собственную политику, которую определяют интересы народов СССР, и больше никто. (Бурные аплодисменты)

Если эти господа имеют такое страстное желание воевать – пусть воюют сами без Советского Союза. (Смех, аплодисменты) А мы посмотрим, что они за вояки. (Громкий смех, аплодисменты)».

Откровеннее сказать было невозможно. Пусть они воюют. Мы посмотрим, что они за вояки А когда того потребуют «интересы народов СССР», то и вмешаемся. На чьей стороне? А это, как потребуют опять же «интересы народов СССР». Простак Гитлер, видимо, совсем не понимал «новоречи», поскольку чуть позднее публично заявил, что готов поддержать каждое слово из речи Молотова на Верховном Совете.

В угаре сплошных праздников и ликования советский народ просто не заметил начала второй мировой войны, а весь мир, в свою очередь, как-то не замегал нового закона СССР о воинской обязанности, увеличивающего чуть ли не втрое численность Красной Армии. Похороненные на последних страницах газет маленькие заметки со стандартным заголовком «К германо-польскому конфликту» создавали впечатление ничтожной локальной войны, не имеющий никакого значения ни для СССР, ни для остального мира. Вооруженный конфликт, отмечала «Правда», начался из-за нападения группы польских военнослужащих на немецкую радиостанцию в пограничном городке Гляйвиц. Германия, измученная бесконечными польскими провокациями и подвергшаяся прямой агрессии со стороны Польши, вынуждена была взяться за оружие.

Сдержанность советской прессы ни в коей мере не передает того радостного возбуждения, которое охватило Сталина. *Его план полностью удался! Вторая империалистическая война в Европе началась. Теперь надо браться за осуществления второй фазы плана – захвата Европы.*

Накануне в Берлине Гитлер, принимая верительные грамоты у нового советского посла Александра Шкварцева, был мрачен и задумчив. Истекал срок англо-французских ультиматумов, требующих немедленного вывода немецких войск с территории Польши. Гитлера терзали сомнения: не подведет ли в последний момент благоприобретенный московский друг? Сталин специально прислал Шкварцева именно в этот момент на вакантное место советского посла, чтобы подбодрить фюрера. Все будет так, как договорились.

Гитлер особенно интересовался, когда советские войска вторгнутся в Польшу. По наивности он полагал, что эта акция автоматически сделает СССР его союзником, так как Англия и Франция вынуждены будут объявить войну и Советскому Союзу. Он еще не знал методов Сталина, прошедшего ленинскую школу по присоединению к СССР республик Закавказья и обширнейших областей Средней Азии. Даже такому прожженному политическому цинику, каким был Гитлер, еще не раз придется изумляться и восхищаться сталинскими методами захвата чужих территорий.

Между тем война в Польше шла не совсем так, как ее распланировали в Берлине. На всех участках фронта поляки оказывали яростное сопротивление. Рассеченные танковыми клиньями Гудериана польские войска, навязав немцам сражение на Дзуре и создав угрозу выхода крупных кавалерийских масс в тыл танковым группировкам, сумели избежать окружения и отвести основные силы своей армии за Вислу, где польское командование рассчитывало, перегруппировав силы, перейти в контрнаступление.

Вся пресса мира, включая и немецкую, отмечала героическое сопротивление польской армии. Оборона Вастерплятте, Хела, Гдыни и Варшавы вызвала восхищение всего мира, а битву на Дзуре даже «Фолъкишер Беобахтер» назвала «наиболее ожесточенной в истории».

Советская пресса обо всем этом помалкивала. Напротив, из номера в номер все советские газеты с удивлением отмечали, что поляки не оказывают немцам никакого сопротивления, что Польша фактически оккупирована, и неизвестно где находится ее правительство.

14 сентября газета «Правда» подвела итог подобному поведению советской печати. «Может возникнуть вопрос, – вопрошала газета в редакционной статье, – почему польская армия не оказывает немцам никакого сопротивления? Это происходит потому, что Польша не является однонациональной страной. Только 60% населения составляют поляки, остальную же часть – украинцы, белорусы и евреи... Одиннадцать миллионов украинцев и белорусов жили в Польше в состоянии национального угнетения.,. Польское правительство проводило политику насильственной полонизации...» Вот поэтому никто и не хочет сражаться за такую страну.

Пока за границей гадали, что означает чудовищная чушь, помещенная в «Правде», разгадка не заставила себя ждать. 17 сентября польский посол в Москве Вацлав Гжибовский был срочно вызван в наркомат иностранных дел.

Принявший его замнаркома Потемкин без скорби в глазах и без интонаций в голосе зачитал ноту следующего содержания:

«Германо-польская война явно показала внутреннее банкротство польского государства... Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и польское правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей... Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Каждое слово в этой ноте пропитано ложью. Польское правительство находилось в местечке Куты вблизи румынской границы. Что касается Варшавы, то столица Польши была захвачена немцами только 27 сентября. Однако, стремясь поскорее получить помощь с востока, немцы уже 9 сентября объявили о взятии Варшавы. По этому случаю Молотов отправил поздравительную телеграмму Риббентропу: «Я получил Ваше сообщение... Пожалуйста, передайте мои поздравления правительству Германской империи. Молотов».

Известие о том, что Варшава еще не взята, несколько охладило воинственный пыл в Москве. Москва стала искать возможность представить свою интервенцию благовидной в глазах мирового общественного мнения, чтобы не выглядеть агрессором. Молотов иносказательно спросил Риббентропа, не обидится ли Германия, если мы объявим, что вводим войска для спасения «единокровных братьев» украинцев и белорусов от немцев. Но в Берлине обиделись. И не только обиделись, но и откровенно занервничали, – нависшая над необеспеченными флангами немцев польская группировка «Познань» грозила сорвать планы командования, которое было уверено, что советские войска ударят по полякам немедленно. Черт с ними, с предлогами! Пусть скорее начинают!

Переговоры между Берлином и Москвой все более начинают напоминать разборки на «малине». Смотрите, грозит Берлин, не вмешаетесь – останетесь «без доли». Наш пахан так и велел передать вашему пахану. Конечно, вместо грубой «фени» угроза облечена в изящный текст очередной срочной телеграммы, посланной в Москву 15 сентября: «Если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создастся ли в районе, лежащем к востоку ог германской зоны влияния, политический вакуум... ...В Восточной Польше могут возникнуть условия для формирования новых государств».

(Давайте, ребята, поспешайте, а то мы создадим в Восточной Польше независимую Украинскую республику).

Намек Берлина понят. Шуленбург срочно телеграфирует в Берлин:

«Москва. 17 сентября 1939 года.

Чрезвычайно срочно! Секретно! Сталин в присутствии Молотов а и Ворошилова принял меня в два часа ночи и заверил, что Красная Армия пересечет советско-польскую границу в 6 часов утра на всем ее протяжении...»

Как и обещал Сталин, ровно в 6 часов утра 17 сентября 1939 года Красная Армия силами двух фронтов—Украинского под командованием печально знаменитого С.Тимошенко и Белорусского под командованием М.Ковалева – численностью более миллиона солдат, при поддержке танков, авиации и артиллерии перешла границу Польши на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска, завязав бои с немногочисленными польскими отрядами прикрытия восточной границы. «Второй фронт» второй мировой войны был открыт.

Вторжение советских войск застало польское командование врасплох. Никто вначале не понял, что произошло. Что это: приход союзников шш вторжение? Однако ответ на этот вопрос дали советские бомбы и снаряды, обрушившиеся на польские позиции. Сыграла свою роль и директива командующего польскими войсками маршала Рыдз-Шмиглого, приказавшего не вступать в бой с частями Красной Армии и отходить на территорию Румынии и Венгрии.

Подавляющее большинство боеспособных частей было нацелено для удара по немцам. Красной Армии оказали сопротивление главным образом части корпуса пограничной стражи. И тем не менее развернулись крупные бои под Гродно, Шацком и Ораном. Под Перемышлем два пехотных полка были начисто вырублены уланами генерала Владислава Андерса. Тимошенко успел ввести в дело танки, предотвратив прорыв польской конницы не территорию СССР.

Героический гарнизон Брестской (!) крепости под командованием генерала Константина Плисовского отбил все атаки Гудериана. Гудериан нервничал. Без тяжелой артиллерии поляков из крепости не выкурить, а вся артиллерия застряла под Варшавой. Выручила советская тяжелая артиллерия Кривошеина, бомбардировавшая крепость в течение двух суток непрерывно. Разгоряченные боем, обнимались на тираспольском мосту через Буг солдаты Ковалева и Гудериана.

Следовавшие за регулярной армией части НКВД, не теряя ни секунды, начали массовые аресты в захваченных городах и населенных пунктах. Аресту подлежали все офицеры, ксендзы, видные представители интеллигенции. Не дав опомниться, их загоняли в телятникии отправляли на восток.

Сталинский поход в Европу начался.

По случаю славной победы в Бресте состоялся грандиозный военный парад. Под воинственные звуки Бранденбургского марша печатали шаг советские и немецкие солдаты. Принимая парад, на трибуне бок о бок стояли генерал Гейнц Гудериан и комбриг Семен Кривошеин.

«Дружба, скрепленная кровью!» – скажет позднее Сталин в телеграмме Гитлеру, и кто знает Сталина – поймет, как он ненавидел своего не в меру пылкого конкурента, если заговорил с ним о дружбе. Красная Армия взяла в плен 240 тысяч польских военнослужащих. Транспорта, тюрем и лагерей, естественно, не хватало, поэтому сразу же начались массовые расстрелы военнопленных. Братские могилы – следы нашего «освободительного похода» – обнаружены под Гродно, в Ошманах, в Ходорове, Молодечно, Сарнах, Новогрудке, Рогатыне, Коссове-Полесском, Волковыйске и многих других местах. Официально были объявлены и собственные потери: 737 убитых, 1862 раненых. Итого: 2599 человек. (Истинные потери составили 5327 человек. Убитыми – 1386).

В некоторых местах еще шли бои, когда победители приступили к обсуждению вопроса о будущем польских земель. Гитлер предложил создать марионеточное польское микрогосударство по обеим сторонам демаркационной линии, разделяющей немецкие и советские войска. Однако Сталин сразу разглядел в этом очередную трусливую попытку Гитлера выпутаться из войны с Западом. Он и слушать не хотел о сохранении каких-либо следов польской государственности. Это срывало его план, давая Германии теоретическую возможность выйти из войны.

25 сентября Шуленбург телеграфирует в Берлин:

«Сталин заявил: в окончательном урегулировании польского вопроса следует избегать всего, что в будущем могло бы вызвать столкновение между Германией и Совегским Союзом. С этой точки зрения, он считает ошибочным оставлять независимое польское государство. Он предлагает следующее решение: из территорий на востоке от демаркационной линии к нашей части должны быть присоединены все Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства, которая простирается до Буга. Взамен мы должны отказаться от наших претензий на Литву...»

Последовал быстрый ответ из Берлина, что фюрер изменил свое первоначальное мнение и считает точку зрения Сталина более реалистичной. (Разведка доложила ему, что англичане и слушать ничего не хотят, пока немецкие войска не уйдут за линию, существовавшую до 1 сентября). Раз так, значит, Сталин снова прав. Значит пришло время уточнить «раздел сфер влияния», как дипломатично называл захват чужих территорий секретный протокол к договору от 23 августа. Пришла пора эти формулировки конкретизировать.

27 сентября 1939 года «Правда» сообщила: «По приглашению правительства СССР 27 сентября с.г. в Москву прибывает министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп для обсуждения с правительством СССР вопросов, связанных с событиями в Польше».

В 18.00 самолет Риббентропа совершил посадку в московском аэропорту. Настороженных взглядов, какими его встречали 23 августа, уже не было. Молотов встретил его как старого друга. Однако когда Риббентроп прибыл в посольство, его ждал небольшой, но не очень приятный сюрприз. Шуленбург протянул своему шефу две телеграммы. Это были пересланные из Берлина сообщения немецкого посланника в Таллинне, сообщавшего, что правительство Эстонии информировало его о советском ультиматуме, требующем «под угрозой немедленного вторжения» предоставить СССР военно-морские и военно-воздушные базы на территории Эстонии, а также разместить там советский воинский контингент численностью пятьдесят тысяч человек. Подобный ультиматум был предъявлен и правительству Латвии.

В несколько озабоченном настроении рейхсминистр отправился на встречу со Сталиным.

В непринужденной обстановке любезной беседы и шуток был подписан новый советско-германский договор, получивший название «Договора о дружбе и границе». Договор был краток и состоял всего из четырех статей:

«Статья I. Правительство СССР и Германское правительство устанавливаю г в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II. Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III. Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии, производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – правительство СССР.

Статья IV. Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами».

На приложенной к договору секретной карте была тщательно вычерчена демаркационная линия четвертого раздела Польши с поправками, которые лично сделал Сталин, уступая охотничьи угодья Риббентропу (пусть обустраивается, потом отберем и подарим Вячеславу Михайловичу Молотову, а Риббентропа сделаем егерем). Соответственно этому Сталину пришлось дважды подписать карту. Второй раз его лихой росчерк с территории Западной Белоруссии прорезал Украину и уходил в Румынию.

Перед отъездом из Москвы растроганный Риббентроп дал интервью корреспонденту ТАСС, отметив следующие положения:

«1. Германо-советская дружба теперь установлена окончательно.
2. Обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы.
3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.
4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

Министр указал далее на достигнутое между Германией и СССР соглашение об обширной экономической программе, которая принесет выгоду обеим державам. В заключение г-н фон Риббентроп заявил:

«Переговоры происходили в особенно дружественной и великолепной атмосфере. Однако прежде всего я хотел бы отметить исключительно сердечный прием, оказанный мне советским правительством и особенно гг, Сталиным и Молотовым».

Сталин был доволен. Земли, включенные в состав СССР в результате разгрома и раздела Польши, насчитывали около 200 тысяч кв. километров с населением в 13,4 миллиона человек.

Немедленно началось приведение вновь приобретенных территории в общесоюзному знаменателю. Местные отделы НКВД получили секретный приказ наркома внутренних дел N 001223 от И октября 1939 года, согласно которому следовало было организовать срочный учет «контрреволюционных элементов и вражеских категорий населения» независимо от того, участвовали ли они в антисоветской деятельности. Быстро составленные списки включали в себя не только бывших военнослужащих польской армии, жандармерии и полиции, но и служащих государственных учреждений, общественных и религиозных деятелей, членов украинских, белорусских и польских культурных и даже спортивных обществ. По этим спискам началась массовая депортация населения в Сибирь. Число депортируемых быстро перевалило за полтора миллиона человек. (Немцы сумели выселить со своей территории всего 462820 человек.) Неудивительно, что «освобожденные единокровные братья» немедленно взялись за оружие и сражались с советскими оккупантами аж до конца 50-х годов, пока в Мюнхене не был убит агентами КГБ их руководитель Степан Бандера, а они сами почти поголовно истреблены, потеряв убитыми и замученными в сталинских лагерях более 3,5 миллионов человек, считая только западных украинцев.

Уступка Гитлеру части польских земель Варшавского и Люблинского воеводств в обмен на Литву были не просто великодушной прихотью тирана, а тщательно продуманной акцией. В результате на карте появились два выступа-балкона – Белостокский и Львовский, грозно нависшие над немецкой территорией и создающие угрозу мгновенного окружения гитлеровских войск восточнее Одера и стремительного, кинжального удара по Берлину. А приобретение (пока условное) Литвы лишало немцев возможности вот также грозно нависнуть над нашим правым флангом.

«Эти *выступы, —*позволил себе заметить командарм 1-го ранга Шапошников, – *будут как тучи нависать над Гитлером».*Вождь внимательно взглянул на своего любимца и изрек: «И из *этих туч ударит Гроза».*Может быть, Сталин хотел сказать «ударит гром», но, видимо, не очень хорошо владея русским языком, сказал именно так – *«ударит гроза».*В конце концов гром – это всего только часть грозы, так что Сталин, как всегда тщательно взвешивавший свои слова, и на этот раз знал, что говорил.

Так и родилась операция «Гроза», о которой Сталин подумывал с 1934 года. Оперативная разработка ее началась лишь в середине октября 1939 года. Нечего и говорить, что операция было совершенно секретной. Преамбула ее было проста, как и все гениальное: воспользовавшись войной Гитлера с западными демократиями захватить Восточную Европу, Балканы и турецкие проливы, а по возможности – и саму Германию. Для этой цели оказывать Гитлеру всяческое содействие в борьбе с его мощными противниками, срывая любые попытки мирного урегулирования вспыхнувшей войны. Это был первый вариант.

Надо сказать, что Сталин до поры до времени Германии совсем не боялся, а боялся Франции. Оно и понятно – вождь был человеком своего времени и все его суждения сформировались в годы первой мировой войны. Он был убежден, что любой «крестовый поход» против СССР возглавит именно Франция. Потому так урезанно и выглядит первый вариант операции «Гроза», поскольку за линией Мажино находилась французская армия, которую Сталин считал самой сильной в Европе. Как только французы захватят обратно Рур, указывал вождь, тут надо и нам начинать.

Немцы, завязнув в обороне Рурской области, смогут оставить на востоке лишь ничтожные силы. Мы же наводим порядок в Восточной Европе, захватываем оставшуюся часть Польши и Восточную Германию, соединяясь с французами где-нибудь на Эльбе.

Посвященные в план вождя, а их было пятеро – Молотов, Берия, Шапошников, Мерецков и частично Жданов – зачарованно молчали.

Сталин жил операцией «Гроза». Любой его шаг во внутренней и внешней политике в период 1939 – 1941 гг. невозможно правильно понять без учета «Грозы». Сталин был наиболее *агрессивным*из всех политических деятелей своего времени, а не только более коварным, чем Гитлер или Муссолини. Оба последних были весьма склонны к авантюрам. Сталин же авантюр не любил. Он все тщательно рассчитывал.

Пока же, не теряя времени, необходимо захватить то, что удалось выторговать в ходе переговоров с немцами: Прибалтику и Финляндию. Однако если латышам и эстонцам сравнительно легко удалось навязать «союзные» договоры, сутью которых было размещение пятидесятитысячных контингентов советских войск на их территории, то литовцы и финны оказались более упрямыми, откровенно заявив Молотову, что предлагаемые Советским Союзом «договоры» являются ничем иным, как оккупацией.

С литовцами поступили хитрее. Вызвав в Москву министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса, ему предложили включить в состав Литвы Вильнюс и Вильнюсский край, ранее отторгнутый у Литвы Польшей и захваченный Красной Армией в ходе «освободительного» сентябрьского похода. Вторым же пунктом договора было опять же согласие Литвы на размещение гарнизонов Красной Армии во всех ключевых стратегических центрах республики, а равно предоставление СССР военно-морских и военно-воздушных баз на своей территории.

Отлично понимая, что судьба его страны уже решена германо-советским пактом, Урбшис уступил только под прямой угрозой немедленного вторжения.

Еще хуже повели себя финны. Они даже слушать не хотели о «миролюбивых» советских предложениях о вводе войск на финскую территорию для обеспечения их собственной безопасности, нагло заявив, что в состоянии сделать это сами.

Сталин начинал терять терпение, а это никогда и ни для кого добром не кончалось. Финнам предложили новый вариант: они уступают СССР Карельский перешеек, Аландские острова и полуостров Ханко, а взамен получают вдвое большую территорию в Советской Карелии. Однако финны снова отказались, видимо, не предполагая, что еще в июне штаб Ленинградского военного округа разработал план их оккупации. Раздраженный Сталин приказал в течение месяца подготовиться к вторжению в Финляндию.

В советских газетах появился новый термин «белофинны» и рассказы о том, какой негодяй «командующий финской микроармией Маннергейм, который до революции осмелился быть царским генералом, при бегстве из России украл знамя Кавалергардского полка, в котором служил, и до сих пор не застрелился от позора».

Вскоре в Париже было объявлено о создании польского правительства в изгнании во главе с генералом Сикорским. Это было вообще смешно, а потому советское правительство отреагировало на эту шутку западных демократий фельетоном в «Правде» от 14 октября, давая понять, что оно понимает и ценит юмор.

Но Сталину хорошо было резвиться, оттачивая оперативное искусство своих генштабистов планированием операции «Гроза», оккупируя без единого выстрела прибалтийские республики и издеваясь с помощью газетных фельетонов и карикатур над англо-французскими агрессорами, начавшими с Германией войну под фальшивым лозунгом борьбы за демократию. Он-то сам наслаждался состоянием «вне войны», в которую так ловко втянул своего нового дружка Гитлера. Зато Гитлеру было не до смеха. Помня верденскую и прочие мясорубки Западного фронта прошлой войны, он нервничал, зондировал возможности мирного урегулирования, но в ответ поступали только надменные меморандумы англичан, что мир невозможен до окончательного «уничтожения гитлеризма как идеологии». Кроме того, война шла, и если на суше она действительно заслужила название «странной», то на море сразу же приняла ожесточенный характер.

За несколько часов до начала войны из Нью-Йорка вышел самый крупный немецкий лайнер «Бремен», некогда носивший «Голубую ленту Атлантики». На борту лайнера не было ни одного пассажира. Побледневшие лица моряков ясно говорили об их понимании того, что они идут на верную гибель. От англичан нет спасения в открытом море, и мало кто знал эту истину лучше немцев.

«Бремен» вышел из Нью-Йорка и бесследно исчез. Отряды английских кораблей прочесывали океан, чтобы перехватить и уничтожить «Бремен». Ведь в военное время обладатель «Голубой ленты» водоизмещением в 50 тысяч тонн мог с 28-узловой скоростью перебрасывать на любые расстояния целые армии, будучи для вермахта бесценным транспортным средством. Но огромный лайнер словно растворился в воздухе.

Но действительность оказалась куда более интригующей: «Бремен», выйдя из Нью-Йорка, круто повернул на север и, держась почти кромки пакового льда, преспокойно пришел в Мурманск. 4 сентября на все немецкие суда в Атлантике был передан из штаба Редера условный сигнал «АО-13», означавший: «Следовать в Мурманск, придерживаясь как можно более северного курса». Англичане ожидали чего угодно, только не этого, и упустили 36 укрывшихся в Кольском заливе крупнейших транспортов противника, среди которых были такие известные на весь мир пассажирские лайнеры, как «Нью-Йорк», «Швабен», «Штутгарт», «Кордильера», «Сан-Луи», множество лесовозов, танкеров и скоростных рефрижераторов.

Мурманские власти, хотя и были предупреждены Москвой, с изумлением смотрели на внезапно заявившиеся в наши арктические воды десятки судов под гитлеровскими флагами, над которыми безраздельно царила громада «Бремена».

«Особо дружественная и великолепная обстановка», которую отметил Риббентроп, рассказывая о своем визите в Москву, немедленно распространилась и на Мурманск. Экипажи

всех немецких судов получили право беспрепятственно сходить на берег, опечатанные было фото– и киноаппаратуру вернули владельцам, а мощной радиостанции «Бремена» разрешили поддерживать постоянную связь с Германией.

Одновременно с этим в Германию из Советского Союза хлынул поток самых разнообразных грузов, обеспечивающий фашистской Германии практически все, о чем она только могла мечтать, – от цветных металлов и топлива, пшеницы и хлопка до транзита через советскую территорию поставок стратегического сырья из Японии и Китая: резины, масел, ценных пород древесины и пр.

Английская блокада, с помощью которой в Лондоне рассчитывали задушить Рейх к весне 1940 года, оказалась совершенно неэффективной. Германия и ее вооруженные силы, столь щедро питаемые из СССР, набирали силу с каждым днем. Достраивались линкоры, расширялась танковая программа, накапливались боеприпасы и все виды стратегического сырья. Сталин с удовлетворением потирал руки. Только те историки, которые не могут или не хотят исследовать истинные причины подобной политики Сталина, предпочитают идти по линии наименьшего сопротивления, называя эту политику «преступной политической близорукостью» вождя всех народов.

Конечно, срыв Сталиным экономической блокады Германии, спасение им бесценного грузового тоннажа немецкого флота и, наконец, создание на советской земле немецкой военно-морской базы – все это на первый взгляд трудно объяснимо, поскольку, будучи направленным против Великобритании, бумерангом било и по СССР. Но только на первый взгляд! *Все это было составной частью операции «Гроза»: не дать возможности англичанам одержать быструю победу на море, сделать войну необратимой, ослабить как можно сильнее немецкими руками английский флот, дать европейской войне разгореться.*

Выход Гитлера из войны мог привести к союзу европейских держав и к тому пресловутому «крестовому походу» против СССР, в неизбежности которого Сталин, убеждая всех, убедил и самого себя. А занятая войной Европа, кроме всего прочего, уже никак, по мнению Сталина, не могла отреагировать на «некоторые мероприятия внешнеполитического характера», которые Сталин наметил на ближайшее время.

31 октября Молотов выступает на внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР с докладом «О внешней политике Советского Союза». Молотов обрушивается на Англию и Францию как на агрессоров, страстно и четко поясняя свою мысль:

«...Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны... Попытки английского и французского правительств оправдать эту свою новую позицию данными Польше обязательствами, разумеется, явно несостоятельны. О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего польского государства. Понимая это, правительства Англии и Франции, однако, не хотят прекращения войны и восстановления мира, а ищут нового оправдания для продолжения войны против Германии. В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, ни больше и ни меньше, как „уничтожение гитлеризма‟. Получается так, что английские, а вместе с ними французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде „идеологической войны‟, напоминающей старые религиозные войны.

Но такого рода войны не имеют для себя никакого оправдания. *Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести*

такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Охарактеризовав таким образом внешнеполитическую обстановку и явно давая понять Германии, чтобы она ничего не боялась и продолжала свое «правое» дело, глава советского правительства и нарком иностранных дел перешел, так сказать, к вопросам внутренней политики. Перечислив богатые трофеи, взятые Красной Армией в ходе сентябрьского похода в Польшу (более 900 орудий, свыше 10000 пулеметов, 300 самолетов, 300 тысяч винтовок и пр.) и подчеркнув под аплодисменты зала, что «перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства», Молотов обратился к прибалтийской проблеме. Коснувшись недавнего заключения между СССР и тремя прибалтийскими республиками пактов о взаимопомощи, Молотов, быстро перейдя на «новоречъ», заявил:

«Создание советских баз и аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы и ввод некоторого количества красноармейских частей для охраны этих баз и аэродромов обеспечивают надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств... Особый характер указанных пактов взаимопомощи отнюдь не означает какого-либо вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы, как это пытаются изобразить некоторые органы заграничной печати».

Но вот в голосе Молотова начинает звучать открытое раздражение – он переходит к безобразному поведению Финляндии, с которой не удалось заключить аналогичного договора, поскольку финны отказались от добровольной оккупации Советским Союзом их маленькой, но гордой страны.

«В особом положении находятся наши отношения с Финляндией, – жестко вещает Молотов, зловеще сверкая стеклами пенсне. – Это объясняется, главным образом, тем, что в Финляндии больше сказываются разного рода внешние влияния со стороны третьих держав».

Ну, хорошо: если финны не хотят заключить с нами «взаимовыгодный» договор – это их дело. Но они не хотят идти навстречу более чем скромным притязаниям Советского Союза, который всего лишь просит уступить ему половину финской территории, а заодно и разоружиться. Затем Молотов по отработанной методике начинает перечислять требования Советского Союза путем их яростного отрицания:

«Едва ли есть основания останавливаться на тех небылицах, которые распространяются заграничной прессой о предложениях Советского Союза в переговорах с Финляндией. Одна утверждает, что СССР „требует" себе г. Виипури (Выборг) и северную часть Ладожского озера. Скажем от себя – это чистый вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР „требует" передачи ему Аландских островов. Это – такой же вымысел и ложь!»

Тут Молотов уже говорил почти правду. Речь идет не о каких-то территориальных уступках со стороны финнов, а о захвате всей Финляндии весьма оригинальным способом, объявить о котором намереваются с началом вторжения. Открытая угроза в адрес Финляндии уже почти не скрывается за витиеватыми оборотами речи:

«После всего этого мы не думаем, чтобы со стороны Финляндии стали искать повода к срыву предполагаемого соглашения. Это не соответствовало бы политике дружественных советско-финских отношений и, конечно, нанесло бы серьезный ущерб самой Финляндии. Мы уверены, что... финляндские деятели не поддадутся какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству кого бы то ни было».

Однако Молотов уже сам не верил в то, что финнов удастся запугать. «По-видимому, нам придется воевать с Финляндией», – сказал Сталин, а он никогда не бросал слов на ветер. Так вышло и на этот раз.

Глава 3. Финская подножка

26 ноября 1939 года в период с 15:45 до 16:05 в расположении советской воинской части, находящейся в километре к северо-западу от деревни Майнила рядом с финской границей (на Выборгском шоссе), разорвалось семь снарядов. Один младший командир и три красноармейца были убиты, восемь человек ранены. Хотя обстрел начался совершенно неожиданно, многие успели заметить, что снаряды прилетают с юга, из собственного тыла. Однако прибывшая мгновенно (в 17:10) комиссия, осмотрев место происшествия, пришла к выводу, что обстрел велся с финской территории. Ошеломленные солдаты отвечали путано, командиры же быстро поняли, что от них хотят. Слишком наводящими были вопросы. Разумеется, не было никакого расследования. Однако участники события в один голос говорят, что обстрел произвела специальная команда НКВД, прибывшая на Карельский перешеек из Ленинграда. В распоряжении команды из 15 человек было одно орудие на конной тяге. Командовал группой майор НКВД Окуневич. Сам Окуневич рассказывал, что их направили на Карельский перешеек с приказом «испытать действие секретного снаряда», указав точно место стрельбы, направление и угломер. Команду сопровождали два специалиста по «баллистике».

В этот же день, даже не дожидаясь результатов фиктивного расследования инцидента, Молотов вызвал посланника Финляндии А.Иерен-Коскинена, вручил ему ноту правительства СССР по поводу провокационного обстрела советских войск с территории Финляндии. В ноте вина за происшествие возлагалась на правительство Финляндии и выражалось требование убрать финские войска на 20-25 км от границы. В ответной ноте, 27 ноября, правительство Финляндии заявило, что финские пограничники наблюдали разрывы снарядов и «на основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, *«находились на расстоянии полутора-двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов».*

Правительство Финляндии предложило, чтобы «пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно провести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года». Деликатные финны намекали, что инцидент произошел из-за «ошибки» на учениях Красной Армии. Но любому военному хорошо известно, что осколки снарядов разлетаются по эллипсу, вытянутому в направлении полета снаряда, так что очень легко убедиться, откуда велся огонь. Естественно, Москва и слушать ничего не хотела о каком-либо расследовании.

В новой ноте, 28 ноября, Молотов объявил, что Советское правительство «с сего числа считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении..» На следующий день из Финляндии были отозваны все советские политические и торговые представители.

На рассвете 30 ноября 1939 года с заставы №19 Сестрорецкого отряда Ленинградского пограничного округа на охрану Государственной границы вышел наряд в составе бойцов Горбунова, Лебедева и Снисаря. Старшим наряда был командир отделения Миненко. Наряд направлялся на охрану железнодорожного моста через реку Сестру у Белоострова – единственного моста, связывавшего СССР и Финляндию. В 6 часов утра к пограничникам подошел начальник заставы лейтенант Суслов, напомнив бойцам приказ начальника Сестрорецкого отряда майора Андреева. Прошло два часа томительного ожидания. В 07.55 лейтенант Суслов громко кашлянул. Это был сигнал к атаке. Бойцы, бросая на бегу гранаты и стреляя по финским пограничникам, ринулись на мост. После короткой схватки мост был захвачен. Миненко успел перерезать провод, ведущий к взрывчатке под мостом. Вся операция заняла около трех минут. К мосту уже шли танки.

Ровно в 08.00 дальнобойные орудия фортов Кронштадта вместе с кораблями Краснознаменного Балтийского флота, подошедшими к финским берегам и батареям

корпусной и дивизионной артиллерии, начали обстрел территории Финляндии. В это же время, в полной темноте, боевые корабли и транспорты с десантом подходили к острову Суур-Саари (Гогланд) в центре Финского залива. В 08.00 корабельная артиллерия начала бомбардировку острова, под прикрытием которой десантники пошли на штурм. В эти же минуты мощные соединения бомбардировщиков начали бомбить жилые кварталы Хельсинки, Котки, Виипури и других городов Финляндии.

«Столбы огня и дыма, пожары, паника среди врагов сопровождали налет сталинских соколов», – без тени стыда напишет об этом военном преступлении газета «Красная Звезда». А по всей территории СССР уже шумят «стихийные митинги». «Ударим безжалостно по врагу!» – требуют рабочие завода «Большевик» в Ленинграде. «Ответим огнем на огонь!» – бушует трудовая Москва. «Сотрем финских авантюристов с лица земли!» – полыхают гневом рабочие Киева.

Подобная реакция при нападении самой гигантской империи в мире на крошечную страну лучше любого другого примера говорит о том, что разгромленное тотальной Пятисотлетней войной русское общество уже было доведено продуманной политикой победителей – Коммунистической партией и «лично товарищем Сталиным» – до состояния совершенно податливого стада, годного, по меткому выражению Канта, только для жертвоприношения.

Мир еще не успел прийти в себя от шока, вызванного нападением самой большой в мире страны на одну из самых маленьких, как Сталин еще сильнее поразил всех, продемонстрировав новый, элегантный способ превращения самой чудовищной агрессии в нечто возвышенно справедливое. В день вторжения, т.е. 30 ноября, в газете «Правда» было опубликовано «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии», где, якобы от имени финских коммунистов, содержался призыв к немедленному свержению «обанкротившейся правительственной шайки», «палачей народа и их подручных». Правда, в Обращении оговаривалось, что его авторы против немедленной организации Советской власти в Финляндии и присоединения ее к СССР. Пока предлагалось только проведение каких-то неясных «демократических реформ» и заключение пакта о взаимной помощи с СССР – того самого пакта, который СССР так настойчиво пытался навязать финнам после уточнения сфер влияния с господином фон Риббентропом.

Но это было только начало. На следующий день, 1 декабря, с интригующей детективной ссылкой на «радиоперехват» «Правда» поместила сообщение о том, что в финском городе Териоки (Зеленогорск), только что захваченном Красной Армией, сформировано новое правительство «Демократической Финляндии» во главе во старым коминтерновцем Отто Куусиненом, прихватившем себе еще и портфель министра иностранных дел. Кто были остальные шесть министров, не знал никто, но никого это и не волновало. В тот же день «глава правительства», уже не «товарищ», а господин О.Куусинен обратился, как и положено, в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой признать его правительство. М.И.Калинин, естественно, не мог отказать своему старому знакомому и соратнику.

На следующий день в Москве состоялись переговоры «глав правительств» СССР и Финляндии. Собрались все свои: Сталин, Куусинен, Молотов, Жданов, Ворошилов и без лишних проволочек подписали договор о взаимопомощи и дружбе. Сталин подарил Куусинену 70 тысяч квадратных километров Советской Карелии со всем населением, а Куусинен продал Сталину Карельский перешеек за 120 миллионов финских марок, острова в заливе и части полуострова Средний Рыбачий за 300 миллионов марок. Кроме того, по сходной цене Куусинен дал согласие на аренду полуострова Ханко.

Договор с Куусиненом вступал в силу с момента подписания, но подлежал ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен был состояться «в *возможно более короткий срок в столице Финляндии – городе Хельсинки».*Однако никакой информации о том, что

финский народ откликнулся на призыв газеты «Правда» и начал свергать ненавистное правительство, не поступало.

Поступала как раз обратная информация, что все финны, как один, включая и коммунистов, взялись за оружие, чтобы отстоять свободу и независимость своей родины и дать отпор наглому и подло спровоцированному вторжению. И хотя подобная реакция финнов никого в Кремле не пугали, она вынудила «господина» Куусинена в специальной декларации просить СССР об «интернациональной помощи».

В Ленинграде формируется первый корпус народной армии Демократической Финляндии, названный «Ингерманландия». Уже нет времени пошить для этого корпуса униформу, но выход из положения был найден весьма оригинальный. Из Белостока, где были захвачены польские войсковые склады, были срочно доставлены в Ленинград десятки тысяч комплектов униформы польской армии. Спороли знаки различия, нарядили в эту форму «ингерманландцев», которые, в лихо заломленных «конфедератках», браво промаршировали по Ленинграду... и больше о них никто не слышал.

Сталин планировал войну с финнами по образцу немецкого «блицкрига» в Польше. Но у него, увы, не было союзника, который помог бы ему, открыв второй фронт. Казалось, что в этом нет необходимости. Шесть советских армий, численностью более миллиона человек, поддержанные танками и артиллерией, имея абсолютное превосходство на море и в воздухе, вторглись в страну, чья армия даже при поголовной мобилизации не могла превысить трехсот тысяч человек и практически не имела ни танков, ни авиации.

Можно было не сомневаться в быстрой победе. Но ничего подобного не произошло.

Красная Армия сразу же была втянута в ожесточенные бои, показав себя в них плохо обученной, плохо вооруженной и фактически неуправляемой толпой. В сорокоградусные морозы армия начала военные действия, не имея ни полушубков, ни валенок, ни лыж, на которых, кстати, никто не умел ходить. Мобильные отряды финских лыжников, перекрыв немногочисленные дороги Карельского перешейка завалами и минами, быстро парализовали движение огромной, неуправляемой толпы и, смело маневрируя по снежному бездорожью, начали истребление противника.

В первые же дни агрессии выяснилось, что полностью отсутствует какое-либо взаимодействие между родами войск. Армады советской авиации вообще не имели никаких средств взаимодействия с сухопутными войсками и бесцельно бороздили финское небо, не в силах помочь своей истекающей кровью и замерзающей пехоте. Задуманные флотом – также без всякой связи с сухопутными силами – эффектные импровизации ни к чему хорошему также привести не могли. Корабли рвали корпуса о льды Финского залива, подрывались на минах, постоянно проигрывая артиллерийские дуэли с невероятно метко бьющими финскими береговыми батареями. Буксиры с трудом дотащили в Либаву избитый финскими снарядами новенький крейсер «Киров».

Невероятный патриотический подъем охватил все слои финского общества. Трюк, предпринятый Сталиным с помощью своей коминтерновской банды, привел к совершенно обратным результатам. Рабочий класс Финляндии, узнав о «правительстве» Куусинена, опубликоват ответное обращение, в котором, в частности, говорилось:

«Рабочий класс Финляндии искренне желает мира. Но раз агрессоры не считаются с его волей к миру, рабочему классу Финляндии не остается альтернативы, кроме как с оружием в руках вести битву против агрессии...»

Бывшие бойцы Красной Гвардии – участники финской революции 1918 года – коллективно обратились к министру обороны с просьбой зачислить их в финские вооруженные силы для общего отпора врагу. «Дух зимней войны» навечно вошел в историю

маленькой Финляндии в качестве синонима единства и героизма народа в борьбе за свою свободу и независимость.

Но вряд ли финский патриотизм мог бы кого-нибудь потрясти в Кремле. В конце концов польский патриотизм был нисколько не меньше. Потрясло другое – невероятно высокая боевая подготовка маленькой финской армии. Старый русский гвардеец генерал Маннергейм – генерал свиты зверски убитого большевиками последнего русского Государя – знал свое дело. Призраками носились одетые в маскхалаты финские лыжники по лесам Карельского перешейка, сея смерть, панику, суеверные слухи среди ошеломленных солдат Красной Армии. Удивительно метко била финская артиллерия. Немногочисленные финские летчики, усиленные шведскими и норвежскими добровольцами, доблестно вступали в бой с воздушными армадами «сталинских соколов», постоянно одерживая победы в воздушных поединках.

Месяца за два до войны, на совещании Военного совета, Ворошилов разнес в пух и прах план Шапошникова, который очень серьезно относился к линии Маннергейма и высоко оценивал боевую подготовку финской армии. Шапошников считал, что война будет длительной и что наступление невозможно без предварительного разрушения бетонных оборонительных сооружений финнов артиллерией и авиацией. Тем временем, считал Шапошников, следовало подготовить армию к войне в условиях суровой северной зимы: поставить на лыжи, одеть в зимнее обмундирование, заняться индивидуальной боевой подготовкой каждого бойца. Ворошилов обвинил Шапошникова, которого терпеть не мог, в пораженчестве, переоценке мелкобуржуазного противника и недооценке возможностей Красной Армии, умеющей драться по-большевистски. На Карельском перешейке, доказывал Ворошилов, достаточно дорог, чтобы обойтись без лыж, а вся война займет не более двух недель – обойдутся и без зимнего обмундирования.

Но как выяснилось, не все имели даже шинели. Никто не умел как следует стрелять. Не все командиры батальонов умели читать карты. Связь была примитивной и тут же вышла из строя. Любая финская школьница стреляла лучше знаменитых «ворошиловских стрелков». В частях не было маскхалатов – их срочно стали шить на всех фабриках Ленинграда. Первая лыжная часть была сформирована из студентов Института им. Лесгафта.

Финны поражали меткостью своей стрельбы. Воевавшие в этой страшной войне на всю жизнь запомнили «кукушек» – финских снайперов, как правило, из числа гражданского населения – скрывающихся на вершинах деревьев и не дающих поднять голову целым батальонам. За сбитые «кукушки» без разговоров давали орден Красного Знамени, а то и Героя. В армию были срочно мобилизованы сибирские охотники-профессионалы вместе со своими лайками, с которыми они промышляли белку и соболя. Главной их задачей была борьба с «кукушками». По «кукушкам» лупили из орудий, бомбили лес, поджигали его, ибо «кукушка» не давала никому даже высунуться из укрытия. Когда же «кукушку» удавалось уничтожить, то очень часто ею оказывалась финская старуха, сидевшая на дереве с мешком сухарей и мешком патронов.

Все, что можно было заминировать, – было заминировано. Саперы не знали секретов финских мин. Местное население уходило до одного человека из оставленных населенных пунктов. Советские войска два часа не могли войти в оставленный финнами Териоки – с колокольни православного собора бил пулемет. В конце концов колокольню сбили артиллерией. Пулеметчиком оказалась восемнадцатилетняя дочь русского православного священника. И до сих пор никто не чтит имя этой героини.

Прошло уже две недели войны, но Красная Армия, несмотря на подавляющее превосходство, еще не везде сумела преодолеть предполье, отделяющее советскую границу от линии Маннергейма. С восточного же направления, где на карте создавался прекрасный вариант одним кинжальным ударом со стороны Суомуссалми в сторону Ботнического залива разрезать территорию Финляндии пополам и выйти в тыл линии Маннергейма, вообще не

удалось продвинуться ни на шаг. Огромная 9-я армия под командованием генерала Виноградова, поддержанная сотнями танков и самолетов, ссылаясь на бездорожье, все сгруппировывалась, перегруппировывалась, но никак не могла опрокинуть две противостоящие ей финские дивизии. Генералу Виноградову совершенно ясно дали понять, что если он не завершит своего победного наступления к побережью Ботнического залива к 21 декабря – к шестидесятилетию товарища Сталина – то великий вождь может и усомниться в его безграничной преданности.

К этому времени Советский Союз уже успели с позором выгнать из Лиги наций как агрессора. Симпатии всего мира были на стороне Финляндии. Разведка давно доложила Сталину, что англичане готовят высадку в Норвегии, чтобы бросить свои войска и авиацию на помощь финнам.

Срывался план Сталина, выполнению которого он посвятил всю свою энергию и ради которого готов был пожертвовать всем. Складывался вполне очевидный контрвариант: Гитлер договаривается с Западом, и они совместными силами, воспользовавшись тем, что Сталин завяз в финской войне, нанесут удар, организуют тот самый крестовый поход, которого он так боялся еще со времен гражданской войны.

8 ноября фюрер чудом избежал гибели. В этот день по традиции Гитлер встретился с ветеранами своего движения в крупнейшем пивном зале Мюнхена, чтобы отметить очередную годовщину знаменитого «Пивного путча» 1923 года – неудачной попытки нацистов захватить власть, закончившейся для Гитлера заключением в тюрьму, где он, просидев более года, написал свою знаменитую книгу «Майн кампф».

На этот раз речь Гитлера была короче, чем обычно. Обрушившись с яростными нападками на Англию, которая с такой легкомысленностью разожгла европейскую войну и упорно не желает одуматься, чтобы повернуть от войны к миру, Гитлер в начале десятого вечера покинул зал вместе со своей свитой, оставив ветеранов наслаждаться впечатлением от своей речи. Минут через двадцать после отъезда фюрера в пивном зале произошел взрыв бомбы, подложенной в колонну позади трибуны, с которой выступал фюрер. Семь человек были убиты, 63 – ранены. Официально никто не взял на себя ответственность за этот террористический акт.

Немцы, естественно, обвинили во всем английскую разведку. Англичане, в свою очередь, заявили, что, взрыв является провокацией гестапо, цель которой вполне очевидна: повысить популярность Гитлера, а заодно ликвидировать всем надоевших ветеранов партии, вечно брюзжавших по поводу того, что «Адольф предал рабочее движение».

12 декабря на Гитлера обрушилось новое несчастье: англичане перехватили в Южной Атлантике немецкий «карманный» линкор «Граф Шпее» и после короткого боя загнали его в Монтевидео. И хотя со стороны англичан сражались всего два крейсера, перепуганные немцы взорвали свой корабль.

Все это никак не способствовало поднятию у Гитлера боевого духа.

Англичане явно давали понять, что на море, как всегда, хозяева они. Английская удавка уже режет горло, несмотря на поток грузов из СССР. А если бы не было этого потока? Рейху был бы уже конец.

На Карельском перешейке по всей протяженности линии Маннергейма кипели бои. Волна за волной советская пехота, поддерживаемая огнем артиллерии и танками, шла на штурм.

Но ни на одном участке ни прорвать, ни даже вклиниться в оборону финнов не удалось. Армия истекла кровью и откатилась на исходные позиции. И, как будто этого было мало, с Карельского фронта пришла страшная весть – финны окружили 9-ю армия и часть 8-й армии. В котле оказалось более 50 тысяч человек. Пробиться к ним невозможно. Их запасы истекают. В столь страшные морозы их неизбежно ждут гибель или сдача...

Таков был подарок к сталинскому шестидесятилетнему юбилею, который пышно отпраздновали в Москве 21 декабря. Вышедшая по этому случаю на шестнадцати страницах «Правда», естественно, вся была посвящена описанию великих деяний величайшего Вождя. Открывалась газета огромной статьей Молотова «Сталин – продолжатель дела Ленина».

Кончается 1939 год. В зловещей тишине и странном бездействии застыли на западе немецкая и англо-французская армии. Тишина воцарилась и вдоль линии Маннергейма. Советские войска ждут подкреплений. В снегах Карелии из последних сил бьется окруженная финнами 9-я армия. Ее пытаются снабжать с помощью воздушного моста, но никто не знает расположения армии в огромных лесных массивах, и большая часть сброшенных на парашютах грузов попадает в руки финнов. Все попытки пробиться к отрезанным частям и деблокировать их приводят к новым огромным потерям, но никакого результата не дают. И наконец, становится совершенно очевидным, что 9-я армия уничтожена.

По самым скромным подсчетам, убито и умерло от обморожения более 30 тысяч человек. Около 10 тысяч пропали без вести. Около двух тысяч взяты в плен в полумертвом состоянии. Финны торжественно хоронят своих солдат, погибших в «сражении под Суомосалми». Все они известны поименно. Их 903 человека. Гремят залпы погребального салюта. Перед финнами открыты просторы практически незащищенной Советской Карелии.

Но силы маленькой страны тают. Армия переутомлена боями. Несмотря на симпатии всего мира, никто не оказывает финнам эффективной помощи. Немцы не могут этого сделать, связанные договором дружбы с Москвой. Англичане дают крохи – 75 противотанковых орудий, 200 пулеметов и смутные обещания прийти на помощь.

Если Сталин совсем не хочет воевать с Англией, то и англичане не хотят воевать со Сталиным. Глубокие психологи – они твердо верят в свой прогноз: в таком маленьком ареале, как Европа, нет места для двух таких крупных хищников, как Гитлер и Сталин – они неизбежно сцепятся между собой – это, уверены англичане, вопрос ближайшего времени. И тогда, при посильном участии остального мира, они сами уничтожат друг друга.

Английская разведка еще ничего не знает об операции «Гроза», но любовно вылепленные Сталиным Белостокский и Львовский балконы говорят сами за себя. Слишком явно оба трамплина нацелены на Берлин. Они тревожат и Гитлера. Он медлит с наступлением на Западе, не решаясь повернуться спиной к своему новому другу, застывшему в столь недвусмысленной позе. Генштабисты успокаивают фюрера. До весны русские завязли на Карельском перешейке – это совершенно очевидно. А там им понадобится время, чтобы прийти в себя после столь неожиданно тяжелой войны. Уже сейчас абвер оценивает потери русских – не менее ста тысяч человек. А война не только не окончена, но, можно сказать, еще и не начиналась...

Попытки взять линию Маннергейма «на ура!» были прекращены. Началась серьезная подготовка к наступлению. Со всех районов страны подвозились новые дивизии и корпуса, танки и артиллерия. На Карельском перешейке в дополнение к 7-й армии была развернута еще одна – 13-я. Общее количество сосредоточенных против Финляндии войск уже превышало все взрослое население этой страны, способное носить оружие. Артиллерии навезли столько, что для нее не хватало места на Карельском перешейке – орудия стояли колесо к колесу. На аэродромах ЛВО была сосредоточена почти вся боеспособная авиация. Корабли Балтийского флота, неизмеримо превосходящие военно-морские силы финнов, должны были добавить свою артиллерийскую мощь в дело скорейшего разгрома противника.

Но столь же бездарно, как на суше, проходили действия и на море. Огромный Балтийский флот не смог выполнить ни одной из поставленных перед ним задач: эффективно поддерживать приморский фланг армии и обеспечить блокаду Финляндии. Единственные боеспособные финские подводные лодки «Ветехинен» и «Весихииси», против которых, не

считая надводных кораблей, было развернуто более пятидесяти советских лодок, чувствовали себя на театре военных действий как дома.

Тем временем началась серьезная подготовка к прорыву линии Маннергейма.

Солдаты, наконец, были одеты в полушубки и валенки, получили мази от обморожения и водочное довольствие – так называемые «наркомовские сто грамм».

Организационно войска были сведены во вновь образованный Северо-Западный фронт, командовать которым был назначен командарм 1-го ранга Тимошенко – человек без какого-либо военного образования, приглянувшийся Сталину еще в годы гражданской войны своей физической силой, беспощадностью и тупостью. Под его руководством начали разрабатывать оперативный план прорыва. Однако ничего нового оперативное искусство командарма Тимошенко не предусматривало. Линию Маннергейма предстояло штурмовать в лоб.

По мере того, как все больше пробуксовывала сталинская военная машина на Карельском перешейке, все более враждебными становились отношения СССР с Францией и Англией. Поздравляя своих читателей с Новым годом, газета «Правда» от 1 января 1940 года радостно отмечала в передовой статье:

«Все честные сыновья и дочери Англии, Франции и Америки клеймят позором подлую банду – от римского папы до лондонских лавочников, поднявших весь этот дикий вой по поводу благородной помощи, которую Красная Армия оказывает финскому народу, борющемуся против его угнетателей».

Рой политруков из ПУРа, ринувшийся на фронт вслед за своим шефом Мкхлисом, разъяснял бойцам и командирам, что Финляндия вероломно напала на СССР, что эта война является «разведкой боем международного империализма» перед вторжением в СССР, что англо-французские финансовые магнаты уже готовы бросить против первого в мира социалистического государства свои подлые орды. Страшно было уже не то, что об этой позорной войне писалось и говорилось в подобных выражениях, а то, что во все это верили, и верили фактически безоговорочно.

«Мы создали новый тип человека – советского человека», – с понятной гордостью произнесет Сталин и с не меньшей гордостью это же повторит через 40 лет Брежнев.

Но Сталин нервничает. Разведсводки совершенно ясно показывают ему, как в действительности отнеслось общественное мнение Англии, Франции и Скандинавских стран к его финской авантюре. Постоянно идут сведения о продолжающихся тайных англо-немецких контактах, где муссируется не только возможность заключения мира, но и совместного выступления против СССР. В Осло английская резидентура под предлогом помощи Финляндии ведет секретные переговоры с правительством Норвегии о пропуске англо-французских войск через ее территорию. А это означает войну с Англией. Совсем не хочется. Воевать с Англией мы еще не готовы.

Совсем недавно, 28 ноября 1939 года в городе Молотовске в обстановке чрезвычайной секретности заложен третий шестидесятитысячетонный линкор типа «Советский Союз» – «Советская Белоруссия». В феврале текущего года там же предполагается заложить еще один. Но пока их построят в обстановке повального вредительства и саботажа...

Все жалуются на нехватку рабочих рук. Он, Сталин, начиная с 1937 года, дал команду ежегодно отправлять в ГУЛАГ по полтора миллиона человек, распределяя их в соответствии с нуждами наркоматов. Где эти люди? Кто организовал их мор и повальные расстрелы в прошлом году? Ежов? Но с этим вредителем и наймитом уже разобрались.

Кто-то доложил Сталину: в лубянских подвалах после расстрела Ежова осталось несколько тысяч человек. Среди них много крайне нужных в науке, промышленности, в армии. Разные там писатели, артисты – эти, конечно, пусть сидят, а специалистов неплохо было бы освободить, товарищ Сталин. И даже список дали. Взглянул – ужаснулся. Не от фамилий, а от названий предприятий, где работали – сплошь оборонные НИИ и заводы.

Вызвал Лаврентия. Ясно, кажется, сказал: «Почисти ежовские подвалы». Казалось, понял. Но в ту же ночь все обитатели лубянских подвалов были расстреляны до единого человека – 7105 душ! За одну ночь. Поработали на совесть! Ничего не скажешь. Потом два месяца по ночам вывозили на какое-то кладбище у Донского монастыря. Ну, что делать? Другому бы не простил – Лаврентию простил. Вызвал, разъяснил прямо: прекрати расстрелы, Нужны рабочие руки. Наркоматы жалуются и Госплан тоже. Подписал разнарядку на следующий год – 1 700 000 человек в ГУЛАГ и никого не освобождать из отбывших срок. Давать новый! Нет, говорят, не годите так, товарищ Сталин. Вторые сроки давать уж на воле – по вновь открывшимся деяниям. Приятно, когда с тобой спорят по-большевистски, принципиально, как любил Ленин.

Помнится, Феликс Дзержинский, получив взятку в валюте, принялся отмазывать от расстрела сидевших в Петропавловской крепости великих князей. Ленин аж взвился. «Да что вы, бателька, – накинулся он на Феликса. – Да вы в уме ли, Феликс Эдмундович! Немедленно расстрелять! Всех до единого! Это архиважно!», И посмотрел Феликсу прямо в глаза. А синева в них просто небесная, и доброта неземная.

Феликс все-таки со своим дружком Глебом Бокием кого-то из князей переправил за границу. Уж больно взятка была большая. Говорили, что чуть ли не 400 тысяч фунтов. Сколько точно – никто так и не узнал. Деньги в швейцарский банк переправили, но погорели. – Ильич все узнал и расстроился страшно. Сидел вот так за столом, лысину руками обхватив, и чуть не плакал.

Феликса временно отстранил от руководства ЧК, но потом простил. Отходчивый был. Но как-то в присутствии Алексея Максимовича Горького сказал о Дзержинском: «Лицо у него, как у подвижника, а вор и взяточник». И рукой махнул. Вот так и он, Сталин, – один, как Ленин. Никто его не понимает, всем все приходится разъяснять сотни раз, особенно по вопросам, о которых и говорить-то вообще не полагается. А тут еще и голова пухнет от необходимости анализа поступающих данных. Где тут информация, а где дезинформация, подсунутая международным империализмом?

Вот Пуркаев из Берлина доносит, что немецкая разведка получила информацию о предстоящем английском десанте в Норвегию. Эту же информацию дает наша разведка, но предупреждает, что это «деза», пришедшая из Англии. Если англичане сами распространяют дезинформацию о своем десанте, то зачем? Вовлечь скандинавские страны в войну? Но на чьей стороне? Конечно, тут очень важно, чтобы англичане никоим образом образом в Норвегии не оказались. Нужно отсечь их от Финляндии. Но как? Самим – не получится. Немцы могли бы, но для них это может очень плохо кончиться. А нам это невыгодно...

Проклятая финская война!

17 января «Правда» разражается огромной статьей о коварных планах Англии и Франции нарушить самым «гнусным» образом нейтралитет Норвегии и Швеции

В то же самое время Гитлер обнаруживает у себя на рабочем столе неизвестно кем переизданную брошюру кайзеровского вице-адмирала Вольфганга Вегенера «Морская стратегия в мировой войне», из которой явствует, что Германия проиграла первую мировую войну только из-за того, что не оккупировала Норвегию

Гитлер уже сам не может разобраться, кто его все время подталкивает в сторону Норвегии.

Может, действительно, следует опередить англичан. Главное – внезапность. Крохотная (145000 человек) и плохо вооруженная норвежская армия, конечно, ничем не сможет угрожать вермахту. Но англичане?

В тот же день Гитлер совещается с Редером. Оказывается, русские разрешили сосредоточить часть десантных сил в Мурманске. О, это полностью меняет дело! Тут уж

англичане никак не смогут среагировать. Гитлер тут же отдает директиву о подготовке захвата Норвегии.

Он тем и нравился Сталину, что заглатывал наживку с легкомысленной стремительностью голодного окуня.

3 февраля, опоздав на четыре дня, штаб Северо-Западного фронта командарма Тимошенко представил Сталину новый план прорыва линии Маннергейма.

В принципе, новый план ничем не отличался от старого. Финские укрепления предполагалось штурмовать фронтальной атакой. Ни до чего лучшего Тимошенко додуматься не мог, что и не удивительно, ибо командарм карту читал туго, усвоих из методов руководства войсками на протяжении всей Пятисотлетней войны одну фразу: «Собственной рукой шлепну», что было чуточку модернизированым кличем пятнадцатого века – «своим мечем зарублю», семнадцатого – «своими руками задавлю», девятнадцатого – «своей шпагой заколю»!

В тот же день, после мощной аргиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха, 7-я и 13-я армии своими смежными флангами, как стадо буйволов, пошли в лоб на линию Маннергейма Красную пехоту поддерживали, впервые в практике Красной Аармии, крупные танковые соединения. Используя подавляющее превосходство в людях и технике, беспрерывными атаками в течение трех дней советские войска пытались прорвать финскую оборону. Но все было тщетно – все атаки разбивались о непоколебимую стойкость финнов. Волна за волной, как и в декабре, скашивались цепи атакующих, факелами горели бензиновые танки

Уже впавшие в отчаянье Тимошенко и приставленный к нему Жданов планировали даже испробовать на линии Маннергейма боевые газы, и только безобразное состояние противохимической защиты в Красной Армии заставило их подавить этот искус. Беспощадными приказами они продолжали гнать все новые и новые массы войск на укрепления финнов. Непрерывно грохотала артиллерия. Поднимались бомбардировщики, пытаясь пробить дорогу пехоте.

Наконец, после четырехдневных кровопролитных боев, понеся огромные потери, наша армия на двух участках прорвала первую полосу линии Маннергейма. Но вклиниться с ходу во вторую линию финской обороны не удалось.

Так дело обстояло в центре на Выборгском направлении. На флангах же, на Кегсгольмском и Антреайском направлениях, были полностью уничтожены три советские дивизии, но продвинуться вперед не удалось ни на шаг.

11 февраля Тимошенко бросил на слабеющих финнов новую гору пушечного мяса, которая стала вгрызаться во вторую линию обороны. Часть войск, пройдя в сорокаградусный мороз через огонь финских батарей, по льду залива, вышла в тыл третьей линии обороны. Тимошенко спешил. Приказ Сталина гласил – не позднее середины марта занять Хельсинки.

16 февраля немецкий транспорт «Альтмарк», выполнявший роль судна-снабженца погибшего в южной Атлантике «Графа Шпее», попытался вернуться в Фатерланд, прорвавшись через английскую блокаду. На «Альтмарке» находился целый отдел абвера с новейшей радиоаппаратурой и целой библиотекой различной секретной документации, включая шифровальные книги, к которым немцы традиционно относились до странности легкомысленно.

«Альтмарк» шел темной ночью без огней через норвежские территориальные воды, где и был перехвачен двумя английскими эсминцами.

Англичане подняли на «Альтмарке» гордый флаг своей родины и отбуксировали транспорт в Плимут вместе с абверовской секретной библиотекой.

Советские войска продолжали вгрызаться в железобетонную оборону финнов, неся кошмарные потери. Расширить прорыв на центральном направлении не удавалось.

На побережье Ладожского озера советские войска, прорвавшие первую линию финской обороны, угодили в окружение и методично уничтожались. Части, вышедшие через лед залива, в тыл финской обороны, завязли в непроходимом снегу и теряли силы в боях за каждый метр территории.

Но силы становились все более неравными. Со всех уголков Советского Союза эшелоны везли на фронт все новые и новые тысячи тонн пушечного мяса, без промедления бросаемого в мясорубку боев. Финны, понимая, что их силы иссякают, в отчаянье искали помощи у мира, который им так сочувствовал. Но реальной помощи не было.

Еще в начале января финны пытались завязать с СССР переговоры о возможном заключении мира. С благословения финского министра иностранных дел Таннера в Стокгольм отправилась известная финская писательница Хелла Вуолийоки, где она в течение двух месяцев вела тайные переговоры с «мадам» Коллонтай, но безуспешно.

На Карельском перешейке продолжается мясорубка, 28 февраля Красная Армия на центральном участке фронта прорывает третью полосу финской обороны, выйдя передовыми частями к Выборгу.

1 марта делается попытка с ходу штурмом овладеть городом. Попытка кончается окружением и разгромом 18-й дивизии Красной Армии. Войска останавливаются и снова ждут подкреплений. 6 марта советские войска снова идут на штурм и снова отбрасываются с большими потерями. Тимошенко делает попытку окружить Выборг. Войска, пробившиеся по льду залива, выходят на южное побережье Финляндии с задачей перерезать железную дорогу Выборг – Хельсинки. Из этого десанта не вернулся никто – все были уничтожены финнами.

Обойти Выборг справа также не удалось. Взорвав шлюзы Сайменского канала, финны затопили всю территорию вокруг города.

Развязка наступила скоро.

На столе Сталина лежало донесение советского посла в Лондоне Ивана Майского, которого накануне вызвали в Форин офис и вручили ноту, где говорилось, что

«Правительство Его Величества, пристально наблюдая за действиями Советского Союза в Финляндии, выражает надежду, что у СССР хватит доброй воли, чтобы разрешить затянувшийся конфликт за столом переговоров и прекратить бессмысленное кровопролитие...»

Завершалась нота весьма витиеватой фразой, смысл которой, однако, был совершенно ясен:

«Правительство Его Величества искренне надеется, что Советский Союз не даст перерасти советско-финскому конфликту в войну гораздо большего масштаба с вовлечением в нее третьих стран».

Вместе с тем, по линии разведки советской стороне был подброшен документальный фильм, повествующий о суровых буднях далеких английских гарнизонов, раскиданных на бесчисленных базах необъятной империи.

Открывался он звуками марша «Правь, Британия морями!» По экрану плыли надстройки и мачты английских линкоров, расцвеченных флагами во время какого-то очередного королевского ревю в Спитхедде.

Но вот сюжет резко меняется. Вместо благородной водной глади Спитхеддского рейда – песчаные дюны. Аппарат показывает крупным планом ворота с надписью: «База Королевских ВВС в Масуле, Ирак». Тяжелые бомбардировщики «Веллингтон» прогревают двигатели. Диктор подсказывает за кадром, что каждый «Веллингтон» способен нести три таких бомбы на большие дистанции, вплоть до 3 тысяч миль. Мультипликация показывает пунктиром путь бомбардировщиков. Баку! Вот в чем дело! Или ты останавливаешь свои войска в Финляндии, или мы бомбим Баку! Ты остаешься без нефти и в состоянии войны с нами, англичанами.

Командование Северо-Западного фронта охватывает шок: Сталин приказывает остановить войска. Тимошенко считает, что виной этому его бездарность, его неспособность взять Выборг! Он унизил великого вождя, вынудив его к мирным переговорам с ничтожным противником. Что же теперь будет с ним самим? Совершенно потеряв голову, он вместо приказа о прекращении огня отдает приказ о еще одном штурме Выборга («своей рукой шлепну!»).

11 марта финская делегация в составе замминистра иностранных дел Рути, члена финского сейма Паасикиви и генерала Вильдена прибывает в Москву, и на следующий день, 12 марта, подписывается мирный договор. С советской стороны его подписывают Молотов, Жданов и командарм Василевский.

По новому договору к СССР отходил весь Карельский перешеек, включая Выборг. Граница была возвращена к линии, определенной Ништадтским мирным договором 1721 года в славные времена Петра Великого. Кроме того, СССР получил ряд островов в Финском заливе, финские части полуостровов Рыбачий и Средний, область Петсамо. А что же «правительство» Отто Куусинена? О нем никто никогда больше не вспоминал, как будто его и не существовало.

Итак, договор был подписан. Начиная с четырех часов утра советское радио, вопреки обычному ночному молчанию, ежечасно передавало текст договора. В это же время Сталин требовал от Тимошенко и Мерецкова взять Выборг любой ценой. Время еще было: по протоколу, приложенному к договору, военные действия должны были быть прекращены 13 марта в 12.00.

В 6 часов утра, зная о подписании мира, красноармейцы пошли на штурм города, который по статье II договора уже отошел к СССР. Шесть часов шел кровопротштнейший, ожесточенный бой. На это раз удар наносился со стороны старого кладбища через железнодорожный вокзал. Несмотря на огромную концентрацию живой силы и техники, взять Выборг так и не удалось. Ровно в 12.00, как и предусматривал договор, стороны прекратили огонь. Финны начали отход. Так *Сталин «отомстил» за унижение, которому его подвергли англичане: за шесть часов боя было потеряно еще 862 красноармейца. Не раздражайте вождя!*

Финны подсчитали свои потери в войне, как и положено, с точностью до одного человека. Убитыми и пропавшими без вести они потеряли 23542 человека, ранеными – 43501 человека (из них 9872 человека остались инвалидами). Советский Союз, естественно, столь скрупулезно свои потери не считал, оперируя десятками тысяч. Даже в закрытых источниках даются разные цифры: в одном – 340 тысяч человек, в другом – 540 тысяч человек. Ныне покойный генерал Новиков – бывший работник отдела личного состава НКО – объяснил автору, что первая цифра – это количество умерших от ран и обморожения, а вторая – общие потери с учетом убитых и пропавших без вести. К известным цифрам нужно еще приплюсовать еще 843 военнослужащих Красной Армии, расстрелянных по приговору военных трибунатов «за негативные» высказывания об этой позорной войне.

Сталин был не просто раздражен – он был потрясен. И дело было не в том, что на полях сражений Финской войны Советский Союз ярко продемонстрировал полную бездарность военного руководства, полную беспомощность армии в решении элементарных оперативно-

тактических задач. Дело было даже и не в кошмарных похерях и не в том, что СССР потерял все остатки своего международною престижа и как борец за мир, и как мощная военная держава, а в том, что Сталин с ужасом осознал – с такими армией и флотом осуществить операцию «Гроза» невозможно. Необходимо полностью реформировать вооруженные силы.

Он гонит с поста наркома обороны своего любимца Ворошилова и назначает на его место Тимошенко, который совершенно напрасно беспокоился о своей судьбе. Напротив, Сталину понравилось, как Тимошенко рвал линию Маннергейма, завалив ее трупами. Решительный человек. С таким можно работать! Вместо ожидаемого расстрела Тимошенко получает звание маршала и Героя Советского Союза.

Глава 4. Аппетиты растут во время еды

О новом назначении Тимошенко узнал на срочном заседании Политбюро, куда его, дрожащего от страха, вызвал сам Сталин. Неправильный подбор кадров и плохая дисциплина – вот что, по мнению Сталина, явилось причиной неудач в войне. Тимошенко следует срочно обратить внимание именно на эти два вопроса. Но, в конце концов, резюмирован вождь, мы добились своей цели, ибо обеспечили безопасность наших северных границ и в первую очередь Ленинграда.

Во всяком случае, «официальная» цель этой позорной войны, которую СССР не постеснялся навязать своему крошечному соседу, заключалась якобы в обеспечении стратегической безопасности Ленинграда и всего Северо-Запада.

Что же было достигнуто? Вместо нейтрального, хотя и не очень дружеского соседа, у северной границы появился поверивший в свои силы противник, противник не разбитый и страстно мечтающий о реванше. Война с СССР толкнула Финляндию в объятия Гитлера. Ранее демократическая страна превратилась в четкий и налаженный военный механизм. На волне охватившего Финляндию милитаризма и патриотизма пришлось замолчать не только коммунистам, но даже и тем либеральным политикам, которые до войны пытались доказать возможность мирного сосуществования с СССР.

Вполне естественно, что в июне 1941 года Финляндия без колебаний объявила СССР войну. Оборонявшая Карельский перешеек 23-я Советская армия была разбита вдребезги, Последовавшая затем страшная блокада Ленинграда наполовину обеспечивалась финскими войсками. Более того, ни США, ни Англия, ни другие союзники СССР по антигитлеровской коалиции не объявили Финляндии войну, считая, что маленькая страна воюет за правое дело. Они же, оказав давление на СССР, спасли финнов от неизбежной оккупации в 1944-45 годах.

Вдохновляющие результаты войны были скрыты не только от общественности, но и от армии. Газеты фактически не освещали ход боевых действий, концентрируя свое внимание на героических эпизодах – истинных и выдуманных, связанных с отдельными солдатами или летчиками. Печатались порой, занимая всю газету, списки награжденных. Затем последовали короткие репортажи о «победе» на линии Маннергейма, а затем неожиданное сообщение о заключении мира. Произошел и обмен военнопленными. 986 финских пленных были переданы на родину через КПП севернее Выборга. Советских пленных – изможденных обмороженных инвалидов – везли домой на санитарных поездах, к которым никого не подпускали. Часть из них была выгружена на Финляндском вокзале в Ленинграде и глубокой ночью они промаршировали на Московский вокзал, откуда эшелоны-товарняки отправили их навсегда в безвозвратные лабиринты ГУЛАГа. Домой не вернулся никто. В течение 1940 года их семьи также были высланы из крупных городов.

Сколько их было? Советские источники, как всегда поражая точностью, говорят о «более 5 тысячах». А.Солженицын утверждает, что их было 25 тысяч. Всех их погрузили в эшелоны, в которых на одной из платформ везли мотки колючей проволоки. Доставленные в

районы Заполярья бывшие пленные сами огораживали себе «зону», а затем рыли землянки. Не выжил почти никто.

Однако не это беспокоило товарища Сталина. Его злопамятное сердце жгло оскорбление, нанесенное англичанами, и, поглаживая усы, вождь готовил коварному Альбиону жестокую месть, естественно, руками романтика-Гитлера. 30 марта Молотов, выступая на Верховном Совете, обрушивается на англо-французов с гораздо большим пылом, чем раньше.

Прекрасно понимая, что только неизбежная перспектива войны с Англией заставила Сталина заключить мир с Финляндией, Молотов, упоенный собственной ложью, вдохновенно вещает депутатам, каким ударом для Чемберлена было заключение Советским Союзом мира с Финляндией. Видимо, англичане надеялись, что финны оккупируют СССР по меньшей мере до Урала.

Москва уже получила информацию о предстоящей высадке немецких войск в Норвегии. Осознавая риск, связанный с высадкой морского десанта в водах, кишащих боевыми кораблями английского флота, немцы попросили Сталина разместить в Мурманске часть десантных сил и сил обеспечения.

Чтобы как-то сгладить то жалкое впечатление, которое оставила сталинская армия в период зимней войны, был продуман ряд эффектных и шумных мероприятий. 4 апреля в обстановке патриотической истерии депутаты Верховного Совета утвердили новый военный бюджет.

57 миллиардов рублей, разумеется, были цифрой липовой. Почти весь государственный бюджет, прямо или косвенно, тратился на военные нужды. Разворачивалась еще невиданная в мире танковая программа. Новейшие дизельные танки Т-34 и КВ не имели аналога ни в одной армии мира. Конвейером шли новые модели самолетов бомбардировочной и истребительной авиации. На совершенно секретных полигонах проходили испытания новейшие реактивные установки, химический и бактериологический боезапас. Конвейером шли с заводов подводные лодки. В Николаеве уже под верхнюю палубу поднимался гигантский корпус новейшего линкора «Советская Украина».

Семимильными шагами огромная страна шла к войне.

Пока Тимошенко проводил военные реформы в Советском Союзе, в Германии шла лихорадочная подготовка к десанту в Норвегию. Советский Союз, знающий в качестве сообщника все детали предстоящей операции, ждал затаив дыхание. Англичане, видимо, знали обо всем еще лучше, поскольку читали немецкие коды, как бульварные романы. Знали они и о немецкой военно-морской базе на советском Севере, но молчали, не ставя в известность даже командование собственного флота, поскольку играли свою игру.

7 апреля легендарная польская подводная лодка «Ожел», наделавшая много шума на Балтике в сентябре 1939 года, когда за ней гонялись противолодочные соединения немецкого и советского флотов, «начала» Норвежскую операцию, утопив набитый десантниками немецкий транспорт «Рио-де-Жанейро». Транспорт с десантом шел в сторону Нарвика, о чем лодка немедленно доложила командующему флотом метрополии – адмиралу Форбсу. В тот же день англичане начали минировать норвежские воды.

Рано утром 9 апреля жители Копенгагена неожиданно оказались среди колонн немецких солдат, марширующих к королевскому дворцу. Сначала датчане решили, что идет киносъемка. Через несколько минут дворцовая охрана открыла огонь по наглым участникам «киномассовки». Немцы ответили. Перестрелка продолжалась недолго. Появившийся адъютант короля приказал охране прекратить огонь.

Дания оказалась оккупированной в один день. Сама по себе она не представляла никакой ценности, но ее фланговое положение в Северном море сделало необходимым, по мнению немецких стратегов, ее оккупацию перед вторжением в Норвегию.

В тот же день под покровом шторма и снеговых буранов немцы высадили в Норвегии морской и воздушный десанты. Однако все сразу же пошло совсем не так, как планировалось. Немцы, бросившие в Норвежскую операцию практически все наличные силы своего надводного флота, понесли тяжелые потери. При форсировании Осло-фиорда норвежскими береговыми батареями был потоплен тяжелый крейсер «Блюхер». В самом Осло немцев ждало большое разочарование: английская диверсионная группа прямо из-под носа немцев похитила золотой запас страны. Колонна грузовиков с золотом мчалась по горным дорогам, преследуемая мотоциклистами немецкой горно-егерской дивизии. В одной из тихих бухт золото было перегружено на английский крейсер «Галатея» и отправлено в Великобританию.

Между тем на сцене появился английский флот. Крейсер «Кенигсберг» попал под удар самолетов с английского авианосца «Фьюриос», став первым кораблем Второй мировой войны, потопленным авиабомбами. «Карманный линкор» «Лютцов» с оборванной торпедами кормой был с трудом отбуксирован на базу. Крейсер «Карлсруэ», перехваченный английской подлодкой, перевернулся и затонул со всем экипажем. Один за другим тонули транспорты под ударами английской авиации и эсминцев.

Два немецких линкора – «Шарнхорст» и «Гнейзенау», направленные в море для осуществления дальнего прикрытия десанта, были перехвачены английским линейным крейсером «Ринаун». Противников разделяли десять миль бушующего моря и слепящая снежная пурга. Два залпа англичан вывели из строя систему управления артогнем и башни главного калибра на «Гнейзенау». Только непроницаемый снежный заряд позволил немцам оторваться от противника и вернуться на базу.

В Тронхейме тяжелый немецкий крейсер «Адмирал Хиппер» – собрат потопленного «Блюхера», поврежденный таранным ударом английского эсминца «Глоуорм», вместе с эсминцами своего охранения стоит без топлива и без надежды уцелеть. Два эскадренных танкера – «Каттегат» и «Скагеррак» – отчаянно пытавшиеся пробиться с топливом на помощь к «Хипперу» и эсминцам, идут на дно под огнем английских кораблей.

Немецкие гарнизоны, отрезанные морем от Германии, попадали в отчаянное положение. Застрявшая в Нарвике флотилия немецких эсминцев уже израсходовала все топливо. Потеряв последнюю надежду, немецкие моряки приняли решение затопить свои эсминцы и, сформировав отряд морской пехоты, пойти на сухопутный фронт помогать окруженным горным егерям.

На этом этапе операции английский флот понес минимальные потери, но на каждый потерянный эсминец англичане построили в течение войны десять. Тяжелые и неоправданные потери немецкого флота были невосполнимы.

«Поздравляю с блестящей высадкой», – льстиво телеграфирует из Москвы Молотов Риббентропу. Берлин ничего не ответил, ибо по поводу «блестящей высадки» Гитлер устроил истерику Редеру и Кейтелю. Он не желает слушать никаких оправданий.

Молчание генералов прерывает Гальдер. Да, флот понес тяжелые потери, но это и следовало ожидать, ибо Германия всегда была сильна не флотом, а своими сухопутными войсками. Но тяжелое положение, в которое армия попала в Норвегии по причине слабости кригсмарине, можно компенсировать простым переносом центра тяжести операции с северо-востока на запад. Если фюрер отдаст приказ о наступлении на западе, то англичане наверняка перебросят основные силы своего флота ближе к каналу, ослабив тем самым давление на Норвегию, что позволит сделать очередную попытку деблокировать окруженные части в Нарвике и Тронхейме.Успешное наступление, к сожалению, откладываемое уже несколько раз, решит норвежский вопрос автоматически.

Гитлер молчит.

Неестественно долгая тишина давит уши...

Гитлер еще раз бросает взгляд на карту и назначает наступление на Западном фронте на 9 мая 1940 года...

Советская разведка прислала сообщение, что 9 мая немцы начнут наступление на Западном фронте. Что делать? Накануне Сталин провел совещание с лицами, посвященными в замысел операции «Гроза», число которых, к сожалению, неуклонно росло, вызывая опасение о возможной утечке информации.

Конечно, на карте все выглядит более чем прекрасно. От западного выступа Белостокского балкона до Берлина рукой подать. Вспомогательные удары по Восточной Пруссии и Дании, захват побережья, соединение с наступающими англо-французами где-то за Берлином. Еще более заманчиво выглядит Львовский балкон. Коротким ударом Чехословакия отрезается от Рейха, рывок через Румынию, дорога на Балканы открыта, создавая возможность флангового обхода французов, захвата северной Италии и вторжения в южную Францию. Десант в Дарданеллы.

Для этого надо приводить армию в порядок. На столе у Сталина уже лежит подписанный указ о введении в РККА персональных воинских званий. Командармы, комкоры и комдивы, овеянные романтикой гражданской войны, навсегда исчезнут из рабоче-крестьянской армии, уступив место добротным, испытанным веками чинам старой императорской России. Генералы, адмиралы, полковники, капитаны всех рангов с 7 мая 1940 года составят офицерский корпус армии и флота.

Указом от того же 7 мая Шапошников, Тимошенко и Кулик были произведены в маршалы Советского Союза.

В тот же день новоиспеченный маршал Тимошенко собрал совещание по вопросам военной идеологии, где были заслушаны доклады о состоянии дисциплины и боевой подготовки в РККА.

Ни для кого из присутствующих не было секретом, что во всей армии идет беспробудное пьянство, ставшее причиной 80% всех ЧП в авиации и на флоте. Еще в декабре 1939 года нарком Ворошилов издал секретный приказ «О борьбе с пьянством в РККА».

Рядом с пьянством процветало небывалое воровство казенного имущества.

Пока Тимошенко, развив бешеную деятельность, создавал комиссии по ужесточению дисциплинарного устава, по укреплению единоначалия, по усилению программ боевой подготовки, по формированию новых соединении, по созданию новых оборонных предприятии и новых военно-учебных заведений, Сталин, Шапошников и Мерецков, затаив дыхание, ждали развития событий на Западе. Комкор Пуркаев, ставший отныне генерал-лейтенантом, прислал подтверждающее сообщение – немцы начнут наступление на рассвете 10 мая. Эта дата совпадала со всеми данными, полученными советской разведкой по другим каналам через Рим, Гаагу, Брюссель и, конечно, Берлин.

9 мая в 21.00 начальник штаба германских ВВС генерал Йошонок доложил фюреру, находившемуся в своем личном поезде, что авиация готова к выполнению задачи, а синоптики гарантируют в течение ближайших дней отличную летную погоду. Выслушав сообщение, Гитлер приказал передать всем высшим штабам условный сигнал «Данциг», означавший, что наступление назначено на следующее утро.

10 мая в 05.30 немецкая авиация двух воздушных флотов наносит удар по аэродромам союзников. Через пять минут наземные войска пересекают границы Голландии, Бельгии и Люксембурга.

Французское командование в соответствии с планом, выработанным задолго до войны, двинуло 35 французских и 10 английских дивизии в центральную Бельгию навстречу армейской группе «Б» генерала фон Бока, не понимая при этом, что подставляет тыл своей сильнейшей группировки под удар главных сил вермахта.

Как и в польскую войну, Гудериан командовал танковым корпусом, входившем в танковую группу генерала Клейста в составе группы армий «А» фельдмаршала Рундштедта.

Перевалив через Ардены, танки Гудериана менее чем за двое с половиной суток, оставив за собой 120 километров, вышли на берег Мааса под Седаном. К исходу следующего дня его танки прорвали последнюю оборонительную позицию противника и открыли себе путь на запад – к побережью Па-де-Кале.

Разрезанная танковыми клиньями Гота и Гудериана французская армия разваливалась на глазах. Руководство войсками нарушилось. Английский экспедиционный корпус стал откатываться к побережью в направлении Дюнкерка. Успех был столь неожиданным, что немецкое командование в него не поверило и не было готово к его реализации.

Гудериан утром 20 мая, отрезав линии снабжения левому крылу союзных войск в Бельгии, вышел к морю вблизи Абвиля. Затем он стал продвигаться дальше на север, к портам Па-де-Кале, в тыл английской армии, которая еще находилась в Бельгии, сражаясь с армиями фон Бока. 22 мая войска Гудериана отрезали пути отступления англичанам к Булони, а на следующий день – к Кале. Англичане стали спешно отводить свои силы к Дюнкерку – последнему порту, оставшемуся в их руках. Бельгия, Голландия и Люксембург капитулировали. Остатки французских войск в панике отступали на юг, открывая немцам дорогу на Париж. Под стрессом надвигающейся военной катастрофы пало правительство Чемберлена. Кресло английского премьера занял Уинстон Черчилль, поклявшийся сражаться до конца.

Гитлер, поверив наконец в небывалый успех, приказал представить Гудериана к производству в генерал-полковники.

Между тем танки Гудериана, продолжая продвигаться вперед, к исходу 23 мая находились уже всего в 10 километрах от Дюнкерка – последнего оплота союзников на побережье, куда отошел практически весь английский экспедиционный корпус и несколько французских дивизии. И тут произошло, на первый взгляд, совершенно невероятное событие. Танки Гудериана неожиданно остановились.

Эта остановка почему-то считается одной из тайн второй мировой войны.

В действительности же все было гораздо проще: немцы вошли в зону действия корабельной артиллерии англичан.

Поэтому прямо под носом у немецких танков англичане провели крупную стратегическую операцию по эвакуации своих войск в метрополию.

В период до 4 июня англичане вывезли морем из Дюнкерка 338226 человек.

Одновременно с эвакуацией Дюнкерка резко изменившаяся обстановка на континенте вынудила англичан провести эвакуацию и в Норвегии, подтвердив прогноз Гальдера, что ключ к норвежской проблеме лежит на Западном фронте.

10 июля Муссолини наконец решил поддержать своего берлинского кумира, объявив войну Англии и Франции.

Немецкие войска продолжали наступление 14 июня они вошли в Париж.

Французское правительство запросило Гитлера о перемирии. Призыв Черчилля – отступить в Северную Африку и продолжать войну – был злобно игнорирован. В Берлин уже летели не просьбы, а мольбы. Мстительный Гитлер согласился на перемирие с условием, что большая часть Франции останется оккупированной и церемония подписания перемирия произойдет в Компьенском лесу, в том самом штаб-вагоне маршала Фоша, хранимом французами в качестве национальной реликвии, где в 1918 году подписали капитуляцию униженные и растерянные кайзеровские генералы.

За всеми этими событиями следили из Москвы. Несмотря на то, что советское правительство было полностью осведомлено о готовящихся событиях, их развитие застало

Сталина и его окружение врасплох. В дополнение к исчерпывающей и не оставляющей места сомнениям разведывательной информации, Сталин накануне немецкого наступления на Западе получил о нем официальное немецкое предуведомление. 9 мая граф Шуленбург передал Молотову официальное послание своего шефа Риббентропа, в котором говорилось, что Германия вынуждена предпринять оборонительные меры перед лицом явного намерения англо-французов вторгнуться в Рурскую область.

Советская военная разведка совершенно правильно определила противостоящие силы. Немцы сосредоточили на Западном фронте 136 дивизий, 2580 танков, 3824 самолета, 7378 орудий. Им противостояли 147 англо-французских дивизий, 3100 танков, 3800 боевых самолетов и более 14500 артиллерийских орудий. Одни эти цифры говорили о том, что неизбежна длительная и кровавая обоюдная мясорубка наподобие верденской.

Беспокоило только то, как бы немцы, будучи явно слабее, не истекли кровью в этих боях, оставшись, как и в прошлую войну, без снабжения и боеприпасов.

В первые дни немецкого наступления, когда противостоящие армии завязали авангардные бои в Голландии и Бельгии, все, казалось, шло по намеченному в Москве сценарию. За железобетонными укреплениями линий Мажино и Зигфрида можно было воевать до бесконечности.

Однако дальнейшее развитие событии – молниеносный разгром французской армии – армии, которую Сталин (и не только он) считал сильнейшей в Европе, отдавая ей ведущую роль в пресловутом крестовом походе против СССР – вызвало в Москве шок. Когда было объявлено о взятии немцами Парижа, Сталин – впервые в присутствии своих сообщников – открыл сейф, таинственный сейф, вделанный в стену его кремлевского кабинета, где, к величайшему удивлению всех присутствующих, оказалась початая бутылка Кахетинского, две пачки английского трубочного табака и пузырек с бестужевскими каплями. Накапав себе бестужевских капель, Сталин, не говоря ни слова, покинул всех присутствовавших и уехал из Кремля на ближнюю дачу, куда срочно вызвали братьев Коганов – неизменных лейб-медиков вождя.

«По имеющимся у нас сведениям, – срочно доносила из Москвы нестареющая „Интеллидженс Сервис", – у Сталина был инфаркт или тяжелый сердечный приступ, Наш источник связывает болезнь советского руководителя с разгромом союзных армий на континенте. Не является ли это свидетельством, что Сталин, душой болея за демократию, ведет с Гитлером сложную игру, выбирая лишь подходящий момент для уничтожения его как соперника сталинской гегемонии в Европе и мире».

Прочитав сообщение своей разведки, Черчилль садится за свое первое послание к Сталину. «Британское правительство убеждено, что Германия борется за гегемонию в Европе... Это одинаково опасно как для СССР, так и для Англии. Поэтому обе страны должны прийти к соглашению о проведении общей политики для самозащиты против Германии и восстановления европейского баланса сил...»

Это послание прежде всего говорило о том, что английская разведка уже что-то пронюхала об операции «Гроза» и, если надо, то, конечно, с большим удовольствием поставит об этом в известность Гитлера.

Сталин дал следующий ответ:

«Сталин не видит какой-либо опасности гегемонии любого одного государства в Европе, и менее всего какой-либо опасности того, что Европа может быть поглощена Германией. Сталин следит за политикой Германии и хорошо знает многих ведущих государственных деятелей этой страны. Он не заметил какого-либо желания с их стороны поглощать

европейские страны. Сталин не считает, что военные успехи Германии угрожают Советскому Союзу и его дружественным отношениям с Германией...»

Серыми тенями уходят на английские коммуникации немецкие подводные лодки уже с двух баз на территории СССР. Торжественно гремит оркестр Ленинградской военно-морской базы, приветствуя прибуксированный из Германии тяжелый крейсер «Зейдлиц», проданный в СССР за 100 миллионов марок. Вместе с недостроенным гигантом прибыла целая бригада немецких военно-морских специалистов во главе с адмиралом Фейге. Советской стороне переданы чертежи новейшего немецкого линкора «Бисмарк», эсминцев типа «Нарвик», технологические карты артустановок. Советские авиаконструкторы с интересом изучают полученные из Германии образцы самолетов Ме-109, Ме-110, Ю-87 и Хе-111.

Новый советский военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов и немецкий военно-морской атташе в Москве фон Баумбах провели успешные переговоры по поводу проводки немецких надводных рейдеров Северным морским путем в Тихий океан – в глубокий тыл англичан, где их торговые суда все еще ходят без всякого охранения.

Опомнившись от шока, вызванного немецкими победами, разработчики «Грозы» указали Сталину, что новая обстановка стала еще более благоприятной для осуществления задуманного плана. Прежде всего, перестала существовать французская армия. Практически единственной армией, оставшейся в Европе, является немецкая. Теперь можно не бояться какого-либо сговора европейских держав против СССР.

Теперь главной задачей является подбить Гитлера на вторжение в Англию.

Но прежде чем приступать к «Грозе», необходимо провести ряд промежуточных мероприятии, сущность которых была заложена в германо-советских договоренностях в августе и сентябре прошлого года. Речь идет, пояснил вождь, о прекращении непонятного состояния в Прибалтике и о возвращении исконно русских земель, отторгнутых в 1918 году Румынией. И потому, как только армия и НКВД справятся с этой промежуточной задачей, он, Сталин, будет судить о том, насколько армия и органы готовы к выполнению несравнимо более масштабной и трудной задачи, предусмотренной операцией «Гроза».

17 июня 1940 года Молотов вызвал к себе Шуленбурга и информировал немецкого посла о том, что «СССР намерен осуществить аншлюс Балтийских государств», для выполнения этой задачи СССР направил в Прибалтийские республики своих эмиссаров: Жданова – в Эстонию, Вышинского – в Латвию и Деканозова – в Литву. Если двое первых достаточно известны, то о Деканозове следует сказать несколько слов, поскольку ему будет суждено сыграть достаточно крупную, можно даже сказать – роковую роль в операции «Гроза».

Армянин по по происхождению, он в юности вступил в организацию армянских боевиков, имевшую довольно туманную политическую программу, но в основном занимавшуюся откровенными грабежами и разбоем. Шайка Деканозова постоянно нуждалась в оружии, и ленинские эмиссары предлагали поставлять оружие за деньги. Разбойники охотно платили, но в обмен, как правило, не получали ни шиша. На связь с Деканозовым вышел известный уже нам Литвинов, тот самый, которого Сталин перед переговорами с Гитлером выгнал с поста наркома иностранных дел. Сам Литвинов в те далекие времена был связан с «великолепной парой» Камо-Коба, которая занималась тем же самым, что и армянские боевики, но напрямую от имени партии большевиков. Тогда-то молодой Сталин познакомился с юным Деканозовым и сохранил о нем самое хорошее мнение.

Позднее Сталин рекомендовал «Деканози», как он любовно его называл, своему другу Берии, а тот пристроил отважного бандита в НКВД для сбора компромата на наркомов, их заместителей и прочих высокопоставленных иерархов партии и правительства. Так Деканозов «дорос» до заместителя наркома иностранных дел, оставаясь, естественно, начальником одного из управлении НКВД. Сталин лично, в присутствии Лаврентия Павловича, доверил «Деканози» в общих чертах замысел «Грозы» и поручил осуществить

аншлюс Литвы, подчеркнув, что из всех Прибалтийских республик Литва является самой важной, поскольку она одна имеет границу с Германией.

Пока шли разговоры и переговоры в Москве, Красная Армия уже хлынула во все прибалтийские республики. Стоявшие в Прибалтике советские гарнизоны заранее обеспечили захват аэродромов, железнодорожных узлов, жизненно важных объектов в городах. Сопротивления практически не было.

Так что когда Деканозов прибыл в Литву, там уже в общих чертах все было закончено. Президент Сметона бежал в Германию. Остальное правительство, кто не успел бежать, подало в отставку, и Деканозов распорядился об их немедленном аресте и депортации.

Ответственный за Литву Деканозов стремительно шел впереди своих многоопытных коллег Жданова и Вышинского: с подобными мероприятиями Латвия и Эстония запаздывали по сравнению с Литвой дня на два-три. Зато там были захвачены президенты, а литовский – бежал.

Послы бывших Прибалтийских республик взывали к помощи Гитлера. Они обратились с нотами в Министерство иностранных дел Германии, выражая негодование, прося защиты, указывая на абсолютную незаконность действий Москвы. Однако в секретном протоколе к договору 1939 года ясно говорилось:

«В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам, западная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР».

Методика обезглавливания нации – основа социализма, отработанная на собственном народе и проверенная в Польше дала, как и ожидалось, превосходные результаты, показав всему миру, как будет проводиться знаменитая мировая пролетарская революция. Уже 21 июля назначенные из Москвы новые прибалтийские «правительства» объявили свои республики «советскими и социалистическими» и обратились в Москву с просьбой принять их в состав СССР. Просьба была, естественно, немедленно удовлетворена.

Первые страницы советских газет были заполнены сообщениями о «ликующих демонстрациях народа в Риге и Таллинне», о «радостной встрече частей Красной Армии в Таллинне», о «народных торжествах по случаю присоединения к СССР в Каунасе». А в это время по дорогам Прибалтики, подняв тучи не оседающей неделями пыли, бесконечным потоком шли на запад советские войска, выходя к границам Восточной Пруссии. Операция «Гроза» началась, хотя никто из принимающих участие во вторжении не знал этого. Связь между столь поспешными действиями Сталина и катастрофой союзников на Западном фронте была столь очевидной, что уже 23 июня советское правительство сочло необходимым опубликовать весьма экстраординарное заявление, которым давало понять, что Советский Союз ничуть не волнуют немецкие успехи во Франции: «В связи с вводом советских войск в Прибалтийские государства, – говорилось в заявлении, – в западной прессе муссируются упорные слухи о 100 или 150 советских дивизиях, якобы сконцентрированных на советско-германской границе. Это, мол, происходит от озабоченности Советского Союза германскими военными успехами на Западе, что породило напряжение в советско-германских отношениях.

ТАСС уполномочен заявить, что все эти слухи – сплошная ложь. В Прибалтику введено всего только 18-20 советских дивизий, и они вовсе не сконцентрированы на германской границе, а рассредоточены по территории Прибалтийских государств. У СССР не было никакого намерения оказывать какое-либо «давление» на Германию, а все меры военного характера были предприняты только с единственной целью: обеспечить взаимопомощь между Советским Союзом и этими странами... За всеми этими слухами отчетливо видится

попытка бросить тень на советско-германские отношения. Эти слухи порождены жалкими домыслами некоторых английских, американских, шведских и японских политиков..».

Войска продолжали валом валить через Прибалтику в сторону германской границы. Немцы получили ноту: до 11 августа закрыть свои посольства в Каунасе, Риге и Таллинне, а к 1 сентября ликвидировать и все консульства на территории бывших Прибалтийских республик.

Гитлер почувствовал себя униженным, но сделать уже не мог ничего.

Не радовал и друг – Муссолини. 10 июня он объявил войну Франции и Англии, но на Альпийском фронте, занимаемом итальянскими войсками, разыгрался редкостный фарс. В течение десяти дней после объявления войны итальянцы полностью бездействовали, ожидая, когда немцы подойдут к французской альпийской армии с тыла.

Дело чуть не закончилось катастрофой. Разбив итальянцев в пух и прах, французы перешли в контрнаступление и наверняка заняли бы добрую часть Северной Италии, если бы не вынуждены были капитулировать под стремительным натиском немецких войск.

Именно в этот момент пришло сообщение, что Сталин оккупировал Прибалтику, выйдя на границы Восточной Пруссии. Вслед за этим последовала резкая нота с требованием закрыть немецкие представительства в Прибалтике. Взбешенный Гитлер немедленно приказал закрыть советское посольство в Париже и отправить всех советских дипломатов в Виши. Не успел Гитлер прийти в себя от лихих действии Сталина в Прибалтике, как его ждал новый сюрприз. 23 июня 1940 года фон Шуленбург прислал в Берлин из Москвы телеграмму, в которой звучали панические нотки:

«Срочно/ Молотов сделал мне сегодня следующее заявление. Разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств. Советское правительство все еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение. Советские притязания распространяются и на Буковину, в которой проживает украинское население...»

Еще в мае в Берлин стали приходить сведения об опасной концентрации советских войск на румынской границе. Немецкая разведка докладывала, что в Киеве на базе управления Киевским Особым военным округом тайно создано полевое управление Южного фронта. В состав этого фронта, кроме войск Киевского округа, вошли многие части Одесского военного округа. Командование этим секретным фронтом было возложено на командующего Киевским округом генерала Жукова.

Разведке удалось добыть копию секретного приказа, поступившего из Киева в штаб 49-го стрелкового корпуса, сосредоточенного в районе Каменец-Подольска. В приказе ясно говорилось о предстоящем «воссоединении» Бессарабии и Северной Буковины. Выражая надежду, что дело обойдется мирным путем, командованию корпусом тем не менее предлагалось подготовиться к ведению боевых действий. Для этой цели проведены соответствующие командно-штабные учения.

Все это, в принципе, не было для немцев неожиданностью, ибо в секретном протоколе к договору от 23 августа 1939 года совершенно ясно говорилось:

«Касательно Юго-Восточной Европы советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях».

Вопрос, касающийся Бессарабии, для немцев ясен. Но при чем тут Буковина, которая России никогда не принадлежала. Это во-первых. А во-вгорых, наличие советских войск на территории Буковины создавало прямую угрозу быстрого захвата нефтяных скважин Плоештинского бассейна, вся добыча которого шла в Германию, обеспечивая вместе с поставками из СССР 87% потребностей германских вооруженных сил в топливе.

25 июня Риббентроп шлет срочную телеграмму в Москву Шуленбургу:

«Пожалуйста, посетите Молотова и заявите ему следующее:
1. Германия остается верной Московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу..
2. Претензии Советского правительства в отношении Буковины – нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев также чрезвычайно заботит Германию...
3. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, имперское правительство вместе с тем надеется, что в соответствии с московскими соглашениями Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет решить этот вопрос мирным путем».

В тот же день Шуленбург, побывав у Молотова, телеграфирует в Берлин:

«Срочно!
Инструкцию выполнил, встречался с Молотовым сегодня в 9 часов вечера. Молотов выразил свою признательность за проявленное Германским правительством понимание и готовность поддержать требования Советского Союза. Молотов заявил, что советекое правительство также желает мирного разрешения вопроса, но вновь подчеркнул тот факт, что вопрос крайне срочен и не терпит дальнейших отлагательств. Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины..»

Немцы наивно полагали, что у них еще есть несколько дней. Вскоре они убедились, что заданный Сталиным темп намного опережает их стратегические выкладки. Едва успев выпроводить Шуленбурга, Молотов в тот же день, 26 июня, вызвал к себе румынского посланника Г.Давидеску и сделал ему следующее заявление:

«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории —Бессарабию...
Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава».

На размышление румынам было дано 12 часов. Утром 27 июня они должны были дать ответ. Огромная армия уже ревела моторами танков у восточных границ Румынии. Румынская армия ждала приказа, хотя оценивала свои шансы довольно трезво, зная, что первый удар с воздуха будет нанесен не по ним, а по нефтяным полям Плоешти.

Утром 27 июня румынский посланник в Москве Давидеску заявил о «готовности» его правительства начать с СССР переговоры по бессарабскому вопросу. Никаких переговоров, –

отрезал Молотов, потребовав «ясного и точного ответа» – да или нет. Давидеску попробовал что-то говорить о Буковине, но вынужден был замолчать, когда ему показали документ, датированный еще ноябрем 1918 года, в котором говорилось, что «народное вече Буковины, отражая волю народа, решило присоединиться к Советской Украине». Зажатое между советскими ультиматумами и немецкими советами, правительство Румынии, осознав всю безвыходность своего положения, отдало приказ армии организованно отойти к новой границе, не оказывая сопротивления Красной Армии.

28 июня советские танковые и кавалерийские части хлынули через румынскую границу. Войска шли форсированным маршем. Агентурная разведка с тревогой докладывала, что чуть ли не все население Бессарабии и Буковины снялось с мест и бежит на Запад. Этого нельзя было допустить ни в коем случае, ибо кому нужна земля без рабов? На некоторых участках для перехвата беженцев были сброшены воздушные десанты, установившие контрольно-пропускные пункты на дорогах. В разгар всех этих событий, когда перепуганный Гитлер метался по своему кабинету, со страхом глядя на карту, которая наглядно показывала, как Советский Союз, словно гигантский пресс, медленно, но верно вдавливается в Европу, явно нацеливаясь на Балканы, в Восточную Пруссию и в самое сердце Рейха, известия из Москвы продолжали поражать своей грозной последовательностью.

25 июня, в самый разгар румынского кризиса, пришло сообщение о неожиданном установлении дипломатических отношении между СССР и Югославией. В Белград отправился советский посол Плотников. Знакомые с методами работы советских посольств, немцы встревожились. В Югославии существовали сильные просоветские течения, готовые в любой момент открыть страну для армии Сталина. Генштаб получил приказ срочно разработать план оккупации Югославии, если возникнет необходимость. Но Сталин задал бешеный темп, реагировать на который было уже очень трудно, не вытащив армию из Франции.

26 июня в Москве опубликовывается Указ Президиума Верховного Совета СССР

«О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную (без выходных) рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Указом устанавливалась уголовная ответственность за прогул (опоздание на работу свыше 20 минут приравнивалось к прогулу) и самовольное оставление работы.

В секретных партдирективах, оформленных чуть позднее в качестве решения пленума ЦК, разъяснялось, что директора предприятии должны полностью использовать предоставленную им власть и не бояться насаждать дисциплину путем репрессий, не либеральничать с прогульщиками, а беспощадно отдавать их под суд.

Этот беспрецедентный для мирного времени указ красноречиво говорил о том, что Сталин откровенно переводил всю промышленность страны на военные рельсы, окончательно превращая «первую в мире страну социализма» в огромный концентрационный лагерь. Миллионы беспаспортных колхозников, прикрепленные к государственной земле, стали крепостными в результате проведения всеобщей коллективизации. Введение паспортной системы и прописка прикрепили всех остальных жителей страны к месту проживания, а последний указ прикреплял всех рабочих и служащих (всю страну) к рабочему месту!

8 июня 1940 года новоиспеченный маршал Тимошенко обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с запиской, в которой товарищу Сталину ставился мягкий упрек в том, что предусмотренные Уголовным кодексом наказания за воинские преступления из-за их непонятного либерализма «не способствуют укреплению дисциплины в Красной Армии».

Например, дезертирами считаются те, кто самовольно покинул часть и отсутствовал в ней более шести суток. Маршал предлагал изменить этот срок *до 6 часов.*

11 июня Тимошенко издает еще один исторический приказ

«О ликвидации безобразий и установлении строгого режима на гауптвахтах».

12 июня появляется его приказ о введении в Красной Армии дисциплинарных батальонов, что почти совпадает по времени с Указом Президиума Верховного Совета «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», предусматривающим направление военнослужащих срочной службы за самовольные отлучки в дисциплинарные батальоны на срок от 3 месяцев до 2 лет.

В дополнение к архипелагу ГУЛАГ по всей стране стали расцветать дисциплинарные батальоны.

Знаменитый приказ Тимошенко N 120 от 16 мая откровенно ставил задачу на войну:

«Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне»

Армия не знала покоя ни днем, ни ночью. Приказ требовал использовать не менее 30% «учебного времени» по ночам. Выходных практически не было, ибо все они отдавались кроссам, заплывам, забегам и т.п.

Кипами лежат на столе у Сталина совершенно секретные, особой важности документы, не терпящие отлагательства.

«Строго секретно. Особой важности. Об организации и численности Красной Армии».

«Всего на сборы в этом году привлечь 766000 человек, не считая проходящих учебные сборы в данное время в количестве 234000 человек».

Пришедших на сборы уже не отпустят из армии до 1946 года. Начался первый этап тайной мобилизации резервистов. Сборами она называется для немецкой разведки.

Следующие документы.

«Сов.секретно. Особой важности. О производстве танков Т-34 в 1940 г...»
«Сов.секретно. Особой важности. Об увеличении выпуска самолетов и авиамоторов...»
«Сов.секретно.Особой важности. О программе военного кораблестроения...»
«Сов.секретно. Об организации структуры Военно-воздушных сил Красной Армии...»

Глава 5. «Морской лев» боится воды

В Берлине все с большей тревогой поглядывали на Восток. Осведомительные сводки о военных приготовлениях Сталина аккуратно ложились на стол генерала Гальдера и докладывались фюреру. Иногда эти сводки были не совсем точны в деталях, но существо дела они передавали абсолютно правильно: Сталин, видимо, совсем потерял благоразумие и открыто готовит страну к большой войне. Если сталинская орда хлынет в Европу, ее будет не удержать. Единственно, что можно сделать, – это нанести Сталину упреждающий удар. Но и это легче сказать, чем сделать.

После капитуляции Франции, в Германии царило общее настроение, что война заканчивается. Разделял это настроение и сам Гитлер, приказав 15 июня демобилизовать 40 дивизий из 160. Объезжая памятные места сражений первой мировой войны, он заметил сопровождавшему его Максу Амману – бывшему фельдфебелю той же роты, где служил фюрер, ныне – крупному нацистскому издателю, что продолжение войны против Англии его совершенно не занимает, поскольку у англичан, по его мнению, обязательно победит здравый смысл и они пойдут на мирные переговоры. Макс Амман почтительно осведомился: не означает ли это, что война закончена? Гитлер ответил утвердительно, заметив, что он очень рад столь быстрому окончанию войны по сравнению с предыдущей и тем минимальным потерям, которые понесла Германия, добившись при этом столь блистательных успехов.

Отражая мысли Гитлера, заместитель Йодля полковник Вальтер Варлимонт официально ответил на запрос штаба военно-морских сил по поводу продолжения войны с Англией следующим образом: «До сих пор фюрер не высказывал никакого намерения относительно высадки в Англии... До настоящего времени в ОКВ не велось по этому вопросу никаких подготовительных работ». Подобный же ответ пришел из генерального штаба Вермахта, где говорилось: «Генеральный штаб не занимается вопросом высадки в Англии, считая подобную операцию невозможной». Флот, которому еще в ноябре 1939 года поручили провести теоретическую разработку проблемы «вторжения» в Англию, также занимался этой проблемой без всякого энтузиазма, лучше других служб зная, насколько немцам не под силу осуществить подобную десантную операцию. Знал это и Гитлер, который, как известно, ненавидел Англию в целом, но весьма почтительно относился к британскому флоту.

Желая поскорее закончить войну, Гитлер еще 11 июня, когда поражение Франции уже не вызывало никаких сомнений, дал интервью немецкому журналисту Карлу фон Вигнаду, чтобы оповестить мир, что в его, Гитлера, намерения не входят враждебные действия против Западного полушария, что он не желает разрушения Британской империи, а настаивает лишь на смещении с поста «поджигателя войны Черчилля».

18 июня Риббентроп в беседе с итальянским министром иностранных дел графом Чиано как бы доверительно сообщил ему, что Англия должна лишь признать как свершившийся факт установление германского господства на европейском континенте, отдать принадлежавшие Германии колонии, захваченные англичанами в годы первой мировой войны и заключить с Германией новое торговое соглашение. На этих условиях Англия немедленно получит мир. В противном случае, блефовал Риббентроп, Англия будет уничтожена. Рассчитывая заключить мир с Англией и побудить Францию к будущему сотрудничеству, Гитлер и французам решил не ставить чересчур жестких условий. У Франции, как водится, отбирались только Эльзас и Лотарингия. Колонии оставались во французских руках, флот подлежал лишь разоружению, армия – демобилизации.

Именно в этот момент Гитлер узнает о событиях на Востоке, где стремительно начало развиваться сталинское наступление на Запад. Разведка с тревогой докладывала об увеличении активности советских войск в Закавказье, где операторы генштаба приступили к съемке турецкой территории, об активности Красного Черноморского флота у берегов Румынии и Болгарии, а также у турецких проливов. На Балтике, после захвата Прибалтики, также резко возросла активность русского флота, растущего невероятными темпами.

Надо немедленно перекидывать армию на Восток. Но Англия никак не реагирует на мирные предложения. По линии службы Вальтера Шелленберга немцы держат связь с проживающим в Лиссабоне герцогом Виндзорским – бывшим английским королем Эдуардом VIII. Брат короля Георга IV не скрывает своих пронемецких симпатий. Он считает войну с Германией национальной трагедией Англии. Если бы он оставался на престоле – этого бы никогда не произошло. Используя свои громадные связи в Лондоне, герцог пытается побудить своих бывших подданных к благоразумию и признанию реальностей существующего мира.

Англия молчит, поглядывая на Восток. За триста лет своего существования английская разведка опутала своими щупальцами весь мир. Англичане лучше других понимают, что происходит в Москве. Начав движение, Сталин еще сможет на некоторое время затормозить, но уже не сможет остановиться. За это говорит все его поведение и небывалая в истории человечества программа милитаризации страны. А ведь Сталин, распалясь, может легко дойти и до Атлантики. Что лучше – Европа под Гитлером или Европа под Сталиным?

«Главное – уничтожить Гитлера», – считает Черчилль. – Если бы Гитлер угрожал аду, я заключил бы без промедления союз с дьяволом!»

30 июня генерал Йодль представляет фюреру памятную записку о военных возможностях Англии в настоящее время, где прямо говорится:

«Окончательная победа Германии над Англией является только вопросом времени... Крупномасштабные наступательные операции противника более не являются возможными».

1 июля Гитлер, выступая перед активистами Трудового фронта, открытым текстом предлагает Англии мир. Он подчеркивает, что никаких причин для продолжения войны не существует. Германия готова вывести свои войска из Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Дании и Норвегии, дав этим странам «полную свободу национального развития». В голосе фюрера звучат ранее не свойственные ему оправдательные нотки. Что, собственно, он требует? Да ничего. Старые германские колонии? Разве это не справедливо? Признать право Германии на Эльзас, Лотарингию, Западную Польшу, на Богемию и Австрию? Разве это не исконные немецкие территории, отторгнутые в разное время от Германии силой оружия? Так за что же две великие европейские нации должны убивать друг друга?

Английский ответ оказался для Гитлера совершенно неожиданным. 3 июля соединения английского Средиземноморского флота под командованием адмирала Соммервиля атаковали французские военно-морские базы в Оране и Дакаре. Англия решила застраховать себя от неприятной и опасной перспективы захвата немцами французского флота или использования его с одобрения пораженческого правительства маршала Петэна для войны против Англии. *Акция была тщательно отснята кинохроникой и подсунута Гитлеру...*

Гитлер в ярости и смятении. Он то бегает по своему кабинету, то сидит скрючившись за столом, обхватив голову руками. Сводный рапорт разведывательных служб за июнь не способствует поднятию настроения. На секретных полигонах в СССР ведутся испытания каких-то принципиально новых видов оружия. Сведения отрывочны. Эксперты склоняются к мысли, что речь идет о каком-то виде термитного оружия. Складируется большое количеству химического оружия. Где-то за Уралом ведутся опыты с бактериологическим оружием. Запущены в серию новые танки чудовищной мощности. Идут испытания принципиально нового типа истребителя на реактивной тяге. Киевский военный округ готовится к крупным маневрам. Секретные испытания нового типа парашюта для воздушно-десантных войск. Сталин подпи ал приказ довести в ближайшее время численность воздушно-десантных войск до миллиона человек...

Англия быстро пришла в себя от дюнкеркского шока. Идет строительство новых к граблей, включая несколько линкоров, тяжелых крейсеров и крупных авианосцев. Увеличили темп работ авиационные заводы. Заметно возросла активность английской разведки на Балканах и Ближнем Востоке. Очевидна опасность английских провокаций, чтобы вьшудить Гитлера на непродуманные ответные действия. Англия фактически обрела себе нового союзника – Соединенные Штаты, чей нейтралитет, судя по всему, превращается в клочок бумаги. Из США в Англию потоком идет сырье и вооружение, скрытые под флагом американского нейтралитета. Любое задержание их судов американцы раздувают до уровня международного скандала.

В самих Соединенных Штатах все более намечается тенденция к наращиванию военной мощи. Предполагается увеличить производство самолетов до 50 тысяч в год. Намечено строительство новых военных баз. Осведомленные источники полагают, что Рузвельт в конце концов проведет закон о всеобщей воинской обязанности с тем, чтобы довести армию США до 4-6 миллионов человек.

Таким образом, все перечисленное говорит о том, что Соединенные Штаты намерены выступить против Германии, как только им удастся развернуть необходимые для этого

вооруженные силы. Ориентировочно это может произойти в середине 1942 или в начале 1943 года. Примерно к этому же времени ожидается полное перевооружение Красной Армии и доведение англичанами своей морской и военной мощи до несравнимого с немцами состояния.

Можно с уверенностью сказать, что эти силы не пойдут ни на какие мирные переговоры с Германией, какие бы условия ни выставлялись германским правительством, ибо их целью является владычество над миром...

Германской империи навязывается война на уничтожение, и если будет упущено время, перспектива этой борьбы видится весьма мрачной, учитывая катастрофическое неравенство сил во всех областях, начиная от людских ресурсов и кончая наличием стратегического сырья и возможностями промышленности...

Поэтому до лета 1942 года, т.е. до предположительного срока окончательной готовности к войне Соединенных Штатов, необходимо покончить с Англией и Россией, а затем, форсируя программу военно-морского строительства, совместно с Японией и Италией обрушиться на Соединенные Штаты, сокрушив, таким образом, последний бастион международного еврейства в мире и дать немецкому народу достойное его будущее...

Очевидно, что главный враг – это Сталин. Прежде всего надо разобраться с ним. Для этого нужно сосредоточить на восточных границах достаточное количество сил, чтобы разгромить сталинскую армию в ходе короткой, молниеносной операции, скажем, осенью этого года...

Нереально. За это время не произвести сосредоточения и развертывания необходимых сил. Хорошо, тогда весной следующего года. А если Сталин, увидев сосредоточение столь крупных сил на своих границах, сам нанесет упредительный удар еще до того, как вермахт будет полностью готов к вторжению?

Его надо обмануть, развернув глобальную операцию по дезинформации, скрыв направление главного удара. Сделать так, чтобы он был уверен, что удар мы нанесем по Англии, в то время как в действительности мы нанесем удар по Сталину.

Рискованно? Да.

Но если сталинская орда вторгнется в Европу, имея уже сейчас подавляющее превосходство в людях, танках и авиации, то ее будет не остановить! Разгромить ее можно только сокрушительным внезапным ударом.

Если в ходе направленных против Англии мероприятий по дезинформации Сталина удастся принудить Англию к капитуляции или миру, то тем лучше.

Но удар по России необходимо нанести в любом случае.

В ходе операции, кодовое наименование которой отныне будет «Гарпун», желательно уничтожить военно-воздушные силы Англии и хоть как-то ослабить ее военно-морские силы, избегая при этом ненужных потерь. Иллюзия возможного десанта должна быть полной, чтобы держать Англию и весь мир, особенно Сталина, в постоянном напряжении и ожидании......Присутствовавшие на совещании Кейтель, Йодль, Гальдер и Браухич представляли армию; Гейдрих, Канарис и Шелленберг – разведывательные службы; Геринг, Риббентроп и Гесс – партию. От флота никого не было! Все присутствовавшие сосредоточенно молчали, обдумывая предложенный план, который в своей сущности сводился к следующему: начать шумную подготовку к вторжению на Британские острова, а под шумок этой подготовки сосредоточить войска на советской границе и сокрушить Сталина. Кроме присутствующих, ни одна живая душа не должна знать об этой операции...

Дальше произошла как бы неожиданность, поразившая почти все командование вооруженных сил и особенно командование флотом, которое все последующее примет за чистую монету.

Через три дня, т.е. 16 июля 1940 года, генералы и адмиралы, еще недавно столь удовлетворенные логичностью мышления своего фюрера, получают подписанную Гитлером Директиву N 16 следующего содержания:

Фюрер и Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами

Штаб-квартира фюрера
16 июля 1940 года
7 экземпляров
СТРОГО СЕКРЕТНО!

ДИРЕКТИВА N16
О ПОДГОТОВКЕ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ АНГЛИИ

Поскольку Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, все еще не выказывает никаких признаков готовности к мирному соглашению, я принял решение подготовиться к десантной операции против Англии и осуществить ее, если в этом возникнет необходимость. Целые этой операции является уничтожение английской метрополии как базы дальнейшего ведения войны против Германии, а при необходимости полной ее оккупации...»

Далее в директиве указывалось, что осуществление операции, получившей кодовое наименование «Морской Лев», должно быть проведено внезапным форсированием Ла-Манша на широком фронте примерно от Рамегета до района западнее о.Уайт. В качестве предпосылок десанта на территорию Англии указывалось: разгром вражеских ВВС, «чтобы они не могли оказать заметного сопротивления германской операции», создание маршрутов, свободных от мин, подготовка минных заграждений на флангах маршрутов десанта, а также сковь ванне английских военно-морских сил в Северном и Средиземном морях.

Командование сухопутных сил получило задачу разработать оперативный план переброски соединений первого эшелона, распределить переправочные средства, установить совместно со штабом ВМС районы погрузки и выгрузки. Командованию военно-морских сил ставилась задача разработать оперативный план, обеспечить и подвести в районы погрузки переправочные средства в количестве, отвечающем требованиям сухопутных сил, обеспечить охрану операции с флангов, подготовить береговую артиллерию. Подготовку операции требовалось завершить к середине августа. 17 июля, т.е. менее чем через сутки после получения директивы, командование сухопутных войск специальной директивой выделило для осуществления вторжения группу армий «Б» в составе 16, 9 и 6-й армий. В лихо составленном оперативном плане, в каждой строчке которого сквозит надежда на его неосуществление, все было четко и просто.

Всего в первой волне на плацдармы южного побережья Англии высаживаются 90 тысяч человек, а на третий день операции их число должно увеличиться до 200 тысяч. Шесть танковых и три моторизованные дивизии высаживаются во второй волне, и на четвертый день операции на плацдармах концентрируются 39 дивизий, не считая двух воздушно-десантных, выброшенных впереди первой волны с задачей дезорганизации узлов связи и управления в оперативном тылу противника.

Советская разведка оказалась на высоте, и директива Гитлера N 16 легла на стол Сталина, хотя здесь явно чувствуется бескорыстная помощь немцев.

Сталин вызывает начальника разведки генерала Проскурова и спрашивает: есть ли у немцев действительно возможность осуществления вторжения на Британские острова? Подобное вторжение, объясняет вождю Проскуров, зависит от четырех главных условии:

1. Предварительного установления германской авиацией господства в воздухе.

2. Обеспечения господства на море хотя бы в районе вторжения и надежного сковывания сил британского флота в Атлантике и Северном море.

3. Наличия достаточного тоннажа средств десантирования.

4. Возможности преодоления береговой обороны и сопротивления английских войск в ее глубине.

Только выполнив все четыре условия без исключения, немцы могут надеяться на успех. Не обеспечив хотя бы одного из них, они лишатся всяких шансов.

По нашим данным, британская авиационная промышленность выпустила в мае 1279 самолетов, в июне – 1591, а в текущем месяце намерена выпустить примерно 1700. Это – не считая самолетов, которые по заказу англичан производятся на американских заводах.

В настоящее время у немцев на аэродромах Западной Европы сконцентрировано не более 600 готовых к бою истребителей типа «Мессершмит-109» и примерно 1100 бомбардировщиков всех типов, включая и двухместные истребители «Ме-109», используемые в качестве бомбардировщиков.

Таким образом, английская истребительная авиация – основное средство борьбы за господство в воздухе – численно в несколько раз превосходит немецкую, имея при этом дополнительное преимущество: англичанам придется драться над своими базами, в то время как немцам придется делать то же самое на последних граммах горючего.

Что касается второго условия – обеспечения господства на море – то здесь положение Германии выглядит вообще бесперспективным. В настоящее время немецкий флот имеет в готовности лишь четыре крейсера и некоторое количество эсминцев, торпедных катеров и минных заградителей. Английский же флот, по нашим данным, только в водах метрополии имеет 5 линкоров, 2 авианосца, 11 крейсеров и более 80 эсминцев. Кроме того, достоверно известно, что прибрежные воды Британии прикрыты плотной зоной минных и иных заграждений. Эти воды охраняют более 700 малых кораблей, из них 200-300 находятся постоянно в море. Сорок соединений флота непрерывно патрулируют воды между Хамбером и Портсмутом.

Далее – транспортные средства для осуществления столь крупного десанта. Их у немцев нет. Необходимое количество можно обеспечить лишь путем широкой мобилизации тоннажа из германского народного хозяйства, в частности, с Рейна. Подобная мобилизация нанесет очень тяжелый удар по экономике Германии, особенно в перевозках угля и руды. Кроме того, даже если Гитлер пойдет на мобилизацию тоннажа, для сосредоточения необходимого количества транспортных средств потребуется не менее трех месяцев, т.е. где-то к концу октября, когда ни о какой высадке не может быть и речи из-за погодных условий в Ла-Манше в это время года...

Сталин прерывает доклад начальника разведки резким и нетерпеливым движением руки с зажатой в ней трубкой.

«Совсем недавно, товарищ Проскуров, вы уверяли нас со своими цифрами и данными, что наступление немцев на Западе приведет к затяжной и кровопролитной войне. Теперь вы также нас уверяете, пытаетесь уверить, что десант в Англию невозможен. Таким образом, вы вводите в заблуждение Политбюро ЦК...»

В тот же день генерал Проскуров был снят с должности, через неделю арестован, а в октябре 1941 года, когда выяснилось, что на этот раз он был совершенно прав, расстрелян. Начальником разведки был назначен генерал Голиков.

Печальная судьба несчастного Проскурова ясно показала всем, что хочет слышать вождь. Вождь жаждет немецкого вторжения в Англию. Это определило весь стиль последующей работы. В первом же докладе генерал Голиков, опровергая все выводы своего

незадачливого предшественника, доказал вождю, что вторжение в Англию не только возможно, но просто неизбежно и может произойти в любой следующий день.

Голиков откровенно вводил вождя в заблуждение. Никаких данных о неизбежности десанта у него не было. Напротив, у него было донесение советского военно-морского атташе в Берлине капитана 1-го ранга Воронцова, о том, что источники в верхах немецкого флота считают десант неосуществимым. Об этом же докладывает и военный атташе генерал Пуркаев, заметивший переброску войск вместо северной Франции в восточную Польшу.

Настырный советский военный атташе уже достаточно надоел немцам. Пора спровадить его в Москву, а лучше – еще подальше. Но пусть это сделает Сталин. Вклеив в альбом последнюю фотографию об амурных похождениях лихого комкора, немцы любезно пересылают этот альбом в Москву, где Сталин, поглаживая усы, с интересом его рассматривает. Захлопнув альбом, Сталин комментирует увиденное словами: «Хорош, нечего сказать!» и приказывает Голикову вызвать этого «молодца» в Москву.

Как ни странно, но, увидев альбом, Пуркаев успокоился и даже стал объяснять Сталину, какую именно информацию он получал от изображенных на фотографиях голых девиц. Сталин благожелательно улыбается в усы: «Видимо, вы разнюхали что-то очень интересное, раз они прислали этот альбом сюда.

Они надеются, что мы вас расстреляем. Но мы вас, товарищ Пуркаев, не расстреляем, а пошлем обратно в Берлин».

Что думает Пуркаев о готовящемся вторжении в Англию? Возможно ли оно? Конечно, возможно, уверенно отвечает генерал. Именно об этом он «узнавал» от проинструктированных гестапо девочек-патриоток, благодаря которым Пуркаев и предстал перед вождем.

Над глухими стенами кунцевской дачи повисла темная ночь. Временами идет дождь. Три кольца внешней охраны зорко несут службу у шлагбаумах на дорогах, в секретных пикетах и засадах вдоль всего пути. Начеку и внутренняя охрана. По долгу службы офицеры охраны знают много больше, чем им положено знать. Знают о мине, обнаруженной на трибуне Мавзолея накануне первомайского парада 1938 года, знают о минах, таинственным образом появляющихся на маршруте следования Сталина из Кремля в Кунцево. Знают и о том, о чем вообще никому не положено знать: о ночном бое всего в двух километрах от дачи, разгоревшемся вьюжной ночью 3 февраля 1939 года, когда группа неизвестных в количестве 12 человек, явно прошедших специальную подготовку, пыталась прорваться к даче. 37 сотрудников охраны остались лежать в лесу – пули неизвестных были покрыты слоем цианида и вызывали при любом попадании быструю смерть. Никого взять живым не удалось...

Сталин не спит. Он сидит в глубоком кресле, буквально утопая в нем. Свет в комнате затемнен, но не погашен. Черные глаза вождя смотрят в пространство немигающим взором. Кожа лба натянулась, морщины исчезли, лицо смотрится удивительно помолодевшим. Дыхание редкое и очень глубокое.

Страшная неведомая энергия вливается в него. Он сам не знает ее природы, он боится ее, но без этой энергии он уже давно не может существовать. Это началось давно, еще в туруханской ссыпке, когда туземцы, веками жившие в гармонии с суровой природой крайнего севера, научили его подключаться к великой энергии Неба, чтобы выжить сегодня и иметь силы идти завтра за несметными стадами своих оленей. Ему тоже надо выжить сегодня, а завтра управлять несметным стадом своих подданных, которых уже почти двести миллионов...

А по всему Советскому Союзу прокатываются шумные «спонтанные» митинги рабочих, приветствующих и одобряющих последние антирабочие указы, превращающие их в

бесправных и безликих рабов. Огромная страна, хлюпая по грязи и крови, по костям своих и чужих подданных, уже почти неприкрыто выходит на тропу войны.

Газеты опубликовывают сообщение главного командования вермахта о потерях Германии в ходе блицкрига на Западе: 27000 убитых, 18 пропавших без вести, 111000 раненых. Взято в плен – 1 миллион 900 тысяч солдат и офицеров противника, включая пять командующих армиями. Потери, почти втрое меньшие советских потерь в войне с крошечной Финляндией, неприятно резанули слух Сталина и его ближайшего окружения. Даже питавшееся одними слухами о собственных потерях население не могло не обратить на это внимания. Затаенная надежда, что Германия выйдет из этой войны ослабленной и обескровленной, рассыпалась в прах. Впервые миллионы русских услышали фамилии, от одного звука которых сердца сжимались в страшном зловещем предзнаменовании: Гудериан, Клейст, Гот, Манштейн...

Но в Кремле никакого предзнаменования не чувствовали. Напротив, на оперативно-тактической игре, проведенной 25 июля в присутствии Сталина, действия немецких танковых групп были признаны «авантюристическими». На славу поработала разведка, доставившая для аналитиков несколько кубометров оперативно-тактических приказов по различным танковым группам вермахта. Сплошная авантюра! Извольте убедиться, в свойственной ему старорежимной манере докладывает маршал Шапошников. Танки опережают пехоту чуть ли не на недельный переход. Несутся вперед без обеспеченного тыла и флангов. В отличие от первой мировой войны, в боевых порядках исключительно слабая артиллерийская насыщенность. С воздуха группу поддерживает, по нашим меркам, авиационная бригада неполного состава.

Немцы берут на испуг! Хорошо дисциплинированная, не поддающаяся панике армия без труда справится с подобной, совершенно непродуманной тактикой, отрезав танки от пехоты, а спешащую за танками пехоту от тылов. Это первое. И второе: оборона у немцев совершенно не продумана. Гудериан гоняет с фланга на фланг одну кавалерийскую дивизию, которая справляется со своей задачей в инерции стремительного наступления. Но если сама группировка подвергнется удару, да при этом будут выведены из строя ее средства управления и связи, то разгромить ее не составит особого труда.

Как показывают наши расчеты, треть они потеряют на переходе морем и при выгрузке на плацдарме, еще треть – при прорыве английской обороны. И вот тогда начинаем действовать мы. Важно не упустить момент, а потому постоянно держать армию в готовности. Кроме того, расчеты, проведенные генеральным штабом, показывают, что для проведения операции столь крупного масштаба, какой является «Гроза», необходимо увеличение танкового парка на 40%, самолетного – на 50%, численного состава армии – на треть.

Из самоуверенного, коварного политика Сталин постепенно начинает превращаться в военного лидера. Всего через пять лет, став, подобно Суворову, генералиссимусом русской армии, он дружески скажет фельдмаршалу Монтгомери: «К черту политиков. Ведь мы с вами военные!» Но это будет через пять лет – долгих, как геологическая эпоха. А пока он изучает устав РККА, пугаясь в терминах и формулировках. Он ни дня не служил в армии, а гражданская война только научила его бояться военных и не доверять им.

В отличие от Сталина Гитлер имел все основания считать себя опытным военным – как никак, а всю первую мировую отсидел в окопах и ранен был, и газами отравлен, и боевые награды имел. Что бы об этих наградах ни говорили злые языки, а в кайзеровской армии их зря не давали.

В который раз Гитлер продумывает свой план. Конечно, он понимает, что высадка в Англии при нынешнем состоянии немецкого флота – безумие. Но многих эта идея увлекла настолько, что реальность опять поблекла, прикрытая миражом стремительного броска через

Ла-Манш. Это великолепно! Тут главное – все сделать тонко, потому что ясно уже, что Сталин только и ждет, когда мы начнем высаживаться в Англии, чтобы напасть на нас. Но как ни действуй тонко, развернуть примерно 200 дивизий на русских границах незаметно не удастся.

31 июля Гитлер собирает руководство вооруженными силами на своей вилле в Оберзальцберге. Гросс-адмирал Редер прямо говорит, что считает невозможным при нынешнем соотношении военно-морских сил совершить транспортировку такого количества войск через пролив. Да, существует план распыления сил английского флота с целью отвлечения их от метрополии.

Большая надежда возлагалась на итальянский флот, но он пока не выказывает никакого желания перейти к активным действиям. Кроме того, до ввода в строй линейных кораблей «Бисмарк» и «Тирпиц» операцию по отвлечению английского флота из вод метрополии надежно не провести. А оба корабля, хотя работы на них идут круглосуточно, не могут быть введены в строй ранее весны 1941 года.

Далее: весьма активна английская авиация, непохоже, что люфтваффе завоевала господство в воздухе. Весь июль немецкая авиация бомбила английские суда в проливе и южные порты Великобритании. Геринг обещал в течение июля уничтожить истребительную авиацию противника, втянув ее в бои над Ла-Маншем. По непроверенным данным, люфтваффе утопила всего четыре английских эсминца и 18 каботажных судов, потеряв при этом 296 самолетов уничтоженными и 136 поврежденными. Англичане же объявили, что потеряли 148 истребителей. Но в любом случае, продолжает главнокомандующий кригсмарине, даже если бы всех вышеназванных условий не существовало, флот не в состоянии закончить подготовку ранее 15 сентября.

Речь идет только о сосредоточении десантно-высадочных средств, и то при условии, что не возникнет непредвиденных обстоятельств из-за действий противника или из-за погоды. (Погода – лучший друг адмиралов всего мира, за которой они надежно укрываются от того, чем не желают заниматься.)

Затем адмирал касается своих главных разногласий с армией. Армия желает осуществить высадку на широком фронте от Дуврского пролива до бухты Лайми, но флот не в состоянии обеспечить нужного тоннажа для высадки на столь широком фронте, не говоря уже об ожидаемой реакции флота и авиации противника. Адмирал настаивает, чтоб фронт высадки был укорочен, простираясь от Дуврского пролива лишь до Истборна.

«С учетом всего сказанного, – заканчивает адмирал, – я считаю, что лучшим временем для операции может стать май 1941 года».

Но английская армия, которая в настоящее время в очень плохой форме, получит 8-10 месяцев передышки, что даст ей возможность сформировать еще 30-35 дивизий и сосредоточить их в местах предполагаемой высадки нашего десанта.

Операция по «распылению» английского флота уже началась и будет продолжаться. В океан вышли вспомогательные рейдеры, по окончании ремонта туда уйдут и боевые корабли. Русские любезно предложили для проводки наших рейдеров в Тихий океан воспользоваться их Северным морским путем. Обещает резко повысить активность и итальянский флот. У него проблемы с топливом и ремонтом, но все они в ближайшее время решатся. Разработан план отвлекающего удара в Африке. Но решительного результата мы добьемся юлько захватом английской метрополии. Поэтому необходимо подготовиться к высадке десанта к 15 сентября. Окончательное решение – проводить ли операцию 15 сентября или отложить ее на май 1941 года – будет принято после того, как люфтваффе проведет решительное наступление на Англию, которое начнется в самое ближайшее время.

«ШТАБ-КВАРТИРА ФЮРЕРА

1 августа 1940 г.
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Директива N 17 по ведению воздушной и морской войны против Англии
Для создания условий, необходимых для окончательного сокрушения Англии, я намерен продолжать воздушную и морскую войну против Британской метрополии более интенсивно, чем прежде.
Исходя из этого, приказываю:
1. Германским военно-воздушным силам подавить военно-воздушные силы Британии всеми имеющимися в их распоряжении средствами и как можно быстрее.
2. Люфтваффе являются авангардом операции «Морской Лев»...
6. Интенсивная воздушная война должна быть начата 6 августа или сразу же после этой даты...
Адольф Гитлер».

Директива, подписанная Кейтелем, гласила:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ОПЕРАЦИЯ „МОРСКОЙ ЛЕВ"
Главнокомандующий Военно-морскими силами доложил 31 июля, что необходимая подготовка к «Морскому Льву» не может быть завершена ранее 15 сентября. Исходя из этого, фюрер приказал:
Армия и Военно-воздушные силы должны продолжать подготовку к проведению операции «Морской Лев» и завершить ее к 15 сентября.
Несмотря на предупреждение Военно-морских сил, что они могут гарантировать прикрытие десанта только на узком участке побережья (до Истбурна), подготовка должна вестись для вторжения на широком фронте, как первоначально планировалось...»

Пока Верховное командование вермахта разворачивало небывалую в истории кампанию по введению Сталина в заблуждение, сам Сталин 1 августа сидел в Президиуме Верховного Совета СССР, слушая очередную занудную речь Молотова, наставлявшего депутатов в понимании аспектов внешней политики страны. Своим скучным, методичным голосом глава правительства вещал:

«Германия достигла больших успехов в войне против западных союзников. Однако она не решила фундаментальной проблемы – как прекратить войну на желательных для нее условиях. 19 июля рейхсканцлер предложил Великобритании начать мирные переговоры, однако британское правительство отклонило его предложение, рассматривая его как требование капитуляции.

Похоже, что начинается новая стадия войны – борьба между Германией и Италией с одной стороны и Великобританией, поддерживаемой Соединенными Штатами, с другой стороны».

Молотов, в принципе, не скрывает своей радости по поводу того, что Англия не прекращает борьбы, а его ссылка на Соединенные Штаты дает депутатам понять, что у Германии не так уж много шансов выиграть эту войну и что Советское правительство этот факт нисколько не огорчает. Но все это подается осторожно, на «новоязе», который не так легко однозначно расшифровывается.

Характеризуя нынешние советско-германские отношения, Молотов не говорит ничего нового, а слово в слово повторяет известное заявление ТАСС от 23 июня:

«Недавно в британской и в пробританской печати появилось много спекуляций о возможности ухудшения отношений между Советским Союзом и Германией. Были сделаны попытки напугать нас возрастающей мощью Германии. Но наши отношения основаны не на временных конъюнктурных соображениях, а на фундаментальных государственных интересах двух наших стран».

Молотов касается и отношений с Англией. Тут надо быть очень осторожным. Во-первых, не спугнуть немцев, но и не очень злить англичан, которые в случае начала «Грозы», по крайней мере временно, превратятся в союзников. Молотов, однако, подчеркивает, что «после всех враждебных актов, которые Англия совершила против нас, вряд ли можно ожидать какого-либо благоприятного развития англо-советских отношений».

Возобновлено англо-советское торговое соглашение, англичане согласились даже передать СССР часть золотого запаса бывших Прибалтийских республик. Они явно ждут какой-то резкой перемены в курсе внешней политики СССР, Уж не пронюхала ли их вездесущая разведка о готовящейся «Грозе»? Англичане сделают все возможное, чтобы испортить советско-германские отношения, натравить Гитлера на СССР, чтобы тот, отказавшись от вторжения в Англию, ринулся на Россию. Вот тогда произойдет то, о чем предполагал Сталин: длительная, кровопролитная и изнурительная война, которая настолько ослабит и обескровит обе страны, что даст возможность Англии, отсидевшись на своих островах, продиктовать условия будущего мира и сохранить доминирующее положение в Европе.

Молотов заканчивает свою речь по стандартному образцу, которым обязаны были заканчивать любые речи все большие и малые вожди Советского Союза, призывая советский народ находиться в постоянной мобилизационной готовности.

3 августа (опять удивительно быстро) директива Гитлера № 17 легла уже в русском переводе на стол Сталина. Многие другие данные, приходящие из разных источников, подтверждали намерение немцев начать наступление на Англию, и только короткое сообщение, перехваченное от английской резидентуры в Брюсселе, говорило о переброске немецких войск на территории генерал-губернаторства и протектората, где общее число общевойсковых и танковых дивизий уже доведено до 36.

Обдумывая ситуацию, Сталин пришел к выводу, что центр тяжести «Грозы» неплохо бы сместить с северного и центрального направлений на южное, т.е. нанести главный удар по Балканам.

Он известил об этом Шапошникова, Тимошенко и Мерецкова, чем весьма их озадачил. Как известно, старый план Шапошникова, имевшийся в одном экземпляре, предусматривал для выполнения операции «Гроза» сосредоточить на западной границе примерно 180 дивизий и 172 авиаполка. Этими силами предполагалось нанести основной удар в районе Варшавы с выходом на Вислу в ее нижнем течении, одновременно громя северным флангом войска противника в Восточной Пруссии. Вместе с тем, левое крыло фронта, нанося вспомогательный удар на Ивангород, громит Люблинскую группировку противника и выходит на Вислу в ее среднем течении. Далее, захватывая правым флангом Данию, все фронты с ходу форсируют Одер, развивая наступление на Берлин. На этом этапе дипломатия обеспечивает закрепление союзных отношений с Англией, по меньшей мере, до выхода Красной Армии к Ла-Маншу.

План был составлен тщательнейшим образом с подробным описанием направления ударов, районов сосредоточения, количества войск, их задач, а также задач флота, авиации, инженерных войск и даже трофейных команд и спецкоманд НКВД, особых команд по прочесыванию территорий, по быстрому «перемещению» враждебных элементов среди местного населения в восточные районы СССР и прочее, уже прекрасно отработанное в

Польше, Прибалтике и Бессарабии. Ради этого плана и рисовались Белостокский и Львовский балконы.

После капитуляции Франции стало ясно, что план устарел, поскольку при всех своих достоинствах предусматривал ведение военных действий только против Германии. Ныне, когда перед СССР лежала беззащитная и растерзанная Европа, Сталин решил план изменить.

Главной задачей после вторжения немцев в Англию будет захват Балкан, т.е. оккупация Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, северных районов Греции и турецких проливов. Одновременно широким фронтом Красная Армия выходит на южные границы Германии и вторгается в эту страну как с юга – через территорию Австрии и Чехословакии, так и с востока, по первоначальному плану, используя для стремительности «балконы».

Какова же будет первоначальная реакция Германии на наше вторжении на Балканы? Тут может быть несколько вариантов. Поскольку основные силы немецких вооруженных сил, включая подавляющую часть авиации и флота, будут заняты боями на территории Англии, а есть основания полагать, что бои эти будут очень жестокими и кровопролитными, то Гитлер вряд ли решится на быстрое и резкое реагирование на самих Балканах, которые надо пройти стремительно и оперативно, не давая никому времени опомниться, сметая любое сопротивление. Предпосылки к этому созданы: Красная Армия имеет преимущество перед всеми потенциальными противниками на Балканах примерно 10-15 к 1. Кроме того, мы ожидаем, что по мере продвижения Красной Армии во многих странах, в частности, в Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии и Греции произойдут социальные революции, и народы этих стран сами попросят нашей помощи против Гитлера.

Таким образом, непосредственно на Балканах Гитлер чего-либо реального противопоставить нам не сможет, а мы посмотрим, стоит ли нам связываться с ним. По обстановке. Но! Вождь поднял палец: Гитлер может отреагировать, и я думаю, что он так и сделает – на наших западных границах, если мы сами до этого не перейдем в наступление с «балконов», как предлагают Борис Михайлович и товарищ Мерецков. Тогда мы переходим и тут в наступление по старому плану. Но главное теперь – это Юго-Западный фронт и Киевский Особый военный округ. Чтобы помочь товарищу Жукову, надо направить туда представителей наркомата обороны и привести к сентябрю-октябрю округ в состояние наивысшей боевой готовности.

Немцы уже начали крупномасштабную операцию по «распылению» английского флота. Генерал Голиков зачитывает сводку: на океанские коммуникации один за другим прошмыгнули, замаскированные под торговые суда, подняв флаги нейтральных стран, немецкие вспомогательные крейсеры. 11 марта в океан вышел и, по нашим сведениям, успешно действует рейдер № 16 «Атлантис»; 7 апреля за ним последовал рейдер № 36 «Орион». Тогда они еще имели приказ оттянуть как можно больше сил английского флота от Норвегии. В мае и июне в океан прорвалась вторая очередь вспомогательных крейсеров. Эти рейдеры уже утопили не менее 300 тысяч тонн английского торгового флота, что заставляет англичан держать вдали от метрополии крупные крейсерские соединения.

Необходимо отметить, что вспомогательные крейсеры в борьбе против английской торговли оказались гораздо более эффективными, нежели крупные боевые корабли, чей выход в море трудно скрыть, которые легче обнаруживаются, а с учетом общего соотношения сил на море – легко нейтрализуются. Так, линейный крейсер «Гнейзенау», действовавший в районе Исландии, был 26 июня торпедирован английской подводной лодкой и надолго вышел из строя. В связи с этим Голиков напоминает Сталину, что немецкий вспомогательный рейдер № 45 «Комет» уже около месяца стоит на якоре у острова Колгуев и ждет, когда его проведут Северным морским путем в Тихий океан – в глубокий тыл английской морской торговли, где он наделает дел, как лиса в курятнике.

Вождь задумывается. Немножко подождем, как пойдут дела. Северные проблемы сидят у него в печенках. Несмотря на все меры секретности, английская разведка пронюхала про «Базис Норд». Английские корабли все чаще появляются в Баренцевом море. Английская пресса изо дня в день шумит, что СССР не нейтральная страна, а «фактически воюющая», и угрожают принятием мер.

Меры эти понятны. Баку, Грозный и Гурьев – наши драгоценные и, увы, пока единственные источники нефти...

Оставшись один, Сталин задумчиво подходит к книжному шкафу. Автоматическим движением вынимает 42-й том сочинений Ленина, открывает на закладке и в который раз перечитывает любимые строки:

«...Пока мы не завоевали всего мира... использовать все возможные противоречия и противоположности между империалистами... Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга...»

Он, Сталин, осуществил пророчество гения. Ножи двинуты друг против друга. Германия и Англия вскоре уничтожат друг друга. Сейчас мы помогаем Германии, но вскоре станем союзниками Англии, сменив на побережье Ла-Манша немецкие войска, и вот тогда всей мощью нашей армии и флота обрушимся на последний оплот мирового империализма — Великобританию...

5 августа, начальник штаба 18-й армии генерал Маркс, выполняя устное приказание фюрера, представил первый вариант Оперативного проекта «Ост» – плана войны против СССР. В основу своего плана генерал Маркс положил опыт войны с Польшей. Исходя из опыта этой войны и оценки местности и начертания дорожной сети в Советском Союзе, он предложил создать две ударные группы, нацеленные на Москву и на Киев. Этим Маркс отражал мнение генерального штаба, считавшего, что Москва – центр Советского Союза – играла гораздо большую роль, чем столицы других стран. Генштаб не сомневался, что Сталин выставит главные силы Красной Армии на московском направлении. Формулируя замысел своего плана, Маркс указывал, что целью предстоящей войны является необходимость «разбить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в ближайшее время выступить в качестве противника Германии.

Для обеспечения защиты Рейха от ударов советской авиации Россия должна быть оккупирована до линии: нижнее течение Дона-Средняя Волга-Северная Двина».

Гальдер одобрил план Маркса. Генштабисты знали, что в ОКВ под руководством Йодля разрабатывают свой план, известный как «Этюд Лоссберга». В отличие от плана Маркса «Этюд» предусматривал создание трех ударных групп и тесное взаимодействие с финнами при наступлении на Ленинград, захвату которого придавалось особое значение.

Военные профессионалы ждали решения Гитлера.

А Гитлер с нетерпением ждал начала воздушного наступления на Англию, попав под обаяние безответственных заверений своего друга Геринга.

Внутри огромного плана по введению Сталина в заблуждение существовали свои собственные цели: Англия, не выдержав ударов люфтваффе, запросит мира и получит его, но на гораздо худших условиях, чем он предлагает сегодня. Сведения, поступающие из южных районов Англии, внушают оптимизм. Паника. Армии практически нет. Дороги на север забиты беженцами. Королевская семья и правительство готовы бежать в Канаду .Все источники информации как бы приглашают немцев немедленно осуществить вторжение. Но в проливе стоит английский флот, и пока никак не удается живыми силами немецкого флота убрать его оттуда. А итальянцы?

Когда в день объявления Италией войны средиземноморская эскадра англичан вошла в Адриатику, итальянцы тише мышей сидели на своих базах, боясь высунуть нос. В июле

грозными приказами самого дуче удалось несколько раз выпихнуть в море итальянские корабли, но при первом виде англичан они поворачивали назад.

Дуче лично уверял Гитлера, что его флот выметет англичан из Средиземного моря. Прекрасные линкоры «Рома», «Литорио», «Витторио Венетто», «Джулио Чезаре», «Кавур», – что против них английские средиземноморские корабли – старушки времен Ютланда? Но давит, давит грозная репутация «правительницы морей», чей флот более ста лет не имел соперников.

Дуче влез в войну в полной уверенности, что максимум к сентябрю все закончится, и он с полным правом будет присутствовать на мирных переговорах, участвуя в послевоенном разделе Европы и мира. Дуче еще не знает, что все планы «сокрушения» Англии нужны фюреру главным образом для того, чтобы Москва поверила в подлинность замыслов операции «Морской лев».

И еще одна проблема тревожит Гитлера. Разведка с тревогой сообщает о концентрации советских войск на границах Румынии и Болгарии, об активности советских дипломатов в Софии и Будапеште, о действиях советской разведывательной сети в Белграде и Афинах, о частых появлениях советских боевых кораблей у Босфора. Это буквально информация последних дней. Сталин неожиданно перенес центр тяжести своих вооруженных сил на юг, и совершенно очевидно, что он собирается делать.

Советская пресса полна сообщений о «гнусных провокациях румынской военщины» на советской границе. То же самое было перед вторжением в Польшу, Финляндию и даже в Прибалтику. Сталин готовится по меньшей мере отхватить еще кусок Румынии. На этот раз с Плоештинским нефтяным бассейном – единственным источником сырой нефти, на который может рассчитывать Германия, не считая, конечно, огромных поставок из СССР. Но Сталин эти поставки может прекратить в любую минуту. Если румынская нефть будет захвачена Сталиным, вся немецкая военная машина рискует превратиться в груду мертвого железа.

Этот вопрос требует незамедлительного решения – ни в коем случае нельзя дать возможность Сталину сделать ход первым, а раз он двинулся к югу, нужно расширить фронт будущего удара по нему, т.е. развернуть войска в Румынии, Венгрии и Болгарии. Может быть, даже в Турции.

Немецкая разведка в Англии недавно добыла интересную информацию из источника, близкого к советскому послу Ивану Майскому. Суть этой информации сводится к следующему: *«Сталин не начнет активных действий до высадки вермахта в Англии».*

Другими словами, он ждет нашего вторжения в Англию, чтобы нанести нам удар в спину. Если это не очередная «деза» англичан, которые таким образом пытаются нарушить наши планы вторжения на их остров, то значит, нам можно чувствовать себя увереннее. Только постоянно давать Сталину понять, что наши планы вторжения в Англию окончательны и ничто в мире не может нас остановить. Даже английский флот...

В Киевском Особом военном округе генерала армии Жукова идут летние маневры, максимально приближенные к боевой обстановке. На пограничных аэродромах концентрируются бомбардировщики и истребители. Один округ Жукова имеет их больше, чем все три воздушных флота Германии, выделенные Герингом для воздушного наступления на Англию. На придвинутых к границе полигонах день и ночь ревет артиллерия, отрабатывая все виды боевых стрельб. По дорогам благоприобретенной Бессарабии и Буковины пылят танки. Они стремительно идут к новой границе, и никто не знает, остановятся они или нет. Прибывшие новые стрелковые дивизии в лихорадочной спешке переучиваются в горно-стрелковые. Впереди много гор – от Карпат до Альп. Грозный силуэт линкора «Парижская Коммуна» в окружении ощетинившихся крейсеров и эсминцев маячит вблизи румынских территориальных вод. Шоссе от Констанцы на север забиты беженцами.

Сталин, ожидая высадки немецких войск в Англии, сместил центр тяжести «Грозы» на юг, руководствуясь сразу несколькими соображениями.

Во-первых, удар через Румынию и Болгарию давал возможность не входить сразу в непосредственную конфронтацию с немецкими войсками, осуществляя одновременно и их глубокий охват, что делало немецкий контрудар в районах Львова и Белостока малоперспективным.

Во-вторых, захват Плоештинской нефти ставил немцев в столь трудное положение, что даже теоретически не виделось, как Гитлер смог бы из этого положения вывернуться, имея свои лучшие войска завязшими в кровопролитных боях на плацдармах южной Англии. Даже если бы он такой способ нашел, наступления советских войск огромными клещами через центральную Польшу с востока и через Австрию с юга – при условии продолжения блокады Германии английским флотом – так или иначе привели бы к крушению Рейха.

В-третьих, если при этом учесть неизбежность пролетарских революций во многих, пусть даже не во всех, странах, то это бы привело к долговременной и прочной гегемонии СССР и коммунистической идеологии в Европе, а с учетом последующего быстрого развала Британской империи – и во всем мире.

Каждый свой шаг Сталин тщательно взвешивал, планировал и рассчитывал – аж до третьего знака. Кое-что за него вчерне просчитал Ленин, который, справедливости ради надо сказать, был куда более авантюристом, чем его все просчитывающий ученик. Особенно по части пролетарских революций.

Гитлер поначалу явно недооценил своего московского сообщника по разбою. Он опрометчиво признал сферой интересов СССР юго-восточную Европу, позабыв в горячке о драгоценной румынской нефти и не увидев то, что ясно видел Сталин. А Сталин увидел прекрасную возможность раздела Румынии, который по красоте исполнения должен был превзойти недавний раздел Польши,

Дело в том, что Румыния, если можно так выразиться, имела несчастье попасть в число стран-победительниц первой мировой войны и как таковая приобрела обширные земли своих соседей, проигравших эту злополучную войну.

Венгрия, которая входила в состав Австро-Венгерской империи, расплатилась за грехи рухнувшей престарелой монархии, отдав румышам-победителям Трансильванию.

Болгария, которая, испохабив все идеи панславянизма, воевала против России на стороне Германии, отдала Румынии свою провинцию Добруджу.

Та неимоверная легкость, с которой Сталин отнял у румын Бессарабию и Северную Буковину, используя только угрозы и ультиматумы, ввела в искус всех других соседей Румынии, предъявивших Бухаресту такие территориальные претензии, что будь они выполнены, от Румынии осталось бы одно воспоминание, как от какого-нибудь Урарту.

Огромная работа, проведенная в Греции и Югославии, несколько тормозилась происками английской разведки, чьей агентурой Балканы были забиты.

Но у Венгрии – давние территориальные претензии к Югославии, а у болгар – к грекам, которые оккупировали болгарскую Фракию.

Итак, умелые интриги советской разведки, столь же целенаправленные, как и в смутные годы Балканских войн, когда Россия, натравливая Болгарию, Сербию и Грецию на Турцию, добилась в итоге того, что Греция в союзе с Сербией разгромили Болгарию, вновь подготовили Балканы к ситуации, когда все страны региона готовы были вцепиться друг в друга, подготавливая обстановку для пролетарских революций и освободительных походов Красной Армии.

Самым большим недостатком Гитлера была его совершенно неконтролируемая способность принимать желаемое за действительное. Несмотря на все уроки прошлого и

настоящего, он продолжал верить, что его верный союзник Муссолини сможет выполнить те задачи, которые Гитлер по своей романтической наивности возложил на него. Среди этих задач, помимо нейтрализации английского флота в Средиземноморье и захвата Суэцкого канала, была и задача следить за обстановкой на Балканах.

Еще в декабре 1939 года Большой Фашистский совет Италии объявил: «Все, что относится к Дунайскому бассейну на Балканах, непосредственно интересует Италию».

Зять Муссолини, министр иностранных дел Италии граф Чиано, публично обещал Румынии военную помощь, напыщенно назвав ее «охранительным валом против Советского Союза». Однако, как обычно, Италия оказалась не в состоянии что-либо сделать. Дорогу на Балканы ей преграждали Греция и Югославия, которые без всякого восторга наблюдали за распетушившимся дуче.

Гитлеру опять пришлось все делать самому. Для начала ему удалось усадить румын за стол переговоров с венграми и болгарами, хота было очевидно, что эти переговоры ни к чему вс приведут. Но нужно было выиграть время, хотя бы пару недель, чтобы подтянуть поближе войска, а это было не так просто в паутин ложных перевозок и мероприятий, выполняющихся в рамках готовящегося шоу – «наступления на Англию» – разыгрываемого для Сталина...

12 августа Геринг дал приказ начать операцию «Орел». Предварительному удару подверглись в этот день двенадцать радиолокационных станций англичан. Наличие у англичан радаров явилось для немцев полной неожиданностью. Гитлер, хотя и цитировал Ницше при каждом удобном случае, в душе был какой-то странной помесью гегельянца и марксиста, искренне считая все связанное с электроникой и ядерной физикой «еврейскими штучками». Плохо понимая важность радаров в системе ПВО, немцы все-таки решили их побомбить. Бомбили как-то лениво: одну станцию уничтожили, пять повредили и решили, что довольно тратить боезапас на всякие пустяки.

13 и 14 августа более 1500 самолетов люфтваффе нанесли удар по базам истребительной авиации англичан. Хотя победные сводки немцев с ликованием вещали, что пять аэродромов противника полностью уничтожены, в действительности нанесенный ущерб был ничтожен. Англичане потеряли 13 машин, ущерб Германии был значительнее – 47 самолетов.

В Москве с воодушевлением восприняли начало наступления на Англию. Поскольку Сталину принесли сводку, основанную на немецких данных, где говорилось об уничтожении 134 английских самолетов и признавалась потеря 34 своих, было ясно, что, если дела пойдут так и дальше, английская авиация будет смята и уничтожена, как и обещал Геринг, в течение двух ближайших недель.

В Киевский и Одесский округа полетела шифровка с предписанием закончить подготовку «к *крупным перемещениям войск*»не позднее 15 сентября. Времени оставалось мало, а проблемы громоздились одна на другую.

Еще месяц назад был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Указ, состоящий из двух пунктов, был сформулирован настолько просто и ясно, что было совершенно непонятно, почему он не дал никаких результатов. Брак продолжал корежить военную технику.

Сталин затребовал Указ к себе и еще раз внимательно его прочел:

«1. Установить, что выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству.

2. За выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и за выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов – директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля предавать суду и по приговору суда подвергать тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет».

Читая указ, Сталин понял свою ошибку. Макнув ручку в чернильницу, он резким движением зачеркнул последние цифры и написал сверху «от 10 до 15 лет».

15 августа немцы подняли в воздух наличные силы всех трех воздушных флотов: 801 бомбардировщик и 1149 истребителей. 5-й Воздушный флот, действовавший со скандинавских аэродромов, послал в бой около 150 машин, почему-то считая, что северо-восток Англии будет совершенно беззащитным. К великому удивлению немцев, на их перехват ринулось не менее семи эскадрилий английских истребителей. Тридцать немецких бомбардировщиков в считанные минуты боя были сбиты. Остальные повернули назад, не сумев сбить ни одного англичанина. На этом боевые действия 5-го флота в небе Англии закончились.

На юге немецкие летчики действовали более успешно, прорвавшись через английскую систему ПВО почти до Лондона. Четыре авиазавода в Крайдоне были разрушены бомбами, пять аэродромов выведены из строя. Но все это стоило дорого. Немцы потеряли 75 самолетов.

17 августа немцы потеряли 71 самолет. Пикирующие бомбардировщики «Ю-87» и «Штука», блестяще проложившие дорогу танкам в Польше и во Франции, здесь оказались «подсадными утками», легкой добычей английских истребителей. Герингу ничего не оставалось, как вывести эти тихоходные бомбардировщики из боя, что уменьшило силы немецкой бомбардировочной авиации примерно на треть.

За всеми этими событиями пристально следила Москва.

По мнению Сталина, настала пора выполнить взятые на себя обязательства по «распылению» английского флота перед вторжением. Ничего никогда не забывая, Сталин помнил, что у острова Колгуев уже месяц стоит на якоре немецкий вспомогательный крейсер «Комет», который он обещал провести Северным морским путем в Тихий океан.

Он понимал ту ответственность и риск, которые он берет на себя проводкой гитлеровского боевого корабля вдоль всего сибирского побережья накануне неизбежного столкновения с Германией за гегемонию в Европе, и потому медлил, ожидая дальнейшего развития событий.

Пока Сталин колебался, экипаж «Комета», через день меняя место стоянки, усиленно тренировался. Наконец, Сталин в целях маскировки своих будущих намерений решил еще раз продемонстрировать свою дружбу Гитлеру и приказал начать проводку крейсера.

18 августа, согласно полученному от Папанина распоряжению, «Комет» снялся с якоря и направился в Маточкин Шар, где его ждал ледокол «Ленин». Историческое плавание вспомогательного крейсера «Комет» началось!

Глава 6. Великая мистификация

19 августа Геринг в своей резиденции в Каринхолле собрал совещание командующих воздушными флотами и их начальников штабов. «Мы достигли решительного периода в воздушной войне против Англии, – заявил рейхсмаршал. – Важнейшей задачей является разгром авиации противника. Главной целью – уничтожение английских истребителей». Сам опытнейший пилот, ас первой мировой войны, еще тогда объявленный военным преступником, Геринг был прав. Истребительная авиация англичан таяла, а доблесть и боевое мастерство английских летчиков не могли компенсировать их малочисленность. Казалось, еще одно усилие – и господство в воздухе над Англией будет завоевано. Все ждали улучшения погоды.

А Гитлер с тревогой поглядывал на Балканы. Румыния, как ни в чем не бывало, продолжала снабжать нефтью англичан. Те, в свою очередь нагло пользовались греческими территориальными водами, чего Греция как бы не замечала. Но стоило в Эгейское море войти итальянским кораблям, как та же Греция подняла такой скандал по поводу нарушения своего суверенитета, что, казалось, Афины и Рим вот-вот вцепятся друг другу в глотки. А когда итальянскому соединению почти удалось перехватить танкеры, из греческих территориальных вод выскочил английский крейсер «Сидней» с дивизионом эсминцев и в коротком бою утопил итальянский крейсер и два эсминца.

Румыния как будто не понимала, насколько неприлично себя ведет и чем рискует! С одной стороны, она взывает к немцам о помощи против надвигавшихся сталинских полчищ, а с другой – продает нефть англичанам.

А Сталин уже радостно потирал руки. Не надо никаких разведсводок – достаточно было читать советские газеты, которые хором призывают оказать помощь «братским» народам. Переброска же немецких войск на восток на случай всяких неожиданностей шла крайне медленно. Гитлер задергал Браухича и Гальдера бесконечными напоминаниями, постоянно находясь в угрюмом настроении.

Сталин же, напротив, находится и превосходном настроении. Благодаря пакту, которому, кстати, исполнился всего лишь год, удалось много сделать. А сколько еще удастся сделать! Генерал Жуков докладывает, что вверенные ему части еще не вполне готовы к броску на Балканы, но боевое мастерство растет и войска достигнут пика готовности к середине сентября. Новый начальник генштаба Мерецков продумывает мобилизационный план. Как его осуществить, чтобы немцы ничего не заметили? Пришлось расстаться с Шапошниковым. Он старомоден и не совсем понимает основы марксистско-ленинской военной науки – самой передовой в мире. Да и Тимошенко никак не может с ним сработаться.. Шапошникова уже послали на Белостокский «балкон» строить УРы, но не очень интенсивно. Пусть немцы видят, что мы готовимся к обороне. Пока все идет хорошо, Скорее бы немцы высадились в Англии!

А почему Гитлер не высаживается? Надо его слегка подтолкнуть.

23 августа передовая статья газеты «Правда», отмечая годовщину пакта, писала: «Подписание пакта положило конец враждебности между Германией и СССР... Мы нейтральны, нейтральны благодаря пакту. Этот пакт дал также огромное преимущество Германии, поскольку она может быть полностью уверена в спокойствии на своих восточных границах».

Действительно, на советско-германской границе все спокойно, если не считать лихорадочного строительства аэродромов и складов на советской стороне. Обстановка на советско-румынской границе достигла уже небывалого напряжения. Обе стороны ежедневно сообщают об инцидентах, перестрелках пограничных нарядов, нарушениях воздушного и морского пространства. А до высадки в Англии, назначенной на 15 сентября, которую так ждут в Москве, еще три недели...

В ночь с 23 на 24 августа погода над Ла-Маншем значительно улучшилась, дав возможность Герингу возобновить воздушное наступление. Целью ночного налета должны были стать авиазаводы и склады с горючим на окраине Лондона. Это была роковая ночь, сломавшая все планы Геринга по окончательному уничтожению авиации противника. Считается, что немцы совершили случайную навигационную ошибку. Но факт остается фактом – вместо намеченных конкретных целей летчики Геринга сбросили бомбы на центр английской столицы, разрушив несколько домов и вызвав незначительные жертвы среди гражданского населения. Взбешенные англичане, решив, что бомбежка жилых районов их столицы была преднамеренным актом, быстро спланировали и осуществили акцию возмездия.

25 августа 1940 года на Берлин упали первые бомбы. Нанесенный ими материальный ущерб, конечно, был ничтожным, но моральный эффект был страшным.

Берлин был окружен тремя кольцами противовоздушной обороны. Стрельба зениток слилась в сплошной грохот и вой, но ни одного самолета противника сбить не удалось. Все, кому надо, увидели в эту ночь, что немецкие города практически беззащитны перед ударами с воздуха. Вместе с бомбами с английских бомбардировщиков сыпались листовки. «Война, начатая Гитлером, будет продолжаться до тех пор, пока Гитлер находится у власти, и закончится только после уничтожения Гитлера и его режима». В сочетании со взрывами бомб это была очень доходчивая пропаганда.

28 и 29 августа снова бомбили Берлин. На этот раз были жертвы среди населения. По официальным данным, десять человек погибли, 29 – были ранены.

29 августа в Верхнем Бельведере, летней резиденции принца Евгения Савойского, для решения венгеро-румынских территориальных споров встретились министры иностранных дел: Риббентроп, Чиано, венгр Чако и глава румынского МИД Маноилеску. Когда последний увидел подготовленную карту, на которой почти вся Трансильвания была закрашена в венгерские цвета, он потерял сознание и рухнул на... круглый стол конференции. Срочно вызванный врач привел румынского министра в чувство, после чего соглашение было подписано.

Все это привело к небывалому взрыву патриотизма в Румынии и... отречению короля. Восемнадцатилетний сын короля – Михай (тот самый, которого Сталин позднее пожалует неизвестно за что орденом «Победы») немедленно передал под охрану немцам нефтяного района Румынии, чтобы уберечь этот район «от вмешательства третьих государств».

Такого кукиша, поднесенного к своему носу, Сталину не приходилось видеть никогда в жизни. Это было страшное унижение. Гнев вождя был ужасен. В отместку за такое отношение он немедленно приказал остановить «Комет» и вернуть его в Мурманск, а откажется – утопить. Интересно, чем топить? Выделенная для этой цели подводная лодка Щ-423, перегоняемая якобы во Владивосток, безнадежно отстала из-за поломки винта у судна обеспечения. Петепуганные местные власти, отлично понимая, от кого последовал приказ о возвращении немецкого крейсера, пытались напугать командира наличием в Беринговом проливе японцев и американцев. Ничего, тонко улыбался Эйссен, японцы – друзья, американцы – нейтральны.

В последовавшей затем ноте из Москвы сквозило неприкрытое раздражение. Бандиты уже начинали грызню из-за добычи, предрешая неизбежность открытой драки.

Пока Москва и Берлин обменивались упреками, три варианта плана нападения на СССР поступили к заместителю начальника генерального штаба, 1-му оберквартирмейстеру генералу Паушосу, имя которого в России знакоио каждому школьнику.

Принимая секретные документы, только что назначенный на свою должность генерал расписался в журнале секретной документации: получено 3 сентября 1940 года.

Накануне в Москве Сталина убедили отменить приказ об остановке немецкого крейсера «Комет». Новый начальник генштаба генерал армии Мерецков пытался доказать Сталину, что, в сущности, ничего страшного не произошло, нужно просто подкорректировать «Грозу» с учетом новых реальностей.

Сталин слушает своего начальника генерального штаба, соглашаясь, в принципе, с ним во всем. Прошел уже год войны, и сколько удалось сделать! Правильно говорил Молотов, закрывая сессию Верховного Совета: «Советский Союз достиг больших успехов, но он не намерен останавливаться на достигнутом». Кстати, пожалуй, стоит откликнуться на просьбу Германии о содействии и отправить им бомбы для продолжения воздушной войны. Наша задача – всячески способствовать немцам в их борьбе с Англией.

Гитлер лично приказал Герингу в качестве возмездия за бомбежку Берлина перенести удар с английской авиации на английские города.(Подобное решение Гитлера считается крупной стратегической ошибкой. Имея основной задачей уничтожение авиации противника, немцы в период с 24 августа по 6 сентября направляли для достижения этой цели в среднем по 1000 самолетов в день. Несмотря на отчаянное сопротивление английских пилотов, численное превосходство немцев начинало сказываться. Пять передовых аэродромов англичан на юге страны были так тяжело повреждены, что практически не могли использоваться. Система связи была нарушена).

В критические две недели с 24 августа по 6 сентября англичане потеряли уничтоженными или серьезно поврежденными 466 истребителей. При этом погибло 103 пилота и 128 были тяжело ранены – примерно четверть из наличного состава. Люфтваффе за этот же период потеряла 385 самолетов (214 истребителей и 138 бомбардировщиков).

4 сентября Гитлер неожиданно решает выступить перед массами. Немалую роль в этом, видимо, сыграли воздушные налеты англичан, так что возникла необходимость еще раз напомнить немецкому народу, что с Англией давно покончено, а заодно и подвести итог первому году войны, наполненному блестящими победами немецкого оружия.

Медленно произнося каждое слово, Гитлер проговорил, звеня металлом голоса:

«Ныне господин Черчилль демонстрирует свою новую оригинальную идею – ночные воздушные налеты. Господин Черчилль додумался до этого не потому, что нынче налеты сулят высокую эффективность, а потому, что его воздушные силы не могут летать над Германией в дневное время... в то время как немецкие самолеты появляются над Англией ежедневно...

Теперь на каждый ночной налет мы будем отвечать ночным налетом! Если британская авиация сбросит на нас две, три или четыре тонны бомб, то мы в одну ночь сбросим на них 150, 250, 300 или 400 тонн бомб!!!».

В субботу, 7 сентября, с немецких аэродромов в Северной Франции и Голландии, ревя моторами, поднялись в воздух 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Целью удара был Лондон. Построившись журавлиными клиньями, эскадры уходили на север, исчезая в надвигающихся сумерках.

Налет был страшным. Предыдущие бомбежки Варшавы и Роттердама можно назвать булавочными уколами в сравнении с адом, обрушившимся на столицу Великобритании. Весь район доков представлял из себя огромный бушующий вихрь пламени. Все железные дороги, ведущие из Лондона на юг, столь важные для обороны в случае вторжения, были блокированы. Один из районов столицы – Сильвертаун – оказался в кольце огня. Население пришлось эвакуировать водой.

После наступления темноты, примерно в 20.00, начала действовать вторая волна немецких бомбардировщиков, затем третья. Бомбардировка продолжалась непрерывно до половины пятого утра 8 сентября. Сигналы тревоги ревели на всех радиоволнах англичан. Генеральный штаб, командование флотом метрополии, сам Черчилль и его ближайшие советники были уверены – столь убийственная бомбардировка означает, что вторжение неминуемо и произойдет в ближайшие 24 часа.

Рассвет 8 сентября высветил страшную картину пылающей столицы Англии. Океаны пламени бушевали над городом. Ревели сирены пожарных машин и карет скорой помощи. Несмотря на все мужество и самоотверженность, пожарные не могли локализовать пламя. Количество убитых и раненых росло.

В воскресенье, 8 сентября, в 19.00 немецкие бомбардировщики вновь появились над Лондоном. Бомбардировка продолжалась всю ночь. Еще не потушенные пожары предыдущей бомбежки заполнились новыми океанами пламени. Рушились жилые дома и цеха заводов. Гибли люди. Поступили первые цифры: за две ночи погибло 900 человек, ранено 2500.

В понедельник, 9 сентября, все повторилось снова. Более 200 немецких бомбардировщиков всю ночь сбрасывали бомбы на английскую столицу, уже не ища военных объектов и сбрасывая бомбы куда попало.

Немецкие бомбардировщики почти не встречали сопротивления над Лондоном, поскольку почти все соединения английских ВВС были сосредоточены на юге страны, с минуты на минуту ожидая вторжения. Потому английская авиация концентрировала все внимание на портах Северной Франции, нанося по ним удар за ударом.

Утром 11 сентября к нации по радио обратился Черчилль, Предупредив о том, что вторжение в Англию может произойти в любой момент, премьер сказал: «Мы должны рассматривать следующую неделю как наиболее важную в нашей истории. Она сравнима с днями, когда в проливе появилась Испанская Армада... Или когда Нельсон стоял между нами и Великой Армией Наполеона».

13 сентября итальянские войска наконец перешли в наступление и вторглись в Египет. Англичане отступают по всему фронту. Наступление поддерживает мощный итальянский флот, что вьшудит англичан срочно перебросить крупные силы своего флота в Средиземное море, оголив метрополию.

14 сентября в Берлине Гитлер провел конференцию с представителями высшего командования вооруженных сил.

Гитлер был мрачен, но спокоен и сосредоточен. «Успешная высадка с последующей оккупацией Англии, – сказал он, – закончила бы войну в очень короткий срок. Правда, Англия уже умирает от истощения, так что нет необходимости привязывать высадку к какому-то конкретному сроку... Но долгая война тоже нежелательна».

Флот уже достиг необходимого состояния. Действия люфтваффе вообще выше всяческих похвал. Четыре-пять дней хорошей погоды принесут решительные результаты... У нас есть хорошие шансы поставить Англию на колени».

Гитлер помолчал и объявил решение: «Несмотря на все успехи, предпосылки для операции „Морской Лев“ еще не созданы».

Суммируя сказанное, фюрер подвел следующие итоги:

«Необходимо усилить удары с воздуха. Удары нашей авиации имели потрясающий эффект. Даже если победа в воздухе будет достигнута продолжением налетов в течение еще 10-12 дней, в Англии может возникнуть массовая паника и истерия. К этому присоединится страх перед высадкой десанта. Страх перед высадкой десанта не должен исчезать».

Самое главное Гитлер сказал в последней фразе. Все его мысли были заняты тем, как заставить Сталина поверить в неминуемость вторжения в Англию и вместе с тем не платить уж слишком большую цену. Но можно ли постоянно откладывать высадку десанта, сохраняя у всех убежденность в его неизбежности? Обстановка сложная. Вдоль всей западной границы Сталин уже в течение трех месяцев проводит бесконечные маневры, максимально приближенные к боевой обстановке. В любой момент можно ожидать неожиданностей.

Ясно наметились направления главных ударов: по Румынии с одновременной оккупацией Болгарии и с Белостокского балкона – на Варшаву, с выходом к Одеру. Предполагаются вспомогательные удары по Восточной Пруссии и Финляндии. Силы немцев в этом направлении совершенно недостаточны для оказания Москве противодействия.

Чтобы оправдать доверие фюрера и доказать всем скептикам, кто является хозяином в небе над Англией, Геринг решил совершить 15 сентября небывалый по мощи дневной налет на Лондон. В этот день около полудня над Ла-Маншем появилось примерно 200 бомбардировщиков под прикрытием не менее 600 истребителей. Вся эта армада, блестя дюралем и стеклами кабин под лучами тусклого сентябрьского солнца, грозными клиньями шла в сторону столицы Британии. Эгому воскресному сентябрьскому дню суждено было стать

днем самого горького разочарования в возможностях люфтваффе. Эффективно используя радары, английское командование наглядно дало понять сомневающимся, чго английская авиация не только не уничтожена, но стала сильнее, чем была.

Соединения английских истребителей в неожиданном для немцев количестве, зайдя из-под солнца, перехватили немецкую армаду на подходе к столице. Всего нескольким бомбардировщикам удалось прорваться к Лондону. Остальные были либо рассеяны, либо уничтожены.

16 сентября в районе Антверпена немецкие войска проводили крупное учение по высадке десанта. Личный состав и боевая техника были погружены на транспорты и баржи, которые под прикрытием эсминцев вышли в море, чтобы, пройдя примерно 50 миль, высадить десант на одном из участков голландского побережья, напоминающего по рельефу побережье южной Англии. Неожиданно на идущий конвой обрушились английские бомбардировщики. В считанные минуты конвой был разгромлен. Потери в личном составе превзошли запланированные потери первой в.олны десанта при настоящей высадке в Англии.

Сообщение о неудачных учениях пришло в Москву в разгар оперативного совещания, которое проводили Сталин с начальником генерального штаба Мерецковым и срочно прилетевшим в Москву из Киева наркомом обороны Тимошенко.

На повестке дня находился важнейший вопрос точного определения даты начала операции «Гроза». Все сходились на мнении, что 1 октября было бы идеальнейшей датой, что дало бы возможность завершить операцию до начала зимы. Однако имелись проблемы. Если немцы, как они и наметили, начнут высадку в двадцатых числах сентября, то вторгаться в Европу 1 октября несколько рановато. Лучше 10-го. С одновременным вспомогательным ударом по остатку Финляндии.

Армия, в принципе, готова, хотя, конечно, остро ощущается нехватка танков и автотранспорта. Флот, начавший строительство гигантских линкоров и линейных крейсеров, съедает фондовую сталь, срывая танковую программу. Генеральный штаб недавно представил ему, Сталину, подробнейший расчет «Грозы» с указанием предполагаемых потерь. В операции должно было участвовать 5 миллионов человек, 11 тысяч танков, 35000 орудий и 9-10 тысяч самолетов. Срок операции 3-4 месяца. Потери в людях ориентировочно оцениваются в полтора миллиона человек. Вообще-то в генштабе считали, что два миллиона, но не осмелились дать эту цифру Сталину.

17 сентября генерал Паулюс, работавший последние две недели без сна и отдыха, доложил генерал-полковнику Гальдеру свои предварительные выкладки по поводу нападения на СССР. Операция рискованна, но возможна. Для этого необходимо сосредоточить на границах с СССР не менее 110-120 дивизий и добиться стратегической внезапности, что, в свою очередь, предполагает обширные мероприятия по дезинформации противника. Все русские армии развернуты для наступления. Особенно соблазнительно выглядят Белостокский и Лембергский балконы, где сосредоточено огромное количество русских сил, гигантская сеть складов и аэродромов, штабы всех уровней. А между тем, оба эти балкона легко уничтожаются гораздо меньшими силами, поскольку никакой, в сущности, обороны они не имеют.

Уничтожение русских армий на «балконах» даст возможность выхода на оперативный простор с быстрым достижением конечных пунктов операции: Москвы, Ленинграда и Волги, где-нибудь южнее Сталинграда.

Гитлер приказал представить ему необходимые документы о имеющихся в наличии силах авиации. Он сам распорядится, как эти силы использовать.

«Берлин, 16 сентября 1940 г. Шуленбергу.

Пожалуйста, посетите днем 21 сентября господина Молотова и, если к тому времени Вы не получите иных инструкций, сообщите ему устно и как бы между прочим, лучше всего в разговоре на какую-нибудь случайную тему, следующее:

Продолжающееся проникновение английских самолетов в воздушное пространство Германии и оккупированных ею территорий заставляет усилить оборону некоторых объектов, прежде всего на севере Норвегии. Частью такого усиления является переброска туда артиллерийского зенитного дивизиона вместе с его обеспечением. При изыскании путей переброски выяснилось, что наименее сложным для этой цели будет путь через Финляндию. Риббентроп».

19 сентября Гитлер отдал официальный приказ приостановить сосредоточение флота вторжения в портах Северной Франции, а находящиеся там корабли и суда рассредоточить с тем, чтобы «свести к минимуму потери судового тоннажа от воздушных ударов противника». Высадка снова откладывается, на этот раз на неопределенное время – где-то на весну 1941 года.

Командующие в Северной Франции бомбардируют телефонными звонками Гальдера – положение становится просто невыносимым из-за неопределенности поставленных перед их войсками задач. Каковы точные сроки начала операции «Морской Лев»? Не надо паники, успокаивает их начальник генерального штаба, фюрер примет решение. Вторжение отложено главным образом из-за неблагоприятной погоды, а благоприятная погода в проливе не наступит раньше будущего лета, К этому времени удастся привести в порядок всю материальную часть флота, а главное – ввести в строй два новейших линкора – «Бисмарк» и «Тирпиц», превосходящие по своим оперативно-тактическим характеристикам все английские корабли этого класса.

Успокаивая командующих на Западе, Гальдер все более тревожно смотрит на карту восточной границы. Разведка постоянно докладывает о концентрации советских войск вдоль новой границы с Финляндией.

Советский Союз уже полгода находится в милитаристском угаре. От Балтийского до Черного моря во всех округах проходят учения за учениями в максимально приближенной к боевым условиям обстановке. Сталин, видимо, потеряв всякую осторожность, открыто демонстрирует свое страстное желание дождаться, наконец, вторжения в Англию .

А на востоке у Германии всего 25 дивизий. Из них три танковые, одна моторизованная и одна кавалерийская, остальные пехотные.

Только вчера их организационно свели в группу армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока, номинально разделив на три армии. Соотношение сил таково, что начни Сталин сейчас наступление, нетрудно представить себе, что может произойти.

24 сентября маршал Тимошенко прибыл в Киевский Особый военный округ, чьи войска по плану «Грозы» йервыми должны были наносить удар, отрезая Германию от румынской нефти, а по большому счету – и от Балкан.

К приезду наркома были подготовлены учения 99-й стрелковой дивизии в условиях, максимально приближенных к реальной боевой подготовке.

Ровно в назначенное время заревела артиллерия. Канонада продолжалась два часа. Точно по графику учений над полем боя появились бомбардировщики, прикрытые истребителями. Вздыбилась и задрожата земля под градом боевых бомб. Целый час, сменяя друг друга, три волны бомбардировщиков утюжили оборону «противника».

Зрелище было впечатляющее. Казалось, что лавина танков и пехоты, следуя за огневым валом, уже не остановится до самого побережья Атлантического океана.

Нарком был доволен. Он давно наметил 99-ю дивизию, чтобы сделать из нее образцово-показательное подразделение, на которое должны были равняться все вооруженные силы.

Командиром 99-й стрелковой дивизии был генерал Власов.

Нарком Тимошенко наградил Власова золотыми часами. Немного позже сам Сталин приказал наградить Власова орденом Ленина, а 99-ю дивизию —переходящим Красным знаменем Красной Армии.

Газета «Красная Звезда» в течение нескольких дней (с 23 по 25 сентября 1940 г.) в серии статей прославляла 99-ю дивизию, отмечая очень высокую боевую подготовку личного состава и умелую требовательность командования. Статьи печатались с громкими заголовками: «Новые методы боевой учебы», «Командир передовой дивизии», «Партийная конференция 99-й СД» и т.п. Эти статьи изучались на политзанятиях во всей Красной Армии. Особенно подчеркивались выдающиеся заслуги генерала Власова, который «в условиях невероятной требовательности отличился перед всеми другими своей сверхтребовательностью.

За двадцать один год службы в Красной Армии он приобрел ценнейшее для военного качество – понимание людей, которых он призван воспитывать, учить, готовить к бою... И он умеет раскрывать и поощрять в людях рвение к службе».

(Созданный Тимошенко и Жуковым генерал Власов обеспечил себе бессмертие. Его не забудут никогда: и те, кто считает Власова величайшим предателем во всей русской истории, сделав самое его имя синонимом измены; и те, кто считает Андрея Андреевича Власова величайшим героем во всей русской истории, не побоявшимся открыто перейти к противнику и бросить дерзкий вызов тирании своей знаменитой Смоленской декларацией. Казненный Сталиным со средневековой жестокостью генерал Власов ушел в вечность нерешенной загадкой).

Эхо беспрецедентных по своему масштабу глобальных маневров, проводимых Красной Армией, прокатывалось по всему миру в грохоте взрывов снарядов, бомб и мин, рвущихся на огромной территории от Баренцева до Черного моря.

Отчетливее других гром приближающейся с востока «Грозы» слышали, естественно, в Берлине, куда начали съезжаться представители Италии и Японии для предстоящего подписания Тройственного союза Берлин—Рим– Токио. Итальянцы и японцы не преминули выяснить у встречавшего их Гитлера, как он относится к столь громкому бряцанию оружием, доносящемуся из Москвы? Фюрер был внешне спокоен. Хорошо зная, что Сталин готовит свою армию к предстоящей высадке немецких войск в Англии, фюрер все-таки нервничал, не в состоянии предсказать реакцию Сталина, когда тот узнает, что давно ожидаемая высадка снова откладывается на неопределенное время. Вдруг Сталин поймет, что его дурачат, и, не ожидая немецкого вторжения в Англию, начнет наступление на Балканы или в Польше? Или тут, и там одновременно? Надо попробовать подсказать Сталину другой путь.

Активность советской разведки в Иране и Афганистане была давно замечена немцами. Замечено было и то, что эта активность в последнее время резко возросла. «Это как раз *то,*что нужно!» – решили в Берлине.

Но пока необходимо успокоить Кремль относительно предстоящего заключения Тройственного союза.

Риббентроп телеграфировал поверенному в делах в Москве фон Типпельскирху (граф Шуленбург был в отпуске).

«Берлин, 25 сентября 1940 г. N 1746
Государственная тайна
Срочно
Совершенно секретно
Только для поверенного в делах лично

Пожалуйста, в четверг, 26 сентября, посетите Молотова и от моего имени сообщите ему, что ввиду сердечных отношений, существующих между Германией и Советским Союзом, я хотел бы заранее, строго конфиденциально, информировать его о следующем:

1. Агитация поджигателей войны в Америке, которая на нынешнем этапе окончательного поражения Англии видит последний для себя выход в расширении и продолжении войны, привела к переговорам между двумя державами Оси, с одной стороны, и Японией, с другой; результатом этого, предположительно в течение ближайших нескольких дней, будет подписание военного союза между тремя державами.

2. Этот союз с самого начала и последовательно направлен исключительно против американских поджигателей войны. Конечно же, это не записано прямо в договоре, но может быть безошибочно выведено из его содержания.

3. Договор, конечно, не преследует в отношении Америки каких-либо агрессивных целей. Его исключительная цель – лишь привести в чувство те элементы, которые настаивают на вступлении Америки в войну, убедительно продемонстрировав им, что, если они действительно вступят в войну, они автоматически будут иметь своими противниками три великие державы.

4. С самого начала этих переговоров три договаривающиеся стороны полностью согласились с тем, что их союз ни в коем случае не затронет отношений каждой из них с Советским Союзом.

6. Пользуясь случаем, скажите, пожалуйста, господину Молотову... что я намерен вскоре обратиться с личным письмом к господину Сталину, в котором... будет откровенно и конфиденциально изложена германская точка зрения на нынешнюю политическую ситуацию. Кроме того, письмо будет содержать приглашение в Берлин господина Молотова, чей ответный визит, после двух моих визитов в Москву, нами ожидается и с которым я хотел бы обсудить важные проблемы, касающиеся установления общих политических целей на будущее.

Риббентроп». (Получено в Москве 26 сентября 1940 г. в 12.05)

Пока в Берлине готовились к подписанию Тройственного пакта, пока сотрудники германского МИДа шифровали и передавали в Москву телеграмму Риббентропа, а в немецком посольстве лихорадочно ее расшифровывали, по всей Германии ревели сирены воздушной тревоги – английские тяжелые бомбардировщики все более уверенно вгрызались в воздушное пространство Германии, явно показывая, что, несмотря на все амбиции, противовоздушная оборона Рейха очень далека от совершенства.

В течение 25 и 26 сентября особо мощным ударам с воздуха подверглась одна из главных баз германского флота в Киле, где, помимо многих других боевых кораблей, отстаивались без всякой пользы два единственных пока немецких линкора «Шархорст» и «Гнейзенау», а также находящийся в вечной достройке (так никогда и не законченной) авианосец «Граф Цеппелин». И хотя особого ущерба, если не считать нескольких разрушенных складов и поврежденных кораблей, эти налеты не причинили, сам факт безнаказанной бомбежки англичанами главной базы кригсмарине совсем не вдохновлял тех, кому имперская пропаганда прожужжала все уши о разгромленной и поверженной Англии, захват которой – дело лишь двух-трех дней хорошей погоды.

27 сентября 1940 года в Берлине в обстановке «суровой и сдержанной торжественности» был подписан Тройственный союз между Германией, Италией и Японией. Японцы, вовсе не желавшие связывать себя какими то ни было союзами, настояли на чисто азиатской туманности текста, который гласил: «...договаривающиеся стороны обеспечивают друг другу взаимную поддержку в случае, если одна из сторон подвергается нападению со стороны государства, пока еще не вовлеченного в войну». Все интерпретировали эти слова как предостережение Соединенным Штатам, но каждому было ясно и другое – теперь Сталин

в случае вторжения в Европу вынужден будет считаться с перспективой открытия второго фронта на своих восточных границах.

Накануне временный поверенный в делах Германии в Москве, как ему и было приказано, попросил приема у Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР Молотова. После некоторых бюрократических проволочек он был принят Молотовым в 22.00 по московскому времени.

Нарком был сдержанно приветлив. Внимательно выслушав послание Риббентропа, он с особым удовлетворением отметил 6-й пункт. Неожиданно переменив тему разговора, Молотов спросил Типпельскирха, как понимать последнее германо-финское соглашение, которое, согласно финскому коммюнике, предоставляет германским войскам право прохода в Норвегию через Финляндию?

Типпельскирх ответил, что не имеет по этому вопросу никакой информации, и снова перевел разговор на предстоящее подписание Тройственного союза. Однако мы имеем право, продолжает Молотов, не только быть об этом предупрежденными, но и ознакомиться со всеми секретными протоколами, прилагаемыми к договору. Это желание советского правительства, поясняет Молотов, основано на статьях 3 и 4 договора о ненападении, заключенного с Германией. Советский Союз так и понимает эти статьи. Особенно статью 4. Если Советский Союз понимает свои права неправильно, то пусть правительство Германии разъяснит свою позицию по этому поводу.

Но временный поверенный в делах фон Типпельскирх ничем помочь не может, кроме как сообщить об этом желании советского правительства в Берлин.

Молотов вновь ссылается на советско-германский договор, в секретных протоколах к которому ясно говорится о сферах влияния. Типпельскирх неизменно напоминал наркому, что ему поручено только информировать советское правительство о предстоящем подписании Тройственного союза, а обо всем остальном он немедленно информирует свое правительство, поскольку сам не обладает по этим вопросам никакой информации...

30 сентября «Правда» сообщила о подписании в Берлине Тройственного союза, делая вид, что это незначительное событие не заслуживает большого внимания.

2 октября 1940 года, Сталин приказал приостановить постройку в Молотовске линкора «Советская Белоруссия», что позднее должно войти в официальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане военного судостроения на 1941 год», который переделывают уже третий раз. Так тяжело Сталин расстается с тяжелыми кораблями. Не хватает металла. Почти весь фондовый металл жрет танковая и артиллерийская программа. Заявки армии на танки и артиллерию просто невероятны. Но тут и Мерецков, и Тимошенко держались твердо: без тройного (по меньшей мере) превосходства в танках, самолетах и артиллерии они не могут гарантировать успех операции «Гроза».

Между тем воздушное наступление на Англию продолжалось, хотя и в замедленном темпе. Англичане с удовлетворением отмечали, что ежедневно в их воздушном пространстве появляется все меньше самолетов противника. Но все же их было достаточно, чтобы держать в напряжении службу ПВО и население.

5 октября полутонная бомба взорвалась на площади у древнего здания английского парламента. Огромное, украшенное витражами окно «матери всех парламентов» было выбито, превратившись из уникального произведения искусства в огромную безобразную дыру. Осколки авиабомбы ударили по бронзовой конной статуе короля Ричарда Львиное Сердце, стоявшей на площади перед зданием парламента. Меч в руке легендарного короля-рыцаря был погнут, но не сломан, что все сочли хорошим предзнаменованием...

Еще одна немецкая бомба, пробив купол прекрасного собора св. Павла, разорвалась, повредив и забросав обломками драгоценный алтарь XV века. Все это было очень эффектно, но обходилось с каждым днем все дороже. Немцы признали, что в сентябре они потеряли над

Англией 582 самолета. Господство в воздухе так и не было завоевано, о господстве на море и говорить было нечего.

5 октября в газете «Правда» появилась статья о защитниках «лондонского неба», тональность которой вызвала сенсацию. В ней намекалось, что Англия ведет «народную войну», а в зенитных расчетах «царит дух товарищества и патриотизма». Еще ни разу с начала войны в советской печати не появлялось ни одного теплого слова ни о поляках, ни о французах, ни об англичанах! Каким неожиданным способом Сталин высказывает свое недовольство! Понятно, на что намекает азиатская лиса! Конечно, статью в газете нельзя рассматривать как изменение политики Кремля, но следует понимать как предупреждение о возможности альянса с Англией! Проклятые проблемы! Самолеты гибнут, флот бездействует, а союзник!..

Шербур, куда Гитлер планировал перебазировать все боеспособные корабли своего флота, ежедневно подвергался ударам с моря и воздуха. А на Средиземном море итальянский флот продолжал позорно укрываться в базах, полностью отдав море англичанам.

Огромный итальянский флот – 6 линкоров, 8 тяжелых и 25 легких крейсеров – парализован страхом перед красным крестом Св.Георга и его авторитетом. Но в настоящее время надводные корабли немецкого флота не в состоянии эффективно действовать против англичан, пока не будет приведена в порядок материальная часть.

А реалии таковы, что начни Сталин сейчас военные действия, так на Востоке нет реальных сил, которые можно было бы противопоставить его гигантской военной машине.

Только что завершились небывалые по масштабу маневры Киевского Особого военного округа, ход которых контролировал сам нарком обороны маршал Тимошенко. Еще продолжаются не менее масштабные маневры Белорусского военного округа, которым командует один из самых опытных советских танковых стратегов генерал Павлов. Контролирует маневры начальник оперативного отдела генштаба генерал Ватутин. Учения продолжаются также в огромном Ленинградском военном округе, куда, по последним данным, выехал Тимошенко. Округ приведен в движение и снова явно нацелен на Финляндию. Во всех округах отрабатываются приемы наступления. Прорыв обороны противника с последующим быстрым выходом большими массами танков и кавалерии на оперативный простор.

Судя по концентрации задействованных частей, а также по тому вниманию, которое уделяет учениям лично военный министр (нарком), Сталин нацелил главный удар на Балканы и Финляндию.

На границе с генерал-губернаторством (Польшей), где идет строительство укреплений, судя по всему, Кремль хочет ограничиться, по крайней мере на первом этапе, оборонительно-сдерживающими действиями, если движение на Балканы приведет к вооруженному столкновению с нами. Однако наличие сил и средств на Белостокском балконе с одинаковой вероятностью предполагает возможность массированного наступления и на этом участке.

Удобно откинувшись в кресле, скрестив руки на груди, Гитлер невнимательно слушает начальника генерального штаба. Все это понятно. А может быть, действительно попытаться до восточного похода оккупировать Англию?

Гальдер с сомнением покачивает головой. Объективных данных, мой фюрер, на это никаких нет. Напротив, мы имеем информацию, что группировка английских войск на юге страны с каждым днем набирает силу.

Кроме того, не следует забывать, что как только мы начнем высадку, Сталин немедленно бросит свою армию вперед, нанося удар с Белостокского плацдарма на Берлин, одновременно отрезая нас от румынской нефти и приобретая Англию в качестве союзника.

Гитлер морщится. А если со Сталиным удастся договориться? О чем? Скажем, удастся убедить егопримкнуть к странам Оси на условиях дележа бывшей Британской империи. С

тем, чтобы он отказался от своих амбициозных планов в Европе, в первую очередь на Балканах, а повернул на юг в сторону Ирана и Афганистана, в сторону незамерзающего Персидского залива с его нефтяными богатствами.

Галъдер не соглашается: мы не можем долго терпеть концентрацию такой огромной армии на наших восточных границах. Уничтожить военную машину Сталина необходимо в самое ближайшее время, не откладывая далее, чем до мая будущего года. Это мнение всего командования сухопутной армии.

Уничтожить, ворчит Гитлер, уничтожить легко. А вот заставить эту машину работать на нас, постепенно уничтожая большевистскую идеологию – это сложнее. Это уже область, в которой Гальдер ничего не понимает, это уже область политики. Не знал начальник генерального штаба, что именно в этот момент из Берлина на имя Сталина уже послано письмо за подписью Риббентропа, в котором, в частности, содержался прямой призыв примкнуть к державам Оси:

«...историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов».

В конце письма Риббентроп приглашает Молотова посетить Германию, где берлинский пахан, не прибегая к ненадежному способу общения на бумаге, «лично выскажет свои взгляды на будущий характер отношений» с паханом кремлевским.

Посланное через Шуленберга письмо должно было быть передано лично Сталину не позднее 17 октября. На это были все основания. Несмотря на хладнокровие командования вермахта, считавшего, что Сталин не предпримет никаких активных действий до начала операции «Морской Лев», по каналам Гейдриха, чья информация почти всегда отличалась от информации адмирала Канариса, были получены данные, повергавшие Гитлера и его ближайшее окружение в состояние паники. Информация, полученная от источника, близкого к руководству ВВС РККА, говорила о том, что, ожидая вторжения в Англию в двадцатых числах сентября, Сталин отдал секретную директиву в войска начать наступление по всей линии границы от Баренцева до Черного моря 22 октября. В директиве говорилось, что окончательные приказы будут даны не позднее 19 октября, а при отсутствии таковых «войскам действовать в соответствии с имеющимися приказами и инструкциями».

Факты говорили о том, что Красная Армия находится на пике своей оперативной готовности.

Глава 7. Пир хищников

Сталин и Молотов внимательно изучали объемистое послание Риббентропа. Сомнений не было. Маленький сталинский «демаршик» в «Правде» с лондонской зенитной батареей не остался в Берлине незамеченным. Все письмо германского министра пронизано тревогой по поводу возможных поворотов в англо-советских отношениях. Тут открывается большой простор для маневров!

Деликатнее получается вопрос с Финляндией. Конечно, немцам выгодно наращивать свои силы в Норвегии для предстроящего вторжения в Англию, но советская разведка категорически заявляет, что в Норвегии немецкие войска не появляются, а растворяются в финских лесах. Что это все значит, необходимо выяснить, поскольку тут немцы явно нарушают договор о разделе сфер влияния. Нужно совершенно ясно дать им понять, что Финляндия – не более как провинция России, утраченная в 1918 году под нажимом тех же немцев.

Далее идут проблемы Балкан. В первую очередь – Румыния и Болгария, где интересы Советского Союза очевидны. А в Румынию уже потоком идут немецкие войска и ожидаются итальянские. Немцы в этом вопросе просто заврались! Сначала вели речь о происках английской разведки, пытающейся дестабилизировать весь район, втянуть Румынию в войну

и захватить нефтяные прииски. Затем представитель немецкого МИДа заявил, что слухи о посылке немецких войск – вздор. И тут же опроверг себя, сказав, что посылаются в Румынию образцовые германские части, имеющие учебные цели.

В Болгарии ведутся какие-то непонятные переговоры с немцами. Похоже, что Гитлер тянет Болгарию в Ось. Разведка сообщает, что на одном из заседаний тайного Государственного Совета болгарский царь Борис с отчаянием воскликнул: «Боже мой, Боже мой! Что же нам делать? С Запада – Гитлер, с Востока – Сталин! Куда же нам податься? Пожалуй, лучше все же к Гитлеру, чем к большевикам!»

Но самые интересные сведения идут из Германии. Не успев осуществить вторжение в Англию до начала сезона осенних непогод, Гитлер хочет использовать время до лета будущего года, чтобы окончательно вымести англичан из Средиземного моря. С одновременным захватом итальянцами Суэцкого канала планируется захват Гибралтара либо немцами, пропущенными через испанскую территорию, либо немцами и испанцами вместе, если удастся договориться с Франко.

Итальянский флот готовится резко повысить активность и ждет лишь ввода в строй нескольких новых кораблей, включая и еще два линкора, превосходящих по своим оперативно-тактически данным все, что имеют англичане. Кроме того, разработан план резкой активизации действий немецкого флота на английских коммуникациях. Но что наиболее интересно, есть сведения, что Гитлер, раздраженный медлительностью действий итальянцев в Египте, готовит экспедиционный корпус для действий в Северной Африке.

Франко, обязанный своим триумфом в гражданской войне огромным военным поставкам Германии и Италии, после разгрома Франции сам стал напрашиваться на участие в войне, надеясь округлить за счет французов свои африканские колониальные владения. Подобно всем другим диктаторам, Франко имел неутолимый аппетит на добычу, особенно если она доставалась дешево.

Именно для того, чтобы напомнить Франко о его желании вступить в войну, Гитлер и прибыл 23 октября на франко-испанскую границу. Однако с того момента, когда Франко рвался вступить в войну на стороне Германии, прошло уже достаточно времени, чтобы каудильо сумел подавить свой первый эмоциональный порыв. Высадка в Англию так и не произошла, а слова Гитлера, что Англия «полностью разбита», не произвели на хитрого испанца большого впечатления. Испанская разведка достаточно точно определила, что до разгрома Англии еще очень далеко, а если учесть, что за английской спиной все явственнее вырисовывается мощный силуэт Соединенных Штатов, то как бы не случилось все наоборот.

Гитлер заявил, что он желает, чтобы Испания вступила в войну в январе 1941 года и 10 января напала на Гибралтар, обещая прислать крупных специалистов по уничтожению фортов с воздуха. Франко ответил, что так быстро подготовиться к войне испанская армия не в состоянии, но уж если дело дойдет до войны, то никакие специалисты из Германии ему не нужны – он и сам справится.

Обстановка становится непонятной. Все больше сил и средств кидается на борьбу с резко активизировавшей свои действия Англией, явно превышая разумный уровень чисто маскировочной операции.

Поток военного снаряжения, хлынувший в Англию из Соединенных Штатов, не только позволит Англии накопить достаточный потенциал для продолжения войны, но, и это ясно как Божий день, в самом ближайшем будущем вовлечет в войну против Германии и сами Соединенные Штаты.

Может быть, фюрер видит эту возможность и пытается в последний момент привлечь Сталина как союзника, поскольку, если к Англии присоединятся Штаты, то положение Германии крайне осложнится, чтобы не сказать, станет безнадежным.

Между тем Гитлер продолжает инструктировать генералов о своих планах сокрушения Англии.

«До наступления весны, – подчеркивает фюрер, – когда мы осуществим вторжение в Англию, необходимо захватить Гибралтар, Мальту, Канарские и Азорские острова, португальскую Мадейру и, если понадобится, оккупировать Португалию». Для этого немецкие войска будут пропущены через территорию Испании и будут действовать совместно с испанскими войсками, поскольку Франко, откровенно врет Гитлер, на нашей последней встрече подтвердил свое желание вступить в войну.

В Лондоне, в своем кабинете, Уинстон Черчилль обдумывал сообщение разведки, ссылавшейся на надежные американские источники. С самого начала операции «Морской Лев» немцы понимали невозможность ее осуществления и не собирались всерьез предпринимать вторжение на Британские острова. Все их мероприятия в этом направлении, включая воздушные налеты и усиливающуюся с каждым днем подводную войну, являются отвлекающими действиями для маскировки своих истинных намерений – нападения на Советский Союз.

Эти сведения, которые пришли из Америки, казались слишком приятным чудом, чтобы быть правдой. Английская разведка уже два месяца слала из Москвы сообщения, что Сталин в самом ближайшем будущем намерен выступить против Гитлера. На западных границах СССР разворачивается и приводится в полную боевую готовность огромная армия, которая, без сомнения, в настоящее время сомнет и сокрушит все, что вермахт сможет ей противопоставить. Волею Сталина страна превращена в огромный военный лагерь. Практически вся промышленность, как тяжелая, так и легкая, переведена на военные рельсы.

В настоящее время, после начала военных действий в Греции, представляется совершенно неизбежным поворот немецкого фронта на юг, что ставит вермахт под фланговый удар со стороны СССР. Едва ли можно ожидать, пророчествовали аналитики из секретной службы, чтобы Сталин не воспользовался этой возможностью, тем более что главное острие военного развертывания России нацелено как раз на Балканы. Немцы в панике и растерянности лихорадочно пытаются втянуть Сталина в переговоры, чтобы выиграть время и оттянуть возможность упреждающего удара с его стороны...

Итак, начинает сбываться главная предпосылка английской стратегии 1939 года, предусматривающая неизбежность конфликта между двумя тоталитарными диктатурами, какими бы воплями о дружбе они себя ни тешили. Глобальная английская секретная служба обладает возможностями, далеко превосходящими возможности молодых, неопытных, излишне милитаризованных, идеологически ограниченных, если не сказать зашоренных, секретных служб России и Германии. *В их противостоянии легко сделать так, чтобы они ринулись друг на друга, ослепленные дезинформацией, ибо, будучи по сути своей обычными бандитами, они имеют и все рефлексы таковых...*

Специалисты с интересом отмечают, что обе армии – гитлеровская и сгзтинская – нацелены на стремительное наступление и фактически не имеют ни концепции и, что более удивительно, даже оборонительных планов, не считая импровизированных планов активной обороны, если того потребует обстановка в ходе наступления.

В таких условиях та армия, которая нанесет удар первой, сможет достигнуть крупных, можно сказать, решительных успехов, так как... армия, не имеющая планов отступления, начав отступать, неизбежно превратит свое отступление в паническое и хаотическое бегство. Если случится так, что первым нанесет удар Сталин, то никто не поручится, что вскоре на южном побережье канала вместо немецкой будет стоять советская армия, и Европа попадет под новую тиранию, на этот раз красную, а не коричневую, хотя коричневый цвет всего лишь оттенок красного. Или наоборот. Что хуже – неизвестно, и с кем будет сложнее бороться –

тоже неизвестно. Если же первым нанесет удар Гитлер, произойдет почти то же самое с одной лишь разницей – идти Гитлеру в этом случае некуда, кроме как в мышеловку необъятных пространств России, где немецкая и русская армии будут яростно перемалывать друг друга по меньшей мере в течение года.

Это будет, помимо всего прочего, означать постепенный уход Гитлера из Европы, неизбежный поворот к нам тылом, по которому мы, накопив достаточно сил, и ударим.

Английская разведка на континенте, со свойственным ей мастерством, уже распространила слухи о полной деморализации населения, вызванной немецкими бомбежками, об усталости армии, об общем духе безнадежности, витающем над Британскими островами.

«Как только пройдут осенне-зимние штормы и непогоды, – писала газета „Таймс", – Британию неизбежно ждут новые испытания и каждый британец должен быть готов к ним. К сожалению, картина, которую мы наблюдаем в стране и в армии, не оставляет большого запаса для оптимизма... Потери нашего торгового флота растут, силы авиации тают, наш флот не в состоянии защитить жизненно важные для страны морские пути, и вряд ли у кого-либо существует стопроцентная уверенность, что королевские вооруженные силы способны отразить неизбежное летом будущего года немецкое нашествие».

Хотя уверенность военных в своих силах и радовала, а тон газетных статей, заданный им самим, можно было не принимать во внимание, никто лучше Черчилля не понимал, насколько серьезна обстановка и насколько перенапряжены все силы страны. Местные фашистские организации, хотя и ушли после начала войны в полуподпольное состояние, почти открыто вели пропаганду против продолжения войны.

Легальная коммунистическая партия, подстрекаемая Москвой, столь же открыто, но с еще большей безапелляционностью кричала что-то об империалистической войне, призывая пролетариев всех стран объединяться.

Но самым опасным было то, что Англия уже стояла на грани финансового банкротства. Ее активы, достигавшие перед войной 4,5 миллиардов долларов, были практически израсходованы, включая находившиеся в Америке авуары частных граждан, конфискованные и реализованные правительством Его Величества.

Всем уже было ясно, что Англия быстро окажется не в состоянии продолжать войну, не получая поставок из Соединенных Штатов. В то же время по закону «плати наличными и вези сам» она не могла получать никаких поставок, не располагая долларами.

Между тем, в Москве, начальник ГРУ генерал Голиков подготовил для Сталина короткую справку относительно последних событий.

Немцы, по мнению начальника ГРУ, делают все правильно и логично.

Присутствующие в кабинете нарком Тимошенко, начальник генштаба Мерецков, а также Маленков и Жданов, выжидающе молчат.

Поскольку погода в настоящее время делает невозможной высадку десанта, Гитлер совершенно правильно переносит центр тяжести операций в бассейн Средиземного моря, планируя до весны-лета будущего года очистить Средиземноморье от англичан. План немцев элегантен и прост. Во взаимодействии с Франко где-то в январе будет захвачен Гибралтар.

Итальянцы должны возобновить наступление в Египте и оттеснить англичан за Суэцкий канал. В этой связи ожидаются крупные операции итальянского флота, который, по сведениям нашего военно-морского атташе в Риме, в настоящее время сосредоточился в Таранто – на подошве итальянского сапога – и готов начать с Англией борьбу за господство на море. Итальянский флот материально значительно превосходит те силы, которые англичане в настоящее время способны выделить для Средиземного моря.

Таким образом, потеря англичанами своих позиций в Средиземноморье значительно облегчит Гитлеру решение задачи захвата Британских островов.

Надежда англичан на вступление в войну США маловероятна. Политическое положение в Соединенных Штатах таково, что президенту Рузвельту, не имеющему большинства в конгрессе, как бы ему этого ни хотелось, не втянуть страну в военные действия на стороне Англии. Вся его предвыборная программа, которая ведется в нарушение Конституции США, основана на уверении общественного мнения в том, что США не намерены вмешиваться в европейскую войну.

Нападение Италии на Грецию создало принципиально новую обстановку на Балканах, которая открывает перед нами возможности прямого вмешательства в события. После начала военных действий срочную мобилизацию войск провели Болгария и Турция, претендующие на часть греческой территории. Это означает, что можно ожидать вспышки военных действий, которая охватит все Балканы. Англичане уже начали высадку на греческую территорию. Немцы могут отреагировать резко.

Таким образом, подводит итог Голиков, до лета 1941 года ожидается постоянное наращивание объема боевых действий против Англии, пик которых придется, судя по всему, на конец июня – начало июля, поскольку именно в этот период в Ла-Манше по метеонаблюдениям за последние 50 лет стоит наиболее благоприятная для высадки погода. Это, заканчивает начальник ГРУ, предоставляет нам возможность... Он смотрит на Сталина. Что-то очень мрачен... Голиков подбирает наиболее гладкие слова: «Предоставляет нам возможность провести необходимые мероприятия по дальнейшему укреплению обороноспособности нашей Родины».

Все смотрят на Сталина, который сидит мрачнее тучи. Он плохо себя чувствует последнее время. Распорядок жизни его совершенно ненормальный, даже самоубийственный.

Постоянные ночные попойки на даче со своими любимцами, превращающие ночи в дни, а дни – в ночи, обилие острой пищи, алкоголя, неумеренное курение. Сталин уже перенес инфаркт и инсульт. Предрекая собственную гибель, профессор Коган предлагает Сталину минимум на полгода отойти от дел и отдохнуть под постоянным наблюдением врачей.

Тяжелая голова не дает возможности быстро, как в былые времена, отреагировать на изменение обстановки из-за вторжения Италии в Грецию. Ладно, разберемся позднее. Пусть товарищ Молотов съездит в Берлин. В начале декабря проведем с товарищами из Политбюро и военными конференцию и оперативные игры. Затем уже точно решим, что делать.

Он смотрит больными глазами на Тимошенко: «Главный доклад для конференции пусть подготовит товарищ Жуков».

Никто не удивляется. Округ Жукова на главном направлении. Ему начинать – ему и докладывать. Тема доклада товарища Жукова определена точно и недвусмысленно: *«Характер современной наступательной операции».*

В течение всего октября доклад писал начальник штаба Киевского округа генерал Баграмян. К 1 ноября, как и было приказано, проект доклада был прислан наркому. Тот, не читая, передал его Мерецкову, который его внимательно изучил и должен был утвердить. Сам Сталин читать доклад отказался, сказав, что послушает его на конференции и обсудит в ходе предстоящей стратегической игры...

6 ноября на торжественном собрании в Большом театре по случаю 23-й годовщины октябрьского переворота с главной речью выступает знаменитый «зиц-президент» СССР Михаил Калинин, чья жена сидит в концлагере, что не мешает ее мужу-президенту громче всех славословить неизмеримую мудрость великого вождя и учителя.

Комментируя речь Калинина, газета «Правда» особо подчеркнула, что народ наслаждается миром благодаря мудрой политике товарища Сталина, но тут же позволила себе задаться вопросом: может ли советский народ безучастно смотреть на гибель

европейской цивилизации и не прийти к ней на помощь, выполняя свою историческую миссию спасителя человечества? И чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что народ выполнит свою историческую миссию, день 7 ноября 1940 года был превращен в грандиозное милитаристское шоу, какого еще не видела ни страна, ни остальной мир, который, казалось, должен был уже привыкнуть к средневековой имперской свирепости и пышности военных парадов первой страны «победившего пролетариата».

Лихорадочно заработали посольские передатчики. Военные, военно-морские и военно-воздушные атташе сообщали в свои штабы первые впечатления о небывалом военном спектакле, поставленном Сталиным. Штабы волновали не столько сообщения о новых образцах оружия, сколько более общий вопрос: для кого этот спектакль предназначался? Ради чего Москва так громко залязгала своей клыкастой пастью? Кого она пугает и к кому хочет пристроиться в качестве решительного союзника?

Всем уже было ясно, что Сталину пора определиться, что с каждым днем у него остается все меньше простора для маневра и времени для принятия решения: на чью сторону он хочет встать в спровоцированной им же войне?

Предстоящий визит Молотова в Берлин на первый взгляд говорил о том, что не за горами советско-германский военный союз. Однако аналитики из английской разведки скептически пожимали плечами. Вряд ли! У потенциальных «союзников» нет общих целей, разве что Гитлер пропустит сталинские войска через свою территорию и предоставит им честь совершить высадку в Англии вместо вермахта. Либо пошлет их в Северную Африку помогать итальянцам. Все это фантастично, равно как и обратные варианты: Сталин пропускает немецкие войска в Среднюю Азию для похода в Индию и в Иран. И Гитлер, и Сталин нацелены на Европу, в частности, на Балканы, а в общем – друг на друга. Центростремительные силы военного и геополитического сдвига неизбежно толкают их навстречу друг другу со штыками наперевес.

10 ноября 1940 года в 18.45 Молотов выехал из Москвы в Берлин. Председателя Совнаркома СССР и наркома иностранных дел сопровождала большая свита, в которую, в частности, входил Владимир Деканозов – тот самый Деканозов, который совсем недавно был сталинским наместником в Литве, насаждая там коммунистические идеалы обычными методами массовых расстрелов, арестов и депортаций. Ныне он должен был занять пост советского посла в Берлине.

Пока специальный поезд Молотова, состоящий из нескольких вагонов западноевропейского образца, мчался через территорию Белоруссии и разодранной Польши в Берлин, произошла неожиданность, о которой Молотову не удосужились сообщить, видимо, сочтя новость не особенно интересной.

Как выяснилось, в ночь с 11 на 12 ноября английские самолеты, поднявшись с авианосца «Илластриес», нанесли торпедно-бомбовый удар по главной базе итальянского флота в Таранто. Хотя самолетов было до смешного мало – 10 торпедоносцев и 6 бомбардировщиков – три итальянских линкора, включая новейший «Литторио», на который возлагалось столько надежд, были надолго выведены из строя, а один из них – «Конте да Кавур», как выяснилось позднее, навсегда.

Кто еще сомневался, тем наконец стало совершенно ясно, что рассчитывать на какую-то реальную помощь со стороны итальянского флота в стратегических средиземноморских планах не приходится. Но больше рассчитывать было не на кого, а без флота строить какие-то планы в бассейне Средиземного моря было довольно опрометчиво, поскольку от подобных планов за милю веяло авантюрой.

На фоне горящих итальянских линкоров, которых от окончательной гибели спасло только мелководье бухты, как-то уже и без особого удивления было воспринято сообщение о том, что почти одновременно с ударом по Таранто, командующий английскими силами в

Египте генерал Уайвелл, чью крошечную армию итальянцы еще в октябре обещали выкинуть за Суэцкий канал, неожиданно произвел разведку боем. Уайвелл, видимо, не ставил перед своими войсками каких-либо глобальных целей, кроме как прощупать противника, но результатов достиг ошеломляющих. Везде, где немногочисленные мобильные группы англичан вступали в контакт с противником, итальянцы либо в панике бежали, либо, чаще всего, сдавались в плен. В течение трех дней тридцатитысячная армия генерала Уайвелла взяла в плен 38 тысяч итальянцев и вынуждена была остановиться, чтобы оценить создавшуюся обстановку...

Поэтому, когда в пасмурное дождливое утро 13 ноября поезд Молотова подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина, на лицах встречавших его высших деятелей Рейха было несколько растерянное выражение, что не помешало обставить встречу главы советского правительства со всей возможной торжественностью.

Молотов и Риббентроп уже слишком хорошо друг друга знали, чтобы тратить время на дипломатическую «пристрелку». Оба отлично понимали, что не являются ни архитекторами, ни вдохновителями внешней политики своих государств, а лишь проводниками авантюрных замыслов своих одержимых навязчивыми идеями вождей и что одно неосторожное слово может стоить Риббентропу карьеры, а Молотову – головы.

Все присутствующие на первой встрече министров невольно отметили некоторую неуверенность, с которой Риббентроп произносил свою речь. Но Риббентроп был одним из первых в Германии, кто узнал о налете англичан на Таранто и начавшейся катастрофе итальянской армии в африканской пустыне. Германия, вещал Риббентроп, будет бомбардировать Англию днем и ночью. Германские подводные лодки со временем будут использоваться в полном объеме их боевых возможностей и окончательно подорвут мощь Великобритании, вынудив ее прекратить борьбу. Определенная тревога в Англии уже заметна, что позволяет надеяться на близкую развязку. Если же Англия не будет поставлена на колени налетами авиации и действиями подводных лодок, Германия, как только позволят погодные условия, начнет крупномасштабную высадку на Британские острова и покончит с Англией. Лишь плохие погодные условия препятствуют пока проведению подобной операции...

«Англия, конечно, надеется на помощь Соединенных Штатов, чья поддержка, однако, под большим вопросом. В плане возможных наземных операций вступление США в войну не имеет для Германии никакого значения. Германия и Италия никогда более не позволят англосаксам высадиться на Европейском континенте. Помощь, которую Англия может получить от американского флота, также очень сомнительна. Америка, видимо, ограничится посылкой англичанам военного снаряжения, прежде всего самолетов. Однако трудно сказать, какое количество этих поставок будет получено Англией, учитывая постоянно растущие потери английских транспортных судов от действий военно-морского флота Германии. Можно с большой вероятностью предположить, что до Англии дойдет лишь незначительная часть этих поставок.

Державы Оси в военном и политическом отношении полностью господствуют в континентальной Европе. Даже Франция, которая проиграла войну и должна за это платить, что, кстати, французы прекрасно понимают, обязалась никогда не поддерживать Англию и де Голля – этого донкихотствующего покорителя Африки. Поэтому, благодаря необыкновенной прочности своих позиций, державы Оси больше думают сейчас не над тем, как выиграть войну, а над тем, как уже выигранную войну закончить. Естественное желание Германии и Италии – как можно скорее закончить войну, – побуждает их искать себе союзников, согласных с этим намерением. В результате заключен Тройственный союз между Германией, Италией и Японией. Кроме того, он, Риббентроп, может конфиденциально сообщить, что целый ряд других стран заявил о своей солидарности с идеями пакта Трех Держав»,

Фюрер придерживается мнения, продолжает Риббентроп, что следует хотя бы в самых общих чертах разграничить сферы влияния России, Германии, Италии и Японии. Фюрер изучал этот вопрос долго и глубоко и пришел к следующему выводу: принимая во внимание то положение, которое занимают в мире эти четыре нации, будет мудрее всего, если они, стремясь к расширению своего жизненного пространства, обратятся к югу. Япония уже повернула на юг, и ей понадобятся столетия, чтобы укрепить свои территориальные приобретения на юге.

Германия с Россией разграничили свои сферы влияния, и после того как Новый порядок окончательно установится в Западной Европе, Германия также приступит к расширению своего жизненного пространства в южном направлении, то есть в районах бывших германских колоний в Центральной Африке. Точно так же и Италия продвигается на юг – в Северную и Восточную Африку. Поэтому он, Имперский министр иностранных дел, интересуется, не повернет ли в будущем на юг и Россия для получения естественного выхода в открытое море, который так важен для России?

Молотов холодно поинтересовался, какое море имел в виду господин Имперский министр, говоря о выходе России в открытое море?

Риббентроп ответил, что, по мнению Германии, после войны произойдут огромные изменения во всем мире. Германия уверена, что в статусе владений Британской империи произойдут большие изменения. Пока что от германо-русского соглашения получили выгоду обе стороны – как Германия, так и Россия, которая смогла осуществить законные перемены на своих западных границах.

Вопрос теперь в том, могут ли они продолжать работать вместе и в будущем, и может ли Советская Россия извлечь соответствующие выводы из нового порядка вещей в Британской империи, то есть не будет ли для России наиболее выгодным выход к морю через Персидский залив и Аравийское море. Тут, конечно, важна позиция Турции. Турция в последние месяцы свела свои отношения с Англией практически до уровня формального нейтралитета. Вопрос состоит в том, какие интересы Россия имеет в Турции.

«При разграничении сфер влияния на довольно долгий период времени необходима точность, – жестко и резко заявил глава советского правительства, – поэтому я и прошу информировать меня о мнении составителей Пакта или, по крайней мере, о мнении Германского правительства на этот счет. Особая тщательность необходима при разграничении сфер влияния Германии и России». Молотов делает паузу.

«Установление этих сфер влияния в прошлом году, – продолжает он, – было лишь частичным решением, которое, за исключение финского вопроса, чье детальное обсуждение я намерен еще сделать позднее, выглядит устарелым и бессмысленным в свете недавних событий и обстоятельств».

От столь неожиданного поворота беседы Риббентроп на мгновение потерял дар речи. Если все ранее согласованные сферы влияния Молотов находит «устарелыми и бессмысленными», то какие новые условия поставит Сталин Германии, зажатой, как между молотом и наковальней, между удавкой английской морской блокады и русским паровым катком? Нервно взглянув на часы, Риббентроп предлагает прервать беседу, чтобы подготовиться к встрече с фюрером. Молотов соглашается с ним, заметив, что неплохо бы сейчас позавтракать и слегка отдохнуть с дороги.

К моменту описываемых нами событий ни Сталин, ни Гитлер уже не строили никаких иллюзий относительно друг друга и пошли на переговоры с единственной целью *выиграть время до оптимального момента, когда удастся нанести по оппоненту такой сокрушительный удар, после которого тот уже не поднимется.*

Гитлер назначил прием советской делегации в отеле «Бельвю». Двери старинного дворца прусских королей открылись, пропуская Молотова и его свиту.

Встреча началась с заявления Гитлера, что главной темой текущих переговоров, как ему кажется, является следующее: в жизни народов довольно трудно намечать ход событий на долгое время вперед.. За возникающие конфликты зачастую ответственны личные факторы. Он, тем не менее, считает, что необходимо попытаться навести порядок в развитии народов, причем по возможности на долгое время, чтобы избежать трений и предотвратить, насколько это в человеческих силах, конфликты.

Россия и Германия, – это две великие нации, которые по самой природе вещей не будут иметь причин для столкновения интересов, если каждая нация поймет, что другой стороне требуются некоторые жизненно необходимые вещи, без которых ее существование невозможно. Кроме того, системы управления в обеих странах не заинтересованы в войне как таковой, но нуждаются в мире больше, чем в войне, для того, чтобы провести в жизнь свою внутреннюю программу.

Гитлер замолкает, ожидая реплики Молотова. Тот заверяет, что полностью согласен с соображениями фюрера.

Возможно, продолжает свою мысль Гитлер, что ни один из двух народов не удовлетворил своих желаний на сто процентов. В политической жизни, однако, даже 20-25 процентов реализованных требований – уже большое дело. Сотрудничая, обе страны всегда будут получать хоть какие-то выгоды. Вражда же их выгодна только третьим странам.

В настоящее время, продолжает Гитлер, против Англии еще ведутся боевые действия на море и в воздухе, интенсивность которых ограничена погодой. Ответные мероприятия Англии смехотворны. Русские могут собственными глазами удостовериться, что утверждения о разрушении Берлина являются выдумкой. Как только улучшится погода, Германия будет в состоянии нанести окончательный удар по Англии,

Таким образом, в данный момент цель Германии состоит в том, чтобы не только провести военные приготовления к этому окончательному бою, но и попытаться внести ясность в политические вопросы, которые будут иметь значение во время сокрушения Англии и после него. Поэтому он пересмотрел отношения с Россией, но не в негативном плане, а с намерением организовать их позитивное развитие, если возможно – на долгий период времени. При этом он пришел к следующим заключениям:

Во-первых, Германия не стремится получить военную помощь от России.

Во-вторых, из-за неимоверного расширения театра военных действий Германия была вынуждена, с целью противостояния Англии, вторгнуться в отдаленные от Германии территории, в которых она в общем не была заинтересована ни политически, ни экономически.

В-третьих, существуют некоторые вещи, вся важность которых выявилась только во время войны, но которые для Германии жизненно важны. Среди них – определенные источники сырья, которые Германия считает наиболее важными и абсолютно незаменимыми.

Возможно, господин Молотов заметил, что в ряде случаев происходили отклонения от тех первоначальных границ сфер влияния, которые были согласованы между Сталиным и имперским министром иностранных дел. Подобные отклонения уже имели место несколько раз в ходе русских операций против Польши. В некоторых случаях он – фюрер – не готов был идти на уступки, но понимал, что желательно найти компромиссное решение, как, например, в случае с Литвой. Однако в ходе войны Германия столкнулась с проблемами, которые нельзя было предвидеть в начале войны, но которые крайне важны с точки зрения военных операций. Теперь важно обдумать вопрос о том, как, оставив в стороне сиюминутные соображения, обрисовать в общих чертах сотрудничество между Германией и Россией и какое направление в будущем примет развитие германо-русских отношений. В этом деле для Германии важны следующие пункты:

1. Необходимость жизненного пространства. Во время войны Германия приобрела такие огромные пространства, что ей потребуется 100 лет, чтобы использовать их полностью.

2. Необходима некоторая колониальная экспансия в Северной Африке.

3. Германия нуждается в определенном сырье, поставки которого она должна гарантировать себе при любых обстоятельствах.

4. Германия не может допустить создания враждебными государствами военно-воздушных и военно-морских баз в определенных районах.

Интересы России при этом ни в коем случае не будут затронуты. Российская империя может развиваться без малейшего ущерба германским интересам.

Постоянно кивающий головой Молотов при последний словах Гитлера, нарушая протокол, заметил, что все сказанное фюрером совершенно верно.

Гитлер продолжал: «Если обе страны придут к пониманию этого факта, они смогут наладить взаимовыгодное сотрудничество и избавить себя от осложнений, трений и беспокойства. Совершенно очевидно, что Германия и Россия никогда не объединятся в единое государство. Обе страны будут существовать отдельно друг от друга как две могучие части мира. Они обе могут сами построить свое будущее, если при этом будут учитывать интересы другой стороны. У Германии нет интересов в Азии, кроме общих экономических и торговых.

Что же касается Европы, то тут есть несколько точек соприкосновения между интересами Германии, России и Италии. У каждой из этих стран есть понятное желание иметь выход в открытое море. Германия хочет выйти к Северному морю. Италия хочет уничтожить «засов», поставленный на Гибралтаре, а Россия стремится к океану. Вопрос состоит в том, насколько велики шансы этих трех держав действительно получить свободный доступ к океану без того, чтобы конфликтовать по этому поводу друг с другом.

Однако до тех пор, пока длится война с Англией, не могут быть сделаны шаги, хоть в чем-то противоречащие целям окончания войны с Великобританией. Так, у Германии не было никаких политических интересов на Балканах, но в настоящее время она вынуждена активизировать там свою деятельность. Причиной тому – исключительно военные интересы, охрана которых – не самое приятное занятие, поскольку, например, военные силы Германии должны находиться в Румынии в сотнях километров от баз снабжения. По аналогичным причинам Германии невыносима сама мысль о том, что Англия может получить плацдармы в Греции для строительства военно-воздушных и военно-морских баз. Рейх обязан предотвратить это при любых обстоятельствах.

В любом случае Германия предпочла бы кончить войну еще в прошлом году и демобилизовать свою армию, чтобы возобновить мирную работу, так как с экономической точки зрения любая война является плохим бизнесом.

Молотов отметил, что заявления фюрера касались общих вопросов и что в целом он готов принять эти соображения.

«Перед моим отъездом из Москвы, – подчеркнул Молотов, – Сталин дал мне точные инструкции, и все, что я собираюсь сейчас сказать, совпадает со взглядами Сталина. Я полностью согласен с мнением фюрера о том, что оба партнера извлекли значительные выгоды из германо-русского соглашения. Германия получила безопасный тыл: общеизвестно, что это имело большое значение для хода событий в течение года войны. Вместе с тем, Германия получила существенные экономические выгоды в Польше. Благодаря обмену Литвы на Люблинское воеводство были предотвращены какие-либо трения между Россией и Германией. Германо-русское соглашение от прошлого года можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии».

Теперь о Тройственном пакте. Что означает «новый порядок» в Европе и Азии и какая роль будет отведена в нем СССР? Эти вопросы необходимо обсудить во время берлинских бесед и предполагаемого визита в Москву Имперского министра иностранных дел, на что русские определенно рассчитывают. Кроме того, следует уточнить вопросы о русских интересах на Балканах и в Черном море, касающиеся Болгарии, Румынии и Турции. Советскому правительству будет легче дать ответы на вопросы, поднятые фюрером, если фюрер предоставит разъяснения всего этого.

Советское правительство интересуется «новым порядком» в Европе, в частности, его формой и темпами развития. Оно также хотело бы иметь представление о границах так называемого «великого Восточно-азиатского пространства»».

Гитлер сдержался и спокойно ответил, что Тройственный пакт имел целью урегулирование состояния дел в Европе в соответствии с естественными интересами европейских стран, и во исполнение этого Германия теперь обращается к Советскому Союзу, чтобы он мог высказать свое мнение относительно интересующих его районов. Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть достигнуто. Это относится не только к Европе, но и к Азии, где сама Россия будет участвовать в определении великого Восточно-азиатского пространства и заявит о своих притязаниях. Задача Германии сводится здесь к посредничеству. Россия ни в коем случае не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Гитлер не стал ждать ответа Молотова, взглянул на часы и, сославшись на возможность воздушной тревоги, предложил перевести переговоры на следующий день. Молотов, уставший от длинных и сбивчивых монологов фюрера, согласился и напомнил, что вечером в советском посольстве будет большой прием.

Гитлер на прием не пришел, но зато в роскошный особняк советского посольства на Унтер-ден-Линден пришли оба его заместителя – Гесс и Геринг.

Высокий, худощавый, с мрачным выражением лица, с возбужденными глазами фанатика, Гесс с некоторым испугом смотрел на банкетный стол в виде огромной буквы «П», украшенный яркими гвоздиками и старинным серебром, сохранившимся еще с царских времен.

В отличие от Гесса, даже на прием явившегося в скромной партийной гимнастерке и портупее, рейхсмаргаал Геринг чувствовал себя в средневековой роскоши советского посольства весьма непринужденно.

Сообщив по секрету главе советского правительства, что ему, Герингу, будет поручено командовать парадом победы в Лондоне, рейхсмаршал пригласил Молотова присутствовать на параде. Молотов поинтересовался, на какое число ему заказывать билет в Лондон.

«На 15 июля!» – без тени сомнения в голосе ответил Геринг.

Но особенно любезен Геринг был с новым советским послом Владимиром Деканозовым, что было очень кстати, поскольку Деканозов имел специальное задание от НКВД понравиться именно Герингу.

В искреннем веселье банкета решили принять посильное участие и англичане. Взвыли сирены воздушной тревоги, задрожали зеркальные стекла окон от грохота зениток. Геринг был явно смущен и быстро уехал.

В здании посольства своего бомбоубежища не было. Хозяева и гости кинулись к выходу... Многие сотрудники остались в посольстве. Работала рация, передавая в Москву шифровку о первой беседе с Гитлером. В ответной шифровке вождь настаивал, на том, чтобы конкретно решить с Гитлером вопросы, связанные с Финляндией, Болгарией, Румынией и турецкими проливами. В случае положительного решения этих вопросов Молотов получил инструкцию дать согласие на вступление СССР в Ось Рим-Берлин-Токио. Таким образом, член русской секции *Коминтерна* —товарищ Сталин – дал согласие на присоединение первой в

мире страны победившего пролетариата к *атпикоминтерновскому пакту.*Чего не сделаешь во имя великой идеи!..

Гитлер также провел не самую лучшую ночь в своей жизни. Сообщения о разгроме итальянского флота в Таранто, о неожиданной вылазке Уайвелла в пустыне и унизительный налет англичан на Берлин в разгар переговоров с Молотовым – все это, конечно, не способствовало хорошему настроению и взывало к мести.

Он позвонил Герингу и приказал проучить англичан так, *«чтобы вздрогнул весь мир».*

«Превратите в развалины какой-нибудь их город! —орал в телефон Гитлер. – *Уничтожьте его полностью. Сотрите с лица земли! – «Какой город?* —переспросил Геринг, всегда любивший конкретные приказы. – *«Любой!* —гаркнул в ответ Гитлер и ткнул наугад пальцем в карту Англии. Палец фюрера уткнулся в пространство между Бирмингемом и Ковентри северо-западнее Люндона.

«Ковентри! —провозгласил Гитлер. Геринг ничего не имел против и начал отдавать необходимые распоряжения.

На следующий день, 13 ноября, переговоры между Гитлером и Молотовым возобновились. Оба были бледны. Предстоящая беседа обещала стать повышенно нервозной. Так и случилось.

Гитлер начал с того, что вернулся к замечанию Молотова, сделанному во время вчерашней беседы, о выполнении германо-русского соглашения «за исключением одного пункта, а именно Финляндии».

Во время русско-финской войны Германия выполняла все свои обязательства по соблюдению абсолютного благожелательного нейтралитета.

«Русское правительство, – вставил Молотов, – не имело никаких серьезных причин для критики позиции Германии во время этого, спровоцированного, кстати, финнами, а не нами, конфликта».

Ныне, продолжил Гитлер, реальная ситуация такова: в соответствии с германо-русским соглашением Германия признает, что политически Финляндия представляет для России первостепенный интерес и находится в ее зоне влияния. Однако Германия вынуждена принять во внимание два момента: во-первых, пока идет война, Германия крайне заинтересована в получении из Финляндии никеля и леса; во-вторых, Германия не желает в Балтийском море каких-либо новых конфликтов, которые еще более ограничат ее свободу передвижения в одном из немногих районов торгового мореплавания, все еще открытых для Германии. Было бы совершенно неправильно утверждать, что Германия оккупировала Финляндию. Немецкий войска лишь транспортируются через Финляндию в Киркенес, о чем Германия официально информировала Россию. Из-за большой протяженности пути поезда должны останавливаться на финской территории два-три раза. Однако как только транзитная перевозка военных контингентов будет закончена, никаких дополнительных войск через Финляндию посылаться не будет.

Он, фюрер, подчеркивает, что как Германия, так и Россия должны быть естественным образом заинтересованы в недопущении того, чтобы Балтийское море снова стало зоной войны.

Со времени русско-финской войны произошли существенные изменения в перспективах военных операций, так как Англия имеет в своем распоряжении бомбардировщики и истребители-бомбардировщики дальнего действия и может захватить плацдарм на финских аэродромах. В дополнение к этому существует и чисто психологический фактор, который крайне обременителен. Финны мужественно защищали себя и завоевали симпатии всего мира, особенно Скандинавии.

В самой Германии во время русско-финской войны люди были в некоторой степени недовольны той позицией, которую в результате соглашения с Россией должна была занять и действительно заняла Германия. По вышеупомянутым соображениям Германия не желает новой русско-финской войны. Однако это не затрагивает законных притязаний России. Германия снова и снова доказывает это своей позицией по многим вопросам, в частности, по вопросу об укреплении Аландских островов. Однако пока идет война, ее экономические интересы в Финляндии важны так же, как и в Румынии. Германия рассчитывает на уважение этих интересов еще и потому, что она в свое время продемонстрировала полное понимание русских интересов в Литве и Буковине. В любом случае у нее нет каких-либо политических интересов в Финляндии, и она полностью признает тот факт, что эта страна входит в русскую зону влияния.

Не глядя на фюрера, Молотов напомнил, что соглашение 1939 года имело в виду определенную стадию развития, которая завершилась с окончанием Польской войны, а вторая стадия закончилась с поражением Франции, и теперь они находятся в третьей стадии.

Молотов заявил, что советское правительство считает своим долгом (!) окончательно урегулировать финский вопрос. Для этого не нужны какие-либо новые соглашения. Согласно имеющемуся германо-русскому соглашению, Финляндия входит в сферу влияния России.

Демонстрируя не свойственное ему терпение, Гитлер снова повторил, что Германия не хочет допустить войны на Балтийском море и что она крайне нуждается в Финляндии как поставщике никеля и леса. В отличие от России, Германия не заинтересована в Финляндии политически и не оккупирует какой-либо части финской территории.

«Советская позиция в этом вопросе мне что-то не совсем понятна, – неожиданно объявил Гитлер. – В связи с этим возникает очень важный для Германии вопрос: *намерена ли Россия начать новую войну против Финляндии?*»

Видя, что Молотов так и не понял сути его предыдущего ответа, Гитлер повторил, что на Балтике не должно быть более никакой войны. В самой Германии во время русско-финской войны люди были недовольны позицией, которую, по соглашению с Россией, заняла Германия. Пока идет война с Англией, ее экономические интересы в Финляндии и Румынии очень важны. Германия в свое время продемонстрировала полное понимание русских интересов в Литве и Буковине.

В голосе Молотова звучит откровенная обида. Что бы вы сделали без нас, если бы мы не обеспечили ваш тыл и не снабдили всем необходимым для ведения войны? А теперь вы попрекаете нас Литвой и пытаетесь отобрать нашу законную добычу в виде Финляндии!

Гитлер терял терпение. Никто не осмеливался так нагло вымогать у него добычу. Он сдержался и перевел разговор в иную плоскость, Россия должна понять, что в рамках сотрудничества выгода может быть достигнута в куда более широких пределах, чем обсуждаемые сейчас мелочи.

Все дружественные страны должны прекратить разногласия между собой и сосредоточиться исключительно на разделе Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

На этом месте Гитлер прервал выступление и обратил внимание присутствующих на позднее время, сказав, что ввиду возможных воздушных атак англичан лучше закончить переговоры сейчас, поскольку основные вопросы, вероятно, были уже достаточно обсуждены. Вечером он будет занят другими делами, и завершит переговоры рейхсминистр Риббентроп.

Риббентроп пригласил Молотова и Деканозова к стоявшему в углу круглому столу и заявил, что в соответствии с пожеланиями фюрера было бы целесообразно подвести итоги переговоров.

Главное – это вопрос о сотрудничестве стран Тройственного пакта – Германии, Италии и Японии – и Советского Союза.

Если Советский Союз придерживается той же точки зрения, то он, Риббентроп, считает, что конечной целью должно стать соглашение между державами Тройственного союза и Советским Союзом. Он набросал проект этого соглашения.

«Правительства государств Тройственного пакта – Германия, Италия и Япония, с одной стороны, и правительство СССР, с другой стороны, движимые желанием учредить в своих естественных границах порядок, служащий благу всех заинтересованных народов, и создать твердый и прочный фундамент для их общих в этом направлении усилий, согласились в следующем:

Статья 1

В Тройственном пакте от 27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония согласились всеми возможными средствами противостоять превращению войны в мировой конфликт и совместно сотрудничать в деле скорейшего восстановления тира во всем мире. Они выражают готовность расширить свое сотрудничество с народами других частей света, стремящихся к достижению той лее цели. Советский Союз заявляет, что он одобряет эти цели и, со своей стороны, решает совместно с Тремя державами выработать общую политическую линию.

Статья 2

Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются уважать естественные сферы влияния друг друга...

Статья 3

Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются не входить в блоки государств и не придерживаться никаких международных блоков, направленных против одной из Четырех держав».

Этот договор, пояснил Риббентроп, предполагается заключить на 10 лет, с условием, что правительства Четырех держав до истечения срока договора достигнут соглашения о продлении договора. Сам договор будет, естественно, гласным, но со ссылкой на него может быть заключено секретное соглашение, определяющее территориальные интересы Четырех держав.

Центр тяжести территориальных интересов Германии, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, находится в Центральной Африке.

Центр тяжести территориальных интересов Италии, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, находится в Северной и Северо-Восточной Африке. Интересы Японии должны быть уточнены по дипломатическим каналам.

Центр тяжести интересов Советского Союза предположительно лежит южнее территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Германское правительство будет приветствовать готовность Советского Союза к сотрудничеству с Италией, Японией и Германией. Уже говорилось много раз, что основной вопрос заключается в том, готов ли Советский Союз и в состоянии ли он сотрудничать с нами в деле ликвидации Британской Империи.

Молотов понял, что большего от немцев он не добьется, а потому, что случалось с ним весьма редко, позволил себе пошутить. Видимо, на него определенным образом повлияло бомбоубежище. «Поскольку немцы считают войну с Англией уже выигранной, – заметил он, – и Германия ведет войну против Англии не на жизнь, а на смерть, мне не остается ничего другого, как предположить, что Германия ведет борьбу на „жизнь“, а Англия на „смерть“.

Подали кофе. Прощание получилось на удивление простым и сердечным. Все уже хотели разъехаться, но раздался телефонный звонок. Риббентроп взял трубку, и его лицо вытянулось: на город шла новая волна английских бомбардировщиков.

Глава 8. Политическое словоблудие

Исключительная наглость англичан, заставивших высокие договаривающиеся стороны большую часть времени провести в бомбоубежищах, требовала быстрого и жестокого наказания. Как ни пытались немцы объяснить случившееся, из всех их объяснений вытекала совершенно нелогичная и даже довольно фантастическая картина: покойник устроил скандал как раз в тот момент, когда в Берлине главы советского и германского правительств обсуждали ритуал его похорон и отдавали предварительные распоряжения о разделе его имущества.

Пока скорый поезд Берлин-Москва мчал через Европу обратно в Москву находящегося не в самом лучшем настроении Молотова, 400 немецких бомбардировщиков, появившись в предрассветном небе над английским провинциальным городом Ковентри, обрушили на него 400 тонн фугасных и 56 тонн зажигательных бомб, а также 127 парашютных мин, чтобы блокировать реку Эван, впадающую в Бристольский залив.

Удар люфтваффе обрушился на исторический центр города и жилые районы. Был разрушен прекрасный собор XIV века, в огне оказался весь деловой центр города, погибли 600 человек, ибо, как пояснил на следующее утро Геринг, налет не преследовал никаких других целей, кроме как целей возмездия за налеты английских бомбардировщиков на Берлин в предыдущие дни.

Англичане, сконцентрировавшие почти все силы ПВО в районе Лондона и своих аэродромов (главным образом, на юге страны), оставили провинцию фактически беззащитной от ударов с воздуха. Постепенно немецкая авиация, неся все увеличивающиеся потери, перестала штурмовать английские авиабазы, заменив их эффектными блицами над Лондоном. Но от этого потери меньше не стали. Перенос удара в английскую глубинку позволял минимизировать потери и в то же время продолжить громкую пропагандистскую кампанию на тему о блистательных победах немецкого оружия.

В последнее время Гитлер, по свидетельству его ближайших сотрудников, стал любить одиночество. Заглядывавшие в кабинет дежурные офицеры чаще всего видели его сидящим, подпирающим голову ладонью с широко открытыми, почти не мигающими глазами, о чем-то думающим.

Среди технического персонала пополз слух, что таким образом фюрер общается с высшими силами, получая от них последние инструкции и заряжаясь космической энергией. Первыми этот слух от персонала узнали руководители партии и сделали вид, что об этом им известно давно. Известно было давно, но подобное поведение у Гитлера началось лишь с ноября 1940 года.

Конечно, будучи романтиком, Гитлер покровительственно относился к всевозможным мистическим теориям, будь то теории Горбигера о космическом льде и высокой луне или гипотезы Гаусгоффера, расцвеченные цитатами из буддийских и тибетских учений, откуда фюрер чаще всего повторял:

*«В Промежутке между сотворением и растворением Вишну-Гешй покоился в собственной сущности, блистая спящей мощью среди семян будущих жизней».*Иногда его заносило и он почти по-ленински мог заявить, что *«существует нордическая и национал-социалистическая наука, которая противопоставляется еврейско-либеральной науке».*Иногда его заносило еще сильнее, когда он с блеском в глазах доказывал, что «так называемая земная поверхность, на которой мы все живем, на самом деле не выпукла, а вогнута. И мы живем внутри, как мухи в колбе». Неизвестно, шутил ли Гитлер и был неправильно понят теми, кто его услышал, либо действительно начитался разной горбигеровской фантастики, но именно это увлечение

фюрера привело к тому, что сегодня, 16 ноября 1940 года, его настроение было напрочь испорчено.

Как-то он обсуждал эту теорию в присутствии Гиммлера и Гесса, которых так же, как и его, доктор Гаусгоффер учил мыслить самыми невероятными парадоксами. Неожиданно встал вопрос, а не проверить ли это все на практике? Гитлер согласился, что если бы существовал способ доказать эту теорию, то это бы сокрушило все предыдущее человеческое мировоззрение, показав всему миру, что именно национал-социализм открывает человечеству дорогу в еще не изведанное будущее.

В детали Гитлер не вдавался, а оказалось, что его друзья не бросали слов на ветер. В одной из секретных лабораторий рейха были созданы первые радиолокационные станции, предназначенные для системы ПВО страны. Гесс и Гиммлер посчитали, что именно с их помощью легче всего и будет доказать теорию фюрера. Если Земля не выщуклая, а вогнутая, то ближе всего к стенкам «колбы» подходят те места, которые принято считать арктическими. Достаточно доставить радары на высокую полярную широту, и они немедленно «прощупают» своими лучами стенки «инкубатора».

Местом эксперимента был выбран полярный остров Ян-Майен, куда под конвоем двух эсминцев высадили секретную экспедицию во главе с доктором Рудольфом Францем. Доктор Франц был единственным человеком, посвященным в истинную цель экспедиции. Всем остальным сказали, что с помощью завезенной на остров аппаратуры будет осуществляться слежение за английскими кораблями в Скапа-Флоу.

Именно в эту версию и поверила английская разведка, поскольку не успели ученые развернуть радары, как у острова появился английский линейный крейсер «Ринаун», одним своим силуэтом заставив быстро ретироваться немецкие миноносцы. Под прикрытием «Ринауна» англичане высадились на остров и взяли в плен всю экспедицию вместе со сверхсекретной аппаратурой.

Мало того, ни Гиммлер, ни Гесс не удосужились даже доложить об этом Гитлеру. Он узнал все от своего военно-морского адъютанта Путткамера! (Но немцы на этом не успокоились. Новая экспедиция для проверки «вогнутости» земли была организована в апреле 1942 года – на этот раз на острове Рюген. Возглавлял экспедицию доктор Гейнц Фишер, известнейший в Германии специалист по исследованию инфракрасных лучей. В состав экспедиции входили несколько лучших специалистов по радиолокации, доставившие на остров образцы опытных радаров большей мощности, чем те, что были в 1940 году. Установленные радары и с помощью инфракрасных лучей не сумели обнаружить стенок «колбы». Неизвестно – доложили ли Гитлеру?).

Но оставаясь в одиночестве, Гитлер думал не только о «земле-колбе», Вишну или изречениях Будды. Он думал и о том, как изолировать – раз пока нет возможности сокрушить – потенциального союзника Англии – Соединенные Штаты Америки. Да и что было бы уже с нынешней Англией, если бы не существовало Соединенных Штатов? Могла бы она в одиночку противостоять Германии и столь гордо и нагло отвергать все искренние мирные предложения?

Гитлер очень надеялся, что на выборах 1940 года Соединенные Штаты наконец выберут нового президента, с которым хоть как-то удастся договориться и он не будет проводить столь откровенно антигерманскую политику, как Франклин Рузвельт. Тем более что тот уже отсидел в президентском кресле два полных срока, но тем не менее выдвинул свою кандидатуру на третий срок —небывалое событие в истории Америки!

По приказу Гитлера Германия тайно израсходовала более 10 миллионов долларов в поддержку главного соперника Рузвельта, кандидата от Республиканской партии Уэнделла Уилки. Вся избирательная кампания Уилки строилась на обвинении Рузвельта в том, что тот, уже почти не маскируясь, втягивает Соединенные Штаты в войну на стороне Англии. Он

разоблачал Рузвельта как поджигателя войны, пугал американцев предупреждениями о том, что голоса, отданные Рузвельту, превратятся в деревянные кресты для их сыновей, мужей и братьев. Срывая голос на митингах, Уилки кричал, что «в случае победы Рузвельта мы не позднее чем через пять месяцев окажемся вовлеченными в иностранную войну».

Это действовало на людей, но что самое странное, Рузвельт и не пытался опровергнуть своего соперника. Напротив, стержнем своей предвыборной программы он сделал призыв к американцам не менять опытного президента и его «сыгранную» команду на новичка в такое грозное и неопределенное время, когда полыхающая в Европе война в любой момент может своим огнем опалить и Соединенные Штаты. Институт Галлапа предрекал ему поражение, и Гитлер искренне надеялся, что именно так и произойдет.

Но так не произошло. Рузвельт победил, и его заявления сразу после прошедших 6 ноября президентских выборов не оставляли сомнений в курсе его будущей политики: в первый же удобный момент встать рядом с Англией в борьбе против Гитлера. Не против Германии, а именно против Гитлера. Немецкая разведка, весьма вольготно чувствующая себя на территории Штатов (ФБР следит за ними, но никого не задерживает из-за мягкости законов мирного времени в США. В первый же день войны вся немецкая разведсеть в США будет ликвидирована), сообщает интересные подробйости. До сих пор за весь поток грузов, что хлынул с начала войны из США в Англию, англичане платили наличными, и теперь в отношении долларовых ресурсов Великобритания стояла на грани банкротства. Было очевидно, что Англия не могла бы продолжать борьбу, не получая поставок из США. Но по американскому закону «плати наличными и вези сам» она не могла получать никаких поставок, не располагая долларами. И вот Рузвельт, чуть ли не на следующий день после своего третьего избрания в президенты, если верить разведке, сообщил: «Мы предоставим англичанам все необходимое для ведения войны в аренду или взаймы».

Рузвельт употребил английское слово «ленд-лиз», и до Гитлера тогда не дошел весь зловещий смысл этого вполне мирного слова.

Но он хорошо понял, что его надежды на быстрое истощение Англии несбыточны, а ждать, когда истощатся Соединенные Штаты, глупо.

Схема для Гитлера была ясной: за Черчиллем встал Рузвельт, о чем он не подумал в сентябре 1939 года, а за Рузвельтом стоят евреи. А это значит, что он будет в любой момент иметь Соединенные Штаты в качестве противника в войне, отлично понимая, что такую войну, где в союзе выступают Англия и США, ему никогда не выиграть. Хотя ее как-то можно будет свести вничью, если страну не охватит паника, как в 1918 году.

Каждое утро Гитлер ждал каких-нибудь новых сюрпризов от Рузвельта. В портах Германии и оккупированных ею стран стояло немало торговых судов под звездно-полосатым флагом. Гитлер ждал сообщения, что какое-то американское торговое судно взлетело на воздух в одном из немецких портов вместе со всей командой.

Боялся ли он этого? О нет!

Бесило то, что он ясно видел угрозу, но ничего не мог предпринять, чтобы ее предотвратить. 28 сентября этого года Рузвельт протащил через Конгресс закон о воинской повинности и получил 4 миллиарда 800 миллионов долларов «на программу оборонительных мероприятий», включающую строительство такого количества кораблей и самолетов, от которого захватывало дух. Недавно (8 ноября), выступая в Мюнхене, Гитлер вынужден был признать: *«Что касается размеров производства в Америке, то их нельзя выразить даже в астрономических цифрах. Поэтому в данной области я не намерен конкурировать с Америкой».*А если он не намерен конкурировать с Америкой в области производства вооружений, то в чем он вообще может конкурировать?

Его конструкторы не в состоянии были создать серийную модель стратегического бомбардировщика, а Америка уже построила тысячи таких машин. Они уже тайно

концентрируются в Англии, а в штабах разрабатывается концепция стратегических бомбардировок Германии и делаются все расчеты уничтожения всей германской промышленности в течение полутора-двух лет.

Гитлер понимал, что это не простые угрозы. Англия в своей истории проиграла много сражений, но никогда не проигрывала войн. Особенно сейчас, когда за ее спиной все более ясно вырисовывается мощный силуэт Соединенных Штатов, не уязвимых ни для каких средств нападения, которыми обладает Гитлер. Нельзя сказать, что фюрер не прилагал никаких усилий, чтобы предотвратить угрозу Германии со стороны США. Сразу же после прихода к власти, сбитый с толку (как и многие другие) возможностями, предоставляемыми американской демократией, Гитлер был одержим идеей «германизации» Соединенных Штатов. Идея основывалась на том, что в любой энциклопедии можно было почерпнуть данные о проживании в США 30 миллионов человек немецкого происхождения. Чуть ли не половина того, что живет в самой Германии – 30 миллионов! Достаточно свергнуть правительство Соединенных Штатов, а для управления страной назначить гауляйтера – либо присланного из Берлина, либо из американцев немецкого происхождения.

К концу 1940 года, когда в США был принят закон о воинской повинности и 5 сентября американское правительство передало англичанам 50 (пятьдесят) эскадренных миноносцев якобы в обмен на какие-то английские базы в Западном полушарии, в Берлине поняли, что к Соединенным Штатам нужно применять более простые и дешевые методы воздействия.

12 сентября сильный взрыв потряс штат Нью-Джерси. Взорвался пороховой завод фирмы «Геркулес» в Кенвиле. Погибло 52 человека, 50 были тяжело ранены. Убыток исчислялся в несколько миллионов долларов.

Это было как бы начало. Затем наступила пауза – в Берлине ждали результатов выборов.

Когда же 5 ноября Рузвельта переизбрали президентом в третий раз и в Берлине все поняли, что пошли прахом их поистине титанические усилия и огромные деньги, президента США решили поздравить мощным салютом сразу нескольких диверсионных организаций.

12 ноября 1940 года с разницей в 20 минут прогремели оглушительные взрышы на трех военных заводах в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания. В Вудбридже (штат Нью-Джерси) взрывами были уничтожены два заводских корпуса фирмы, выпускающей торпеды и средства связи для нужд флота США. В Эдинбурге (штат Пенсильвания) взорвался пороховой завод фирмы «Америкен сианамид энд кемикл корпорейшн», а в Алентауне (тоже в Пенсильвании) взрывом был уничтожен пороховой завод фирмы «Троян паудер». Погибло 16 человек, многие были ранены. Взрывы произошли в 8 часов, в 8 часов 10 минут и в 8 часов 20 минут утра. Комментируя эти события, военный министр Генри Стимсон отметил, что все это *«наводит на мысль о тевтонской методичности».*

Диверсионная кампания, сменившая пропагандистскую, уже не ставила перед собой цели радикального изменения курса внешней политики Соединенных Штатов. Самим началом подобных акций немцы как бы признавали свое поражение, ставя перед своей агентурой более мелкие задачи – нанести потенциальному противнику максимально возможный урон еще до официального начала военных действий, приближая их с каждой новой диверсией и делая совершенно неизбежными.

Пакт, заключенный 27 сентября между Германией, Италией и Японией, обязывавший их к совместным действиям, если какая-либо из этих держав подвергнется нападению со стороны государства, еще не участвующего в войне, был с совершенной очевидностью направлен против Соединенных Штатов, но служил малым утешением из-за полной никчемности итальянцев и азиатской ненадежности японцев.

Имеются интересные, почти мистические параллели в судьбе Гитлера и Рузвельта. Один и тот же день в январе праздновался обоими: для Гитлера это был день его назначения

канцлером Германии, для Рузвельта – день его рождения. Всего один день разделял их в марте 1933 года, когда оба получили право на власть: день инаугурации Рузвельта совпал с голосованием в рейхстаге, предоставившим Гитлеру диктаторские полномочия.

В течение 12 лет Рузвельт и Гитлер возглавляли две величайшие мировые державы, потратив первые шесть лет на вывод своих стран из состояния глубочайшей депрессии. Следующие шесть лет они возглавляли военные усилия своих стран в смертельной борьбе друг с другом. И оба умерли в апреле 1945 г. с разницей в 18 дней в самом конце войны, которую Рузвельт выиграл, а Гитлер проиграл. Видимо, закон мирового баланса является всеобъемлющим, и в случае кризисов, угрожающих самому существованию хрупкой человеческой цивилизации, в конфронгарующих сверхдержавах возникают почти одновременно лидеры, заряженные почти одинаковым объемом динамической энергии, направленной на достижение мировой гегемонии. В самом деле, Гитлер мечтал о «германизации» мира, что предусматривало физическое уничтожение некоторых народов, превращение других народов в людей второго сорта с гегемонией над миром германской расы. Сталин мечтал о «советизации» мира, что требовало физического уничтожения некоторых классов общества и превращение уцелевших классов в послушную толпу рабов бесклассового общества с гегемонией над миром партийной номенклатуры. Это все знают, и ничего нового в этом нет. Но мало кто обращает внимание на то, что и Рузвельт действовал во имя «американизации» мира, независимо от того, что он при этом говорил. Не будем вдаваться в детали. Гитлер и Сталин тоже говорили немало убедительных и красивых фраз. Но факты упрямая вещь. Мечта Гитлера рухнула под мощью союзников. Мечта Сталина, прогнив до основания, развалилась. А процесс «американизации» мира продолжается колоссальными темпами. Я сознательно не расставляю здесь никаких знаков позитивности или негативности. Я скорее говорю о разных методиках в достижении одной и той же цели — мирового господства.

Единственный вариант реально противостоять мощи Соединенных Штатов – пристегнуть к Оси Берлин-Рим-Токио Москву. Тогда против англо-американского блока удалось бы создать столь мощную евроазиатскую коалицию с практически неограниченными экономическими и людскими ресурсами, что можно было бы не только не бояться американского шантажа, но и с самими Штатами (не говоря уже об Англии) говорить на лучше всего понимаемом всеми языке силы.

В какой-то момент Гитлер сам искренне поверил, что Сталина удастся убедить присоединиться к пакту трех держав « принять участие в разделе мира, при котором СССР предназначалось преимущественно юго-восточное направление – Персидский залив, Ближний Восток, Индия. Так рекомендовали Гитлеру его ближайшие советники, убедив, что именно эти регионы уже по меньшей мере две сотни лет являются наиболее вожделенными для всех русских правителей, начиная с Екатерины II и кончая Сталиным.

Делить мир после развала Британской империи по серьезному счету можно было только со Сталиным. Так уж сложилось, что больше просто не с кем.

Ради этого можно было и отказаться от его, гитлеровской, очень туманно сформулированной «антибольшевистской миссии» и использовать Сталина для быстрого и эффективного развала Британской империи.

Другими словами, использовать Сталина фактически для той же цели, для какой Сталин рассчитывал использовать Гитлера – для развала Британской империи и всей мировой капиталистической системы. Чего же хочет Сталин?

1. Он хочет оккупировать всю Финляндию.

2. Он хочет ввести войска в Болгарию.

3. Он хочет распоряжаться турецкими проливами. Не владеть ими, а только их контролировать.

В конце концов на все это можно было бы согласиться, пусть поэтапно, но лишь бы заполучить СССР в Ось.

Если же Сталин, как следует из многих разведьтательных сводок, ведет собственную дьявольскую игру, ожидая удобного момента для нападения на Германию, то следует выиграть еще хотя бы полгода, чтобы развернуть на восточных границах достаточно сил и превратить эти границы в сплошную линию фронта.

Но тогда обстановка становится не просто критической, а катастрофической. Германия попадает в гигантские тиски между США и Англией на западе, и сталинскими ордами на востоке, лишаясь при этом фактически единственного источника стратегического сырья и материалов. Источника, благодаря которому удалось победно отвоевать первый год войны и накопить ресурсы еще года на полтора.

Если Сталин из дружеского нейтрала превратится не в союзника, а в противника, то положение станет просто безвыходным. Это предопределит крушение всех планов фюрера и уничтожит Германию как государство.

«Всем дипломатическим миссиям и службам.
Берлин 15 ноября 1940 г.
Беседы между германскими и советскими правительствами по случаю нахождения в Берлине Молотова велись на базе договоров, заключенных в прошлом году, и завершились окончательным соглашением обеих стран твердо и решительно продолжать в будущем политику, начало которой положили эти договоры. Кроме того, беседы послужили целям координации политики Советского Союза и стран Тройственного пакта».

В том же духе было выдержано и советское «Коммюнике о переговорах В.М.Молотова с руководителями германского правительства», опубликованное в «Правде» от 15 ноября 1940 года:

«Во время пребывания в Берлине в течение 12-13 ноября сего года Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел т.В.М.Молотов имел беседу с рейхсканцлером г. А.Гитлером и Министром Иностранных дел г.фон Риббентропом. Обмен мнениями протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию...»

Молотов вернулся в Москву вместе с Деканозовым, который представил Сталину аналитический доклад советского посольства в Берлине с прогнозированием политики Германии в обозримом будущем. В отчете, в частности, указывалось: «Привлечение СССР на сторону Германии является основой внешнеполитического плана Германии, нацеленного на быстрейшее победоносное окончание войны с Англией».

Сталин поинтересовался у Молотова и Деканозова, каково их собственное мнение относительно подобного вывода нашей берлинской резидентуры. Поскольку этот документ пришел по линии НКИДа, подобного вопроса можно было и не задавать: оба были согласны.

В общем и с Японией, и с Соединенными Штатами можно будет договориться. Но лучше всего, конечно, стравить эти страны друг с другом в борьбе за гегемонию в юго-восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Японцам, конечно, никогда Америку одним не победить, как бы ни пыжились. Но и изнеженным американцам никогда не победить столь суровых и аскетических воинов, какими являются японцы. А потом уж мы посмотрим, кому из вас помочь первым стать «советской республикой». Ленин еще в 1917 году пророчествовал: «Вы знаете, что война между Америкой и Японией уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит». И уже почти готов план, как провести в жизнь очередное гениальное предвиденье великого вождя.

Так будет лучше.

Им тогда будет не до обсуждения действий Сталина.

В принципе, решает Сталин, нет ничего страшного, если мы согласимся примкнуть к пакту трех держав. На тех условиях, конечно, которые товарищ Молотов уже изложил Гитлеру и Риббентропу. Но независимо от немецких предложений, мы должны начать давление на Болгарию и Турцию. Ввод войск в Болгарию и контроль над проливами должны стать ближайшей задачей нашей дипломатии. Пока дипломатии...

«Совершенно секретно. Постановление СНК СССР. 5 ноября 1940 г.
О комплектовании школ и училищ летчиков
ВВС Красной Армии.
Для обеспечения комплектования школ и училищ летчиков ВВС Красной Армии Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:
1. Обязать Центральный Совет Осоавиахима подготовить дополнительно для НКО в системе Осоавиахима 20 000 летчиков.
2. Обязать Начальника Главного Управления Гражданского Воздушного Флота подготовить для НКО в системе ГВФ 10 000 летчиков...»

В годы первой мировой войны Англия была вынуждена свернуть свою программу военного кораблестроения по одной простой причине: новые корабли, на которые были выделены средства, некем было комплектовать. Не хватало обученного личного состава. И вот Советский Союз столкнулся с аналогичной проблемой. Гигантская программа, находящаяся на личном контроле у товарища Сталина, а потому неукоснительно выполняемая, готова была к лету 1941 года обеспечить Военно-воздушные силы страны 150 тысячами боевых машин, но летчиков катастрофически не хватало.

Не хватало не только летчиков. Масштабность развертывания вооруженных сил в стране привела к тому, что куда ни кинь взгляд – везде нехватка людей. Точно так же не хватает подводников, танкистов – особенно механиков-водителей, связистов, военных врачей – почти по всей номенклатуре военных специальностей.

Это безобразие произошло из-за невыполнения на местах Постановления ЦК еще от ноября 1939 года, где всем обкомам, горкомам и райкомам (сельским) ВКЩб) предписывалось развернуть агитационную кампанию по замещению мужчин женщинами в профессиях, традиционно считавшихся мужскими. Никто из этого даже не делал особой тайны.

По кинотеатрам страны потоком полилась кинохроника: бригада женщин-проходчиц на шахтах Кузбасса и Донбасса с кирками и отбойными молотками, молодые, задорные, красивые, кокетливые, хотя и несколько неестественно перемазанные угольной пылью.

В сельской местности много легче. Женщины в поле, женщины на фермах, женщины на тракторах. Одни женщины. По последней справке, за неполные 11 месяцев 1940 года из колхозов и совхозов без особого шума и огласки удалось изъять 760 тысяч мужчин до в возрасте до 30 лет. Тут, кажется, все в порядке. А в городах все на поверку оказалось сплошной показухой. Все эти женские пароходные, паровозные, шахтерские и лесорубные бригады – чистой воды эксперимент. Бригады существуют либо в одном экземпляре, либо вообще не существуют. Сталину подсовывают художественные фильмы за документальные.

Был донос даже, что девушка-забойщица и девушка-балерина – это четыре разных девушки, снятые в совершенно разных местах. Он обратил на это внимание товарищей. Товарищи глаза потупили, но твердо сказали: в промышленности женщинами можно заменить лишь неквалифицированную рабочую силу.

Квалифицированных рабочих, товарищ Сталин, нужно готовить дольше, чем пилотов истребителя. «Можете меня расстрелять, – прямо заявил ему нарком авиационной промышленности Шахурин, – но ни одного рабочего высокой квалификации я вам не отдам даже в военное время».

Был еще ГУЛАГ в качестве резерва рабочей силы. Сталин приказал предоставить ему справку о наличии заключенных. Берия долго с этим делом тянул, ссылаясь на то, что Ежов столько насажал – не разобраться. Пришлось Лаврентия спросить: не хочет ли он сам прогуляться в ГУЛАГ и посчитать там заключенных лет десять. Свой человек, шутки понимает. На следующий день принес справку: «ГУЛАГ: наличие на 01.11.40г. – 3.729.258 чел., спецлагеря НКВД: наличие на 01.11.40г. – 4.475.504 чел. Итого: 8,2 миллиона человек. В ожидании приговоров находятся примерно 2,8 миллиона человек, согласно Вашему указанию по разнарядке на 1941 год».

11 миллионов человек отсиживаются по тюрьмам и лагерям, не участвуя вместе со всем народом в великом созидательном процессе.

Он, Сталин, всегда считал это ненормальным. И несмотря на некоторое сопротивление товарищей, разрешил освободить много военных, особенно моряков.

Секретная оперативная сводка, которую вместе со сводными цифрами предоставил ему Берия, показала, однако, что из находящихся в ГУЛАГе работают исключительно крестьяне, попавшие в лагеря главным образом по закону «семь-восемь» от 7 августа 1934 года за хищение социалистической собственности, и работяги с заводов, посаженные за то же самое плюс экономический саботаж. Они и составляют большую часть населения ГУЛАГа, работают на износ, многие мрут через месяц, но норму в целом выполняют. 58-я статья – разные болтливые интеллигентики – работает, но толку от нее мало.

Добрая треть находящихся в зонах – уголовники.

Эти вообще не работают, – уголовный «закон» работать запрещает. Зачем же таких людей держать в лагерях, если они все равно не работают? Сталин поговорил с Берия, Меркуловым и другими знающими товарищами и решил провести смелый социальный эксперимент: предложить уголовникам искупить свою вину перед Родиной службой в армии. Сформировать из них дополнительные воинские контингенты и бросить их в бой под командованием лагерников-командиров, которых еще достаточно за колючей проволокой. Кстати, многие уголовники ранее уже служили в армии, так что с их обучением не возникнет больших проблем. А свои уголовные привычки они смогут проявить при общении с местным населением тех стран, которые окажутся на пути *«пролетарских батальонов».*

Некоторые товарищи сомневались в целесообразности подобного мероприятия. При столкновении с открытой опасностью уголовники склонны впадать в истерику и панику.

А паника заразительна. Ничего, на этот случай будут созданы спецчасти НКВД, которые уже хорошо показали себя во время зимней войны с финнами.

Военные, чувствуется, не были убеждены до конца, но возражать, естественно, не осмелились. Более того, генерал Мерецков предложил за счет пополнения армии уголовниками часть общевойскового личного состава переучить на танкистов, летчиков, подводников.

Идея показалась перспективной. Но пока все это были проекты. Конечно, вспомнил он об уголовниках не от хорошей жизни. С удовольствием бы обошелся без них, но еще маршал Шапошников ему объяснил, что существует критическое число призванных под ружье – не более полутора процентов от числа дееспособного мужского населения. Иначе начнет разваливаться промышленность и вообще вся экономика. Поэтому необходимо создать не менее важные, чем армейские резервы, резервы трудовые. Желательно из лиц допризывного возраста, т.е. из подростков.

В октябре 1940 года был опубликован указ «О государственных трудовых резервах», а товарищу Сталину представлен проект положения о создании Главного управления трудовых резервов. Управление должно подчиняться непосредственно Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Молотову.

В ведение Управления передается 1551 учебное заведение. В эти заведения, именуемые ремесленными и фабрично-заводскими училищами, производится принудительный набор подростков мужского и женского пола в возрасте 14 лет. В проекте предлагалось сделать подобное обучение платным.

Сталин никогда не был идеалистом и романтиком. Он отлично понимал, что задуманная им военно-тюремная система подготовки «трудовых резервов» на принудительной основе вряд ли вызовет много энтузиазма как у самих подростков, так и у их родителей. Поэтому он собственноручно приписал тем же красным карандашом: *«Предусмотреть уголовнуюответственность за уклонение и побег»,*явно давая понять, что рассматривает всю систему «трудовых резервов» в качестве предбанника ГУЛАГа и РККА. И пометил – 10 лет. Это поймут все.

«Совершенно секретно». «Постановление ЦК ВКП(б) О песне тт.Френкеля и Покрасса „Принимай нас, Суоми-красавица“. *...Временно до особого распоряжения прекратить исполнение по радио, со сцен и в строю песни тт.*Френкеля *и Покрасса «Принимай нас, Суоми-красавица...»*

Сталин зачеркнул в постановлении слова *«изъять из песенников»,*написал резолюцию: *«До августа 1941 года»*

«Совершенно секретно.
Постановление ЦК ВКП(б)
О временном изъятии куплета песни
из кинофильма «Если завтра война»....Временно до особого распоряжения прекратить исполнение по радио, с киноэкрана, со сцен и в строю следующего куплета песни т. Френкеля из кинофильма «Если завтра война»:

«Кто Родине нашей грозится войной,
Тот будет сражаться со всею страной.
Лишь землю родную затронет фашист,
Станет танкистом любой тракторист».

«Совершенно секретно
Постановление ЦК ВКП(б)
О временном изъятии слова «самураи» из песни «Три танкиста» в кинофильме «Трактористы».
...Временно до особого распоряжения заменить в песне «Три танкиста» в кинофильме «Трактористы» слова «самураи» словами «вражья стая» и только в таком виде исполнять песню парадно, с киноэкрана, со сцен и в строю, а также провести соответствующие исправления в песенниках».

Ожидался приезд министра иностранных дел Японии Мацуока, на который возлагались большие надежды.

«Совершенно секретно.
Постановление ЦК ВКП(б)
О временном прекращении исполнения песни т.Когана «Мы еще дойдем до Ганга»....Временно до особого распоряжения прекратить исполнение по радио, со сцен и в строю, а также исключить из песенников песню т.Когана:

«А мы еще дойдем до Ганга, а мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!»»

Внутренние дела, заставляющие постоянно держать руку на пульсе огромной страны, не пропуская без своего ведома ни одной книги (некоторые смелые писатели шлют ему рукописи, желая иметь Сталина и только его своим редактором), ни одного фильма или театральной премьеры, ни одной песни и любого музыкального произведения, отнимают массу времени.

Но это только часть (причем ничтожная часть) деятельности вождя всех народов. Он знает поименно коллегии всех наркоматов и когда нужно «устранить» не только самого наркома, но и любого начальника главка, управления, отдела и даже сектора, товарищ Сталин лично дает указание, кем того или иного можно (и нужно) заменить.

Он знает в лицо и по фамилии всех конструкторов нового оружия, знает, чем они занимаются и что каждый из них обещал создать, в каком количестве и в какой срок.

Он знает в лицо весь руководящий состав НКВД и НКО, а в генеральном штабе – всех вплоть до операторов.

Он, возможно, один в стране (и во всем мире, конечно) знает не только псевдонимы, но и настоящие фамилии (с подлинными биографиями) всей советской заграничной агентуры, действующей по линии НКВД, ГРУ и НКИД.

Есть вещи, о которых вообще никто пока не знает, кроме товарища Сталина, поскольку он мыслит глобально и на много лет вперед.

Недавно Берия и Меркулов получили приказ развернуть целую сеть новых концентрационных лагерей, и все на Лубянке внутренне сжались от предчувствия новой волны массового террора. Сжались потому, что ни одна волна не миновала их самих. Но на этот раз Сталин думал о проблеме, над которой в 1940 году никто еще не только не задумывался, но и не представлял себе, что подобные вопросы можно ставить даже в виде проблематики. А вопрос был очень сложным: куда девать население Германии, Дании, Бельгии, Голландии, Франции, Италии, Испании, разных там Румынии, Венгрии и что там еще есть в Европе? Примерно треть предполагалось ликвидировать, треть – перевоспитать на месте, а треть —перевоспитать в СССР. Перевоспитать трудом в Сибири, Заполярье и Северном Казахстане. Задача была настолько глобальной, что о ней пока знал только Поскребышев. Остальные узнают в свое время.

(В период с сентября 1940 г. и примерно до 1945 г. в СССР развернулось небывалое строительство новых концлагерей, хотя прежняя система ГУЛАГа справлялась без расширения с ежегодным приемом по сталинской разнарядке примерно миллиона новых заключенных. Это и понятно, учитывая высокую смертность в лагерях.

Для кого же строились новые «зоны»? Вот интересный приказ Сталина (№ 7161 от 16 декабря 1944г.): «В период с 25 декабря 1944-го по 10 января 1945 года мобилизовать и интернировать для работ в СССР всех трудоспособных немцев-мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и женщин от 18 до 30 лет...» И поделом, скажут все, памятуя о том, что немцы творили на нашей земле.

Но у приказа есть продолжение: «Мобилизации подлежат как подданные Германии и Венгрии, так и подданные Румынии, Югославии и Чехословакии независимо от занимаемых должностей и выполняемых обязанностей... Разрешается взять с собой одежду и 15-суточный запас продовольствия...»

Куда их всех собирались доставить за две недели? Приказ был отменен, поскольку разрушенная транспортная инфраструктура СССР и Восточной Европы просто не позволяла его выполнить).

Были вопросы, которые до поры до времени не доверялись даже «Особой папке» Политбюро. «Особая папка» – это наивысшая степень секретности, существующая в Советском Союзе, и именно к этой папке перешел Сталин, покончив с мелкими делами.

«Особая папка
От 10 ноября 1940 г
Секретное постановление Политбюро
О передаче в порядке помощи немецкой стороне клише и технологии для изготовления банкнот британских фунтов стерлингов...»

Немцы с самого начала войны были охвачены идеей наладить производство фальшивых фунтов. Но даже немецкая педантичность и аккуратность не помогла. Опыта не было. Занималось у немцев этим многотрудным делом СД (VI-е Управление РСХА Вальтера Шелленберга), которое по линии созданного в январе 1940 г. «Общества дружбы НКВД-СС» обратилось к СССР за «технической помощью».

Сталин наложил резолюцию: «т.Маленкову. Возьмите под свой контроль». Сегодня в «Особой папке» больше ничего не было, и Сталин перешел к изучению разведсводки. Сводки представлялись Сталину в трех папках – от НКВД, от ГРУ и в зеленой папке, где была оттиснута скромная надпись: «Секретариат ЦК». В последней папке были сведения от источников, которые лично докладывали вождю информацию.

Из далекого Токио Рихард Зорге сообщал шифровкой от 18 ноября, что Гитлер задумал и осуществляет план нападения на Советский Союз. Никаких подробностей в сообщении не было.

Рихард Зорге еще в 1938 году был разоблачен как агент-двойник, работающий на НКВД и на службу Вальтера Шелленберга. Вообще жизнь нелегала не поддается четкому анализу. Очень трудно понять, служит ли ему работа на немцев прикрытием для работы на СССР или наоборот.

Однако советским разведчикам удалось добыть копии материалов, посланных Зорге немцам относительно положения на Дальнем Востоке и планов СССР относительно Японии. В материалах каждое слово было правдой. Зорге был коммунистом и членом НСДАП одновременно. Партийный билет ВПК(б) хранился на Лубянке, а золотой партийный значок со свастикой он носил на лацкане пиджака. С двойниками всегда нужно держать ухо востро, ибо они сами порой могут не осознавать, что являются двойниками. Еще Дзержинский предостерегал, что разведчик, долгое время пробывший за границей, становится жертвой так называемой «идеологической интоксикации» и, сам того не сознавая, начинает работать на противника с еще большим усердием, чем на своих. Поэтому, считал железный Феликс, разведчиков, даже самых ценных, надо время от времени отзывать домой и *окунать в реальные ценности социализма.*Поскольку выражение «реальные ценности социализма» являлись элементом «новоречи», Сталин, постоянно сверяя свой путь с «классиками», перевел это выражение как *«сажать и ликвидировать»,*начал же с самого Дзержинского.

В 1937-38 гг., как известно, разведчиков десятками отзывали в Москву, и счастлив был тот, кто отделывался 20-ю годами лагерей. Большая часть была расстреляна. Наиболее умные перешли к противнику. Что касается Рихарда Зорге, то поскольку было доказано, что он «двойник», т.е. используется немцами как канал передачи дезинформации, то его решили пока не трогать. Ведь всегда интересно узнать то, в чем противник пытается вас уверить.

Но не успели принять подобное решение, как товарищи, проникшие в святая святых английской разведки, сообщили, что *Зорге, оказывается, работает еще и на англичан.*Еще на англичан или в первую очередь на англичан? Этот вопрос был слишком сложным, а различить в докладах Зорге, где тут немецкая дезинформация, а где – английская, было уже чересчур сложно. Поэтому, чтобы он никому в Москве не морочил голову, было принято новое решение: *отозвать его в Москву и расстрелять.*Но Зорге в Москву не вернулся, а продолжал с завидным постоянством снабжать НКВД информацией, хотя давно числился в этой конторе «уволенным».

В тот же день, 19 ноября, еще не послав немцам никакого ответа, Сталин приказал отправить болгарам нечто вроде ультиматума, составленного в возможно более мягких тонах, где предлагалось, как обычно, заключить договор «о дружбе и взаимной помощи» по образцу печально известных договоров с прибалтийскими странами.

Советский Союз просил разместить на болгарской территории часть Красной Армии, развернуть в Варне военно-морскую базу Черноморского флота, и все это в обмен на

финансовую, экономическую и, разумеется, военную помощь «в случае нападения на Болгарию третьей державы или группы держав».

Как всегда, выходя на очередную жертву, Москва клятвенно заверяла Софию, что предложенный договор «ни в *коем случае не затронет существующего режима*(монархического!), *независимости и суверенитета Болгарии».*Огаошения России и Болгарии всегда были сложными. Еще с тех времен, когда Россия уложила сотню тысяч своих солдат, чтобы создать Болгарское государство. Постоянно рвались дипломатические отношения, а в первую мировую войну именно Болгария сделала посмешищем все идеи русско-сербского панславянизма, вступив в войну против России на стороне Германии. Еще пуще отношения испортились после большевистского переворота, когда Болгария стала чуть ли не основной страной, давшей приют отступившей из России белой армии, став объектом самых злобных атак со стороны советского режима.

Увы, это была не осень 1939 года и даже не лето 1940-го. Уже приближался 1941-й год, и сталинские методы были хорошо известны в Европе, особенно в Восточной Европе, чтобы сработать так же четко, как и год назад. Четыре месяца, отнятые финнами, оказались невосполнимыми.

21 ноября Сталин провел совещание с военными, вызвав к себе Тимошенко, Мерецкова и Голикова. Накануне вождь затребовал из «Особой папки» план «Грозы», присланный ему на утверждение в сентябре 1940 года, когда с минуты на минуту ожидавшаяся высадка немцев в Англии произвела некоторый переполох в советских штабах. Одни предлагали нанести удар только по Балканам, а на линии конфронтации с немцами – ожидать реакции Гитлера. Другие считали, что уж если начинать 1 октября, то глобально: с нанесением одновременного удара и на южном, и на центральном направлении. Все эти шарахания привели к тому, что план «Грозы» как бы разделился на два плана. Один предусматривал действия только на Балканах, а второй – против немцев в Польше и Восточной Пруссии. Общий план, предусматривавший действия на двух стратегических направлениях, был каким-то невнятным. Фактически повторялась старая печальная история, уходящая своими корнями аж в 1914 год, когда у царской России в результате многолетнего планирования так же развалился общий план. Один – предусматривал действия только против Австро-Венгрии, другой – только против Германии, что привело к разлому общего мобилизационного плана и плана стратегического развертывания и давало о себе знать постоянно вплоть до полного развала России в прошлой мировой войне. Сталин еще раз внимательно прочел документ:

«18 сентября 1940 года
N 103202/06
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
ОСОБО ВАЖНО.
«Народный комиссар Обороны СССР
ТОЛЬКО ЛИЧНО. ЦК ВКП(б) т. СТАЛИНУ Т. МОЛОТОВУ
Докладываю на Ваше рассмотрение план действий Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы...»

Взгляд быстро бежит по строчкам знакомого документа:

«...На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия...»

Документ составлен в сентябре, когда еще была жива идеология, что Советский Союз никогда не начнет войны, прежде чем кто-либо осмелится посягнуть на его священные границы. Сталин все более и более приходил к убеждению, что подобная идеология не только вредна и опасна, но совершенно не соответствует текущему моменту. Он уже дал команду в ГЛАВПУР Мехлису и Рогову, а также и в другие органы указание изменить идеологическую работу в массах вообще и в первую очередь в армии. Готовить народ и страну к войне, причем – к войне *«наступательной, агрессивной и опустошительной».*

«Главные силы Красной Армии на Западе в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков, и далее на Бреслау (Братислав) в первьш же этап войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз, и решительно воздействовать на балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта.

Первый вариант – развертывание к югу от Брест-Литовска....Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р.Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р.Пилица и верхнее течение р.Одер...

При развертывании Вооруженных Сил СССР по этому основному варианту предлагается следующая группировка.

Непосредственно на Западе развернуть три фронта —Северо-Западный, Западный и Юго-Западный.

Северо-Западный фронт – основные задачи.

Прочно прикрывать минское и Риго-Псковское направление и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию.

Во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки.

Ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии...

Западный фронт – основная задача....Одновременным ударом в общем направлении на Аленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии.

С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород, способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с Севера...

Юго-Западный фронт – основные задачи.

Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р.Висла.

В дальнейшем нанести удар в направлении на Кальце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р.Пилица и верхнее течение р.Одер.

В составе фронта иметь 6 армий – 5, 19,6, 12, 18 и 9-ю...

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР маршал Советского Союза (С.ТИМОШЕНКО)

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА генерал армии (К.МЕРЕЦКОВ)

НАПИСАНО В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

Исполнитель – заместитель начальника оперативного управления генерал-майор Василевский».

После некоторого замешательства, вызванного столь быстрым развалом Франции и эвакуацией английских войск с континента, возникла необходимость дальнейшего увеличения мощи вооруженных сил, дабы сохранить на западных границах такое соотношение сил, которое давало бы возможность нашей решительной победы в случае наступления, а с другой стороны гарантировало, что противник никогда не нападет на нас, если он не сошел с ума, что в большой политике случается редко. Минимальным подобным

соотношением сил должно было стать в среднем 3 к 1, а по некоторым видам вооружений 5 и более к одному.

Это привело к необходимости резкого увеличения интенсивности при «проведении необходимых оборонных мероприятий». В переводе с новоречи на человеческий язык это означало, что если на 1 января 1940 года численность Красной Армии составляла 2 013 400 человек, то к концу того же года, т.е. сегодня, она уже составляла 4 209 000 человек, став за год в два раза больше, что давало возможность пересмотреть цифры, представленные в плане стратегического развертывания от 18 сентября.

Тимошенко принес Сталину свой приказ № 0328, датированный как раз сегодняшним числом: 21 ноября 1940 года «О проведении в 1941 году в войсковых частях подготовки начальствующего состава запаса», что наряду с другими мероприятиями подобного рода давало возможность довести к середине 1941 года численность армии до 5 500 000 человек. С момента наступления дня начала «операции „Гроза"» объявлялась официальная мобилизация нескольких возрастов, доводя численность армии к сентябрю 1941 года до 8 миллионов человек. Новый приказ Наркома Обороны предусматривал военную аттестацию буквально всех: от медсестер и фельдшеров до писателей и поэтов. Отдельная часть приказа, требовавшая личного одобрения Сталина, предусматривала поголовную аттестацию всех без исключения освобожденных партийных работников.

Начальник Генерального штаба обратил внимание Сталина на тот факт, что в вооруженных силах практически не проводится демобилизация лиц, отслуживших положенные сроки. Сам факт этот, конечно, положителен, но его невозможно скрыть. Правда, мотивировкой является увеличение срока службы, но и тех, кто отслужил все сроки, домой не отпускают.

Начальник ГРУ Голиков сообщил Сталину, что немцы не только не ослабили, но постоянно усиливают воздушное наступление на Англию. Причем по всем показателям видно, что сопротивление англичан слабеет.

Голиков далее признал, что отмечено некоторое увеличение немецких дивизии в Восточной Пруссии и Польше. Если их было 37, то ныне стало 45. Продолжается переброска немецких войск в Финляндию и в меньшем количестве – в Румынию. Но, подчеркнул начальник ГРУ, по имеющимся данным, греки готовят крупное наступление против итальянцев в Албании, грозя уничтожить 37 итальянских дивизий. Нужно ожидать прохода крупной группировки немецких войск через территорию Румынии, Болгарии и Югославии.

На следующий же день, 22 ноября, пришло сообщение, что греки прорвали фронт итальянцев.

Глава 9. Воинственные танцы

Гитлер узнал о начавшемся греческом наступлении, выходя из своего кинозала, где он смотрел только что отснятый фильм «Дядюшка Крюгер». Суть фильма сводилась к тому, что с англичанами договориться невозможно. Их нужно уничтожить, или любой народ постигнет судьба буров Трансвааля.

Несмотря на триумфальные победы вермахта, настроение народа было мрачным – и не только потому, что первые английские бомбы уже упали на немецкие юрода. Более половины населения рейха помнило прошлую войну и главное – помнило, как она начиналась и чем закончилась. Опрометчивые обещания Гитлера закончить войну в нынешнем году победным десантом в Англии явно не сбывались, а война все более и более давала о себе знать.

Уже зимой 1939 года во всех городах стала ощущаться нехватка угля и основных продуктов питания. Наступающая зима тоже не сулила ничего хорошего.

Поэтому Гитлер, остро чувствуя немой вопрос со стороны своего народа: когда же все это кончится, внутренне переживал, поскольку уже отлично понимал, что кончится все очень не скоро и, скорее всего, снова не принесет Германии ничего хорошего.

Он лихорадочно искал выхода из создавшегося положения.

Лучшим исходом был бы мир с Англией. Военный союз со Сталиным... Он предложил его открытым текстом.

Предложил из страха перед огромной сталинской армией, надеясь выиграть время посулами Сталину того, чего, по его мнению, московский диктатор желал более всего. Но в ходе подготовки к встрече с Молотовым убедил себя, что настоящий союз со Сталиным мог бы решить все его проблемы. Присоединение СССР с его людскими и материальными ресурсами к державам Оси показало бы Англии (да и Соединенным Штатам), что продолжение войны опасно и нужно как-то договариваться. Он ждал ответа из Москвы каждый день. Но ответа не было.

Катастрофа армии дуче в Албании напомнила Гитлеру о бескомпромиссности англичан, готовых сражаться с ним сколько угодно (даже дольше, чем с Наполеоном), лишь бы выиграть последнее сражение и в этой войне.

Сброшенные в море под Дюнкерком, англичане снова пришли с моря, на этот раз со Средиземного, высадившись на Крите, на Лемносе и в самой Греции. Они получили там авиабазы, с которых могли достать до драгоценных запасов нефти плоештинского бассейна.

Дни и ночи конвои англичан идут в Средиземное море через Атлантику и Гибралтар, через Индийский океан и Суэцкий канал, Гитлер уже ловил себя на мысли, что каждую минуту ожидал какой-то новой пакости от англичан.

Опасения фюрера постоянно раздувались адмиралом Редером. Он буквально ходил по пятам за Гитлером, доказывая, что судьба Британской Империи должна решаться не в битве над Англией, которая пока, с точки зрения главнокомандующего флотом, не дала никаких существенных результатов, а в Средиземном море, которое является стержнем всей имперской системы англичан. Еще в ноябре 1939 года Генеральным штабом был разработан план крупной операции «Юго-Восток». Этот план предусматривал вторжение немецких войск на Ближний Восток и далее в Центральную Азию и Индию.

Операция как раз и планировалась на конец 1940-го – начало 1941 года. Не пора ли начать ее осуществление?

В последующие дни в Генеральный штаб посыпались приказы готовить оперативные документы по операциям «Марита» (оккупация всей Греции), операции «Феликс» (захват Гибралтара), операции «Изабелла» (оккупация Португалии). При этом наряду с итальянцами и испанцами к совместным действиям по окончательному изгнанию англичан из Средиземного моря фюрер пытался воодушевить и Францию.

В Генштаб поступило требование усилить береговую оборону Испании. Нужно было позаботиться о сосредоточении в итальянских портах немецких войск для посадки на транспорт.

Пока происходили эти события, пришел долгожданный ответ из Москвы на предложение, сделанное Гитлером 18 ноября и приглашающее родину Коминтерна присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту».

«Срочно! Совершенно секретно Имперскому министру иностранных дел лично
N 2362 от 25 ноября Получена 26 ноября 1940 – 08:50

Молотов пригласил меня к себе сегодня вечером и в присутствии Деканозова заявил следующее:

Советское правительство изучило содержание заявления имперского министра иностранных дел, сделанное им во время заключительной беседы 13 ноября, и заняло следующую позицию:

Советское правительство готово принять проект Пакта Четырех Держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи... на следующих условиях:

1 .Предусматривается, что немецкие войска немедленно покинут Финляндию, которая по договору 1939 г. входит в советскую зону влияния. В то же время Советский Союз гарантирует мирные отношения с Финляндией и защиту германских экономических интересов в Финляндии.

2. Предусматривается, что в течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны проливов гарантируется заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, которая географическим находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза, а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды.

3. Предусматривается, что зона к югу от Батуми и Баку... в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений Советского Союза....В протоколе должно быть указано, что в случае, если Турция откажется присоединиться к Пакту.., Италия и СССР совместно выработают и практически применят военные и дипломатические санкции. Относительно этого должно быть заключено отдельное соглашение.

Кроме того, необходимо согласовать третий секретный протокол между Германий и Советским Союзом относительно Финляндии.

Шуленбург».

Довольно бегло просмотрев ответ из Москвы на его предложения о разделе мира вообще и «бесхозного» имущества Британской империи в частности, Гитлер спросил своего министра иностранных дел:

– Что он прицепился к Финляндии и Болгарии? Что, он собирается сам высаживаться в Англии и изгонять англичан из Средиземного моря?

Все мысли фюрера были заняты проведением операции «Феликс», представлявшей прекрасную возможность прихлопнуть англичан короткими, но мощными ударами.

– К сожалению, мой фюрер, – дипломатично ответил Риббентроп,—в позиции Москвы за эти две недели не произошло никаких изменений.

– Взгляните на карту, – сварливо проговорил Гитлер, – и вы увидите Канны, которых еще не видел никто.

На севере Сталин выходит на границу Норвегии, на юге – на границу Югославии и Греции, далее он аннексирует Турцию и выходит на границу с Ираком.

Риббентроп молчал.

– Так пусть этот гнусный вымогатель, – с визгливыми нотками в голосе продолжал Гитлер, – катится ко всем чертям. Мы обойдемся без него. Он, кажется, хочет захватить весь мир, не сделав ни одного выстрела!

– А что мы ответим Москве? – осмелился поинтересоваться министр.

– Я скажу это вам, когда придет время. Пока – ничего. Мы долго ждали их ответа. Пусть и они подождут.

Все помыслы Гитлера направлены на Средиземное море, к красивой, как произведение искусства, средиземноморской удавке, в которой задохнется проклятый Альбион. Фюрер лично консультировался с дуче и Чиано. Гитлер потребовал, чтобы итальянская авиация днем и ночью действовала над Средиземным морем, не давая англичанам возможности вести себя там, как в домашнем бассейне. И поторопиться е вытеснением англичан из Египта за Суэцкий канал. Чиано заявил, что это хорошо было бы сделать одновременно с немецким вторжением в Грецию. Тут Гитлер взорвался и заорал, что он предостерегал Чианова тестя от каких-либо авантюр на континенте. Может быть, граф забыл, что Германия не имеет общей границы с Грецией и, чтобы выйти на нее, немецким войскам пройдется пройти через территории трех стран – Румынии, Болгарии и Югославии. И еще неизвестно, согласятся ли они пропустить вермахт и не придется ли пробиваться на помощь к дуче с боями и потерями.

Эту высадку давно можно было осуществить, если бы не преступное бездействии итальянского флота. Его мерзкая трусость и нежелание воевать!

Чиано, привыкший к повышенной эмоциональности Гитлера, сохранил полное спокойствие и заметил, что подобные слухи о Королевском флоте Италии распускаются англичанами, что флот уже провел несколько смелых операций, нанеся противнику тяжелые потери.

Честно говоря, Гитлер не знал ни об одной их тех «смелых операций», которые провел итальянский флот.

Чиано также об этом ничего не знал, но он знал другое: позавчера (т.е. 25 ноября) гогантскими усилиями дуче удалось выпихнуть в море мощное соединение флота, состоящее из линкоров «Витторио Венето» и «Джулио Чезаре», дивизии из шести тяжелых крейсеров и нескольких флотилий эсминцев, чтобы они перехватили и уничтожили английский конвой, идущий с Мальты под прикрытием легких сил.

Чего пока не знали ни Гитлер, ни Чиано, это того факта, что именно в момент их разговора английские легкие крейсеры и эсминцы атаковали итальянское соединение западнее Сардинии, сразу же накрыв противника ураганным огнем и нанеся серьезные повреждения крейсеру и трем эсминцам, один из которых пришлось уводить на буксире. От такого поведения англичан снова не выдержали нервы у командующего итальянским соединением адмирала Кампиони.

Он предположил, что поблизости находятся крупные силы англичан. И не ошибся. Вскоре на горизонте появился английский линейный крейсер «Ринаун», а в небе —самолеты, говорящие о присутствии в районе и авианосца.

Кампиони решил, что с него хватит, и прежде чем «Ринаун» успел дать залп главным калибром, приказал уходить, таща на буксире подбитый эсминец.

– Что это он затевает? – поинтересовался Сталин, ознакомившись с директивой Гитлера № 18, которую разведка добыла, по словам Голикова, с огромным трудом.

– Все очень логично, – водя указкой по карте, пояснил маршал Шапошников.—Немцы запирают Средиземное море, захватывая Гибралтар и зону Суэцкого канала. Одновременным ударом по Греции они лишают англичан любых шансов ведения войны в бассейне Средиземного моря и отрезают Британскую метрополию от большей части империи. По карте получается весьма изящная операция.

– Значит высадки в Англию не будет? – Вождь даже вынул трубку изо рта и положил ее на стол.

– Одно другому не мешает, – ответил Шапошников. – Очень может быть, что, если операция удастся, англичане могут капитулировать или пойти на немецкие условия мира не дожидаясь высадки немецкого десанта. Средиземное море – это ключ к победе в европейской войне.

– Что вы предлагаете? – задает Сталин коронный вопрос.

Указка маршала перемещается в район Черного моря.

– Если немцы решат нанести удар по Греции, то подставляют себя под удар наиболее мощной нашей южной группировки в составе Юго-Западного и Южного фронтов.

– А зачем это нам, – угрюмо спрашивает Сталин, – спасать англичан?

– Всю Европу спасать надо, товарищ Сталин, – осторожно замечает Шапошников. Вождь молчит.

Среди высшего руководства Вооруженными Силами СССР явно наметился раскол. Генеральный штаб во главе с Кириллом Мерецковым предлагает нанести удар главными силами непосредственно по Германии через Польшу, а вспомогательный удар по Балканам с целью отрезать Германию от источников нефти. Наркомат обороны во главе с Семеном

Тимошенко, командующие двух основных округов – Особого Западного и Киевского – Павлов и Жуков, напротив, считают, что нанести главный удар следует на юге, взяв Германию в полукольцо. Марш через балканские страны легче подать и идеологически как освободительный. Но освободительным походам придает особую специфику призыв о помощи. О так называемой интернациональной помощи. Нужные люди, чтобы обеспечить этот призыв, были, да к тому же там фактически не было немецких войск. Но любой удар в этом направлении неизбежно приводил к столкновению с Германией. Так хотелось максимально возможное получить без выстрела.

С 17 по 20 ноября в Генеральном штабе под руководством Тимошенко проходила «Двусторонняя оперативно-стратегическая игра на картах».

Ровно за три дня игр «синие» – немцы были окружены, разгромлены и уничтожены. Армия и флот встретились в Кенигсберге.

С 20 по 22 ноября так же лихо отыграл Западный Особый военный округ, который стремительно взял Варшаву, с ходу форсировав Вислу и Одер.

С 23 по 25 ноября играл Киевский Особый военный округ во главе с генералом Жуковым. Тут вообще получилась загвоздка. В реальности перед фронтом Жукова никаких немецких войск не было. Были Румынская и Болгарская армии и ничтожные силы в бывшей Чехословакии (именуемой ныне протекторатом Богемия и Моравия), попадающей под удар смежных флангов Жукова и Павлова. С 26 по 28 ноября играл Одесский военный округ во главе с генералом Черевиченко. Задачей округа, взаимодействующего с кораблями Черноморского флота и Дунайской флотилией, являлся быстрый захват портов от Констанцы до Варны комбинированными ударами с моря и суши, с выходом на болгаро-турецкую границу.

Ознакомившись с результатами игр, Сталин обратил внимание, что даже в теории взаимодействие между армией, авиацией и флотом оставляет желать лучшего, а на практике взаимодействия, наверное, нет и в помине.

Шапошников еще как-то пытался решать эти вопросы, но после его ухода с поста начальника Генерального штаба Мерецков на фоне тысячекилометровых фронтов о флоте почти забыл. У флота какие-то свои глобальные задачи, которые, кстати говоря, на самом флоте никто не знает, поскольку они полностью известны только товарищу Сталину.

Товарищу Сталину эти задачи были хорошо известны.

«Кто владеет морем – тот владеет миром», —сформулировал адмирал Мэхэн, и вождь всех народов понимал, что старый американский военно-морской теоретик был прав, несмотря на всю свою буржуазную ненаучность. Ленин при упоминании самого слова «флот» срывался на крик, доказывая его полную ненужность для пролетарского государства, ибо именно флот истрепал все нервы у вождя мирового пролетариата, сначала поставив его в идиотское положение Ледовым переходом, затем – своим повальным бегством вместе в Врангелем в Бизерту из коммунистической мечты и добил окончательно Кронштадтским мятежом. Мстительный Ильич тут же распорядился продать в Германию все остатки Балтийского флота по цене металлолома, арестовать и расстрелять всех еще уцелевших морских офицеров императорского флота (до гардемарин включительно), а матросов, если нельзя расстрелять или посадить за участие в Кронштадтском мятеже и в пособничестве Врангелю, разогнать по домам.

«Товарищ Ленин болен, и не будем беспокоить его», – говаривал тогда Сталин, начав открытый саботаж указаний своего вождя и учителя. Используя уже свою достаточно сильную власть, Сталин приказал освободить большую часть арестованных морских офицеров, кого еще не успели расстрелять или замучить пытками.

Нужны офицеры, и Сталин старался их сохранить хотя бы до тех пор, пока запущенная им машина небывалого милитаризма не накует новых, классово-близких морских офицеров.

И он выполнил свою задачу. Тех, кого он, немало рискуя, спасал в 20-х годах, без особой жалости расстреляли в 37—38 гг., поскольку развернутая Сталиным система военно-морских училищ уже успела произвести 14 выпусков.

Но вклад товарища Сталина в дело создания нового флота не ограничился заботами о его кадрах.

Сталин страдал оттого, что пришлось несколько притормозить военно-морскую программу из-за нехватки фондовых материалов и из-за вредительства исполнителей. Но продолжал твердо верить, что именно его флоту суждено поставить крест на морском владычестве Англии. Что касается флотов США и Японии, то они, по мнению вождя, к моменту завершения сталинской программы должны были уже уничтожить друг друга. Французский флот уже фактически был уничтожен. С немцами и итальянцами должны были разобраться англичане. Таким образом, вождь мыслил по схеме военно-морских олимпийских игр: Красный флот выходил сразу в финал, где должен был встретиться с англичанами и, разумеется, победить.

Еще никогда в мире не было столь грандиозной и амбициозной программы. К концу 1946 года планировалось построить 16 линкоров и 16 линейных крейсеров, 2 авианосца, 28 легких крейсеров, 20 лидеров, 144 эскадренных миноносца, 96 сторожевиков, 204 тральщика и 408 подводных лодок.

Среди сталинских военачальников адмирал Кузнецов был, пожалуй, самым честным и смелым человеком, насколько это вообще позволяла уголовно-волчья обстановка, царившая в коридорах Кремля. В 1939 году, принимая из рук Сталина должность наркома ВМФ, молодой адмирал, который даже в собственных мечтах никогда не видел себя выше командира корабля, осмелился поставить вождю всех народов непременное условие: прекратить отстрел военно-морских специалистов и освободить всех, кто оказался в лагерях прямо с палуб боевых кораблей. Сталин усмехнулся, но согласился. И сколько раз Сталин об этом забывал, столько раз Кузнецов ему об этом напоминал, сражаясь за каждого из своих людей подобно гладиатору, поскольку ежеминутно рисковал при этом собственной головой. И почти всегда добивался своего.

Деятельность благородного наркома ВМФ в деле спасения моряков от клыков сталинского НКВД достойна отдельной книги. Это касалось не только адмиралов, но и любых моряков и даже вольнонаемных служащих. На этот счет имеются очень любопытные документы. Скажем, арестовывается какой-нибудь студент по обвинению в подготовке «теракта». От него требуют назвать поименно всех членов «террористической организации».

Получив пару раз по ушам от следователя, студент перечисляет всех своих знакомых, среди которых оказывается флотский лейтенант. Лейтенанта вызывают в НКВД и показывают заявление несчастного студента. В подавляющем количестве случаев лейтенант все отрицает, пишет по этому случаю объяснение и его с миром отпускают. Но были случаи, когда флотский офицер с перепугу (или по каким-то другим неведомым причинам) все написанное признавал. Над ним смеялись и тоже отпускали. Это – привилегия, которую моряки имели с 1939 по 1941 годы, благодаря мужеству адмирала Кузнецова. И он оставался таким до конца своих дней.

Если флот Сталин искренне любил и даже позволял адмиралу Кузнецову сохранить в кадрах некоторое количество «классовых врагов», то к военно-воздушным силам у вождя всех народов было какое-то странное отношение. При всем своем желании Сталин не мог объявить себя создателем отечественного флота и официально считался лишь создателем Северного флота, что было увековечено на огромной мраморной плите, замурованной в скале на главной базе флота в Полярном.

Что же касается авиации, то газета «Правда» еще в сентябре 1936 года писала: «Мы, наблюдающие каждый день работу товарища Сталина в области авиации, его заботу о ее

людских кадрах, можем без какого бы то ни было преувеличения сказать, что создателем и творцом нашей советской авиации, как ее материальной части, так и ее кадров, является наш учитель и руководитель товарищ Сталин». А на XVIII съезде партии Сталин был провозглашен *«руководителем нашей авиации», «великим конструктором», «главным технологом», «отцом всех героических побед» и «отцом всех героев».*

И надо сказать, что все эти цитаты, как бы нелепо они сегодня ни выглядели, не были простым словоблудием или славословием, если вспомнить, что в середине 20-х годов Сталин принял от Ленина огромную, плохо обученную и недисциплинированную толпу, именуемую РККА, вооруженную царскими трехлинейками, пиками и шашками, с небольшим артиллерийским парком. Но уже к концу 1937 года самолетный парк советских ВВС превысил 8000 боевых машин, причем в их числе не было ни единой иностранной модели! Прибавьте к этому десятки установленных авиационных рекордов, небывалые по дальности перелеты, включая перелет через Северный полюс в Америку, посчитайте количество подготовленных инженеров, техников, механиков, летчиков, штурманов, стрелков-радистов и не забудьте выросшую, как из-под земли, авиационную инфраструктуру, – и вы только на примере одних ВВС поймете, что значит сотворить чудо.

Сталин пилотов любил настолько, что даже однажды предложил Валерию Чкалову пост шефа НКВД, что можно считать наивысшим проявлением любви вождя – пусть к знаменитому, но простому пилоту. Чкалов отказался, а потому и погиб вскоре при весьма загадочных обстоятельствах. И не только он один, ибо, как отмечали еще древние, «любящая рука сильнее всех и карает».

Сталин боялся армии, созданной собственными руками. Но пуще всего он боялся именно авиации.

В мае 1935 года СССР продемонстрировал изумленному миру самый большой из когда-либо построенных самолетов – четырехмоторный гигант, названный «Максим Горький». (Сам Горький был еще жив и наблюдал с мавзолея на первомайских торжествах, как над Красной площадью проплывает огромный воздушный корабль, неся на гигантских крыльях его имя.) Затем было объявлено, что 18 мая на самолете совершат полет члены ЦК и правительства во главе с товарищем Сталиным. Сталин, естественно, лететь не собирался и принял меры, чтобы члены правительства поступили так же. Эскортировать гигантскую машину должен был на истребителе «И-5» один из лучших летчиков тогдашней авиации Николай Благин. О том, что никто из членов ЦК не собирается следовать агитационному сценарию, никому известно не было. Вместо них на самолете полетели те, кто создал это крылатое чудо, – инженеры, конструкторы, мастера и рабочие со своими семьями. Когда воздушный дредноут величественно плыл над Москвой, взлетевший с другого аэродрома Благин быстро его нагнал, внезапно бросил самолет в пике и врезался в крыло машины на глазах у тысяч онемевших от ужаса зрителей, наблюдавших за этой сценой с земли. Часть крыла вместе с мотором отвалилась, и «Максим Горький», объятый огнем и дымом, переворачиваясь в воздухе и разваливаясь на куски, со страшным воем устремился к земле, в которую врезался в огне и громе мощного взрыва.

Следствие шло самое тщательное, поскольку Сталин не сомневался в намеренном «теракте», тем более что быстро выяснились связи Благина с троцкистами – Барановым и Сергеевым.

Все руководство тогдашних ВВС в течение года исчезло, и во главе ВВС был поставлен Яков Алкснис, которого также пришлось расстрелять в 1938 году за недостаточную управляемость. 27 июня 1937 года летчик-истребитель Олег Капитонов на самолете «И-15», низко пролетев над сталинской дачей, полеты над которой были категорически запрещены в обширном районе площадью около 100 кв. км, врезался в лес в каких-нибудь двухстах метрах от внешней ограды. В планшете пилота, извлеченного из-под обломков, была обнаружена схема местности и отмечен дачный комплекс.

Был арестован чуть ли не весь полк, в котором служил Капитонов. Следствие выяснило заговор с целью убийства вождя. В биографии самого Капитонова были найдены родственники и раскулаченные, и расстрелянные.

Дело маршалов открыло вообще ужасающие вещи. Особенно то, как изменники и «враги народа» собирались использовать авиацию, планируя истребить товарища Сталина и весь большевистский ЦК.

Коммунистические идеологи среди многих мифов создали один наиболее поразительный. Это миф об общей невиновности всех сталинских жертв из числа высших руководителей армии, госбезопасности и промышленности. В действительности все было не совсем так. И даже совсем не так. С 1930 по 1941 гг. в СССР имели место по меньшей мере три серьезных попытки государственного переворота. Причем с разными политическими ориентациями, Основными силами заговоров были, разумеется, госбезопасность, борьба внутри которой не прекращалась никогда; армия и партийная номенклатура.

Многих не устраивала слишком ярко выраженная идея планируемого мирового похода. Видя, во что превращена Россия, – в сплошной военный лагерь, окруженный ГУЛАГом, достаточное количество людей и в армии, и в НКВД, и в ВКП(б) этого не хотели по разным причинам, включая и тех, кто не хотел более искушать судьбу.

Именно эти силы устроили небывалый погром в армии в 1937-38 гг., сопровождающийся погромом госбезопасности и партии.

Заговор Тухачевского был наиболее опасным и подготовленным. В его начальном периоде авиация (именно авиация) должна была бомбить правительственные здания в Кремле «до полного разрушения».

Сопротивление сталинскому режиму в довоенные годы было массовым, хотя и не очень заметным под гранитным прессом небывалого террора. Но поскольку истребить все население страны было невозможно, да и никто не ставил перед собой подобной задачи, под этим прессом вызревал небывалый социально-политический кризис, который погасить можно было только глобальной войной. Этот кризис, перешедший в острейшую форму в первые дни войны, оказал решающее влияние на ее ход, а мог бы повлиять и на исход, не будь Гитлер настолько оторванным от реальности человеком. Мы еще поговорим об этом подробнее.

Но какие бы задачи ни ставил перед собой Сталин, если ему что-то действительно удалось, так это, по меткому определению историка М.Гефтера, *«привести в действие механизм перманентной гражданской войны»,*что в отличие от *«перманентной революции»*Троцкого провоцировало не столько международные кризисы, сколько внутренние.

С ноября 1939 г. начальником ВВС был Яков Смушкевич, к тому времени Дважды Герой Советского Союза. Дважды герой даже в наше время большая редкость, а уж в те годы было явлением поистине уникальным. Под именем генерала Дугласа Смушкевич сражался в Испании и своими действиями в воздухе привел в экстаз даже хладнокровного Хемингуэя. По возвращении из Испании Смушкевич получил первую золотую звезду.

Вторую звезду он заработал на Халхин-Голе, прослыв крупнейшим специалистом в стране по боевому применению авиации. Как-то Сталин прочел сводку немецкой разведки, анализирующую достоинства и недостатки советского военного руководства, где говорилось: «Смушкевича можно назвать Тухачевским в области авиации». Сталин сравнение Смушкевича с Тухачевским запомнил и для начала снял его с должности. Был искус расстрелять сразу от греха подальше, но сдержался и перевел Смушкевича сначала на должность генерал-инспектора ВВС, а затем – помощника начальника Генерального штаба по авиации. Смушкевич все эти перемещения расценил как отстранение от дел, понимая, что попал в немилость к вождю.

На место Смушкевича вождь неожиданно для многих назначил 29-летнего Павла Рычагова, произведенного в генералы чуть ли не прямо из лейтенантов. Отчаянный летчик-истребитель, виртуоз высшего пилотажа и воздушного боя Рычагов, как говорится, «был летчиком Божьей милостью». В 24 года, командуя эскадрильей в Испании, где он был известен как Пабло Паланкаре, он однажды вступил в бой сразу с шестью истребителями противника. Сбив двоих, он был сбит и сам, приземлившись на парашюте в самом центре Мадрида на бульваре Кастельяно. Этот эпизод, попавший позднее во многие художественные фильмы о сталинской авантюре в Испании, произвел впечатление и на самого товарища Сталина. Рычагов – невысокий, плотный крепыш, отличавшийся веселым нравом и истинно русской удалью, понравился Сталину. Он был удостоен звания Героя и быстро пошел в гору по строевой линии, показав навыки способного администратора. Он руководил действиями авиации на Хасане, командовал группой истребителей-«добровольцев» в Китае и авиацией 9-й армии во время войны с Финляндией, пытаясь наладить воздушный мост с окруженными частями.

В августе 1940 года, отстранив Смушкевича, Сталин вызвал к себе Рычагова, произвел его в генерал-лейтенанты, наградил еще одним орденом Ленина и вручил ему командование военно-воздушными силами.

В этот момент военно-воздушные силы разворачивались в гигантскую армаду, которая по численности боевых машин превзошла даже американские показатели, достигнутые лишь в конце второй мировой войны.

29 ноября Сталин вызвал к себе Рычагова, начальника штаба генерала Никишева и его зама по вооружению и снабжению генерала Астахова. Летчики, как обычно, начали с цифр. Если на первое января 1940 г. в западных военных округах было развернуто 209 авиаполков, имеющих на вооружении 12540 боевых машин разных типов, плюс 40 авиаполков авиации дальнего действия с 2300 тяжелыми бомбардировщиками, то к концу года эти цифры удалось почти удвоить. Конечно, они несколько уменьшатся за счет списания старых машин, тем не менее число боевых самолетов на 1 января 1940 года составит примерно 24 тысячи. Почти в два с половиной раза увеличилось количество летных училищ и школ с трех-, двух– и годичным сроками обучения. Количество учебных самолетов доведено до 6800 машин.

Огметим, что Германия вместе с союзниками имела к 22 июня 1941 г. на Восточном фронте 4275 самолетов, т.е. почти в полтора раза меньше, чем СССР имел только учебных самолетов в 1940 году.

Подавляющая часть аэродромов, подчеркнул Рычагов, как и предписано товарищем Сталиным, максимально придвинута к границе. Некоторые на расстояние до одного километра. Самолеты на взлете вынуждены разворачиваться над территориями сопредельных стран, включая Восточную Пруссию и немецкую часть Польши.

Рычагов явно оправдывает оказанное ему доверие. Сталин интересуется, как восприняли в училищах и в часгях ВВС его последнее нововведение. Нововведение состояло в том, что Сталин, мучимый страхами перед ВВС, решил всех будущих пилотов лишить офицерского звания и выпускать из училищ сержантами на правах срочной службы.

Виктор Суворов в своей книге «День „М" подробно описывает это сталинское „нововведение" от 7 ноября 1940 года, но считает его вызванным экономическими причинами – ни одна армия в мире, включая и РККА, не могла содержать такое количество офицеров. Рассчитывая израсходовать большую часть пилотов на первом этапе „Грозы", Сталин не видел, мол, ничего страшного, если до этого побудут сержантами. Возможно, что так оно и было, но Суворов не отмечает самого главного. Сталинское „нововведение" касалось только пилотов. Все остальное авиаспециалисты, включая штурманов, авиатехников, синоптиков, специалистов службы ПДС продолжали выпускаться офицерами. В ВВС наступили совершенно фантастические дни. Экипажами бомбардировщиков, например, командовал

сержант. По окончании полетов офицеры-штурманы расходились по домам и гостиницам, отдыхали в клубах офицеров и т.п., а летчики строем и с песней топали в казарму. Мыли полы, пилили дрова, ходили во всевозможные наряды, получали нагоняи от старшин и вынуждены были чувствовать свою неполноценность перед всеми другими авиаспециалистами. Это был один из величайших экспериментов вождя: превратить основную авиационную профессию в ничто.

В отличие от практически всех своих предшественников Рычагов не прошел необходимой школы политического интриганства, поскольку никогда в политруках и комиссарах не служил. Человек он был прямой, иногда даже слишком. И было-то ему, вспомним, всего 29 лет.

А потому он честно ответил Сталину, что, конечно, нововведением все недовольны.

Но уже было готово постановление, которое будет принято через неделю (7 декабря) – об отказе от добровольного формирования летных училищ и переходе на принудительный набор лиц, *«чье здоровье и образовательный уровень соответствует требованиям службы летного состава ВВС».*

Кто всегда радовал товарища Сталина, так это танкисты. Советский Союз мог по праву считаться родиной массового конвейерного танкостроения. Он и немцев пытался обучить этому искусству, но немцы оказались никудышными учениками во всех отношениях. Цифры их танкового производства вызывали иронические улыбки у всех специалистов в Москве, включая и самого товарища Сталина. А о качестве немецких танков и говорить было нечего. Их самая последняя модель, именуемая «Т-IV», представляла собой короткоствольную, узкогусеничную, бензиновую машину с лобовой броней 25 мм и парадной скоростью 32 км/час. Даже не верилось, что это и есть последнее достижение немецкой военно-технической мысли. Советская разведка получила приказ проверить, нет ли у немцев какого-либо секретного танка, который они пока не демонстрируют и берегут в качестве сюрприза. Оказалось, что нет не только на конвейере, но и в разработке. Да и весь немецкий танковый парк оценивался советской разведкой примерно в 7500 машин, что, как позднее выяснилось, было явным преувеличением.

Никто в СССР, даже начальник Главного Бронетанкового Управления РККА генерал-лейтенант Федоренко и главный инспектор танковых войск генерал-майор Вершинин, не знали точно количества танкового парка. Но суммируя заявки округов, командование бронетанковых сил выяснило, что после интенсивнейших учений летом и осенью 1940 года, *«в разной степени ремонта (от*двухчасового до капитального) *нуждается 21 тысяча танков или 43% всего танкового парка, находящегося в округах».*

Учения и полигонные испытания показали, что у немцев нет против них практически никаких средств обороны. Что касается танкового противоборства, то те же испытания показали, что снаряд с танка «Т-34» пробивал броню немецкого танка «Т-IV» с расстояния 1500-2000 метров, в то время как снаряды немецкого танка пробивали броню «Т-34» с расстояния всего 500 метров, если попадали в бортовую или кормовую часть «Т-34». Лобовую броню они не брали.

Но кроме «Т-34» Сталин готовил изумленному миру еще один танковый сюрприз. Еще никто в мире не додумался до тяжелого танка. А в СССР не только додумались, но уже наладили его серийное производство и рассчитали его модернизационные возможности на три последующих модели. Именовался этот танк «КВ» (Клим Ворошилов) и представлял собой чудовищную по тем временам боевую машину весом почти в 50 тонн, с лобовой броней 80-мм и совершенно невероятным для танка 152-мм орудием.

Американские наблюдатели, которые впервые увидели «КВ» под Москвой в декабре 1941 года, пришли в ужас и изумление. Никто из них даже не предполагал, что подобные чудовища можно было наклепать в мирное время.

Но главное преимущество танков «Т-34» и «КВ» было в том, что они имели дизельный двигатель и могли с одной заправки пройти: «Т-34» со скоростью 50 км в час– 400 километров, «КВ» со скоростью 35 км в час– 330 километров. Что же касается знаменитого танка «БТ-7», имеющего возможность менять гусеницы на автомобильные колеса, то он на гусеницах мог развить скорость до 60 км в час и пройти с одной заправки 600 километров, а встав на колеса при выходе на европейские автострады, развить скорость до 86 км/час и покрыть до 700 километров. Это были настоящие танки блицкрига, танки стремительного наступления. (Для сравнения: новейший немецкий танк «T-IV» мог на хорошей дороге развить скорость до 40 км/ч и пройти 150-200 киломегров. Танк «Т-Ш» – 40 км/час и пройти 150-180 км.)

Артиллерия, численность которой к середине 1941 года предполагалось довести до 100 тысяч стволов (включая минометы), не вызывала у вождя особых тревог. Тут дело правильно поставлено еще со старорежимных времен.

Правильно поставлены дела и в подготовке грядущих политических мероприятий. Кроме празднования дня Конституции, предстояло грамотно организовать и проконтролировать выборы во вновь образованной Карело-Финской ССР, а также в Западной Украине и Западной Белоруссии, проверить и откорректировать данные всесоюзной переписи населения, чтобы скрыть потери от террора и показать устойчивый рост населения и, что самое главное, провести общеармейскую конференцию параллельно со стратегическими играми, чтобы окончательно отшлифовать план вторжения, определив его окончательный срок.

Уинстон Черчилль не очень внимательно слушал сообщение о положении на греко-итальянском фронте. Вчера, 29 ноября, немцы совершили мощный налет на Саутхэмптон, уничтожив бомбами практически весь деловой центр города.

Направляясь утром в свою резиденцию, Черчилль обратил внимание, как изменился Лондон. Исчезли здания, которые считались наиболее известными достопримечательностями английской столицы.

На всех наиболее знаменитых зданиях церквей, монастырей, театров, старинных дворцов явно виднелись следы ежедневных и еженощных бомбежек. Бомбы угодили в Лондонский Тауэр, но восьмисотлетние стены древней крепости выдержали. Хуже пришлось знаменитому величественному собору Сент-Джемса из Пикадилли – у него рухнула колокольня. В не менее знаменитом театре Драри Лейн бомба, уничтожив его стеклянный купол, взорвалась прямо в оркестровой яме. Огромная люстра рухнула на кресла зрительного зала...

Черчилль очень внимательно прочел стенограммы совещания руководителей Германии и СССР в Берлине, присланные ему разведкой даже вместе с проектами новых секретных протоколов. Конечно, было бы очень неприятно, если бы эти двое сговорились хотя бы временно. Если бы подобное произошло, даже трудно представить дальнейший ход событий. К счастью, как и предусматривалось, ничего подобного не случилось. А случилось как раз наоборот. Разведка все чаще докладывает о переброске немецких дивизии на восток– в Восточную Пруссию и Польшу. Немножко и в Румынию. Неужели Гитлер рискнет напасть на Сталина? Это же безумие. Даже по тем данным, которыми располагает «Интеллидженс», силы русских почти втрое превосходят немецкие. Военный атташе докладывал из Москвы, что он имеет точные данные о наличии в Красной Армии 10000 танков. 10000 танков!

Это впечатляет! Все-таки в коммунистическом режиме есть что-то положительное. По крайней мере, возможность так вооружиться в мирное время, не неся никакой ответственности ни перед парламентом, ни тем более– перед налогоплательщиками. Он, Черчилль, с удовольствием временно ввел бы в Англии коммунистический режим, чтобы иметь сегодня 10000 танков.

Нет ничего удивительного, что Гитлер застыл в некоторой нерешительности. Сюрприз, который он вскоре получит, заставит его принять решение более конкретное, чем авантюрные планы высадки на наших островах или захвата Гибралтара.

Из всего, что он сейчас задумал, наиболее реальным является план вторжения в Грецию, хотя этот план вряд ли удастся осуществить раньше середины марта.

А если Сталин выступит, не дожидаясь высадки Гитлера на наши острова? В конце концов он может понять, что этой высадкой его водят за нос и что она невозможна. Если он выступит, надев на себя лавровый венок освободителя Европы, то положение на континенте будет еще хуже.

Очень многое, конечно, будет зависеть от позиции Соединенных Штатов. Пока в США шла предвыборная кампания, Черчилль ходил, как с занозой в сердце, а когда стали известны результаты выборов, не выдержал эмоций и написал Рузвельту:

«Я считал, что мне, как иностранцу, не подобало выражать мнение относительно американской политики, пока еще не закончились выборы, но теперь я думаю, что Вы не будете возражать, если я скажу, что молился о Вашем успехе...»

Теперь, когда весь мир уже чувствовал, как Рузвельт через заросли конгресса упорно продирается на тропу войны, Черчилль подготовил новое письмо президенту США, где, в частности, отмечал:

«Поскольку приближается конец года, я полагаю, что Вы будете ожидать, что я изложу Вам перспективы на 1941 год. Я делаю это откровенно и уверенно, ибо мне кажется, что подавляющее большинство американских граждан .убеждено в том, что безопасность Соединенных Штатов» также как и судьба двух наших демократических стран и той цивилизации, которую мы отстаиваем, связана с существованием и независимостью Британского Содружества наций. Только таким образом можно будет сохранить в верных и мужественных руках те бастионы морской мощи, от которых зависит контроль над Атлантическим и Индийским океанами. Господство на Тихом океане флота Соединенных Штатов и на Атлантическом океане Британского флота необходимо для безопасности и для сохранения торговых путей наших стран, и служит самым надежным средством помешать войне достигнуть берегов Соединенных Штатов...»

Далее, перечисляя ту необходимую помощь, которую он ждет в ближайшее время от Америки, Черчилль коснулся той уникальной ситуации, в которую впервые за последние 130 лет может попасть основа британского могущества – ее линейный флот.

«...Сейчас гораздо труднее, чем было во время прошлой войны. Мы лишены поддержки французского, итальянского и японского флотов, и прежде всего флота Соединенных Штатов, который оказал нам такую важную помощь в решающие годы. Противник хозяйничает в портах на всем протяжении северного и западного побережий Франции. Он все в большей степени базирует свои подводные лодки, летающие лодки и боевые самолеты в этих портах... В ближайшие шесть или семь месяцев сравнительная мощь линейных кораблей в водах метрополии сократится и станет менее чем удовлетворительной. Г-н Президент, никто лучше, чем Вы, не поймет, что нам в течение этих месяцев придется впервые за время этой войны думать об операциях на море, в которых противник будет иметь два корабля, по крайней мере, таких же хороших, как два наших лучших и единственных современных корабля...»

Сталин прочел копию письма Черчилля к Рузвельту раньше, чем это послание было отправлено через океан. Именно оперативность товарищ Сталин любил более всего.

Из текста письма он понял, что над англичанами уже нависла прямая угроза потерять свой главный козырь, которым Британия веками била карты всех своих врагов – господство на море.

Уже почти год наиболее обширный поток информации поступал в СССР из Англии, где прямо в недрах британской секретной службы сидел советский агент Ким Филби. Кроме того,

НКВД удалось завербовать в сентябре 1940 года Джона Кернкросса – секретаря члена военного кабинета лорда Хэнки.

Но наиболее интересным было сообщение Филби, пришедшее в начале декабря 1940 года:

«Общая установка, данная резидентурам МИ-5 на континенте, а также в посольства Британии и Швеции, Швейцарии, Португалии, Греции, Венгрии и Болгарии, а также многих стран Южной Америки и Азии, где имеются английские посольства или консульства, предписывает сотрудникам разведки и дипломатам всячески муссировать слух о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом, которая должна разразиться не позднее лета 1941 года. При этом в зависимости от конкретных условий и симпатий местного населения и прессы нападающая сторона в этой войне должна определяться соответственно. Нападение может осуществить в равной степени как Советский Союз на Германию, так и Германия на Советский Союз».

То, что подобная установка дана, Сталин уже мог не сомневаться. Еще до получения этого сигнала от Филби, 28 ноября было получено новое сообщение из Токио от Зорге о том, что в районе Лейпцига немцы формируют новую запасную армию в составе 40 дивизий. 80 дивизий уже дислоцированы на советско-германской границе, еще 20 – перебрасываются из Франции.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: натравить Гитлера на Советский Союз является единственным шансом англичан сорвать вторжение немцев на свои острова и избежать давно заслуженного исторического финала.

Вождь вызывает к себе Голикова и Фитина. Оба руководителя разведывательных ведомств уверяют вождя, что все это пустая болтовня – у немцев даже нет еще никакого плана войны против нас. А как известно, немец без плана – все равно что черепаха без панциря. Немец без плана жить не может. Не способен немец на импровизации. А в секрете, подобно нам, немцы хранить свои планы совершенно не умеют. Все их планы нам известны: от вторжения в Англию до захвата Гибралтара и вторжения в Грецию.

Вернувшись от Сталина, Голиков собрал руководителей всех шести операционных отделов ГРУ и прочел им нечто вроде лекции по международному положению Советского Союза. Начал он с пакта о ненападении и договора о дружбе между СССР и Германией, назвав их «продуктом диалектического гения товарища Сталина». Перспектива нападения немцев на СССР, заявил он, является даже не призрачной, а просто фантастической.

Англия, как и Франция, будет скоро повержена, а ее империя разделена между Германией и Японией. Соединенные Штаты – сердце классического капитализма – ради спасения Британской Империи и всей мировой капиталистической системы от полного развала тоже неизбежно вступят в войну против Германии» А тем временем Советский Союз будет терпеливо ждать, пока не придет момент сыграть свою будущую роль. Как только капиталисты обескровят и истощат друг друга, мы освободим весь мир.

Будучи единственным в Главном Разведывательном Управлении посвященным в операцию «Гроза» и зная отношение Сталина к этой операции, а также и тот факт, что весь замысел операции основан на вторжении немецких войск в Англию, Голиков, возможно, и не отдавая себе отчета в своих действиях, а просто желая выжить, начал подгонять разведданные своей службы под эту достаточно простую схему. Говорят, что он сам был большим поклонником «Грозы» и более всего боялся, что у Сталина в последний момент не хватит решимости эту операцию осуществить.

Поэтому со своими подчиненными, которые в глобальные планы посвящены не были, а честно делали свое дело на указанных им направлениях, Голикову приходилось объясняться намеками, осторожно давая им понять, что именно хочет услышать от разведки большое начальство. Профессиональные и многоопытные разведчики, возглавлявшие отделы ГРУ,

оказывались сбитыми с толку даже постановкой задач, которые формулировал перед ними начальник ГРУ. Голиков говорил подчиненным: «Сделайте так или наоборот», и никто не понимал, как нужно делать, чтобы было правильно. Но это давало возможность Голикову обрывать слишком ретивых подчиненных словами: «Я вам таких указаний не давал!» или «Вы меня неправильно поняли». Более всего он боялся, что разведывательные сводки и ориентировки не совпадут с мнением Сталина.

В итоге подобного руководства начальник информотдела генерал-майор Дубинин попал в психиатрическую больницу, а начальником отдела был назначен подполковник Новобранец.

Не зная о глобальных замыслах товарища Сталина, Новобранец в отличие от вождя всех народов и своего непосредственного начальника, совершенно не верил в возможность Гитлера форсировать Ла-Манш и осуществить вторжение в Англию. Еще во времена Ивана Проскурова путем довольно несложных расчетов аналитики отдела выяснили, что операция «Морской лев» не может быть осуществлена по очень простой причине: у немцев нет ни десантно-перевозочных, ни десантно-высадочных средств, чтобы доставить на побережье южной Англии минимум необходимых сил в 60 дивизий. У них даже нет средств, чтобы в первом эшелоне перебросить 30 дивизий для захвата плацдармов. Разведчики вычислили количество необходимых для этого плавсредств и количество имеющихся в наличии, включая баржи со всех немецких и французских рек. Генерал Проскуров пытался доложить все эти выкладки Сталину, за что и поплатился головой.

Однако внезапное исчезновение генерала Проскурова совершенно не убедило подполковника Новобранца в том, что немцы способны форсировать Ла-Манш.

Легкая победа вермахта на Западном фронте над объединенными франко-английскими силами шокировала многих и более всего самого товарища Сталина. Вождь приказал разведке разгадать «секрет» немецких успехов и выявить, что немцы придумали нового в военном искусстве. Вскоре в руки разведки попал исключительно ценный документ – «Официальный отчет французского Генерального штаба о франко-германской войне 1939-40 гг.». Отчет этот лично вручил советскому военному атташе в Виши начальник Генштаба французской армии генерал Гамелен, якобы сказав при этом: «Возьмите, изучайте и смотрите, чтобы и вас не постигла такая же судьба».

Отчет Гамелена действительно оказался очень ценным. По выражению самого Новобранца, он и его подчиненные набросились на этот отчет, как голодные на пищу. Все указанные дивизии поставили на учет – это давало возможность отслеживать и перемещения, и переброски. Новобранец начал изучать соотношение сил в ходе боя по направлениям и искать, что же нового в оперативном искусстве придумали немцы, где и в чем секрет их молниеносной победы? Новым, пожалуй, было появление танковых групп, которые по численности соответствовали примерно двум нашим танковым дивизиям или механизированному корпусу. И, конечно, бросалось в глаза четкое взаимодействие танков, артиллерии, авиации и пехоты.

Отчет был направлен начальнику Генерального штаба с рекомендациями создать крупные артиллерийские противотанковые соединения, целые дивизии зенитной артиллерии, инженерно-саперные бригады и корпуса. Тогда любой удар противника сразу же захлебнется в нашей обороне и немцам никогда не удастся пройти по нашей территории, как они прошли по французской.

При всех разработках Генерального штаба четко прослеживалась главная мысль: война будет вестись на чужой территории, малой кровью. А сейчас, когда у них вся армия на канале сидит, нам вообще беспокоиться не о чем.

Подполковник Новобранец и на этот раз не был согласен с начальством. По его данным, на границе с СССР немцы уже развернули не менее 110 дивизий.

Глава 10. Холодный душ из садового шланга

5 декабря Браухич и Гальдер были вызваны наконец в рейхсканцелярию. Гитлер находился в несколько возбужденном состоянии, что генералы заметили сразу, когда их провели в кабинет. Едва кивнув вошедшим, Гитлер продолжал прохаживаться из угла в угол, нервно потирая руки и время от времени притоптывая правой ногой, как бы в такт какой-то музыке, звучавшей в его голове.

Эсэсовцы хорошо знали своего фюрера, а потому научились его не только успокаивать, но и убеждать. А когда это не удавалось, просто действовали от его имени. Фюрер несколько раз ловил их на этом, устраивая руководителям своей «черной гвардии» грандиозные разносы и истерики, но его всегда удавалось успокоить и убедить, что все было сделано, хоть без его ведома, но хорошо».

Гальдер тоже хорошо знал Гитлера и по его виду стал опасаться, как бы эта долгожданная конференция не превратилась в монолог фюрера, переходящий в истерику.

Однако начальник Генерального штаба ошибся. Фюрер объявил генералам, что захват Гибралтара необходимо осуществить не позднее 14 января 1941 года. Это его твердое решение, которое обсуждению не подлежит. Вторжение в Грецию также вопрос решенный, но окончательное решение он примет сам. Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы начать вторжение к началу марта. Он желает услышать от господ генералов, как они мыслят себе проведение операции «Феликс» и насколько продвинулась подготовка.

Разложив на столе свои документы, Гальдер доложил, что операция должна начаться массированным воздушным налетом на Гибралтар, которому будет сопутствовать мощный артиллерийский удар. Это означает примерно 20-30 эшелонов с боеприпасами. Кроме боеприпасов, необходимо доставить в Испанию и саму артиллерию. Это еще 10 эшелонов.

Гальдер докладывает о катастрофическом положении итальянцев в Албании и смотрит на Гитлера.

Вместо ответа Гитлер, облокотившись руками о стол, на котором расстелена карта западной части Средиземного моря, с некоторой торжественностью в голосе объявляет:

– Господа! Я принял решение окончательно оккупировать Францию. Я имею в виду южную часть этой страны.

– Да, мой фюрер, – спокойно отвечает главком сухопутных войск Браухич, – но не следует забывать и о восточном направлении. Мне кажется опрометчивым в настоящее время отвлекать силы и внимание с восточного направления.

– Мой фюрер, – перебивает Гальдер, – план операции «Отто», который разрабатывался под моим руководством, уже готов. Нам хотелось бы, чтобы этот план был оформлен в рамки конкретной директивы с указанием сроков и полного графика операции.

Генерал делает паузу, ожидая новой вспышки раздражения Гитлера. Но Гитлер молчит, неожиданно обмякнув в кресле, слушая начальника Генерального штаба с полузакрытыми глазами.

На специальном столе-планшете расстилается оперативная карта Генштаба, испещренная красными, синими и зелеными символами, значками и цифрами. Все присутствующие подходят к столу.

– Сколько у нас дивизий на востоке? – интересуется Гитлер.

– Сто десять дивизии, из них одиннадцать танковых, – докладывает начальник Генштаба.

Всем ясно, что этого мало не только для нападения, но и для эффективной обороны. Эти войска необходимо развернуть по всей линии границы с СССР до Черного моря включительно. Начинать войну даже сильными ударами с территории Польши и Восточной Пруссии – безумие. Русские ответят мощным контрударом в направлении Румынии и

Протектората, где наши фланги висят в воздухе. Поэтому до окончательного развертывания сил все планы являются чистой теорией.

Главное – упредить русских в нанесении первого удара. Если это удастся сделать, то возникает великолепная возможность быстрого окружения основных сил Красной Армии, сосредоточенных на балконах-выступах. Конфигурация театра военных действий, который расширяется к востоку наподобие воронки, диктует необходимость решительного разгрома русских сил до линии Киев-Минск-Чудское озеро, тем более что основные силы Красной Армии сосредоточены западнее этой линии. При этом задачей является не оттеснить советские войска за эту линию, а уничтожить их. Итогом операции является захват исходной базы, своего рода сухопутного моста, каковым определен район Смоленска для последующего наступления на столицу большевиков – Москву, чтобы занять ее до осенней распутицы.

Таким образом, главный удар наносится севернее Припятской области ввиду благоприятных дорожных условий и возможности прямого наступления в центральные районы России и в Прибалтику. Второй удар наносится из Румынии и Южной Польши (или только из Южной Польши, если так сложатся обстоятельства). Поход необходимо выиграть единственным эшелоном войск без значительных резервов. Восточная армия будет насчитывать 3 миллиона человек, 600 тысяч лошадей и 600 тысяч автомашин. Начальник Генерального штаба обращает внимание присутствующих на тот факт, что резерв личного состава для армии имеет 400 тысяч человек и может покрыть потери только до осени 1941 года.

Но Гитлер неожиданно выпрямился и заявил, что он в принципе одобряет предложенный Гальдером план, но удивлен, почему в плане проигнорированы его устные указания, данные ранее Браухичу и Гальдеру о том, что главной целью операции должна быть не Москва, а Украина и Прибалтика. Для нас взятие столицы не столь важно в сравнении с достижением иных целей.

Браухич осмелился возразить, что, не говоря уже о моральном значении захвата Москвы, столица СССР является крупнейшим во всей России коммуникационным центром и центром военной промышленности.

Гитлер взглядом заставил главкома сухопутных сил замолкнуть и сказал: «Только полностью закостеневшие мозги, воспитанные на идеях прошлых веков, ни о чем другом не думают, кроме как о захвате столицы противника».

В резолюции совещания было записано: «Задачи сухопутных сил определить следующим образом: при поддержке авиации любой ценой уничтожить лучшие кадры русской армии, чтобы тем самым сорвать планомерное и полноценное использование больших русских сил».

Далее в план было внесено особое мнение фюрера:

«Если ОКХ (Главное Командование Сухопутных сил) считает критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то фюрер считает и требует, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала бы повернула часть своих сильных подвижных группировок на север и на юг для захвата Прибалтики и Украины, а затем бы возобновила наступление на Москву».

Эго означало, что генштабисты должны план переделать.

Гитлер закрыл совещание примирительно, туманно заявив, что «мы должны в 1941 году решить все европейские континентальные проблемы, чтобы быть в состоянии в 1942 году принять меры против Соединенных Штатов.

Американский тяжелый крейсер «Тускалуза» легко и изящно разрезал своим стремительным форштевнем изумрудные волны Карибского моря. Белую пену носового буруна несло вдоль бортов крейсера и уносило за корму в бурлящий поток от работающих

винтов. Немолодой человек в белой панаме и мятой домашней куртке сидел в плетеном кресле на юте крейсера, держа в руках спиннинг. За креслом стояли несколько человек в форме и штатском, всем своим видом демонстрируя, что из не интересует ничего, кроме рыбной ловли.

На мачте крейсера рядом с небольшим государственным флагом, играющим по совместительству и роль военно-морского, развевалось на теплом южном ветре огромное синее полотнище с распростертыми золочеными крыльями орла-на-белохвоста, грудь которого украшал геральдический щит-штандарт Президента Соединенных Штатов Америки.

Все на корабле от командира до вольнонаемного буфетчика-филиппинца были преисполнены осознанием возможности приобщиться к истории.

Морской поход президента на «Тускалузе» был большой неожиданностью для всех, включая и госдепартамент. Иностранные дипломаты загудели как потревоженные осы, пытаясь разгадать, чем вызваны подобные, не предусмотренные никаким протоколом, мероприятия. Особенно встревожились в английском посольстве, считая, что после своей победы на выборах Рузвельт утратил интерес к европейской войне и начал беспечно расходовать драгоценное время. Официально Белый дом объявил, что целью путешествия президента является осмотр некоторых участков для строительства новых баз, недавно приобретенных в Вест-Индии. Это выглядело правдоподобнее, поскольку в числе лиц, сопровождавших Рузвельта, не было ни одного человека, способного дать ему совет или хотя бы справку по серьезнейшим проблемам Европы и Дальнего Востока. Единственным исключением, но обычным за долгие годы президентства Франклина Рузвельта, был Гарри Гопкинс – его старый друг, не занимавший никаких официальных постов, временами возводимый в ранг советника, но игравший при президенте роль целого конклава серых кардиналов.

Версия о том, что президент отправился на рыбалку, показалась очень правдоподобной. Настолько правдоподобной, что Эрнест Хемингуэй дал на крейсер радиограмму, указывая на скопление рыбы в проливе Мона, советуя президенту пользоваться «оперенным крючком с насаженным на него куском свиного сала».

Днем Рузвельт беседовал с Гопкинсом, выслушивал советы своего доктора Макинтайра, ловил рыбу или просто отдыхал, сидя в кресле на юте.

Корреспонденты, однако, не сообщали о том, что время от времени (довольно часто) у борта «Тускалузы» совершали посадку гидросамолеты ВМС, доставлявшие почту из Белого дома, включая огромное количество государственных бумаг, посылаемых президенту.

9 декабря на борт «Тускалузы» пришло первое сообщение о том, что англичане начали наступление против итальянских войск в Египте, Судане и Эфиопии, т.е. на всех участках Возрождаемой Муссолини Римской Империи. Это вызвало некоторое удивление, поскольку все ожидали обратного – итальянского наступления с целью вытеснения англичан за Суэцкий канал. Рузвельт запросил подтверждения информации.

Летающая лодка «Каталина», лихо совершив посадку у самого борта «Тускалузы», быстро доставила необходимые документы. Следом прилетели министр ВМС Нокс и командующий флотом США адмирал Старк.

Армия маршала Грациани после первого же удара англичан обратилась в паническое бегство, бросая боевую технику, склады с боеприпасами и горючим. Англичане стремительно продвигаются к ливийской границе, очищая вместе с тем территорию Эфиопии и Судана от итальянских гарнизонов.

Стоя за спиной президентского кресла на юте крейсера, они докладывали ему свое виденье обстановки, в то время как сам президент, казалось, был полностью поглощен процессом рыбной ловли.

Доброе лицо президента, его демократические убеждения и уверенность, что существующий в США общественный строй, гарантирующий своим гражданам все мыслимые в человеческом обществе свободы и возможности, является лучшим из того, что придумало человечество за 50 веков своего исторического существования, делали его в глазах европейских диктаторов ни на что не способным государственным деятелем, завязшим в болоте гласности, демократических законов и парламентских процедур.

Он часто повторял, что европейские диктаторы Сталин, Гитлер и Муссолини «одержимы дьяволом» в своей навязчивой идее мировой гегемонии. Он еще в 1939 году предсказывал неизбежность схватки между Гитлером и Сталиным как неизбежность смены времени суток – дня и ночи. Но до Москвы и Берлина не доносились слова американского президента, поскольку в обеих центрах мирового тоталитаризма его никогда серьезно не воспринимали с единственно понятной в этих центрах военно-агрессивной точки зрения. Аналитические доклады разведчиков рисовали образ неизлечимо больного старика с отнявшимися ногами, достаточно честолюбивого, достаточно работоспособного, без сомнения умного и способного вести за собой человека, на которого поставили евреи (взгляд из Берлина) и эксплуататорские классы (взгляд из Москвы), чтобы получать прибыли и сверхприбыли из пущенных в оборот денег и товаров.

Правда, и в Москве, и в Берлине, и в Токио понимали (да и видели), что потенциально промышленность Соединенных Штатов может наковать горы оружия, но с одним непременным условием – если на него найдется покупатель.

Программа вооружений США, ставшая легкой добычей почти всех разведок мира, не воспринималась серьезно, во-первых, из-за слишком астрономических цифр и, во-вторых: кто этим оружием будет воевать?

Неужели эти прилизанные люди в котелках и галстуках , играющие в теннис и купающиеся в бассейнах?

Всем хотелось посмотреть, как повела бы себя Америка, если бы она подверглась нападению, как Польша или Финляндия или, по меньшей мере, стала бы объектом беспощадных бомбардировок, как Англия? Ответы были разные, но надо сказать, что аналитики, отдадим им должное, всегда сходились во мнении, что на Америку в настоящее время и при нынешнем состоянии военной техники напасть не в состоянии никто. Хотя на отдаленные американские гарнизоны на Филиппинах, на Уэйке, на Алеутских и Гавайских островах в принципе напасть можно, и даже нанести по этим объектам сокрушительный удар, который, конечно, не способен покончить с Соединенными Штатами, но вполне способен поставить их на место и надолго отбить желание заниматься мировыми проблемами.

Поэтому президентов США не особенно изучали, тем более – совсем не изучали Франклина Рузвельта, поскольку он был прикованным к креслу калекой, и все каждый день ждали, что он сам устранится от должности по состоянию здоровья.

«Просто удивительно– сказал как-то Гитлер, посмотрев очередной американский «вестерн», – *как такая большая и динамичная страна терпит во главе себякалеку, который и в клозет-то сам сходить не может?»*

В отличие от своих оппонентов Рузвельт был единственным в те годы политиком, который видел вещи во всей их реальности и обладал средствами для ведения именно той самой глобальной войны, правила которой диктовались условиями промышленного века. Будучи единственным трезвым политиком, он уже видел, что в результате все ярче разгорающегося буйного пламени глобального конфликта мировое господство, во имя которого Сталин и Гитлер готовы пожертвовать миллионами жизней своих подданных, будет преподнесено Соединенным Штатам как апельсин на серебряном подносе. Конечно, в ближайшие 10-15 лет придется здорово поработать, а потом все процессы пойдут автоматически.

Прежде всего необходимо сорвать все попытки заключения мира между Англией и Германией. Англия должна получить столько оружия, сколько она захочет. Получить это оружие она может только от нас. Но как, если у нее уже нет денег?

Так или иначе, но этот вопрос надо решить в самом ближайшем будущем.

Второе – это неминуемый конфликт между нынешними разбойниками – Сталиным и Гитлером. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть самый идеальный вариант этого конфликта. Гитлер начинает и доходит примерно до Волги, где выдыхается и его гонят назад. Хорошо, если бы этот процесс продлился года два-три. Это вынудит его убрать свою армию из Европы и растворить ее в необъятных полях и лесах России. При этом нужно принять меры, чтобы Советский Союз не рухнул и не развалился, даже если Сталину пришлось бы перенести свою столицу в Магадан. В возможность такого идеального варианта даже верится с трудом. Донесения разведки говорят совсем о другом. У Сталина такое превосходство по всем показателям вооружен ных сил, что Гитлеру надо просто сойти с ума, чтобы осмелиться броситься на это чудовище из чугуна и стали.

Но Сталин! Если начнет он, обстановка станет непредсказуемой. А все говорит за то, что он так и намерен поступить, ожидая момента, когда Гитлер и англичане сцепятся в длительных и кровопролитных боях. Вряд ли после наступления англичан в Северной Африке Гитлер пошлет туда крупные силы, если вообще пошлет какие-либо.

Скорее всего, он полезет в Грецию, но там все должно кончиться достаточно быстро. Ему можно подложить по дороге несколько мин, скажем, в Югославии, но еще неизвестно, сработают ли они. Сталин ждет его высадки в Англии. Но также ясно, что никакой высадки не будет. Слава Создателю, что Сталин этого не понимает, а следовательно, мы должны приложить все усилий, чтобы он этого так и не понял. Другими словами, необходимо найти способ, чтобы до поры до времени подержать его на цепи. Все это очень рискованно, но поддается расчету, если наша разведка будет действовать синхронно с английской... и немецкой.

Но самое трудное другое. Как поднять Америку на участие в глобальной войне? Как послать миллионы американцев, одев их в непривычную военную форму, во все уголки земли, чтобы обеспечить и закрепить нашу гегемонию в новом послевоенном мире? Без решения этой, наиболее сложной задачи все другие планы станут чисто академическими и практически бессмысленными...

Катушка спиннинга стала стремительно раскручиваться. Рузвельт пытался остановить ее, но слишком крупная рыба рвала на себя.

Крепкие матросские руки приняли спиннинг из рук президента.

Рузвельт устало откинулся в кресле и обратился к стоявшему за спиной главнокомандующему флотом США адмиралу Старку:

– Вы говорите, Гарольд, что Тихоокеанский флот закончил весь цикл летне-осенних учений?

– Да, сэр, – ответил адмирал.

– Пусть флот останется на Гавайях, в Перл-Харборе, – приказал Рузвельт, напоминая адмиралу, что он, президент, является помимо всего еще и Верховным Главнокомандующим вооруженными силами США.

– В Перл-Харборе? – удивился адмирал. – на какой срок?

– До особого распоряжения, – пояснил президент.

– Но, господин президент, – попытался возразить главком ВМС, – люди нуждаются в отдыхе, а корабли – в ремонте, некоторые – в капитальном. Все это возможно, как вам хорошо известно, только на базах Западного побережья. База в Перл-Харборе совершенно не приспособлена для этого.

– Немедленно отдайте распоряжения адмиралу Ричардсону, – прервал Старка президент. – Флот остается на Гавайях до особого распоряжения. Тихоокеанский флот должен постоянно играть роль пистолета, приставленного к виску Токио, чтобы там поостереглись заниматься открытым разбоем. Грабитель должен постоянно видеть перед собой полицейского. Приказ Ричардсону отдайте прямо через радиостанцию «Тускалузы»...

– Фрэнк, – обернулся президент к стоящему с другой стороны морскому министру, – в вашем калифорнийском ранчо есть садовый шланг?

Полковник Нокс даже поперхнулся от удивления.

– Да, сэр. Разумеется, есть.

– А что бы вы стали делать, если бы загорелся дом соседа, а у него не было садового шланга? Дали бы вы ему свой? – продолжал допытываться президент.

– Полагаю, что что да, сэр, – смущенно отвечал морской министр, не понимая, куда клонит президент.

– А почему бы вы так поступили, мистер Нокс, а не сказали бы соседу: мол, надо было позаботиться пораньше и купить свой шланг?

– У нас В Калифорнии, – пояснил Нокс, – пожары – это настоящее бедствие. Если у кого начнется и вовремя не потушить, то сгорят все. Так что я лучше дам ему свой шланг, пока и мой дом не сгорел.

– В этом вся суть проблемы, – согласился Рузвельт, ни к кому конкретно не обращаясь...

Между тем матросы вытащили на палубу средних размеров акулу, которая отчаянно извивалась под ударами багров, попавшись на кусок сала...

16 декабря Рузвельт вернулся в Вашингтон. На следующий день он созвал пресс-конференцию, на которой открытым текстом заявил:

«В умах подавляющего большинства американцев нет абсолютно никаких сомнений по поводу того, что наилучшей непосредственной обороной Соединенных Штатов являются успехи Британии в деле ее самообороны».

Далее президент указал, что следовало бы одолжить Англии денег для закупки американских военных материалов, чтобы доблестные британцы могли продолжать борьбу.

«Я хочу пояснить это наглядным примером, – заявил Рузвельт. – Предположим, что в доме соседа произошел пожар, а у меня имеется садовый шланг...»

Это произвело сильнейшее впечатление: дай шланг, пока не загорелся и твой дом.

Никто не увидел ничего опасного и даже радикального в предложении президента предоставить англичанам взаймы садовый шланг для их героической и неравной (как казалось) борьбы с Гитлером. Неизвестно, рассчитывал ли кто-нибудь получить этот шланг обратно, но блестящее выступление Рузвельта обеспечило прохождение через Конгресс уже подготовленного закона о *ленд-лизе* —самого странного и необычного закона в стране, официально объявившей себя нейтральной...

(В этой связи интересна характеристика Рузвельта, данная в одном из послевоенных анализов, проведенных немецкими генералами: «Соединенные Штаты Америки, претендующие ныне на роль хозяев всего мира, потеряли в войне меньше людей, чем Германия или Россия теряли в каждом сражении, а количество сражений трудно пересчитать. Почти 40 миллионов пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков и моряков погибли во второй мировой войне. Америка за четыре года глобальной войны, включая ожесточенные бои на Тихом океане против Японии, потеряла на всех фронтах примерно триста тысяч человек.

Успешно руководя второй мировой войной, Франклин Рузвельт не совершил ни одной крупной военной ошибки. В этом отношении с ним никто не может сравниться из завоевателей прошлого, начиная с Юлия Цезаря. Он был мастером ведения современной войны. Даже такие мощные, энергичные и блестящие личности, какими были Гитлер и Сталин, оказались по большому счету всего лишь рапирами, инструментами в руках Рузвельта. Завоеватели-авантюристы, разрушая и сметая все на своем пути, часто не делают ничего другого, как прокладывают путь своему более хладнокровному и расчетливому врагу, который сокрушает их и начинает возводить собственное здание на их руинах.

Так Наполеон по большому счету не сделал ничего другого, как обеспечил Англии мировую гегемонию почти на два века, а Карл XII вымостил своими походами фундамент империи Петра Великого. Так и Гитлер по тому же большому счету всего лишь передал Британскую Империю в руки Соединенных Штатов.

Еще до официального вступления в войну Рузвельт фактически вырвал из рук Германии две почти верные победы: над Англией и над СССР, применив небывалый ранее способ ведения непрямых военных действий, закон о «Ленд-Лизе». В конце 1940 года единственным источником пополнения стратегическим сырьем и военной техникой для Англии были Соединенные Штаты. Но закон о нейтралитете, принятый в США, угрожал отрезать Великобританию от этого единственного оставшегося источника, оставляя Англии вполне естественный выход: мирные переговоры с Германией. Надо сказать, что пойди Англия на этот мудрый шаг, Британская Империя существовала бы и по сей день. Советский Союз был бы сокрушен и вместо буйно разросшегося большевизма мы в самом худшем случае видели бы сейчас мирную, безоружную Россию, развивающуюся в какой-то форме социал-демократии. Но ничто из этого не совпадало с планами Рузвельта. Он не мог позволить Германии захватить доминирующее положение над евро-азиатским пространством в партнерстве с доминирующей над миром морской мощью Британии. Для этого, в обход закона о нейтралитете, Франклин Рузвельт изобрел «ленд-лиз», который давал возможность Англии, а позднее и России, сражаться с Германией, опираясь на неограниченные запасы американского оружия и сырья. Смелость этого трюка была потрясающей, а маскировка — совершенно смехотворной, когда Рузвельт протаскивал этот закон через ошеломленный конгресс, загипнотизированный революционностью мышления президента).

18 декабря Гальдер и Браухич представили Гитлеру на утверждение окончательный, как полагали генералы, план военных действий против Советского Союза.

Фюрер был мрачен. 8 декабря пришло сообщение, что около Кубы английские корабли перехватили немецкий блокадопрорыватель «Идарвальд» с грузом каучука и никеля. Доблестная команда прерывателя немедленно открыла кингстоны, подожгла судно и пыталась уйти на шлюпках. Англичане высадили на «Идарвальд» призовую партию, потушили пожар, но разобраться в системе кингстонов не смогли, и судно затонуло. Команда была взята в плен.

9 декабря, пришло наконец сообщение о начале новых боев в Северной Африке. Однако к концу дня выяснилось, что в наступление перешли не итальянцы, а англичане.

На следующий день были получены подтверждения этого невероятного факта. После ночного удара по итальянским аэродромам на ливийской границе англичане атаковали позиции итальянцев, которые немедленно обратились в бегство. А те, кто бежать не успел, стали массами сдаваться в плен.

Уже на третий день английского наступления в Берлине разобрались в обстановке.

Все военные действия в пустыне свелись к тому, что 7-я английская танковая дивизия, обогнав свою пехоту, неслась за удирающими итальянцами и, кого догоняла, брала в плен. Примерно то же самое творилось и в Албании, и будь там пустыня, как в Африке, а не почти непроходимая горная местность, греки, возможно, уже вошли бы в Рим.

Гитлер 10 декабря подписал директиву о проведении операции «Аттила», а 13 декабря – о проведении операции «Марита». Дело в том, что Германия не имела общей границы с Италией и была бы не в состоянии ничем помочь дуче, если бы англичане высадились на итальянской территории.

Операция «Атгила», как известно, предусматривала оккупацию южной Франции с выходом на испанскую и итальянскую границы. Задумана она была в связи с захватом Гибралтара, но к этому времени было уже не до Гибралтара.

Теперь операция «Аттила» получила новое значение: оперативно прийти на помощь дуче, если англичане вышибут Италию из войны, и наказать Франко, оккупировав Испанию, и если представится такая возможность, расстрелять его самого как предателя.

Дела в Румынии шли и того хуже. Искромсанная территориальными претензиями соседей, сталинскими аппетитами и германо-венгерскими интригами, Румыния бурлила и грозила вообще развалиться как государство.

Гитлеру показали карту: расстояние между развернутыми на румынской границе советскими войсками и Плоештинским бассейном – менее 100 километров. Один короткий кинжальный удар, пояснил Гальдер, и вся боевая техника вермахта превращается в груду мертвого железа.

Выход был один: немедленно оккупировать Румынию под любым предлогом. Гитлер вызвал на 22 декабря в Берлин Антонеску, с тем чтобы подписать договор о присоединении Румынии к державам Оси и получить правовую основу для любого вмешательства.

Сложнее было с финнами.Зимняя война с Советским Союзом буквально швырнула Финляндию в объятия Берлина, в котором финны видели не только гаранта своей будущей безопасности, но и в известной степени орудие возможного реванша. Советский разбой не был ни забыт, ни принят как данность. Вся страна еще жила недавно прошедшей войной, не желая смириться с потерей столь жизненно важных для нее территорий.

Финская разведка отлично знала о намерениях Москвы в итоге захватить всю оставшуюся часть Финляндии. Впрочем, для этого не нужно было иметь хорошую разведку. Достаточно было читать газеты. Исход новой войны без линии Маннергейма ни у кого никаких иллюзий не вызывал. Поэтому финны, зная о перебросках немецких войск на восток, решили более не пытаться выводить немцев на чистую воду, а с самым невинным видом предложить им разместить часть своих войск на финской территории, откровенно считая немцев дураками.

Немцы и на эту удочку не клюнули, а предложили финнам так называемый «договор о транзите», т.е. договор о праве переброски немецких войск в Норвегию через территорию Финляндии.

16 декабря в Берлин прибыл начальник финского Генерального штаба Гейнрихс в сопровождении главного оперативника генерала Талвелы. Вместе с финским военным атташе в Берлине генералом Хорном они предъявили Гальдеру документы своей разведки о сосредоточении советских войск в Прибалтике и на границе с Восточной Пруссией, а также о планах развертывания Балтийского флота. Данные финнов соответствовали данным немецкой разведки, но количественные показатели, привезенные Гейнрихсом, вызвали у Гальдера некоторое замешательство.

Бесценный боевой опыт финского генерала в зимней войне против СССР стал предметом продолжительной лекции, которую Гейнрихс прочел перед руководящими офицерами Генерального штаба Германии.

Наиболее слабым местом, по мнению начальника финского Генштаба, является отвратительная связь, которая и сама по себе ненадежна, и совершенно не защищена, давая легкий доступ противнику на свои каналы. Оперативные коды просты и ненадежны. Русские все это знают, предпочитая нарочных с пакетами. Возможно, в силу этого, а возможно и по

ряду других причин, в Красной Армии почти полностью отсутствует взаимодействие между различными видами вооруженных сил.

Но главный недостаток Красной Армии, после многозначительной паузы продолжал генерал Гейнрихс, заключается в другом. И он просит своих немецких коллег внимательно выслушать, что он имеет им сейчас доложить.

Красная Армия находится в глухой оппозиции, если так можно выразиться, к существующему в России режиму. Эго ясно не только из опроса военнопленных, количество которых, кстати говоря, превзошло все наши ожидания. Я возьму на себя смелость утверждать, заявил Гейнрихс, что если бы мы имели возможность нанести по Красной Армии достаточно сильный удар и перехватить инициативу в свои руки, а вы согласитесь, что будь у нас соответствующие силы, это можно было сделать минимум раза три в течение кампании, то Красная Армия просто бы разбежалась или сдалась в плен.

Гальдер недоверчиво взглянул на финского коллегу. Наполеон повторял, что русского солдата недостаточно просто убить, чтобы он упал. Его надо еще и толкнуть.

Он говорил о русском солдате, возразил Гейнрихс, а русского солдата давно нет. Есть советский красноармеец – раб без всяких прав. Расходное пушечное мясо. Они начали войну против нас, не снабдив войска даже элементарным зимним обмундированием, не говоря уже о питании.

Русский солдат, напомнил Гальдер, был крепостным, имеющим не больше прав, чем нынешний. Этого солдата бросали на альпийские перевалы босиком. И тем не менее...

Затем с финнами обсудили ряд вопросов. В частности, о возможностях скрытой мобилизации, постоянно подчеркивая, что все вопросы носят чисто академический характер в рамках сотрудничества генеральных штабов.

Гитлеру доложили о высказываниях Гейнрихса.

Фюрер как-то странно взглянул на Гальдера и тихо сказал: «Он прав. Это колосс на глиняных ногах. Он рухнет под первым же сильным ударом. Именно на этой предпосылке нужно и строить весь план будущей кампании на востоке».

«Я бы не стал строить план кампании на таких проблематических предпосылках», – рискуя вызвать очередную вспышку гнева Гитлера, возразил Гальдер.

Тонкие губы Гитлера сложились в полуулыбку-полугримасу под щеточкой усов, когда он ответил Гальдеру словами, которые начальник Генерального штаба не мог забыть до гробовой доски:

«У нас нет другого выхода, генерал, кроме как надеяться, что у этого колосса глиняные ноги. Только удар должен быть сильным. Очень сильным. Тогда они рухнут. Иначе нам конец, дорогой Гальдер».

Наступление англичан в Африке, наступление греков в Албании, постоянная угроза с востока и, наконец, «садовый шланг» Рузвельта, – более чем достаточно, чтобы круглосуточно пребывать в самом плохом настроении. Но оказывается, и это еще было далеко не все. Начальник немецкой военной разведки адмирал Канарис обратил внимание фюрера на тот факт, что англичане постоянно снимают войска с островов метрополии и перевозят их в Африку, на Ближний Восток, на Крит, на Мальту и во многие другие места.

Это значит, что они уже не боятся нашей высадки?

Нет, это значит, что они знают о том, что нам скоро будет не до высадки на их островах, когда начнется хаос на Балканах, а наши войска попадут под сокрушающий удар сталинских армий.

Имеющий глаза да видит, что мы уже в ловушке, из которой имеются только теоретические выходы. Один из них – это нападение на Советский Союз и его разгром в молниеносной войне.

Это возможно?

Это вполне возможно, ибо Советский Союз – колосс на глиняных ногах. Он рухнет под нашим ударом и развалится.

И тогда можно будет достойно встретить англичан и американцев. Но нужно действовать быстрее, мой фюрер, поскольку совсем не исключена возможность потери инициативы в войне.

Несколько страниц о людях немецких разведок

Адмирал Канарис считался любимцем Гитлера, который его произвел в адмиралы и сделал начальником военной разведки.

Никто никогда не анализировал мудрость кадровой политики Гитлера и не обращал внимания на тот факт, что на многих ключевых постах третьего рейха находились весьма странные личности.

Еще более странные личности возглавляли разведывательные службы гитлеровского рейха.

В молодости Вильгельм Канарис в чине капитан-лейтенанта служил на легком крейсере «Дрезден» и участвовал в знаменитом рейде через Тихий океан легендарной эскадры адмирала графа Шпее.

После эффектной победы у Коронеля эскадра угодила в расставленную англичанами ловушку у Фолклендских островов и была уничтожена. Легкому крейсеру «Дрезден» благодаря высокой скорости хода удалось временно оторваться от английской погони и укрыться в одной из бухт Огненной Земли вблизи мыса Горн. Англичане быстро обнаружили «Дрезден», и перед угрозой неминуемого уничтожения крейсер пришлось затопить, а экипажу интернироваться в Аргентине. На этом закончилась военно-морская карьера Канариса и началась новая – разведывательно-диверсионная. В годы первой мировой войны Канарису пришлось работать и в США под руководством знаменитого фон Папена, и в Мадриде, где он, по слухам, даже был любовником легендарной Мата Хари и во многих других местах, где кайзеровская разведка прилагала титанические усилия, чтобы спасти от краха свою страну.

После крушения кайзеровской Германии, хлебнув демократического разврата Веймарской республики, Канарис – тогда еще капитан 1-го ранга, как и многие разочарованные офицеры кайзеровской армии, пошел на контакт с нацистами, видя в них единственную силу, способную вытащить Германию из «веймарской трясины» и снова обеспечить ей статус великой мировой державы. Декларируемая Гитлером будущая политика, казалось, была направлена именно на это.

То, что Канарису понравился Гитлер, в этом нет ничего странного. Гитлер производил очень сильное впечатление на миллионы людей.

Странно другое – что Канарис понравился Гитлеру. Дед адмирала был греком, приехавшим на заработки в Германию, где он женился на немке и открыл магазин по торговле фруктами. Внук получил от деда в наследство вместе с преуспевающим магазином курчавые черные волосы, смуглый цвет лица и маленький рост, т.е. ту самую внешность, что всегда приводила фюрера в состояние, близкое к ярости. Говорили, что Канарис сыграл известную роль в уговорах фельдмаршала – президента Гинденбурга, когда решался вопрос о назначении Гитлера канцлером, заставив престарелого воина преодолеть свое презрение к человеку, чья военная карьера остановилась на лычке ефрейтора. Канарис одним из первых принес свои поздравления будущему фюреру Германии, а когда растроганный Гитлер

спросил, какой награды тот для себя желает, попросил назначить его начальником военной разведки. Просимое Канарисом показалось Гитлеру очень скромным. Он даже переспросил: «Начальником военной разведки? Конечно, господин капитан цур зее». Вскоре Канарис был произведен в контр-адмиралы и засел в управлении абвера на углу Тирпицуфер и Бендлер-штрассе, пытаясь оттуда покрыть паутиной шпионажа весь мир.

Однако адмирал вскоре разочаровался в Гитлере еще сильнее, чем в демократии. Все кадровые офицеры, начавшие службу в кайзеровской армии, в душе оставались монархистами, что предполагает не только и не столько верность императору, сколько следование определенным морально-эстетическим, кастово-юридическим нормам. Фактически конституционно-демократическая монархия кайзера Вильгельма II, в которой они все были воспитаны, никак не предполагала (даже в страшном сне) простые гитлеровские методы решения как внутренних, так и внешнеполитических задач. Другими словами, бывшие офицеры кайзера оказались совершенно не готовыми к тоталитаризму, который так же отличался от жестко авторитарной монархии, как день от ночи. Наиболее аполитичные пытались просто держаться подальше от многих мероприятий Гитлера, что удавалось далеко не всегда. Но многих это сразу поставило в оппозицию к режиму в самом широком спектре: от рассказывания анекдотов до открытого саботажа.

«Ночь длинных ножей», нюрнбергские законы, политический террор, законы о печати и искусстве, костры книг и, наконец, знаменитая «Хрустальная ночь» показала многим военным профессионалам полную бесперспективность режима, заставляя бороться с ним уже во имя спасения Германии.

К концу 1939 года немецкая военная разведка абвер фактически превратилась в центр подготовки государственного переворота в Германии. Во главе заговора стоял Канарис, а душой всего дела был его первый заместитель – начальник центрального отдела военной разведки и контрразведки полковник (позднее генерал) Ганс Остер. Началось все с лихорадочного поиска возможностей заключения мира с западными странами еще во времена так называемой «странной войны». Параллельно предпринимались отчаянные попытки сорвать намеченное Гитлером наступление на западном фронте. Все материалы и документы, связанные с планом предстоящего наступления передавались противнику по установленным каналам связи через Ватикан и Стамбул, а иногда и напрямую. Недвусмысленный ответ англичан, что они не собираются говорить о мире, пока у власти в Германии находится Гитлер, привели к заговору, направленному на арест или убийство фюрера. В абвере даже была сформирована специальная команда, которая по получении соответствующего приказа должна была осуществить задуманное. В заговор было вовлечено несколько крупных генералов, включая Браухича, Гальдера и находящегося в отставке генерал-полковника Бека. Генералы считали, что молниеносная победа в Польше настолько подняла авторитет Гитлера в войсках, что в настоящее время заговор бесперспективен, поскольку не будет поддержан армией. Нужна какая-нибудь крупная неудача, чтобы заговор совпал с резким падением авторитета Гитлера в армии и в стране. Верным способом обречь любую военную операцию на провал является раскрытие плана этой операции противнику , чем служба Канариса начала заниматься большую часть своего времени, все откровеннее становясь на путь прямой государственной измены. Или, если избегать столь грубой формулировки, все более включаясь в так называемое «антигитлеровское движение сопротивления», что, понятно, совершенно не стыковалось с выполнением военной разведкой своих прямых задач.

Ганс Остер лично собрал и переправил в Лондон оперативную информацию, касавшуюся норвежской операции, и только нерасторопность англичан помешала превратить эту неуклюжую десантную операцию Гитлера в полную катастрофу немецкого оружия.

С не меньшей точностью и объемом союзникам был выдан план немецкого наступления на западе в мае 1940 года. В надежде на грядущее поражение вермахта в абвере был

подготовлен любопытный документ со сценарием государственного переворота, составленный Канарисом и Остером, где говорилось:

«На рассвете войска путчистов окружают правительственный квартал в Берлине и занимают важнейшие учреждения. Всех ведущих деятелей государства и нацистской партии арестуют и передадут для осуждения специальным военным судам. Сразу же провозглашается чрезвычайное военное положение и публикуется прокламация, сообщающая, что правление взяла на себя „имперская директория" во главе с генерал-полковником Беком. Следующий шаг: роспуск гестапо, тайного совета и министерства пропаганды. Затем назначение срока всеобщих выборов и начало мирных переговоров с союзными державами. Отмена затемнения. Об арестованных нацистских лидерах следует опубликовать разоблачающие их материалы и для развенчания их в глазах народа широко использовать сатириков и комиков. На первых порах для осуществления переворота привлекаются следующие воинские части: 9-й пехотный полк в Потсдаме, 3-й артиллерийский полк во Фран-кфурте-на-Одере и 15-й танковый полк в Загане».

Борьба с режимом, а особенно если эта борьба идет в военное время и в качестве союзника неизбежно выбирается противник твоей страны, порождает массу нравственных проблем и кучу комплексов вины и неполноценности. Канарис прекрасно это понимал, поскольку бороться приходилось не столько с режимом, сколько с самим собой, пытаясь пока что только для себя найти оправдание собственных действий. Однажды он признался Остеру:

«Если Гитлер выиграет войну, это будет означать наш конец и конец Германии. Если же Гитлер ее проиграет, то и это будет концом Германии. И даже если нам удастся осилить Гитлера, мы этим вызовем не только его крушение, но и наше, ибо за границей никто больше не будет нам доверять».

И тем не менее оба продолжали свою деятельность, пытаясь спасти страну от неминуемой гибели, видя для этого единственную схему: заключение мира с предварительным отстранением Гитлера от власти. Однако оперативные планы, передаваемые противнику, приносили мало пользы. За оккупацией Норвегии последовал блицкриг на западе, молниеносный разгром французской армии и эвакуация английского экспедиционного корпуса с континента. Авторитет Гитлера еще более укрепился, делая планы заговорщиков несбыточными. Но они продолжали свое дело, несмотря на то, что уже несколько раз находились на грани провала.

У Гитлера, как и у Сталина, существовали две практически автономные разведывательные и контрразведывательные службы. Помимо военной разведки адмирала Канариса существовала еще и политическая разведывательная и контрразведьшательная сеть, возглавляемая обергруппенфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом – личностью не менее странной, чем Канарис.

Как и Канарис, Гейдрих начал свою карьеру во флоте. Родившись в 1904 году, он был слишком молод, чтобы принять участие в первой мировой войне, проведя военные годы в родном городе Галле, где закончил гимназию. Гейдрих происходил из семьи профессиональных музыкантов. Его прадед – еврей в свое время был первой скрипкой в венской оперетте, и сам Рейнхард восторженно предавался музыке. Многие считают странным, что в 1922 году Гейдрих поступил в военно-морской флот, но надо отметить, что во многих странах отпрыски музыкальных семей избирали для себя военно-морскую карьеру. Таких примеров сколько угодно в английском, русском и немецком флотах...

Закончив училище, молодой Гейдрих был произведен в лейтенанты и назначен офицером службы связи на крейсер «Берлин» – один из немногих крупных кораблей, сохраненных за Веймарской Германией после окончания первой мировой войны. И бывают

же такие роковые совпадения, что именно в тот момент, когда лейтенант Гейдрих получил свое первое офицерское назначение на крейсер «Берлин», командование кораблем принял капитан 2-го ранга Канарис. На одном корабле судьба свела две наиболее зловещие и таинственные фигуры будущего третьего рейха, оставивших после себя такую массу загадок и головоломок...

Командир корабля вполне естественно произвел большое впечатление на молодого офицера. Его участие в легендарном походе эскадры адмирала графа Шпее, его романтическая разведывательная деятельность в годы войны, его несомненное благородство, широта взглядов и энциклопедическая эрудиция – все это делало Канариса почти кумиром в глазах Гейдриха. Это юношеское восхищение своим командиром сохранилось у Гейдриха и впоследствии, помешав всесильному начальнику Главного Имперского Управления безопасности (РСХА) окончательно расправиться с адмиралом Канарисом, вставшим на откровенный путь борьбы с гитлеровским режимом.

Естественно, что отношение самого Канариса к Гейдриху было другим. При очередной аттестации подчиненного ему офицера Канарис отметил способности Гейдриха в области навигации и в спорте. Гейдрих действительно увлекался новомодным тогда пятиборьем, показав очень высокие результаты, особенно в фехтовании.

По вечерам в кают-компании крейсера часто звучала скрипка Гейдриха, выбивая своими сентиментальными мелодиями слезы даже у бывалых моряков. По аттестации Канариса Гейдрих был вскоре произведен в обер-лейтенанты, и казалось, перед ним открывалась карьера военного моряка.

Но произошло совершенно неожиданное событие. В 1931 году обер-лейтенант Гейдрих предстал перед судом офицерской чести, который приговорил его к лишению офицерского чина и увольнению из рядов военно-морского флота. Причиной столь жестокого приговора была любовная связь Гейдриха с молоденькой супругой одного из старших офицеров. Дело раскрылось из-за того, что офицер, скрипач и фехтовальщик продемонстрировал в любви явные садистские наклонности, доведя предмет своей любви до больницы...

Вынужденный конец офицерской карьеры Гейдриха и его глубокое падение, как это ни парадоксально, послужили началом его головокружительного взлета. Ему было тогда 27 лет, и он был поставлен перед необходимостью начать жизнь сначала. Лишенный средств к существованию, опозоренный и деклассированный, он соединил свою судьбу с другими подобными ему личностями, которые вынырнули со дна тогдашнего общества, выброшенные болезненными судорогами социальных противоречий. В Киле новоиспеченный люмпен повстречал своего старого приятеля еще по гимназии в Галле Эберштейна, который руководил одной из команд СС, используемой нацистами для разгона уличных митингов своих политических оппонентов и прочих разборок в борьбе за обладание улицей. Эберштейн предложил Гейдриху вступить в свою эсэсовскую команду, на что Гейдрих без колебаний согласился. Как ему при этом (и позднее) удалось скрыть своего предка-еврея, остается загадкой. Видимо, во многих учреждениях третьего рейха торжествовал принцип Германа Геринга, заявившего: «В своем штабе я сам определяю, кто у меня еврей, а кто – нет!»

Как раз в это время Генрих Гиммлер занимался организацией службы безопасности внутри подразделений СС, которые, в принципе, должны были выведывать планы политических противников Гитлера.

Поначалу новая служба мыслилась Гиммлером как чисто осведомительная, а потому, узнав от Эберштейна, что Гейдрих бывший офицер службы связи флота, Гиммлер по собственной неграмотности отождествил в своем представлении службу связи с осведомительной службой и вызвал Гейдриха в Мюнхен, чтобы тот эту службу возглавил.

Гейдрих оказался в нужный момент на нужном месте и уже к концу 1931 года был произведен Гиммлером в щтурмбанфюреры (майоры), а в следующем году стал штандартенфюрером (полковником).

После прихода Гитлера к власти в подчинении Гейдриха оказался огромный аппарат нацистской политической полиции, куда входили СД, гестапо, уголовная полиция и многие другие службы, объединенные в Главное Имперское Управление безопасности. В 1934 году в возрасте 30 лет Гейдрих уже был группенфюрером, что соответствовало чину генерал-лейтенанта, а подчиненные ему службы контролировали каждый вздох в Германии и стремительно расширяли свою деятельность за ее пределы. Знаменитый руководитель немецкой политической разведки Вальтер Шелленберг, сменивший Гейдриха на посту начальника СД и много лет находившийся у него в подчинении, характеризовал Гейдриха как скрытую ось, вокруг которой вращался весь нацистский режим. Гейдрих высоко вознесся над своими коллегами и контролировал их так же, как и разветвленную сеть разведывательной и политической службы третьего рейха.

Таким образом, приход Гитлера к власти ознаменовался и новой встречей старых знакомых: Канариса и Гейдриха, один из которых возглавлял военную разведку, а второй – политическую. Гейдрих продолжал относиться к своему бывшему командиру с большим уважением. Они поддерживали внешне самые дружественные отношения даже с некоторыми элементами фамильярности, свойственными старым знакомым. Часто совершая вместе утренние прогулки верхом, они обменивались информацией и пытались выудить ее друг от друга.

Гейдрих считал опасной ересью подобное разделение разведок, открыто и энергично добиваясь подчинения абвера себе. В то время как Канарис, вынашивая планы государственного переворота, предусматривал устранение Гейдриха (и Гиммлера, конечно) с переподчинением разведывательных структур СС армии, т.е. себе.

В динамике разгорающейся войны военная разведка все более набирала силу, становясь могущественнее службы Гейдриха. Но если руководство абвера в лице адмирала Канариса и полковника Остера с каждым годом все более откровенно работало на противника или, говоря мягко, против режима своей страны, то служба Гейдриха с каждым годом с возрастающим ожесточением все более втягивалась в борьбу с абвером, справедливо подозревая его руководство в делах, которые просто невозможно бьшо охарактеризовать иначе, чем государственная измена.

СД и гестапо просто висели на плечах военной разведки, пытаясь выследить всех ее секретных агентов и контролировать каждый их шаг. Гейдриху удалось выследить и арестовать Йозефа Мюллера, осуществляющего связь между абвером, Ватиканом и Лондоном, а 9 ноября 1939 года отряд СД, грубо нарушив суверенитет нейтральной Голландии, захватил на ее территории агентов английской секретной службы Беста и Стивенса, находящихся на связи с абвером. Если учесть, что арест англичан совпал по времени со знаменитым взрывом в мюнхенской пивной сразу же после отъезда оттуда самого фюрера, то можно представить, какой переполох начался в абвере. Тем более, что быстро выяснилось запрещение Гейдриха сообщать в абвер о следствии по этому делу. Затем СД выяснила, что кто-то открыл англичанам план Норвежской кампании, а затем дату наступления на западном фронте. Следы явно вели в абвер.

Гейдрих уже давно пустил по следам Мюллера целую свору своих агентов, включая некоего Германа Келлера – монаха бенедиктинского монастыря Бойрон. Келлер был агентом-двойником: он работал и на абвер, и на СД. В конце 1939 г. он встетился в Швейцарии с другим агентом абвера берлинским адвокатом Эчайтом, который, зная Келлера по работе в абвере, рассказал тому, что в Германии полным ходом готовится заговор против Гитлера, возглавляемый генералами Гальдером, Веком и Гаммерштайном. Адвокат также рассказал монаху, что Йозеф Мюллер регулярно ездит в Рим на контакт с английской разведкой.

Вернувшись в Германию, он и передал донесение сначала в абвер, а затем и в СД. Самым крупным из подчиненных Гейдриха, работавшим на абвер, был начальник имперской уголовной полиции группенфюрер СС Артур Небе, который к этому времени изверился в национал-социализме. Он и разоблачил Келлера как двойника. Он сообщил также, что Гейдрих почел этот доклад настолько важным, что даже удостоил Келлера личной беседы. Небе сумел достать доклад Келлера и переслать его в абвер. Тогда Келлер как агент абвера был вызван к заместителю Остера майору Донаньи, который «расколол» монаха и заставил его передать беседу с Гейдрихом. При этом выяснилось, что Гейдрих считает арест Мюллера вопросом ближайших дней.

Положение спас Канарис. К великому удивлению Мюллера, адмирал пригласил его к себе и попросил написать «липовую» докладную: он-де узнал в Ватикане, что «незадолго до войны» в Германии готовился военный путч для предотвращения вооруженного конфликта. Бека Мюллер не должен был называть. Зато он должен был назвать Фритча – одну из жертв весьма топорной провокации Гейдриха, облыжно обвиненного в гомосексуализме. Фритч погиб во время польской кампании, и ему уже ничего не грозило. Канарис велел упомянуть и генерала Райхенау, пользовавшегося репутацией ярого нациста. Мюллер пытался возражать, но Канарис успокоил его – он знает, что делает. Вскоре Мюллер был снова принят адмиралом. Ожидавший со дня на день ареста Мюллер, удивляясь, что все еще находится на свободе, поинтересовался у Канариса о судьбе продиктованной ему докладной. Канарис рассказал, что отправился прямо к Гитлеру и с серьезным видом представил ему «доклад особо надежного агента в Ватикане». Когда фюрер наткнулся на имя Райхенау, он воскликнул: «Вздор, я знаю, в чем тут дело!» и отшвырнул доклад в сторону. Тогда Канарис в тот же вечер отправился к Гейдриху, жившему с ним по соседству, и с разочарованным видом «открылся» ему: «Подумайте, я-то считал, что принес фюреру важнейшее известие. Это был доклад моего главного агента в Ватикане Йозефа Мюллера о подготовке военного путча. А фюрер, прочтя его, сказал: „Вздор!“ и швырнул его на пол». Однако Гейдрих знал много больше, чем думал Канарис. В отсутствие Мюллера человек Гейдриха, зная пароли, сам пошел на контакт с англичанами. Он успел передать необходимую информацию в СД, но был убит в тот же день на своей берлинской квартире. Не знал Канарис и того, что два офицера английской секретной службы майор Стивенс и капитан Бест, захваченные гестаповцами в голландском городе Венло, прибыли туда по абверовскому паролю, который пронюхали люди Гейдриха.

К середине 40-го года Гейдриху уже было совершенно ясно, что Канарис работает и на английскую, и на американскую разведку. Однако, что интересно отметить, Гейдрих материал собирал, но никому его не только не докладывал, но и не показывал. Совершенно секретная папка «Канарис» была найдена после войны, но большая часть содержащихся в ней документов не опубликованы как секретные. Почему же Гейдрих молчал? Возможный ответ на это дает другая папка, обнаруженная много позднее в сейфе Канариса: «Личное дело Хаима Арона Гейдриха», извлеченное из архивов австро-венгерской полиции. Собранные в «деле» документы отождествляли Хаима Арона с прадедом шефа имперской службы безопасности. Можно себе представить, что бы произошло с Гейдрихом, проводившим в жизнь все звериные антиеврейские законы третьего рейха со свойственной ему энергией и садизмом, лично подписавшим директиву «об окончательном решении еврейского вопроса», если бы Канарис показал эту папку Гитлеру? Гейдрих это понимал, молчал, но продолжал собирать материал на Канариса, ожидая момента для нанесения удара. В результате у Канариса сдали нервы. Он пожаловался англичанам. Рассказывают, что в то же время адмирал показал дело Хаима Арона фюреру. Гитлер был потрясен, но попросил Канариса ни в коем случае эти сведения не распространять. Вскоре Гейдрих, номинально оставаясь еще шефом РСХА, был послан в Прагу на должность протектора Богемии и Моравии. В то же время англичане, встревожась за судьбу своего «суперагента»,

предприняли беспрецедентную за всю войну акцию: в районе Праги были сброшены парашютисты-диверсанты с заданием убить Гейдриха. 27 мая 1942 года на Гейдриха, ехавшего по Праге в открытой автомашине без охраны, было совершено покушение. Прибывшие из Англии диверсанты – бывшие офицеры чехословацкой армии, несмотря на полученную специальную подготовку, провели операцию крайне неумело. У человека, который должен был в упор расстрелять Гейдриха, заело автомат из-за перекоса первого патрона, а брошенная в автомобиль граната задела Гейдриха одним осколком, попавшим в селезенку. Доставленный в госпиталь обергруппенфюрер, несмотря на не очень серьезное ранение, скончался от сепсиса на операционном столе. Все, кто был очевидцем этого, уверяли после войны, что Гейдрих был убит, но не чешскими диверсантами, а кем-то в госпитале. «Это был один из лучших национал-социалистов, один из убежденнейших поборников германской имперской идеи, гроза всех врагов нашей империи», – говорил Гитлер на похоронах Гейдриха. Примерно то же самое говорил фюрер и на похоронах Роммеля, которого заставил принять яд под страхом ареста его самого и всей семьи.

Хотя сейчас очевидно, что английская разведка, организовавшая покушение на Гейдриха, пыталась спасти Канариса, но эта акция скорее его погубила, чем спасла.

Новый начальник РСХА обергруппенфюрер СС доктор Эрнст Кальтенбруннер на флоте никогда не служил и еврейских предков не имел, хотя происходил из семьи потомственных венских адвокатов. Гейдриха, надо сказать, он тоже не любил и побаивался, но абвер не любил и того пуще. Разобравшись в делах своего погибшего предшественника, Кальтенбруннер нашел папку «Канарис», составлявшую уже восемь пухлых томов, бегло ознакомился с ее содержимым и 5 апреля 1943 года – менее чем через год после гибели Гейдриха – приказал провести обыск в сейфах Остера и Донаньи. Налет на штаб-квартиру абвера произошел совсем не так, как годами представляли себе Канарис, Остер и их соратники. Вместо шумной команды гестаповцев, размахивающей парабеллумами и бряцающей наручниками, прибыли два тихих пожилых человека в штатском. Один из них был следователь гестапо Зондеррэггер, а второй – уполномоченный Имперского военного суда Редер. Взяв адмирала Канариса в качестве понятого, они прошлись по сейфам беспечных разведчиков, потерявших после смерти Гейдриха элементарную осторожность. Найденное Зондеррэггером было столь ошеломляющим, что Гитлер до конца своих дней был не в состоянии в это поверить. Оказывается, военная разведка не только передавала противнику важнейшую информацию, не только постоянно плела заговор против Гитлера (три неудачных покушения), но и практически всю войну снабжала собственное командование дезинформацией обо всем, что касалось противника. В итоге Канарис, Остер, Донаньи и несколько других руководящих офицеров абвера были арестованы и после страшных пыток повешены. Кальтенбруннер получил абвер в свое подчинение и сам был повешен по приговору Нюрнбергского трибунала. Такие вот игры.

Вернемся, однако, на несколько лет назад.

Гитлер был взбешен, когда ему доложили о предательстве и приказал и гестапо, и абверу найти предателя. Канарису особенно искать предателя не нужно было, поскольку им был его подчиненный Мюллер, действовавший по приказу самого адмирала. Он только пожурил Мюллера за «конспиративный дилетантизм» и пообещал дело замять.

Гейдрих искал предателя более старательно, постепенно разматывая клубок самого широкомасштабного предательства, известного в истории разведок мира.

Но существовала область, в которой служба Гейдриха была, мягко говоря, не очень компетентна. Военное дело во всей своей сложности и многогранности плохо поддавалось анализу гестаповских аналитиков. Главное Имперское Управление безопасности было набито бывшими полицейскими, дипломированными юристами и юристами-недоучками, криминалистами, мечтателями-идеалистами и мечтателями-садистами, химиками, разрабатывающими новые взрывчатые вещества для адских машин и яды для массовых

убийств, талантливыми медиками и биологами, бьющимися над прикладными и фантастическими военными и расовыми проблемами, просто психопатами и близкой к ним публикой. Там были специалисты, умеющие по почерку определить радиопередачу любой разведки мира, способные обнаружить отпечатки пальцев там, где их невозможно было оставить, распутать самые сложные криминалистические загадки, опознать еврея по мочке уха, запеленговать любой передатчик в течение секунд, проникнуть куда угодно, похитить кого угодно и что угодно. Словом, выполнить любой приказ, полученный от руководства. Но провести военно-стратегический анализ там не умел никто: ни бывший учитель Гиммлер, ни бывший флотский лейтенант Гейдрих, ни бывший адвокат Кальтенбруннер, ни бывший полицейский Мюллер, ни недоучившийся правовед Шелленберг. И никто из их подчиненных. Несмотря на то, что все перечисленные руководители СС имели несомненные таланты, в военном деле никто из них не разбирался и не мог разбираться, ибо военная наука является сложнейшей из наук, требующей систематического длительного образования и огромного практического опыта. Поэтому если гестапо и было способно фиксировать контакты с противником и перехватывать направляемую в Лондон информацию, то дезинформацию» которой абвер пичкал штаб ОКБ и самого Гитлера, разоблачить наличными силами службы Гейдриха было практически невозможно. А если учесть, что и сам начальник Генерального штаба генерал-полковник Франц Гальдер был по уши втянут в абверовские интриги и в конце концов был также арестован по обвинению в государственной измене, чудом при этом уцелев, то для разоблачения дезинформации оставался только генерал Йодль – начальник штаба ОКВ, очень способный и образованный генштабист. На совещаниях он часто пытался оспорить данные, преподносимые Канарисом, но абверовская информация более импонировала фюреру, чем «трусливые» выкладки генерала Йодля. Что касается Кейтеля, то он, как известно, собственного мнения никогда не имел, а во всем соглашался с мнением Гитлера, за что в итоге и поплатился головой. Штаб верховного командования вермахта (ОКВ) тоже был в высшей степени странной организацией, кишевшей саботажниками, антифашистами, шпионами и болтунами; напоминал скорее двор неаполитанского короля конца XVIII века, нежели ту мощную военную структуру глобального управления гигантскими вооруженными силами, как нам его преподносит история.

Утечка информации, которая шла из ОКВ, просто поразительна. Достаточно сказать, что план «Барбаросса» в течение двух недель после его подписания стал добычей почти всех разведок мира, даже тех, которые были совершенно не заинтересованы в его получении. Одной из первых этот план получила, например, аргентинская разведка, которая какое-то время просто не знала, что с ним делать, а затем перепродала англичанам, уже получившим этот план по своим каналам.

Та легкость, с которой по миру распространялись немецкие военные секреты, настораживала почти все секретные службы, заставляя проверять и перепроверять очевидные факты, и продолжает удивлять историков по сей день. После войны англичане долго не открывали своих разведывательных архивов, а когда они это сделали, то всю известную им информацию, полученную в годы второй мировой войны, приписали заслугам полумифической службы «Ультра», пояснив, что «Ультра» являлась постоянно действующей комплексной разведывательной операцией, включающей в себя все: от перехвата радиопереговоров противника до сообщений нелегальной агентуры. Предъявленная англичанами информация, которую они якобы получили по каналам службы «Ультра», была просто ошеломляющей. Что бы ни планировало и ни предпринимало военно-политическое руководство третьего рейха, все сразу становилось известным английской, а позднее и американской разведкам или сразу, или по истечении очень короткого периода времени. Кроме того, информация «Ультра» шла на очень большую глубину. Например, были обнародованы пофамильные списки всех (!) командиров немецких подводных лодок, состав их семей, фамилии их любовниц, отношения между семьями, их слабости, хобби и прочее.

Это был не послевоенный анализ, а информация, получаемая в ходе войны и активно используемая. В частности, всем были известны ежедневные радиопередачи на немецком языке, которые вела для находящихся в боевых походах немецких подводников англо-американская разведка, раскрывая свою потрясающую информированность. Каждая передача начиналась прямым обращением к экипажу конкретной подводной лодки и к «конкретным» подводникам. Им сообщалось, например, что чья-то семья погибла под бомбами в Гамбурге или была эвакуирована куда-нибудь, что в госпитале умер от ран какой-нибудь их друг или родственник. , Например:

«Мы обращаемся к вам, командир подводной лодки „17-507" капитан-лейтенант Блюм. С вашей стороны было очень опрометчиво оставить свою жену в Бремене, где в настоящее время проводит свой отпуск ваш друг капитан-лейтенант Гроссберг. Их уже, минимум, трижды видели вместе в ресторане, а ваша соседка фрау Моглер утверждает: ваши дети отправлены к матери в Мекленбург...».

Даже рискуя утомить читателя нашими обширными сносками, мы все-таки приведем несколько фактов о том, как осуществлялась утечка информации из самых секретных ведомств гитлеровской Германии, поскольку иначе просто не понять многого из того, что происходило в дальнейшем при подготовке к осуществлению знаменитого плана «Барбаросса» – плана нападения на СССР.

Проблема тут заключается в решении вопроса: как смог Гитлер, зная о таком неравенстве сил, решиться на нападение? Насколько Гитлера дезинформировала собственная военная разведка и предавали военные руководители? Насколько они влияли на принятие фюрером роковых решений с целью сокрушения гитлеровского режима?

Оказывается, тайная «шпионская сеть» из 10 старших офицеров существовала в самом сердце штаба верховного командования вооруженных сил ОКБ. Эта сеть была настолько законспирирована, что уцелела даже после покушения на Гитлера в июле 1944 года. Десять старших офицеров ОКВ сплотило неприятие нацистского режима и ненависть к Гитлеру. Их заговор медленно с эффективностью раковой опухоли разрушал все военные усилия Германии. Они знали, что их деятельность неизбежно приведет к разгрому Германии, которая была их Родиной. Но они продолжали свою деятельность до самого конца, когда Германия уже лежала в обугленных руинах и последние следы нацистского монстра были уничтожены.

Тогда они расстались и более уже никогда не встречались. Они понимали, что содеянное ими исключает их из германской нации, но они были удовлетворены тем, что изгнали из тела нации демона. Никто из них не ждал славы. Работа важная, но гордиться нечем. Более того, и после войны могли убить, узнай бывшие нацисты об их деятельности. Так что эти офицеры предпочли остаться неизвестными. Деятельность этих людей, которой суждено было стать самой невероятной, крупномасштабной и эффектной шпионской историей второй мировой войны, началась за много лет до войны, практически сразу же после прихода Гитлера к власти. Мы говорим о десяти офицерах, хотя их было одиннадцать, только потому, что одиннадцатый, в отличие от остальных, достаточно хорошо известен. Его имя Рудольф Росслер, о котором глава американской разведки Аллен Даллес писал после войны: «Из всех разведывательных сетей, действовавших во время второй мировой войны, наибольшее восхищение профессионалов вызывает та, что оперировала из Люцерны в период 1939—1943 гг. под руководством Рудольфа Росслера (кодовое имя „Люси"). Ни Зорге, ни Цицерон не идут ни в какое сравнение с его достижениями... Каким-то способом, не выясненным по сей день, Росслер, находясь в Швейцарии, получал на постоянной основе разведывательную информацию из штаба немецкого верховного командования в Берлине,

зачастую менее чем через 24 часа после принятия того или иного решения...» Возможно, хотя и сомнительно, что Даллес действительно не знал, каким образом Росслер получал информацию из штаба ОКБ, но в настоящее время вся эта история, по крайней мере в общих чертах, достаточно известна.

Рудольф Росслер и его десять друзей были младшими офицерами кайзеровской армии, служившими в годы первой мировой войны в одном полку. При этом Росслер считался духовным и интеллектуальным лидером этой группы. Фронтовое братство всегда было и будет наиболее прочным, так что и после войны они продолжали тесно общаться, хотя сам Росслер и уволился из армии. Остальные 10 офицеров продолжали службу в рейхсвере, а затем в вермахте. Еще в 20-х и начале 30-х годов у них уже сложилось отношение к нацистам вообще и к Гитлеру в частности. Когда же последний пришел к власти, Росслер и его друзья-офицеры (пятеро уже стали генералами) поклялись сделать все, чтобы нацистский режим рухнул. Росслер, снабженный радиопередатчиком, был послан в Швейцарию, где для прикрытия открыл небольшой книжный магазинчик.

Начало войны застало его друзей на различных постах в ОКВ. Они лично участвовали принятии военных решений, а один из них стал заместителем начальника узла связи ОКВ. Именно с этого узла связи и передавалась информация Росслеру. Радисты-операторы отстукивали различные комбинации букв и цифр на указанных им волнах, никогда не имея ни малейшего понятия ни о содержании радиограммы, ни об используемом шифре, ни об адресате. В подавляющем большинстве случаев депеша, принимаемая Росслером, предназначалась и для настоящего адресата в подчиненных структурах вермахта, так что у гестапо не было никакой возможности накрыть источник информации. Получив информацию, Росслер радировал ее в Лондон и Москву. Именно на нем кормилась вся группа советской разведки под руководством Шандора Радо.

Радиостанцию Росслера гестапо вычислила довольно быстро из-за постоянного пребывания в эфире. Например, текст плана «Барбаросса» через 10 часов после его подписания Росслер передавал в Москву в течение 18 часов. Выяснив, что рация работает с территории Швейцарии при сочувственном вмешательстве Швейцарской службы безопасности, и расшифровав несколько радиограмм Росслера, Гейдрих пришел в ярость, приказав схватить всех, кто связан с работой этой станции. Дело дошло и до Гитлера.

Уникальность ситуации, когда глава военной разведки и почти все его заместители работали против собственного режима, является лишним доказательством тупиковости тоталитарных систем, когда многие, взвешивая на весах собственной совести степень своего патриотизма и любви к родине, приходят к страшному парадоксальному выводу, что истинным проявлением патриотизма является государственная измена. Известный разведчик Ким Филби, которого почему-то все считают советским разведчиком, знал о встречах в Швеции и Швейцарии шефа английской разведки сэра Стюарта Мензиса с Канарисом. После одной из этих встреч английская разведка получила приказ подготовить убийство Гейдриха. Когда же Филби предложил ликвидировать заодно и Канариса, то получил ясный ответ от сэра Стюарта: «Я не хочу, чтобы против адмирала предпринимались какие-либо действия».

Выступая в 1947 году на слушаньях в одной из комиссий конгресса, Аллен Даллес, возглавлявший американскую разведку в годы войны, а затем ставший первым шефом ЦРУ, заявил, что глава абвера адмирал Канарис и его главные помощники поддерживали с ним прямые контакты, постоянно передавая важную стратегическую информацию, и даже указывали, какие объекты на территории Германии нужно бомбить в первую очередь. «Я работал с несколькими людьми Канариса и был непосредственно связан с ним самим», – открыто признал Даллес. Но не только Канарис и его помощники работали на противника. Этим занимались почти поголовно абверовские резиденты, как в Германии, так и на оккупированных территориях.

Ярким примером тут может служить Пауль Тюммель – резидент Абвера в Австрии, Чехословакии и на Балканах. Член нацистской партии, награжденный золотым знаком, Тюммель стал бороться против нацизма еще до войны, передавая информацию чехословацкой секретной службе полковника Моравца, а затем англичанам.

В оккупированной немцами Праге, словно на минном поле, обосновалось отделение абвера в Чехословакии, которым руководил Тюммель. Именно из резиденции абвера в Лондон заблаговременно передавалась вся информация о многочисленных крутых поворотах и неожиданных зигзагах в политике Гитлера. Не терял Тюммель связи и с чехословацкой разведкой, перешедшей на нелегальное положение. Гестапо тщетно пыталось разгадать, кто же так полно и достоверно информирует Лондон. «Это головная боль фюрера и всех нас. Агент засел у сейфа с важнейшими секретами рейха...», – сказал однажды Гейдрих. Но удачливый Тюммель продолжал действовать, ловко сбивая гестаповцев со следа и передавая информацию через каналы бывшей чехословацкой разведки. Известно, что чехословацкий президент Бенеш ознакомил Черчилля с сообщением Тюммеля о «сверхсекретном» плане «Барбаросса». Диапазон его сведений был необычайно широк: события на Ближнем Востоке, в Италии, в Испании, Северной Африке, в СССР и во многих других местах. Гестаповские досье пухли от материалов и разработок на «Франту», «Рене», «Еву», как именовался Тюммель в шифровках из Лондона. Действия протекали по канонам самого остросюжетного боевика: с засадами, перестрелками, погонями. Гибли связные Тюммеля, и кольцо вокруг него смыкалось. Однако арестовать его удалось только после разгрома штаб-квартиры Абвера в Берлине. 27 апреля 1945 года полковник Пауль Тюммель был расстрелян. Мы так надолго отвлекли внимание читателей этими подробностями, чтобы показать, что гитлеровская формула или скорее мечта, выразившаяся в лозунге «Один народ, один рейх, один фюрер!», была очень далека от воплощения в жизнь. Можно сказать больше: эта формула была так же фантастична, как и советская о единстве партии и народа. Столь романтические и эмоциональные натуры, каким был Адольф Гитлер, умеющие внушать массам свои самые неординарные идеи, сами первыми попадают под гипноз собственного внушения и отрываются от реальности, что смертельно опасно даже для обычного человека, не говоря уже о главе государства.

Оглушенный криками «Хайль Гитлер!» Гитлер поздно сообразил, что кричит это отнюдь не вся нация, а ее меньшая часть. В то время как остальные, находясь в различной степени оппозиции к режиму – от прямой измены, как адмирал Канарис, создавший нелепую ситуацию, когда одна ветвь государственной разведки все свое время тратила на борьбу с другой, до знаменитого профессора Гейзенберга, видевшего прямой путь к атомному оружию, но не пожелавший по нему идти, уведя всю германскую атомную программу в непроходимые дебри оторванных от теории экспериментов, – сделали все возможное, чтобы этот режим не просуществовал больше 12 лет.

Сталин (имеется в виду предвоенный Сталин) был гораздо практичнее Гитлера. Крики «Да здравствует великий Сталин!» меньше всего оглушали его самого. Он не верил, подобно Гитлеру, ни в чью преданность.

«На любви долго не проживешь,—говаривал вождь всех народов, – а на *страхе можно жить вечно».*И, как всегда, был совершенно прав. Оппозиция Сталину представляла из себя нечто совсем другое, нежели оппозиция Гитлеру – по сути, но по форме была совершенно идентичной. Однако если адмирал Канарис занимал пост начальника абвера с 1933 по 1944 год, то следует помнить (и никогда не забывать), что за тот же период Сталин расстрелял 9 начальников ГРУ, двух наркомов НКВД, а расстрелянных генералов просто не сосчитать. Самые примерные списки, составленные лицами, не бывавшими ни в одном архиве, показывают, что в канун войны (года за три) Сталин приказал расстрелять 650 генералов и адмиралов. И втрое больше сгноил в ГУЛАГе. Поэтому и оппозиция вождю народов была, как

мы и говорили, другой по сути. Если Канарис боролся с режимом, рискуя своей жизнью, то его коллеги в СССР делали то же самое, спасая свою жизнь. А это большая разница).

Закончим о людях разведки и вернемся в конец 1940 года.

После того, как Гитлер, несмотря на весь свой романтизм, увидел ловушку, в которую его впихнул Сталин, и решил поквитаться со своим московским оппонентом, Канарис получил приказ собрать всю нужную информацию для обеспечения грядущего вооруженного конфликта против СССР. Как всегда и везде, общие задачи абвера заключались в том, чтобы уточнить имеющиеся данные о Красной Армии, экономике, мобилизационных возможностях, политического положения СССР, о настроениях населения, а также добыть новые сведения: изучить театр военных действий, подготовить разведывательно-диверсионные мероприятия для первых операций, обеспечить скрытную подготовку вторжения, одновременно дезинформируя противника об истинных намерениях Германии.

К этому времени абвер уже представлял из себя мощную и широко разветвленную организацию, способную решить любые задачи практически во всех регионах мира. А у себя под боком, на территориях соприкосновения с СССР, служба адмирала Канариса ориентировалась четко и уверенно.

Все сведения стекались в Центральный отдел полковника Остера, где обрабатывались и обобщались, а затем докладывались Канарису, который, в свою очередь, параллельно докладывал их в штаб ОКВ и лично Гитлеру.

Конечно, поступала обширная информация и от агентуры в СССР. Советская военная разведка и в большей степени НКВД работали с большим количеством агентов-двойников, снабжая их дезинформацией о состоянии и силе Красной Армии. Дезинформация главным образом была направлена на преуменьшение реальных сил. Однако подавляющая часть двойников была засвечена абвером и отличить «дезу» от настоящей информации было не так уж сложно. Конечно, иногда это не удавалось, но подобные случаи были скорее исключением, чем правилом.

Абвер имел и другие источники информации в СССР. Секретная утечка шла из Генштаба РККА и из штаба ВВС, приводя Сталина во вполне понятную ярость.

Особым источником информации были перебежчики. У нас очень любят смаковать перебежчиков со стороны немцев и ничего не пишут о своих, которых было гораздо больше. Начиная с января 1940 года и до начала войны 22 июня 1941 года таких насчитывалось 327 человек. Речь идет только о военнослужащих, от красноармейца до полковника. Многие бежали, прихватив с собой секретные документы и карты. Если прибавить к этому крайне враждебное отношение населения Прибалтики, Западной Украины, Белоруссии и Бессарабии к большевистскому режиму вообще и к Красной Армии в частности, то можно с уверенностью заявить, что абвер не испытывал недостатка в источниках информации.

Помимо всего прочего в руки немцев попали обширные документы польской разведки, долгое время занимавшейся разработками по Советскому Союзу. Ведомство Канариса также работало в тесном взаимодействии с венгерской, итальянской, румынской и болгарской разведками. Финскую разведку вообще можно было считать частью абвера – настолько она взаимодействовала с немцами, делясь с Берлином даже теми данными, которые немцы не запрашивали. А финская разведка была очень мощной.

Что касается намерений Сталина, то они мало у кого вызывали сомнение. Достаточно было взглянуть на карту со схемой даже примерной дислокации советских войск, как становилась совершенно очевидной их агрессивно-наступательная направленность.

Весь 1940-й год абвер внимательно наблюдал за перемещением советских войсковых группировок, стараясь главным образом не пропустить момента, когда вся эта гигантская орда получит приказ двинуться на запад. Полковник Лахузен по этому поводу говорил, что подобное наблюдение напоминало «слушанье тиканья часового механизма адской машины»,

когда не знаешь, на какое время поставлено взрывное устройство и не имеешь возможности ни его разрядить, ни куда-нибудь убежать.

Абвер имел данные, что в Москве ждут начала операции «Морской лев», чтобы начать наступление. (Канарис даже знал, что сигналом к наступлению будет переданный всеми средствами военной связи условный сигнал «Гроза»). О плане операции с одноименным названием немцы пока не знали, но было ясно, что коль существует условный сигнал, то существует и план операции. А каково ее точное кодовое наименование, имело второстепенное значение.

Было также совершенно ясно, что ожидание десанта в Англию не будет длиться бесконечно. Рано или поздно Сталин поймет, что его водят за нос, и приурочит начало операции к какому-нибудь событию, скрытому пока в дымке динамичной и непредсказуемой истории.

Было не менее ясно, что если Сталин такое наступление начнет, то всех наличных сил вермахта, включая и все хилые силы ненадежных союзников Германии, не хватит, чтобы это наступление остановить. Другими словами, все очевиднее становилась неизбежная катастрофа, которую какими-то неординарными средствами можно было отсрочить, но уже невозможно было предотвратить.

Адмирал Канарис был одним из тех, кто понимал это еще в 1940 году. Прошедшие год и четыре месяца войны, хотя они и были отмечены большими и малыми триумфами германского оружия, фактически завершили процесс окружения Германии железным кольцом непримиримых врагов. «Садовый шланг» президента Рузвельта и поставленный им вопрос о «ленд-лизе» вместе с предстоящим снятием с России «морального эмбарго» на торговлю достаточно четко обозначил это стальное кольцо.

Адмирал и его сторонники ненавидели гитлеровский режим, но вовсе не хотели заменять этот режим режимом сталинской деспотии. Процесс окружения завершается, и где-то с середины будущего года начнется процесс уничтожения Германии.

И если все это неизбежно, то нужно по крайней мере, чтобы Германия была сокрушена Западом – Англией и США, а не Сталиным.

Тогда у нее и остальных стран Европы есть шансы возродиться на основе старой доброй европейской демократии. Захват же Европы Сталиным может породить катаклизм, способный вообще уничтожить цивилизацию в общечеловеческом понимании этого слова.

Выход был подсказан Канарису во время его очередной тайной поездки в Швецию. Гитлер должен нанести удар по Сталину. Ему нужно подсказать, что это не только его тайное желание, соответствующее теоретическим выкладкам о «жизненном пространстве для немецкого народа», так сочно изложенном в «Майн Кампф», но и *единственное спасение.*Части, которые Сталин концентрирует на границе, расположены таким образом, что их легко уничтожить в ходе одной решительной операции, начатой при достижении тактической внезапности.

Это даст возможность отбросить Красную Армию за Днепр, а при удаче и дальше. Тяжелые бои вовлекут в эту операцию практически все силы вермахта, подготовив территорию Европы и Германии для достаточно легкого освобождения. В прошлую войну Германия капитулировала, оккупируя огромные территории своих противников: от Франции до Грузии. В эту войну можно разыграть еще более грандиозный сценарий, когда вермахт будет сражаться где-нибудь под Киевом или Смоленском (а при удаче – и под Москвой). Высадка на континенте и новое (как в 1918 году) стремительное наступление к франко-германской границе (Не забывайте, что это военные этюды второй половины 1940 года.) неизбежно приведет к падению гитлеровского режима, что немедленно создаст предпосылки для мирных переговоров. Затем настанет время заняться и Сталиным, чья страна, служившая в течение примерно пары лет ареной ожесточенных боев, будет обескровлена и нуждаться в

срочной помощи. Нельзя исключить возможности падения сталинского режима, поскольку уничтожение столь крупных военных группировок на границе ему никогда не простят ни армия, ни народ. Все вместе эти события, если они станут реальностью, создадут предпосылки для принципиально нового мирового порядка, основанного на христианской идеологии и гражданских свободах. Идеология классовой и национальной нетерпимости, видимо, уйдет дальше на восток в страны Азии.

Возникал вопрос: а что, если русские не будут сражаться, а начнут сдаваться в плен. Таких примеров было сколько угодно даже во время войны с Финляндией.

Если это произойдет на первом этапе, то ничего страшного. Даже напротив. Это позволит вермахту углубиться максимально далеко на русскую территорию. По мере продвижения немецкие линии коммуникаций будут опасно растягиваться, а сама конфигурация европейской части СССР в виде расширяющейся на восток воронки неизбежно приведет к замедлению движения, разрыву связей между различными подразделениями и в итоге – к остановке. Кроме того, Гитлера и его партийно-эсэсовскую свору очень легко подтолкнуть на проведение в жизнь ряда мероприятий в отношении местного населения, что повысит уровень сопротивления вооруженных сил и приведет, возможно, к народной войне в тылу вермахта, что усилит ожесточенность с обеих сторон.

Поэтому главным является подготовка возможного нанесения по русским внезапного ошеломляющего удара.

Это единственный шанс сохранить Европу и Германию от окончательного уничтожения.

Легко сказать – нанести по Красной Армии внезапный ошеломляющий удар. Весь план подвешен на невидимых тончайших волосках, обрыв каждого способен привести к крушению всего плана и к катастрофе. Незаметно развернуть вдоль границ потенциального противника (да еще почти втрое более сильного, чем ты сам) многомиллионную армию, да так, чтобы никто этого не заметил, – просто невозможно. И пытаться не следует этого делать – ничего не получится, даже не учитывая того факта, насколько глобальна и всепроникающая сталинская разведка. Хотя она до сих пор с большим удовольствием заглатывала дезинформацию, но никому не известно, сколько она еще намерена этим заниматься и что происходит с этой дезинформацией после того, как она ее переваривает?

Существовала еще проблема, которую необходимо было решить «с максимально возможной деликатностью», как выразился однажды Канарис в беседе с Остером.

Гитлер с каждым днем все яснее понимал, что у него просто нет другого выхода, как напасть на СССР. В отличие от военных профессионалов, фюрер, искренне полагая, что на его стороне само Провидение, не только верил в успех такого нападения, но даже и в окончательную победу в разразившейся войне. Цифры ровным счетом ничего не значат, убеждал он генералов в беседах, количество танков и самолетов не решают ничего. Они бессильны против воли всемогущего Рока, предопределившего роль Германии и ее народа на многие тысячелетия вперед.

Подобные настроения Гитлера вполне соответствовали глобальным планам «нового мирового порядка», однако Канарис и его подчиненные, приходя в ужас от разведсводок, поступающих с востока, с большим основанием опасались, что сводные данные о численности советских вооруженных сил и о количестве в этих силах различных видов боевой техники приведут в ужас и фюрера, заставив его забыть о благожелательности Провидения.

Разведчики боялись, что, получив точные данные о силе и вооружении Красной Армии, Гитлер не решится напасть на Сталина, начнет втягивать его в переговоры, потеряет драгоценное время и в итоге сорвет и без того весьма зыбкий план, погубив себя, Германию и Европу.

Чтобы этого не произошло, было принято решение «не доводить» до Гитлера и штаба верховного командования истинных данных о количестве оружия, которые наковал Сталин, готовя сюрприз своему доверчивому берлинскому другу. Привычка Гитлера впадать по любому ничтожному случаю в шумные истерики была уже хорошо известна тем, кто имел с ним дело на постоянной основе.

Сделать это было тем более легко, что дезинформация, преподносимая абвером, в общих чертах вполне соответствовала дезинформации, распространяемой советской разведкой, прилагающей титанические усилия, чтобы скрыть от Германии подготовку к «Грозе».

Накопив горы данных о состоянии Красной Армии, изучив десятки тысяч документов, включая показания перебежчиков из советской разведки и армии, проанализировав несметное количество данных аэрофотосъемок, абвер к концу 1940 года знал практически все – как о нынешнем состоянии советских вооруженных сил, так и о потенциальных возможностях с учетом того фактора, что после нападения Гитлера СССР автоматически становится союзником Англии, а следовательно – и Соединенных Штатов.

Таким образом, нападая на СССР, Гитлер автоматически замыкает кольцо окружения против себя, отрезает Германию от источников щедрого советского снабжения и попадает в полностью безнадежное положение. Поэтому три отдела абвера (включая, естественно, Центральный) лихорадочно фальсифицировали данные, преподнося их Гитлеру как результаты самого тщательного анализа.

Канарису неоднократно приходилось делать сообщения и доклады в присутствии Гитлера, и он хорошо изучил реакцию фюрера на различные конкретные сведения об уровне боевой готовности и силе Красной Армии.

В августе 1940 года адмирал представил Гитлеру следующую сводку:

> *«Россия имеет всего 151 пехотную дивизию, 32 кавалерийских дивизии, 38 мотомехбригад. До весны это число не может существенно увеличиться».*

Причем, против Германии непосредственно возможно развертывание 96 пехотных, 23 кавалерийских дивизий, 28 мотомехбригад.

Представление Гитлеру подобной дезинформации не было четко согласовано с теми данными, которые представляли Гитлеру Гальдер и Йодль, и, уж конечно, с той информацией, которая поступала по линии службы Гейдриха и МИДа.

Последних очень легко было обвинить в полной некомпетентности, а генералов, предупреждающих Гитлера, что все цифровые данные о вооружении Красной Армии сильно занижены, либо обвиняли в поверхностном анализе данных, либо объявляли паникерами.

Гитлер всегда склонялся в пользу данных Канариса, поскольку не желал верить «в совершенно фантастические цифры» о количестве боевой техники, стянутой Сталиным к границе. Позднее фюрер признает (после начала войны), что количество русского вооружения (брошенного Красной Армией при отступлении и захваченного немцами) оказалось для него «величайшей неожиданностью».

Более того, выполняя задуманный план, Канарис искусственно ограничивал докладываемую информацию только на глубину планируемой первой стратегической операции и, предоставляя обширные данные о числе соединений Красной Армии, о дислокации ее войск и штабов и т.п., убеждая Гитлера и генералов из его окружения (даже Йодля), что победа над первым стратегическим эшелоном Красной Армии (а у Сталина их уже было два и формировался третий) будет означать победу над Советским Союзом.

Однако Гитлер по причинам, известным только ему одному, с сомнением относился даже к тем цифрам, которые ему представлял Канарис, считая и их преувеличенными. Эту привычку он сохранил и в течение всей войны, имея уже достаточно большой опыт и не меньшее количество «величайших удивлений» по поводу сталинского конвейера, производящего солдат и вооружение.

На штабных играх в штабе верховного командования вермахта, проходившими в конце ноября 1940 г. под руководством генерала Паулюса, Канарис представил несколько измененные данные о составе Красной Армии, которые затем легли в основу плана «Барбаросса».

Подобный расчет, принятый как для игры, так и для дальнейшего стратегического планирования, предусматривал, что против Германии будет выставлено 125 стрелковых дивизий и 50 танковых и мотомехбригад. За основу игр было принято «Особое превосходство немцев по артиллерии, включая средства артиллерийского наблюдения, по танкам и средствам связи».

Особенно подчеркивалось «решающее превосходство в авиации». (Все это забавно, если учесть, что по танкам немцы уступали Красной Армии в соотношении 1 : 5, по самолетам – 1 : 6,7, по артиллерии – 1:8, действительно превосходя Красную Армию лишь в средствах связи, то напрашивается вопрос: как могла столь опытная разведка, как абвер, допустить подобный просчет? Ни одна разведка в мире, даже самая неопытная, никогда не совершала просчетов более, чем в 1,5 – редко 2 раза. А тут 5—8 раз! Тем более что с началом войны абвер, как по волшебству, стал давать совершенно точные данные о противнике.

Но эти данные уже были таковы, что Гитлер просто не желал их слушать.

Фельдмаршал Манштейн в этой связи вспоминает: «Цифровые данные о соединениях противника выводились из суммы всех разведывательных данных. Последние почти всегда (в том числе и под Сталинградом) оказывались правильными, а не преувеличенными, как утверждал Гитлер». Предвоенная обработка Гитлера заведомой дезинформацией привела к тому, что в ходе войны он уже не верил вполне точным данным, собранным и обработанным разведкой. Правда, надо отдать фюреру должное, он не верил и данным гестапо, что с началом войны разведка, отбросив все приличия, начала открыто работать на противника

18 декабря, когда Гитлер пообещал окончательно рассмотреть план «Отто» и утвердить его в качестве директивы, Канарис прибыл на совещание с подготовленным отчетом, который был озаглавлен: «Вооруженные силы военного времени Союза Советских Социалистических Республик (СССР) по состоянию на 1 января 1941 года».

Позднее (15 января 1941 г.) этот документ будет издан главным командованием сухопутных сил тиражом 2 тысячах экземпляров и разослан во все командные и штабные инстанции вермахта, став основой всех германских стратегических расчетов.

Силы Красной Армии определялись в 150 стрелковых дивизий, 32—36 кавалерийских дивизий, 6 мотомехкорпусов и 36 мотомехбригад. Численность армии мирного времени – в 2 миллиона человек.

Наибольшее число выставляемых дивизий оценивалось цифрой 209, число мотомехбригад – 36.

Количество самолетов определялось в 4000, количество танков – примерно в 3700 (только в западных районах их было соответственно 18000 и 14000 единиц) Комментируя этот документ, советская официальная история отмечает:

«Гитлеровское военное руководство считало, что Советский Союз в состоянии выставить при всеобщей мобилизации 209 дивизий, иными словами, прибавить к уже существующим 59 дивизий. В действительности, только летом 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии направила на фронт более 324 дивизий».

Если эту цифру приплюсовать к сформированным еще до войны 306 дивизиям (официально признанная цифра), то станут примерно ясными те силы, с которыми Сталин собирался дойти до Атлантики: примерно 650 дивизий в четырех стратегических эшелонах.

Эта цифра примерно соответствует тому количеству дивизий, которые удалось перемолоть вермахту в период с 1941 по конец 1942 гг.

Возвращаясь к деятельности Канариса, уместно привести документ, обнаруженный во время обыска в сейфе полковника Остера:

«Совершенно секретно». «Астра» – Абверштелле – «Познань» – Центр.
На границах рейха сосредоточено более 250 дивизий, 17 тысяч танков и 15 тысяч самолетов, более 40 тысяч артиллерийских стволов. Военные округа преобразованы во фронты. Войска у/сдут только сигнала к наступлению, который может последовать в любую минуту. Астра. Принята 11 марта 1941 года. 23:42».

На документе визы Канариса и Остера.

Радиограмма не доложена никому.

Снова вернемся в 1940 год.

Гитлер молча слушал выкладки Канариса. План «Отто», оформленный в виде Директивы № 21, лежал перед ним на столе.

Бесконечно путешествуя из Генерального штаба в ОКБ и обратно, план наконец получил редакцию, которую все бы хотели считать окончательной, хотя огромный опыт прошлого говорил всем собравшимся, что это не так. Сама жизнь внесет в план многочисленные коррективы, которые сейчас предусмотреть невозможно.

Выслушав начальника военной разведки и замечание Гальдера о том, что лучше не устанавливать конкретной даты нападения, а привязать ее к наиболее благоприятному моменту с учетом политической обстановки, погоды и прочего, Гитлер нарушил молчание и объявил, что решил дать этой операции кодовое название «Барбаросса», вызвав некоторое оживление среди присутствующих.

Все знали некоторую слабость Гитлера – большого любителя и знатока немецкой истории – к германскому императору Фридриху I Барбаросса, первому и наиболее выдающемуся представителю династии Гогенштауфенов, царствовавшему с 1152 по 1190 гг.

Его царствование было отмечено стремлением создания единой Европы и было ознаменовано таким количеством знаменательных событий, что немецкий народный фольклор сделал Фридриха героем многочисленных легенд и сказаний, приписывая личности этого императора чуть ли не все замечательные события средних веков.

Смущало другое. Все знали, что в 1189 году шестидесятисемилетний император во имя объединения погрязшей в распрях Европы, устав от бесконечных предательств итальянских провинций и Рима, задумал крестовый поход для освобождения Иерусалима от захватившего священный город султана Саладина.

Лично возглавив поход, Фридрих пробился с боем через территорию Византии, разбив войска императора Исаака Ангела, высадился в Малой Азии, где и утонул, переправляясь через маленькую речушку Салефу 10 июня 1190 года. На том поход и завершился. Но никто не осмелился напомнить об этом Гитлеру. Если фюреру угодно, чтобы план назывался «Барбаросса», – пусть будет «Барбаросса». Главное не в этом. Вся суть плана заключается в том, чтобы первыми нанести удар по Сталину, прежде чем он нанесет удар по нам. В этом отношении план не оставлял никаких сомнений.

Директива № 21
ПЛАН «БАРБАРОССА»
Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами.
Верховное главнокомандование вооруженных сил.
Штаб оперативного руководства.
Отдел обороны страны.
№ 33408/40
Ставка фюрера
18декабря 1940 г.
9 экземпляров.
Экз. № 1.
Совершенно секретно. Только для командования.

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (Вариант «Барбаросса»)...

Бегло пробежав документ глазами, Гитлер поставил свою подпись и, не удостоив присутствующих даже словом, покинул помещение.

Все произошло настолько уныло и буднично, что генерал Гальдер даже не отметил это событие в своем знаменитом дневнике.

Глава 11. Зреющий нарыв

Декабрь в Москве прошел под аккомпанемент шумных праздников.

Газеты отмечали, что если в 1938 году население Советского Союза составляло 169 миллионов человек, в 1939 – 183 миллиона человек, то в 1940 году оно уже составило 193 миллиона, поскольку к СССР присоединились республики Балтики, а Бессарабия и Северная Буковина были освобождены от «ига румынских бояр».

Затем прошли выборы во вновь образованной Карело-Финской ССР, а также в Западной Украине и Западной Белоруссии, территории которых были уже к этому времени более-менее очищены от «опасно-социальных элементов».

Пресса довольно скупо сообщала и о мировых делах, будучи почти полностью заполненной репортажами о всенародном энтузиазме в связи с очередной годовщиной ВЧК-НКВД 20 декабря и, конечно, 21 декабря пестрела поздравлениями к очередному дню рождения товарища Сталина, которому исполнился 61 год.

20 декабря Сталин затребовал к себе Тимошенко и Мерецкова и потребовал от них анализа военной обстановки в мире, а также доклада о готовности к военной конференции и стратегическим штабным играм, которые должны были начаться 23 декабря. Военные воспользовались случаем и доставили Сталину на просмотр списки «высшего начальствующего состава, привлекаемого на оперативно-стратегическую игру, с распределением по ролям». Списки были составлены отдельно по «Восточной» и «Западной» стороне игр, которыми соответственно должны были руководить генерал-полковник танковых войск Павлов и генерал армии Жуков вместе с приблизительно полусотней высших офицеров разных рангов и должностей.

После просмотра списков Мерецков выступил с кратким сообщением. Еще никогда с момента начала второй империалистической войны в Европе (это определение, придуманное в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), все более входило в моду и нравилось вождю) немцы не попадали в такое несбалансированное положение. С одной стороны, они вынуждены держать 93-95 дивизий на южном побережье Ла-Манша в готовности к вторжению на Британские острова, что несомненно произойдет летом будущего года, но, с

другой стороны, при нынешнем оперативном бездействии этих войск на канале Гитлер все более ощущает нехватку сил на других направлениях. Англичане, понимая это, расширяют театр военных действий в тех регионах, оборону которых Гитлер опрометчиво доверил своим итальянским союзникам. Над итальянской армией в Африке и Греции, несмотря на ее численное и материальное превосходство над объединенными англо-греческими частями, нависла уже вполне реальная угроза катастрофы, которая неминуема, если немцы не окажут своим незадачливым союзникам быстрой и непосредственной помощи.

В связи с этим очень интересным становится вопрос: откуда Гитлер снимет войска– с канала или с нашей границы? Если он снимет с канала, значит, он снова отказывается от высадки. На канале 94 дивизии– это минимум того, что необходимо для осуществления успешной высадки на южное побережье Англии, где Гитлера ждут 52 британских дивизии. Если он снимет с нашей границы, то это будет еще одним подтверждением второстепенности восточного направления и необходимостью держать войска в Польше только для их комплектования и обучения в относительной дали от основных театров военных действий и за пределами достигаемости авиации противника.

Если начнется переброска войск в Грецию с территорий бывшей Польши и бывшей Чехословакии, то неизбежно накопление этих частей в Румынии и Болгарии, а, возможно, и в Югославии, что подставит эти части в состоянии на марше под фланговый удар наших войск, создавая обстановку для их быстрого окружения и разгрома.

Накануне запланированных стратегических игр с 23 по 31 декабря было назначено совещание высшего руководящего состава РККА, на котором с главным докладом должен был выступить командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Жуков, недавно ставший и депутатом Верховного Совета. Темой его доклада был «Характер современной наступательной операции».

Генерал, основываясь на собственном недавнем опыте боев на Халхин-Голе и на годичном опыте «второй империалистической войны» в Европе должен был наметить схему будущих действий всех видов Вооруженных сил в рамках национальной стратегии– «малой кровью на чужой территории».

Сталину нравились решительность, беспощадность и энергия Жукова, нравилась его вспыльчивость и грубость, та легкость, с которой командующий ставил к стенке своих подчиненных за малейшие промахи по службе, нравилось его крестьянско-пролетарское происхождение. Нравилось и то, что Жуков не был офицером (пусть даже младшим) времен Первой мировой войны, не был выдвиженцем Троцкого в годы гражданской войны, почти всю ее «оттрубив рядовым и младшим командиром» и что весь он состоялся под крылышком Семена Буденного в придуманном последним генеральном штабе кавалерии.

Сталин выбрал Жукова именно потому, что шестым чувством опытного администратора увидел в нем именно того человека, который, обладая почти таким же концентратом звериной энергии, воли и жестокости, что и он сам, является по существу единственным человеком, который мог бы осуществить операцию «Гроза» именно так, как ее задумал Сталин – прокатиться по Европе мощным паровым катком, не считаясь ни со своими, ни с чужими потерями, гоня своей нечеловеческой энергией войска вперед через горы своих и чужих трупов.

Сталину и многим людям из его окружения было ясно, что страна, единственной идеологией которой являлся непрекращающийся ни на минуту (как завещал Ленин) террор, живет, если отбросить всю пропагандистскую шелуху, в состоянии постоянно обостряющегося внутриполитического кризиса. В течение 20 лет, прошедших после окончания гражданской войны, этот кризис тряс и корежил страну припадками, напоминающими приступы эпилепсии, не давая ни секундной передышки.

Сталин и замыслил «Грозу» не только потому, что она вполне соответствовала его амбициозным планам доказать верность ленинских пророчеств распространения на весь мир коммунистической идеологии и достижения тем самым мирового господства, но и потому, что война и предшествующий ей мировой кризис виделись ему как единственный выход из кризиса внутреннего.

Главным заданием, которое получил Деканозов, отправляясь в Берлин, была не только и не столько разведка намерении Гитлера относительно Советского Союза, сколько наблюдение за кознями англичан в сфере советско-германских отношений. Советская агентура в Англии, состоящая из ловких дезинформаторов, получивших позднее прозвище «великолепной пятерки из Кембриджа», с тревогой сообщала в Москву, что в недрах английской разведки и английского «правящего класса» плетется заговор, целью которого является натравливание Германии на Советский Союз, а Советского Союза на Германию путем распространения дезинформации, фальсификации и откровенной лжи.

Они уже сейчас забрасывают своей дезинформацией нашу агентуру во всем мире, сбивая с толку аналитиков в НКВД и ГРУ. Генерал Голиков успокаивал вождя: его люди достаточно опытны, чтобы отличить информацию от дезинформации. Англичанам никогда не удастся воплотить в жизнь свои гнусные планы!

Голиков лучше других знал, насколько преуспели английские «заговорщики», проникнув в святая святых ГРУ – в центральный информационный отдел, глава которого подполковник Новобранец ежедневно появлялся перед ним с докладом о постоянном увеличении немецких дивизий на границе с СССР. Агентура подполковника Новобранца, действовавшая в пограничной зоне развертывания потенциального противника, все время сообщала о нарастании численности немецких войск.

Сообщения, приходящие из разных, не связанных между собой источников, уже были правдоподобны хотя бы потому, что не противоречили друг другу. Но подчиненные Новобранца не принимали их слепо на веру. Они проверяли и перепроверяли полученную информацию, тщательно фиксируя все данные и беря каждую дивизию на учет. Регистрировали номер дивизии, ее организацию и боевой состав. В учетной карточке дивизии значились ее командир и старшие офицеры. Выясняли их характеры и вкусы: кто имеет тягу к спиртному, кто – к картам, кто – к женщинам, а кто – и ко всему «букету» нехитрых офицерских развлечений. Сумма подобных данных не оставляла никаких сомнении в их достоверности. С регулярностью раз в месяц подполковник Новобранец выпускал за своей подписью разведсводку для рассылки по утвержденной разнарядке: всем членам Политбюро и правительства, Генштабу, центральным военным учреждениям, штабам военных округов и войскам – до штаба корпуса включительно. Утверждал подобную сводку начальник ГРУ генерал Голиков.

Кроме обычных разведсводок, отдел Новобранца выпускал с гораздо большей периодичностью так называемые «Спецсообщения» с грифом «Совершенно секретно. Особой важности». Эти «спецсообщения» выходили за подписью самого Голикова и распространялись по списку, утвержденному Сталиным. В списке был сам Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Тимошенко, Мерецков, а позднее – Жуков.

Кроме разведывательной информации, в ГРУ приходили разнообразные данные от слухов до анонимных писем со всех концов света. Одно из таких писем, подписанное словами «Ваш друг» генерал Голиков передал Новобранцу после очередного доклада и приказал доложить свое мнение. Новобранец тщательно изучил письмо, написанное мелким убористым почерком на нескольких листках ученической тетради. Аноним писал о неизбежности нападения Германии на СССР, утверждая, что Сталин совершил крупную ошибку, прервав в свое время переговоры с англо-французскими представителями и заключив пакт о ненападении и договор о дружбе с Германией. Этот пакт автор письма характеризовал как лживый дипломатический шаг и призывал Советский Союз к бдительности и готовности:

Гитлер уже распорядился о переброске войск на Восток и любое промедление со стороны Советского Союза смертельно опасно.

На следующий день Голиков спросил подполковника, что тот думает о письме. Новобранец ответил, что полностью разделяет мнение анонима и посоветовал направить письмо Сталину в качестве «спецсообщения».

Голиков был явно недоволен ответом своего подчиненного и, желая направить подполковника на «истинный путь», воскликнул:

– Да вы что? Вы понимаете, что говорите? Ведь он хочет столкнуть нас лбами с Германией? Немцы собираются наносить удар по Англии, форсировать Ла-Манш. Если поступить так, как советует этот «друг», мы своими действиями только вспугнем немцев и спровоцируем их против нас. Так думает и «хозяин».

«Хозяином» звали Сталина, и подполковник понял, что это письмо еще до него уже побывало у Сталина и что генерал Голиков выражает не свою, а его точку зрения. Новобранец стал понимать ужас создавшегося положения. Сталин и его окружение живут в каком-то иллюзорном мире, оторвавшись от реальности. Они не желают даже слушать об истинной обстановке, если та противоречит каким-то их непонятным выкладкам. Однако отважный подполковник, прекрасно понимая, что рискует головой, решил не сдаваться, надеясь переубедить хотя бы собственное командование.

В канун начала общеармейского совещания и стратегических игр Голиков приказал Новобранцу подготовить так называемую «мобзаписку» по Германии для определения возможных масштабов развертывания германской армии при нападении на СССР. Используя свои данные, Новобранец подготовил два варианта развертьюания противника: для молниеносной войны (блицкрига) и для длительной, определив соответственно и количество дивизии: 220 и 230. К записке была приложена карта-схема, на которой были показаны существующие группировки немецких войск на советских границах и возможные варианты их действий.

Закончив работу, подполковник представил «записку» Голикову.

Тот долго, с видимым интересом рассматривал схему. Затем отложил бумаги и сказал Новобранцу: «Ваши соображения верны, но это только предположения. Реально этих группировок нет».

Подполковнику Новобранцу хорошо был известен замысел командования: дождаться вторжения немцев в Англию и нанести им удар с тыла. План был хорош, но если немцы действительно ничего не подозревали, то количество немецких дивизий на наших границах должно было неуклонно уменьшаться, но это количество увеличивалось с угрожающим постоянством. Значит, немцам известен наш план и они, мороча нам голову, сами собираются нанести нам сокрушительный удар? Иначе зачем они наращивают силы?

Объяснение, что на восточных границах Германии идет формировка второго эшелона вторжения в Англию вдали от воздействия и любопытных глаз авиации противника, также не устраивало подполковника Новобранца. Расположение частей таково, что они явно нацелились на вторжение, а не занимаются формированием, готовясь к походу на другой конец Европы. Если мы сейчас, т.е. в конце декабря 1940 года, двинем свои армии на запад, то уже попадем в глупейшее положение, поскольку нарвемся на 110 дивизий, из которых 11 танковых. В итоге, вместо относительно легкого прорыва в Европу, мы завязнем в боях, которые еще неизвестно чем и кончатся.

Если же мы будем продолжать сидеть и ждать десанта в Англию, в чем нас пытаются все время уверить немцы, то в итоге попадем под такой удар с их стороны, от которого оправиться будет очень трудно. Однако никакие доводы на Голикова не действовали. Из всех сводок Новобранца начальник ГРУ убирал примерно треть немецких дивизий, сводя их число до 72-х.

Наконец, Новобранец не выдержал и прямо заявил своему начальнику:

– Товарищ генерал, я не согласен с вашей практикой «срезать» количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время очередной сводки по Германии, и я не могу выпустить ее с искаженными данными.

Голиков молча извлек из сейфа лист александрийской бумаги, развернул на столе и сказал: «Вот, подполковник, действительное положение на наших границах. Взгляните и прекратите паниковать!»

Новобранец взглянул на схему, где синими значками были обозначены немецкие дивизии, развернутые вдоль советских границ, и поинтересовался источником поступления этой информации.

«Эту схему, – пояснил Голиков, – нам передал югославский военный атташе полковник Путник. „Хозяин" также считает эти данные абсолютно правильными».

Засев за изучение схемы полковника Путника, подполковник Новобранец обратил внимание на то, что количество дивизий на ней сильно уменьшено и расположены они на границе без всякой идеи. Так действительно располагаются войска, стянутые в какой-то район с целью переформировки. Однако нумерация дивизий совпадала с теми данными, которые имелись в старых сводках, составленных отделом Новобранца.

То, что это немецкая деза, у подполковника не было никаких сомнений, но он с ужасом понял, что его совершенно секретные сводки попадают в руки немцев и что большая часть агентуры, которую привыкли считать абсолютно надежной, в действительности занимается дезинформацией. Более того, ему стало ясно, что дезинформацию очень ловко подают по нашим собственным разведывательным и правительственным каналам. Характерно было то, что дезинформационный материал попадал в ГРУ не из так называемых «собственных» источников, а шел сверху. Причем путь «дезы» был очень оригинальным: сначала она попадала в иностранный отдел НКВД или к «соседям», как любили выражаться в ГРУ, проникая в агентурную сеть НКВД и контрразведки. Затем, с помощью Берии, который был членом политбюро, дезинформация попадала к Сталину и уже от Сталина поступала в ГРУ, где ее уже невозможно было игнорировать.

(В своих воспоминаниях покойный полковник Новобранец пишет: «Надо отдать должное немецкой разведке: своей дезинформацией она сумела ловко обмануть наше правительство, скрыть от него военные приготовления против нас. Работники Разведупра борьбу против дезинформации сосредоточили прежде всего вокруг количества вражеских дивизий. Мы показывали их истинное количество, а немецкая разведка всячески пыталась скрыть его или уменьшить: кроме того, нас уверяли, что Германия будет наносить удар по Англии и тем самым подставит под наш удар свой тыл. В этой борьбе немецкая разведка нас победила. Советское правительство и военное руководство верили вражеской дезинформации, а не собственной разведке. Не верил ей даже сам начальник Разведупра и систематически, с каждой неделей все больше и больше „срезал" количество немецких дивизий, подгоняя наши разведданные под сообщение Путника. В воспоминаниях маршала Жукова сказано, что на 4 апреля 1941 года (!) по данным Генштаба против СССР находилось 72-73 дивизии. Вот это и есть данные Путника. Наша военная разведка еще в декабре 1940 года докладывала в разведсводке N 8, что против СССР сосредоточено 110 дивизий, из них 11 танковых. Как же получилось, что по состоянию на апрель 1941 года их было 73? На 38 дивизий меньше?! Это уже работа начальника Разведуправления генерала Голикова. Он просто снял 38 дивизий с учета и подсунул Генштабу „дезу" полковника Путника. На схеме расположения немецких войск на наших границах, приведенных в книге маршала Жукова... я узнаю схему Путника»).

Изучив схему Путника и сняв с нее копию, Новобранец вернул ее Голикову, твердо заявив, что это чистой воды дезинформация. Свое мнение он выразил также в форме официального рапорта.

Демонстрируя сверхтерпение, генерал Голиков пытался переубедить своего упрямого подчиненного. Развернув снова схему югославского агента-двойника, Голиков стал объяснять Новобранцу, насколько все на этой схеме выглядит логично и правдоподобно. Главные силы Германии, что доказывается многими сообщениями из самых разных источников, находятся в северной Франции и готовятся нанести решающий удар по Англии. Тут сколько угодно доказательств.

Это все – наследство разоблаченного врага народа генерала Проскурова, который в бытность свою начальником ГРУ внушил всем своим подчиненным, что операция «Морской Лев» невозможна в принципе и до самого ареста не желал считаться ни с какими другими мнениями.

Возражения на совещаниях сыпались дождем. Почему немцы продолжают столь дорогостоящие налеты на Британию, постоянно усиливая мощь наносимых ударов и неся соответственные потери в материальной части и людях? С цифрами в руках Новобранец пытался доказать, что, напротив, интенсивность боев над Англией снижается. Просто больше пропагандистского шума по этому поводу устраивают обе стороны, значительно увеличивая в своих сводках и задействованные силы, и потери, как свои, так и противника. В действительности, англичане снимают войска с метрополии, перебрасывая их целыми дивизиями в район Средиземного моря и северной Африки. Разве бы они поступили так, если бы их островам угрожала реальная опасность?

Англичане не снимают дивизии с островов метрополии, возражали ему, а подвозят их из доминионов: Австралии, Новой Зеландии и Канады, а также из Индии. Их намерения понятны. Таким образом они прежде всего хотят оттянуть какое-то количество немецких частей с побережья Ла-Манша. Подполковнику Новобранцу должно быть не хуже других, имеющих допуск к сверхсекретной разведывательной информации, известны последние донесения товарища Кима Филби (да и не его одного) о том, какая паника в ожидании немецкого вторжения царит ныне на Британских островах, чего не было даже летом и в начале осени этого года.

Королевская семья, правительство, лидеры крупнейших политических партий, воротилы Сити и многие другие готовы к срочной эвакуации в Канаду. В горах Шотландии идет подготовка к партизанской войне. В руки нашей разведки попали интересные документы об уничтожении англичанами собственных военно-морских баз в случае немецкого вторжения и об эвакуации соединений флота метрополии на базы доминионов и колоний. Приводится список кораблей и судов, которые следует взорвать для блокирования портов и баз.

Неужели это все делается для какой-то дезинформации?

Зачем вообще англичанам нас в чем-то дезинформировать? Если они и пытаются стравить между собой СССР и Германию, то это явно не те методы.

Из этого явствует только одно, настаивал на своем Новобранец, что англичане, как и немцы тоже заинтересованы в том, чтобы мы поверили в возможность немецкого вторжения на их острова. Это вполне логично – они вовсе не хотят нашего похода в Европу и желают предоставить инициативу Гитлеру в грядущем столкновении с СССР. Поэтому, несмотря на войну, их спецслужбы работают в одном русле, хотя и с разными целями. Для англичан нападение Гитлера на Советский Союз это не только наиболее реальный путь к спасению, но и возможность окончательно замкнуть Германию в кольцо непримиримых противников. Для Гитлера, не будем себя обманывать, это единственный способ продлить собственное существование.

Оппоненты соглашались, что в рассуждениях Новобранца есть известная логика. (Слова же Новобранца о том, что его рассуждения основаны вовсе не на логике, а на достоверной информации, никто не слышал.) Но, продолжали оппоненты, Гитлер, памятуя прошлое, никогда не решится воевать на два фронта. И на все факты, приводимые Новобранцем в

скучном перечислении дивизий и мест их дислокации, имеется масса фактов, доказывающих, что его точка зрения ошибочна.

Относительно недавно «соседи» (т.е. разведка НКВД) добыла любопытный документ, подписанный шефом гитлеровской службы безопасности обергруппенфюрером СС Гейдрихом. Это план действий гестапо и других карательных органов Германии на оккупированных территориях Британских островов. План разработан столь тщательно, что трудно даже представить себе, чтобы столь педантичные немцы занимали бы время таких ведомств как собственная служба безопасности составлением столь подробных документов только с целью введения в заблуждение советской стороны.

И, наконец, немцы чуть ли не через день посылают на побережье южной Англии разведывательно-диверсионные партии иногда силой до взвода с целью разведки конкретных участков высадки, проходимости местности, сил противника и тому подобное. Как правило, эти группы либо гибнут, либо попадают в плен. Это тоже ради дезинформации?

Новобранец отвечал, что ведомство Гейдриха как раз и является тем местом, где вся «деза» и куется. Он лично не поверил бы ни одному документу, исходящему из гитлеровской службы безопасности.

Что касается гибели немецких диверсионных групп на побережье, доказывал Новобранец, то ради глобальной дезинформации можно пожертвовать и много большим, чем несколькими десятками солдат и летчиков.

Подходило время секретного совещания высшего комсостава Красной Армии и завершающих отработку «Грозы» стратегических игр, а в ГРУ все еще продолжались долгие и мучительные дискуссии о том, сколько же немецких дивизий находится на границах восточной Польши и Восточной Пруссии и куда Гитлер все-таки нацеливает очередной удар – на Англию или СССР?

Очередная сводка по Германии, которую Новобранец получил, чтобы подготовить к началу игр, все еще не была составлена. Подполковник, понимая чем рискует, начал колебаться. Подкрадывалась трусливая мысль: сделать так, как приказывает начальство. Однако, как и все немногочисленные честные люди среднего звена, воспитанные в тисках тоталитаризма с их искренней верой в святую непогрешимость вождя, подполковник Новобранец пришел к твердому убеждению: враги, проникшие на самый верх партийно-государственного руководства, обманывают товарища Сталина, не давая ему возможности узнать об истинной обстановке и принять необходимые решения. А потому мужественный и упрямый офицер в итоге решил пойти практически на самоубийство, но довести до вождя правдивую информацию, рискуя при этом «бесследно исчезнуть», как исчез его бывший начальник генерал Проскуров.

После очередного доклада Голикову, когда начальник ГРУ в дополнение к предыдущим «срезал» еще 15 немецких дивизий, подполковник решил действовать самостоятельно. Приказав своему заместителю подготовить все необходимые материалы и данные, собранные информационным отделом, Новобранец стал оформлять сводку, на что понадобилось чуть более суток. Это была сводка N 8 за декабрь 1940 г. В ней говорилось:

«За последнее время отмечаются массовые переброски немецких войск к нашим границам. Эти переброски тщательно маскируются и скрываются. По состоянию на декабрь 1940 года на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий, из них одиннадцать танковых. Само расположение этих соединений не оставляет сомнения в том, что они нацелены на вторжение на нашу территорию...»

На приложенной к сводке схеме были показаны все немецкие войска – до дивизии и отдельной части. В выводах было написано, что такое огромное количество войск

сосредоточено не для улучшения условий расквартирования, как об этом заявлял Гитлер и повторяли немецкие дипломаты, а для войны против СССР.

Для начала Новобранец показал эту сводку своему другу и однокашнику по выпуску из Академии им. Фрунзе генерал-майору Рыбалко, который также в то время служил в ГРУ. Сравнив схему, составленную Новобранцем, со схемой югославского полковника, Рыбалко сразу понял то положение, в которое попал начальник информационного отдела.

Рыбалко, зная исключигельную порядочность Новобранца, воспользовался случаем, чтобы высказать собственные мысли, накипевшие за последнее время. Что творится в армии? На Халхин-Голе и в Финляндии опозорились на весь мир. Армией командуют неграмотные люди – командиры эскадронов, вахмистры без образования и опыта. А сотни образованных офицеров, окончивших академии, сидят годами в штабах на второстепенных должностях. Идет какой-то обратный естественный отбор. Делается все возможное, чтобы и в следующей войне опозорить снова армию на весь мир.

После разговора с Рыбалко решение Новобранца довести дело до конца стало твердым, хотя он еще не видел способа, как при этом обойти свое непосредственное начальство,

По существующей практике все информационные документы ГРУ, включая сводки, составлял и подписывал начальник информационного отдела. Сигнальный экземпляр, как уже отмечалось, должен был докладываться Голикову и только после его утверждения рассылался в войска и тем лицам, которые были включены в «спецразнарядку».

Новобранец решил направить сводку в войска без ведома генерала Голикова, что само по себе было совершенно беспрецедентным случаем. Но, по мнению подполковника, другого выхода не было. Вызвав начальника типографии, Новобранец вручил ему сводку, приказал ее срочно отпечатать, а сигнальный экземпляр доставить ему якобы для доклада Голикову. Получив сообщение о том, что сводка готова, Новобранец приказал сдавать тираж в экспедицию для рассылки, а полученный сигнальный экземпляр запер у себя в сейфе. Затем позвонил начальнику экспедиции и попросил скорее отправить сводку в войска, порекомендовав в последнюю очередь разослать сводку по московским адресам. В Москве, мол, ее всегда успеют получить. Вскоре из окружных штабов стали поступать подтверждения о получении сводки.

Теперь предстояло самое трудное: доложить сигнальный экземпляр Голикову задним числом. Предвидя «немало скверных минут», Новобранец вошел в кабинет начальника ГРУ и молча положил сводку перед ним на стол. Голиков полистал брошюру и стал рассматривать схему. Лицо генерала Голикова сначала выражало удивление, потом недоумение, а затем Голиков отшвырнул сводку и грохнул кулаком по столу. Для всегда уравновешенного генерала это было проявлением крайнего гнева. Взяв себя в руки, Голиков поинтересовался у Новобранца, не получил ли он от кого-нибудь задание спровоцировать войну с Германией? Чего он добивается, поднимая такую панику? Может ли Новобранец ему членораздельно ответить?

Подполковник, также стараясь держать себя в руках, сказал, что главной обязанностью разведки является не только снабжать свое командование реальной информацией и по возможности не участвовать в его дезинформации, но и при случае подсказать командованию правильное решение.

Так вот, он считает, что если мы ждем, что в связи с операцией «Морской Лев» немцы начнут оголять нашу границу и мы сможем легко осуществить намеченную операцию, то нам можно на все это не рассчитывать. Немцы не собираются никуда перебрасывать войска с наших границ, а, напротив, постоянно их усиливают. Из этого вытекает, что им известны наши планы и они, естественно, не собираются им следовать. А из этого вытекает, что и мы, в свою очередь, не должны больше ждать и именно сейчас, когда у нас еще имеется почти двойное превосходство над немцами, пока те еще не вышли на нашу границу по всей ее

протяженности, пока источники румынской нефти еще как следует не защищены, наносить удар первыми, организовав несколько пограничных инцидентов, которые можно представить как немецкое нападение.

Слушая своего подчиненного, генерал Голиков не проронил ни слова, а затем вернул ему сводку, сказав, что подобный документ он утверждать не намерен, запрещает его посылать в войска и приказывает уничтожить весь тираж.

Тогда ровным и тихим голосом Новобранец доложил, что сводка уже отправлена в войска.

Это было слишком даже для хладнокровного Голикова.

Генерал объявил об отстранении подполковника от должности и отдаче под суд за неоднократные попытки дезинформировать командование, используя при это служебное положение.

Однако подполковник Новобранец был готов именно к такому развитию событий. Попросив на себя не орать, он заявил, что гогов как начальник информационного отдела отвечать за свою сводку головой, а поскольку его взгляды так сильно расходятся со взглядами генерала Голикова, то он просит предоставить ему возможность личного доклада начальнику Генштаба. Если ему такая возможность не будет предоставлена, он найдет свои пути выхода непосредственно на генерала армии Мерецкова.

Хорошо, согласился Голиков, я вам устрою личный доклад. Только не пожалейте потом.

Вернувшись к себе в отдел, Новобранец написал подробный доклад на имя начальника Генштаба, затем заготовил «спецсообщение» Сталину, Молотову, Маленкову, Тимошенко и Берии, где дал подробное описание нависшей над страной угрозы и приложил «сводку № 8».

Он уже заканчивал свою работу, когда позвонил начальник Академии Генштаба генерал-лейтенант Мордвинов, поинтересовавшись, действительно ли дело так серьезно, как написано в сводке.

Даже еще серьезнее, подтвердил Новобранец.

Наши силы Новобранец знал, но заметил генералу, что в нынешние времена мощным внезапным ударом можно смешать любое количество людей и техники с любым количеством земли. Не забывайте, что наши войска не имеют никакого плана на отступление, о котором запрещено даже заикаться. Если первым внезапным ударом их вынудят к отступлению, то такая масса войск и боевой техники, что у нас на западных границах, сразу устроит давку и неразбериху на дорогах, отступление перерастет в бегство, бегство – в катастрофу. Вот что его беспокоит. Ни в коем случае нельзя дать возможности немцам нанести удар первыми. И если для этого 70 дивизий, разумеется, мало, то 110 дивизий вполне достаточно. Не понятно, почему это никого не волнует.

В случае немецкого нападения «Гроза» теряла элемент стратегической (и тактической) внезапности, а потому становилась практически не выполнимой.

Вскоре Новобранца и Голикова вызвал к себе начальник Генштаба генерал армии Мерецков. По обычаю того времени, вызов пришелся на два часа ночи.

Мерецков принял разведчиков в присутствии начальника оперативного управления генштаба генерала Василевского.

Генерал армии Мерецков знал, разумеется, гораздо больше, чем было положено знать подполковнику Новобранцу. Будучи одним из основных разработчиков «Грозы», он не верил в успех этой операции и в ее целесообразность. Прежде всего он считал, что армия в нынешнем ее состоянии не способна осуществить операцию такого масштаба, хотя бы потому, что не имеет гибкого и четкого управления. Задуманные гигантские клещи глобального наступления распадутся, завязнут, останутся без горючего, боеприпасов и продовольствия задолго до того, как смогут сомкнуться. «Гроза» приведет лишь к большому

хаосу сначала в Европе, а затем и в СССР. Любая удача в «Грозе» разложит армию и страну, а неудача – погубит, поскольку у нашей армии нет даже плана на тактический отход, не говоря уже о стратегическом отступлении.

Новобранец попал в самую болевую точку начальника Генерального штаба. Огромная армия, развернутая в рамках доктрины стремительного наступления на западных границах с ее сложным и многослойным хозяйством современных вооруженных сил, не имея плана стратегического отхода, одним ударом может быть превращена в бегущую неуправляемую толпу. Однако Мерецков уже боялся поднимать этот вопрос не только перед Сталиным, но даже и перед наркомом обороны маршалом Тимошенко.

Немного поколебавшись, Мерецков приказал Голикову утвердить сводку № 8, а Новобранцу пожал руку и поблагодарил, чю означало по меньшей мере оставление подполковника на занимаемой должности до особого распоряжения.

Генералу Мерецкову предстояло открыть совещание высшего начальствующего состава РККА и принять участие в стратегических играх. Он знал, что эти мероприятия задуманы Сталиным в качестве окончательной шлифовки предстоящего глобального наступления. Ни о чем другом на совещании не собираются говорить. С трудом удалось пробить один доклад об обороне, да и то это была оборона захваченных у противника позиций на случай глубокого прорыва вперед и возможного отставания соседей или собственных тылов. Об отходе, а тем более о крупном отступлении говорить на совещании запрещалось. Мерецкову очень хотелось поднять этот вопрос – он понимал, что если он этого не сделает, то не сделает никто.

Сталин просмотрел сводку № 8 22 декабря, прибыв около 2-х часов дня в Кремль с ближней дачи. Сводка не произвела на него никакого впечатления. Она вернулась к Поскребышеву для подшивки в дело без всяких пометок и указаний.

На следующий день Сталин совещался с генералами авиации Рычаговым, Жигаревым и Смупжевичем по планам дальнейшего развертывания аэродромов в западных областях СССР. Строительство полос шло даже с опережением графика, для самолетов рылись капониры, люди жили в палатках, но встал вопрос о хранении горючего, авиабомб, необходимых запчастей и многого другого авиационного оборудования, которое по разным причинам никак не пристало хранить на открытом воздухе или на необорудованных складах. В том числе и планеры для задуманных крупномасштабных воздушно-десантньк операций первого этапа «Грозы». Пока летчики доложили, что указание товарища Сталина относительно десантных планеров выполнено. Все они убраны в ангары и на специальные склады, которые строго охраняются. Сталину, правда, не доложили, что из-за этого из ангаров выставили на улицу все самолеты, включая и проходящие сточасовые регламентные работы. Не среагировал Сталин и на проблему обеспечения новых аэродромов горючим, снабжаемых порой конными бензоцистернами, бензин из которых необходимо было переливать в канистры, а затем через воронку заливать в самолеты. Как это все придется проделывать в реальной боевой обстановке, было неизвестно, но проблема острейшей нехватки бензозаправщиков никак вроде и не решалась на фоне резкого увеличения самолетного парка и аэродромной сети.

Ненормальные условия базирования и аэродромного обслуживания привели к резкому повышению аварийности при проведении учебных полетов, что авиационные начальники всеми силами пытались скрыть от вождя. Сталин имел собственные источники информации, но не желая вопроса обострять, поставил это на вид Рычагову с тем мягким укором, который часто вводил в заблуждение тех, кто еще недостаточно хорошо знал товарища Сталина.

23 декабря в Центральном Доме Красной Армии открылось совещание высшего руководящего состава РККА. Всего собралось более 270 человек. Конечно, всем было ясно, что такое массовое собрание высшего армейского руководства страны не ускользнет от внимания иностранных разведок, а потому совещание с одной стороны было замаскировано

под военно-теоретическую конференцию, а с другой – являлось как бы подведением итогов боевой подготовки за 1940 год и «выработке предложений по ее улучшению в 1941 году».

Советская военная наука всегда отличалась бодростью и оптимизмом. Еще в 1938 году, в разгар всеармейской резни, в Генштабе был разработан новьш план развертывания Красной Армии, исходя из наихудшего для СССР варианта – войны на два фронта: на востоке – против Японии, на западе – против большой коалиции государств во главе с Германией, за которой шли Италия, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Согласно проведенному тогда анализу, все противники СССР вместе взятые, могли выставить на обоих фронтах 13 077 орудий, 5775 самолетов и 7980 танков. Это было смешно, поскольку Советский Союз только за один 1938 года произвел 12 000 орудий, более 5000 самолетов, а производство танков за год уже составляло больше половины мирового танкового производства. План Генштаба тогда ставил войскам задачу: с момента открытия военных действий нанести решительное поражение противникам и на западе и на востоке.

Армия имела много слабых сторон, о которых Сталину поведал еще Тухачевский и подтвердил Шапошников, взявший на себя военный ликбез Вождя всех народов. Самые страшные пороки – пороки врожденные, а того пуще – наследственные. Нынешняя армия, как ее ни чистили и ни деформировали, родилась из Красной Армии гражданской войны. А одним из негативных последствий гражданской войны было то, что из-за нее были забыты уроки Первой мировой войны, а те, кто пытался эти уроки обобщить, были поставлены в такие условия, что их никто не слышал, даже если бы захотел.

Если Первая мировая война уже в свои первые полтора года ярко продемонстрировала тот факт, что роль кавалерии уже близка к нулю, то гражданская война, напротив, породила чудовищного монстра-вырожденца – небывалую по своим размерам стратегическую кавалерию. При отсутствии фиксированных фронтов и слабой технической базе противостоящих армий великие русские равнины стали самым благодатным театром для действия огромных масс конницы, чего не видела история со времен походов Чингиз-хана. А война с Польшей еще более утвердила мысль о необходимости крупных кавалерийских соединений в современной маневренной войне.

Каждый кавалерийский корпус, возглавляемый какой-нибудь легендарной личностью вроде Котовского, владел огромными земельными наделами, крепостными – под видом крестьян деревень, ответственных за снабжение корпуса продовольствием и фуражом, даже сахарными заводами. И каждый мечтал если не самостоятельно осуществить мировую революцию, то, во всяком случае, бьггь передовым соединением «всемирной армии труда».

В генеральном штабе кавалерии с упоением чертили на картах красные стрелы глубоких кавалерийских рейдов аж до Парижа и Калькутты, подсчитывались тысячи тонн овса для прокормления коней и всадников и даже шла теоретическая дискуссия, в итоге которой (как и всех дискуссий в СССР) следовали аресты со смертными приговорами за вредительство. Речь шла о необходимости кастрации строевых жеребцов, чтобы они в боевом строю не отвлекались на кобыл. Противники этой меры доказывали, что жеребцы, потеряв мужской стимул, растеряют и боевые качества, необходимые кавалерийскому строевому коню.

Практическим же обоснованием существования кавалерийского монстра всегда были польские уланы, поскольку о разных там венгерских или румынских гусарах никто всерьез не говорил даже в кавалерийском генштабе.

Польские уланы позволили кавалерии сохранить свои позиции даже при бурном развитии в войсках бронетанковой техники. Полная несостоятельность знаменитых своей доблестью и боевой подготовкой польских улан в недавно закончившейся войне поляков с Гитлером и Сталиным, послужила для кавалерии погребальным звоном, а последующие действия немецких танковых соединений на западном фронте переполнило и терпение

Сталина, в довольно резкой форме предложившего кавалеристам умерить свой пыл и амбиции.

Кавалерийские части расформировывались одна за другой, хотя это было совсем нелегким делом. И хотя кавалерийские части были сокращены в период с 1937 по 1940 гг. почти в пять раз, кавалерии в Красной Армии еще оставалось больше, чем во всем остальном мире, включая верблюдную кавалерию арабского легиона.

В период всеармейской резни в 1937-38 гг. «неприкасаемые» кавалерийские вожди Ворошилов, Буденный, Тимошенко и так далее до Огородникова – наделали немало славных дел, безжалостно бросая под нож всех, кто осмеливался усомниться в немеркнущей ценности кавалерии в современных вооруженных силах. Помимо тысяч уничтоженных офицеров, деятельность кавалерийского «лобби» привела к срыву программы насыщения армии автотранспортом, к расформированию механизированных корпусов.

Но страшнее самой кавалерии был кавалерийский дух армейского руководства. Из всей гражданской войны им запомнилось только лихое преследование кавалерийскими лавами откатывающихся частей генерала Деникина осенью 1919 года, когда они летели на юг, сметая разрозненные казачьи заслоны, а затем много лет жили в надежде, что снова удастся повести боевых коней «по дорогам знакомым за любимым наркомом».

Кавалерийская удаль оказывала сильное влияние и на все сценарии возможного начала войны. В высоких штабах никогда не было двух мнений: войну всегда должен был начинать Советский Союз внезапным, сокрушительным ударом, выбрав для этого удара наиболее благоприятный военный и политический момент.

Поэтому преамбула «если враг нападет» даже в условиях предвоенного СССР многими уже серьезно не воспринималась. Ведь не постеснялись же объявить, что маленькая Финляндия напала на Советский Союз. А когда никто не нападает, то можно объявить «освободительный» поход как в Монголии и в Польше. Можно откликнуться на «призыв народа» , как в Прибалтике и в Бессарабии. Можно действовать и другими, не менее эффективными способами.

Необходимо было срочно, если так можно выразиться, «декавалеризировать» армию. Даже не столько по форме, сколько по духу, поскольку Сталин понимал, что его внутреннее неприятие армией исходит именно из идеологии создани вскормленного Львом Троцким кавалерийского монстра. Тем более, что Шапошников ему как-то заметил, что все беды зимней войны с Финляндией произошли из-за того, что бывшие «буденовцы» построили весь план войны на лихом преследовании бегущей финской армии, используя для этой цели за неимением кавалерийской, пехотную лаву.

Но в условиях единоличной власти, «тоталитарного склероза», как отметят будущие историки, многое (если не все) зависело не от того, как видит будущую войну и собственную армию ют или иной «первый маршал» или начальник генштаба, а как все эти проблемы рисовались самому товарищу Сталину – человеку, безусловно, незаурядному, талантливому, а в некоторых областях даже великому, но, к сожалению, малограмотному и совершенно невоенному.

Образ будущей войны рисовался Сталину цепью восстаний во враждебном стане капитализма (не стихийных, как мечтал Ленин, а тщательно подготовленных Коминтерном), походом Красной Армии на помощь восставшим там, где им не удалось справиться самостоятельно, войной с отдельными капиталистическими странами (главным образом для стимулирования восстаний там, где они еще не вспыхнули), завершившейся всемирной победой социализма, который, по твердому убеждению вождя, был уже построен в СССР.

После сближения с Гитлером, получив соответствующие указания, советские средства массовой информации, прервав на скаку нагнетание военного психоза, начали неожиданно на той же истерической ноте вопить о мире во всем мире, о поджигателях войны и о

готовности Советского Союза сокрушить кого угодно «малой кровью на чужой территории» с одним непременным условием: если на него нападут. Хотя в Кремле все отлично понимали, что спровоцировать нападение на СССР ничего не стоит. Достаточно поднять телефонную трубку и приказать «кому следует» обстрелять какую-нибудь собственную заставу, как произошло в случае с Финляндией. Но на подавляющее большинство людей в стране и в армии, не посвященных в изысканные методы товарища Сталина и принимающих все за чистую монету, радио-газетные вопли о мире и «ненападении» действовали разлагающе. Ибо *«нет ничего более разлагающего, чем мечта о вечном мире»,* о чем предупреждал еще первый теоретик казарменного социализма – незабвенный Платон.

Поэтому в канун ноябрьских праздников 1940 года Сталин вызвал к себе одного из самых молодых секретарей ЦК Александра Щербакова, занимавшегося вопросами агитации и пропаганды, курировавшего ТАСС, органы политпропаганды армии и промышленности. Вождь приказал несколько сменить тон официальной пропаганды, ибо возникла необходимость готовить страну и армию к крупной наступательной, опустошительной войне.

Сталин приказал Щербакову отныне строить систему политпросвещения, основываясь на этих тезисах и секретно подготовить необходимую наглядную агитацию (листовки, плакаты и пр.), представив их ему, Сталину, на утверждение.

Щербаков был человеком исключительной работоспособности и исполнительности. Через две недели Сталину уже были доложены первые эскизы агитационных плакатов на предмет замечаний и утверждения.

На одном из плакатов, выполненном в зловеще багровых тонах, 80% полезной площади занимала огромная, багрово-красная голова Ленина на фоне красных знамен. У вождя мирового пролетариата было грозно-мертвое выражение лица, как у языческого бога войны, превращенного новой религией в Бога мировой революции. В нижней части плаката, зажатые между бородой вождя мирового пролетариата и призывом: «Под знаменем Ленина– вперед на Запад!», тесным строем со штыками наперевес шли красноармейцы в касках.

(Если не считать плаката «Родина-Мать зовет», созданного в то же время, этот плакат бьи наиболее популярным в первые дни войны. Потом слова его несколько изменили. Вместо «Вперед на Запад» стали писать «Вперед к победе». На подлиннике плаката среди прочих данных есть и обычная дата подписания к печати: «25 декабря 1940 года». Порядок прежде всего. То же и на плакате «Родина-Мать зовет!», считавшимся резервным, если дела пойдут не так, как хотелось бы. К вечеру 22 июня оба плаката появились на стенах домов.)

Сталин приказал отпечатать плакат тиражом в 5 миллионов экземпляров и разослать во все горкомы и райкомы партии и в военкоматы в секретных пакетах с надписью: «Вскрыть по особому распоряжению».

Да, у Сталина хватило знаний понять, что кавалерия должна уступить место танкам, у него хватило знаний в гуще смертельных и подлых интриг спасти танк Т-34 и реактивный миномет «Катюша», но он хорошо понимал, как ловко и военные, и инженеры пользуются его малограмотностью, чтобы навязать свою точку зрения, во всем как бы с ним соглашаясь. «Что нужно, чтобы действительно победить?» – спрашивал Сталин в одной из речей в марте 1939 года и отвечал: «Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, – вооружение, второе – вооружение, третье – еще и еще раз вооружение». Это было гениально, и страна заваливалась оружием. И Сталин лично занимался проблемой вооружения, давая наставления разработчикам нового оружия в рамках своего понимания будущей войны, которая, как он ни старался вырваться из старых догм, все-таки представлялась ему не иначе, как в виде лихого кавалерийского преследования, пусть даже на танках.

Итак, к старому ленинскому лозунгу «учиться, учиться и учиться военному делу настоящим образом» Сталин добавил и свой – «вооружаться, вооружаться и вооружаться». Однако при такой концентрации не только власти, но и всех решений в собственных руках,

причем руках, мягко говоря, не очень профессиональных, невозможно было избежав огромных пробелов в подготовке страны к столь глобальной войне, задуманной, хотя и поэтапно, но фактически со всем миром. Невозможно было направлять и контролировать столь гигантское по масштабам дело в одиночку. Кроме «вооружения, вооружения и вооружения» имелось еще огромное количество проблем, когорые, для того чтобы решить, нужно было для начала обозначить.

Сталин лично занимался всеми проблемами, связанными с танками, артсистемами, самолетами, линкорами, крейсерами, подводными лодками, пулеметами, автоматами и винтовками.

Как и всякий сугубо штатский человек, Сталин воспринимал вооружение и картину будущей войны «зрительным представлением», своего рода цепью бесконечных картинок, на которых, чем мощнее выглядел тот или иной образец боевой техники, тем он был предпочтительнее.

Линкор, конечно, всегда выглядел в его глазах предпочтительнее хилого тральщика, тяжелый танк лучше смотрелся, чем полевой телефон. Вообще, все, что невозможно было эффектно представить «зрительным рядом», т.е. на картинке, проходило мимо внимания Отца всех народов. Целый род войск абсолютно не интересовал товарища Сталина, именно тот род войск, без которого нормальное управление войсками просто невозможно.

Пренебрежение связью Сталин пронес через годы, задавив в зародыше кибернетику как *«чуждую марксизму лженауку»*и обеспечив Советскому Союзу пожизненное отставание от мира в самой важной отрасли военного дела – системе *«команд-котпроля-управления и связи»,*проморгав начало новой эпохи – эпохи электронной войны.

Почти в таком же загоне, как и связь, была военно-транспортная служба, работающая почти на 80% с помощью гужевого транспорта, что было также отголоском великой эпохи «стратегической кавалерии».

Еще в худшем состоянии находилась служба тыла, видима, одним своим названием предполагая нечто трусливое и постыдное. В 1939 году, выступая на XVIII съезде партии и подробно рассказывая о росте и развитии различных родов войск, Ворошилов все-таки со смешком сказал пару слов о связистах, но о службе тыла не упомянул вообще. *Операция «Гроза», задуманная как гигантский разбойничий набег, вообще предполагала снабжение армии захваченными ресурсами.*

И уж вообще нечего говорить о медицинской службе, которая со времен гражданской войны стала нисколько не лучше, чтобы не сказать большего. Не было в помине не только полевых установок для переливания крови, шприцев с морфием и кислородных масок, что уже имелось в распоряжении практически всех армий мира, но даже противостолбнячных средств и простейшего медицинского инструмента.

Более всех проблем Сталина, как обычно, заботила проблема кадров. Никто из стоящих во главе вооруженных сил пока не удовлетворял его полностью. Кроме себя самого, он не видел никого, кто бы мог повести огромную армию в такой исторический поход, который был предусмотрен операцией «Гроза». Но сам он был невоенным человеком, а потому должен был только послать в бой.

Для того он и приказал собрать совещание высшего комсостава РККА, чтобы, решив все армейские проблемы, заодно разобраться и с кадрами. Кадровая засоренность снова давала о себе знать и в Наркомате обороны, и в Генштабе, и в НКВД. Эта гораздо сильнее мучило вождя, нежели проблемы тыла и транспорта Красной Армии в задуманной им глобальной игре, где на карточный стол снова бросалось будущее России и ее народа.

Открыл совещание вступительным словом Нарком Обороны маршал Тимошенко. Он был краток. Определив очередность докладов и регламент, нарком уступил трибуну начальнику Генерального Штаба генералу армии Мерецкову, чей доклад имел длинное официальное

название: «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава». Мерецков начал свой доклад с обзора международной обстановки. «1939 и 1940 годы, – указал он, – протекали в сложной международной обстановке. Большинство народов мира втянуто империалистами в большую тяжелую войну... В то время, когда воюющие народы терпят неизмеримые страдания, наш могучий народ под руководством великого вождя товарища Сталина, благодаря его мудрой стратегии продолжает оставаться вне войны и по-прежнему уверено идет к своей цели, улучшая свое материальное благосостояние и приумножая мощь вооруженных сил нашей страны...»

Охарактеризовав войну с Финляндией как попытку империалистов «испытать наше могущество и втянуть в войну», начальник генерального штаба с удовлетворением отметил, что хотя эти неоднократные попытки ничем не увенчались, Красная Армия «получила большой боевой опыт современной войны».

Подчеркнув наступательный характер советской военной доктрины, Мерецков подчеркнул, что «опыт последних войн, учений и полевых поездок показал недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов. Этим вопросом раньше не занимались. В течение многих лет отсутствовали указания по вождению крупных современных соединений, по вводу их в бой вместе с танками и авиацией...»

Неожиданно, как бы выводя из оцепенения притихший зал, генерал Мерецков начинает говорить об опасном пренебрежении в армии вопросами обороны. Нет, он не осмеливается произнести строжайше запрещенное к употреблению слово «отступление». Он говорит об обороне, подчеркивая, что и это понятие практически исчезло из уставов, замененное расплывчатым словом «сковывание противника», поскольку многие просто боятся даже думать о том, что придется обороняться.

«Учитывая опыт войны на Западе, – скороговоркой говорит отважный начальник Генерального штаба, опасаясь, что вот сейчас встанет маршал Тимошенко и лишит его слова за пропаганду буржуазных ересей, – нам наряду с подготовкой к активным наступательным действиям необходимо иметь представление и готовить войска к современной обороне».

Генерал переводит дух, делая паузу. Он знает позицию Сталина по этому вопросу, которую, «естественно», полностью разделяет нарком Тимошенко и почти все сидящие в зале, в чьих сейфах давно уже лежат красные пакеты с пометкой: «Вскрыть по получении сигнала „Гроза".

Мерецков понимает, что зашел далеко, но продолжаег:

«Современная оборона должна противостоять мощному огню артиллерии, массовой атаке танков, пехоты и воздушному противнику. Поэтому она должна быть глубоко противотанковой и противовоздушной...»

Сталин, слушающий речи начальника Генерального штаба по спецтрансляции в отдельном помещении, морщится, как от зубной боли. Опять оборона! Это очень опасные мысли, разлагающе действующие на боевое настроение армии. Нет. пост начальника генштаба оказался явно не по плечу Мерецкову. Постоянно думающий об обороне не сможет руководить стремительным наступлением...

Но вот генерал Мерецков опомнился и снова перешел на «новоречь»:

«Боевые действия с японо-маньчжурами на реке Халхин-Гол и война с белофиннами показали беспредельную преданность бойцов, командиров и всего начальствующего состава социалистической Родине, партии, правительству и великому Сталину...

В настояшее время правительство и партия, обеспечивая нашу армию всем необходимым, требуют, чтобы мы были всегда в боевой готовности». Мы должны под руководством Народного комиссара обороны в кратчайший срок... добиться такого

положения, чтобы мы по требованию правительства в любое время могли выступить в поход».

По словам самого Мерецкова, он, сойдя с трибуны, ощутил вокруг себя пустоту. В перерыве многие коллеги даже боялись подходить к нему и уж во всяком случае долго около него не задерживаться.

Совещание продолжалось.

Очень многим из присутствующих на совещании жить оставалось в лучшем случае менее года. Из трех основных докладчиков, развивающих теорию стремительного наступления огромных масс войск и боевой техники, двое будут расстреляны, а один – посажен.

Многих других ждет та же судьба, а кому больше повезет, тот либо погибнет в бою, либо попадет в плен.

Всего через семь месяцев предстоит попасть в плен, а оттуда в ГУЛАГ командующему 6-й армией Киевского ОВО генерал-лейтенанту Ивану Музыченко, критикующему в прениях оборонительные настроения в армии.

Уже 26 июня придется застрелиться корпусному комиссару Николаю Вашугину– члену Военного Совета Киевского Особого ВО, поведавшему собравшимся о случаях антисоветской пропаганды в войсках и других происках иностранных разведок, разлагающих дисциплину.

Плен и последующая тюрьма ждут и командующего 4-м мехкорпусом генерала Михаила Потапова, ратовавшего в прениях за создание еще более крупных танковых соединений.

Плен и бессмертная слава самого крупного предателя в истории ожидают и следующего выступающего в прениях – уже знакомого нам командира 99-й стрелковой дивизии генерала Андрея Власова.

Суд, разжалование и крупный лагерный срок ожидают командующего войсками огромного Сибирского военного округа генерал-лейтенанта Степана Калинина, критиковавшего оборону и признававшего только наступление.

В июле 1941 года суд и расстрел ожидают очередного выступающего в прениях генерала Владимира Климовских – начальника штаба Западного Особого военного округа.

Всего через пару месяцев арест и расстрел (в октябре) ждут и выступившего вслед за Климовских генерал-полковника Григория Штерна, командующего войсками Дальневосточного фронта.

Арест и расстрел ждут и следующего выступающего – генерал-лейтенанта Николая Клича – пока еще начальника артиллерии Дальневосточного фронта.

Более счастливая смерть в бою при попытке вывести из окружения остатки свей разгромленной 33-й армии ждет следующего выступающего генфал-лейтенанта Михаила Ефремова, пока командующего Закавказским военным округом.

Небывалый разгром вверенных ему частей Северо-Западного фронта, чудесное спасение от немецкого плена и сталинского возмездия наряду с вечным позором ждут выступившего вслед за Ефремовым генерал-лейтенанта Федора Кузнецова, командующего пока войсками Северо-Кавказского военного округа.

Арест и расстрел ожидают и выступившего вслед за Кузнецовым маршала Григория Кулика – ветерана 1-й Конной, сталинского любимца (на данном этапе), заместителя наркома обороны и начальника главного артиллерийского управления РККА. Не зная своего будущего, пока он является самой известной личностью в армии, главным образом благодаря самодурству и грубости, а также высказываниям типа: «Мины – оружие слабого труса», «Автомат – оружие гангстеров и полиции».

Плен и смерть в немецком концлагере ждут и следующего выступающего: генерал-лейтенанта Филиппа Ершакова, командующего Уральским военным округом.

Арест, издевательства и длительный тюремный срок ждут и следующего выступающего: генерала ВВС Александра Новикова (будущего маршала авиации и дважды Героя Советского Союза, что никому не помешает бить его во время допросов). Но никто из них еще не знает этого...

24 декабря совещание слушает основной доклад на тему «Характер современной наступательной операции». На трибуне командующий Киевским Особым военным округом генерал армии Георгий Жуков. Тимошенко уже при всяком удобном случае приставал к Сталину, упрашивая перевести Жукова в Москву, уверяя, что это как раз тот человек, которого ищет товарищ Сталин для воплощения в жизнь планов создания «мировой Коммуны».

В своем докладе генерал армии Жуков, не провозгласив никаких здравиц, сразу перешел к сути рассматриваемого вопроса:

«В результате широкого внедрения в армии современных технических средств, т.е. развития военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, механизации артиллерии и моторизации армии, оперативное искусство получило такие могучие факторы, как скорость и сила удара. На основе этих технических средств, на основе этих факторов значительно увеличилась оперативная и тактическая внезапность, маневренность и дальнобойность операций. Быстрота развития операций достигается главным образом благодаря внезапному, смелому и массовому применению авиации, авиадесантов, танковых и моторизованных соединений...»

«В условиях нашего Западного театра военных действий, – своим низким голосам рокотал генерал армии, – крупная наступательная операция со стратегической целью... должна проводиться на широком фронте, во всяком случае масштаба 400-450 км. Мощность первого удара должна обеспечить разгром не менее одной трети – одной второй всех сил противника и вывести наши силы в такую оперативную глубину, откуда создалась бы реальная угроза окружения остальных сил противника.

Для такой операции потребуется, конечно, сосредоточение мощных сил и средств и, я думаю, что для такой операции на таком фронте потребуется стрелковых дивизий порядка 85-100, 4-5 механизированных корпусов, 2-3 кавалерийских корпуса и 30-35 авиационный дивизий. Само собой разумеется, что такое количество вооруженных сил должно быть всесторонне оснащено соответствующими средствами усиления артиллерии, танками в сопровождении пехоты, инженерно-техническими войсками и соответствующими средствами управления...

Удары авиации должны развернуться на таком пространстве, чтобы подавить в районах аэродромного базирования основную массу авиации противника, нанести ей поражение, нарушить подвоз по железным и грунтовым дорогам, уничтожить оперативные действия сил противника в тылу, парализовав любую попытку перегруппировки сил...»

«Конечно, последующие удары, – продолжал радовать вождя генерал армии Жуков, – будут значительно глубже и, если противник первым ударом будет не только смят, но разгромлен, если он не будет способен организовать на тыловых оперативных рубежах сопротивление, его, конечно, надо гнать до полного уничтожения, надо добиваться одним ударом полного стратегического успеха».

Далее Жуков перешел на более специальные рассуждения об «армейской наступательной операции как производной от фронтовой», что, по мнению Сталина, вполне можно было из доклада исключить. Армия – слишком мелкая оперативная единица для человека такого масшгаба, как товарищ Жуков.

«Внезапность современной операции, – закончил свое выступление Жуков, – является одним из решающих факторов победы. Придавая исключительное значение внезапности, все способы маскировки и обмана противника должны быть широко внедрены в Красную Армию.

Маскировка и обман должны проходить красной нитью в обучении и воспитании войск, командиров и штабов. Красная Армия в будущих сражениях должна показать высокий класс оперативной и тактической внезапности. Высший комсостав и штабы высших соединений в ближайшее время должны в совершенстве отработать знания и навыки по организации и проведению современной наступательной операции.

Еще в 1921 году Михаил Васильевич Фрунзе, разбирая вопрос о единой военной доктрине Красной Армии, писал, что необходимо воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций».

Доклад произвел сильное впечатление не только на слушавшего его по спецтрансляции товарища Сталина, но и на всех присутствующих в зале. Тем более, что присутствующие, в отличие от Сталина, могли видеть выражение лица Жукова, когда он свой доклад зачитывал. Это впечатляло. Казалось, что генерал прямо с трибуны собрания мановением руки бросит многомиллонные армии вперед с достижением полной внезапности. Грозная энергия Жукова как бы излилась на зал, показав, кто именно тот «первый маршал», что должен вести нас в бой по приказу товарища Сталина, отсутствие которого так остро ощущалось в армии после того, как великий вождь погнал с должности своего обанкротившегося друга Клима Ворошилова.

Доклад генерала армии Георгия Жукова задал тон всему совещанию. Подавляющее большинство присутствующих хорошо знало, что этот доклад Жукову писался его окружными штабными под общей редакцией полковника Баграмяна, возглавлявшего оперативный отдел. Что доклад два месяца лежал в самых верхних кабинетах Кремля и Наркомата обороны. Что по существу, это даже не доклад Жукова, а установка, данная самим Сталиным, на какие конкретные дела необходимо ориентировать вооруженные силы в самое ближайшее время. Поэтому, подводя итог прениям, Жуков имел все основания заявить, что «со стороны выступавших здесь не было особых принципиальных расхождений с моим докладом».

И не могло быть. Все давно были настроены в русле этого доклада.

26 декабря, в день упраздненного за ненадобностью праздника Рождества, на совещании с докладом «Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе» выступает начальник Главного управления ВВС Красной Армии 29-летний генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов. Вскоре – 2 января 1941 года – он отпразднует свое тридцатилетие. Он не знает, что всего четыре месяца отделяют его от ареста и 10 месяцев от расстрела вместе с горячо любимой женой. Он не знает этого, а потому рвется в бой.

«Наличие подвижных средств, авиации и воздушных десантов в армии придают иной характер современным операциям, – говорит он возбужденным еще от жуковского доклада слушателям. – Характерными чертами современной наступательной операции являются: одновременное воздействие на всю оперативную глубину противника; сочетание атаки с фронта с действиями по глубине расположения противника авиацией и воздушными десантами; глубокое проникновение подвижных войск в тыл противника; одновременная изоляция стратегических резервов от фронта авиацией и дезорганизация ею тыла противника. Все это осуществляется при обязательном условии завоевания господства в воздухе...»

Генерал Рычагов объясняет собравшимся, как достигнуть господства в воздухе, уничтожив первым, решительным и внезапным ударом действующую авиацию, авиапромышленность, запасы горючего и материальной части. Как? Да очень просто: «В период подготовки к наступательной операции действия авиации должны начаться заблаговременно».

Всем все ясно. Отражение империалистической агрессии начнется внезапным ударом авиации еще до ее начала. А затем – внезапным, сокрушительным ударом наземных сил.

В заключение Рычагов с похвалой отозвался о последнем приказе по авиации № 0362, который впервые в мире начал практику массового принудительного набора в авиацию пилотов, не давая им офицерских званий, не платя зарплаты и запрещая жениться в течение трех лет после производства в офицеры (хотя срок самого производства определен не был).

Многие уверяют, что подобная мера была продиктована не человеконенавистническими взглядами Сталина и его сообщников на свой народ, а хронической нехваткой парашютов в авиации. В любом случае приказ № 0362 был совершенно логичен. Зачем, спрашивается, смертнику семья?

26 декабря доклад на тему «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв» делает командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Дмитрий Павлов. Это доклад особый, как и округ, вверенный генералу Павлову.

Именно его войска, пока еще в составе четырех армий, группируются на Белостокском балконе, ожидая приказа к стремительному броску. Если представить всю операцию «Гроза» как смертельное копье, нацеленное в сердце Европы, то войска генерал-полковника Павлова – стальной наконечник этого копья. И командующий для этого смертоносного наконечника подобран особо.

Генерал Павлов воевал еще в первую мировую войну. В годы гражданской войны служил в кавалерии, был командиром взвода, эскадрона, помощником командира кавалерийского полка. В 1922 году окончил высшую кавалерийскую школу, в 1928 году – Военную академию им. Фрунзе, в 1931 году – курсы при Военно-технической академии. Был одним из первых кавалерийских командиров, сменивших коня на танк. Участвовал в боях на КВЖД, в гражданской войне в Испании, в зимней войне с финнами. Возглавлял Автобронетанковое Управление и считался самым выдающимся специалистом в деле использования в бою крупных бронетанковых соединений. В июне 1940 года назначен командующим войсками тогда еще Белорусского военного округа, который уже в июле переименован в Западный Особый военный округ. За войну в Испании, несмотря на ее более чем печальный конец, Павлов получил звание Героя Советского Союза, а на столе у Сталина уже лежит приказ о производстве сорокачетырехлетнего генерал-полковника в генералы армии.

Приземистый, широкоплечий, дышащий вулканической энергией, сверкая Золотой Звездой Героя, тремя орденами Ленина и двумя – Боевого Красного Знамени, генерал-полковник Павлов предстал перед собравшимися в парадном зале ЦДКА символом мощи и непобедимости. Разумеется, никто в зале, включая его самого, не могли помыслить в самом кошмарном сне, что не пройдет и 7 месяцев, как генерал армии Павлов будет отстранен от должности и расстрелян 22 июля 1941 года.

Но это еще впереди, и великое счастье не знать своего ближайшего будущего висит над всем залом и над докладчиком.

Начав с исторического экскурса, генерал-полковник Павлов быстро переходит к будущему:

«Современный танковый корпус, – напоминает он слушателям, – состоит из двух танковых и одной мотодивизии, мотоциклетного полка и частей усиления и обслуживания, батальона связи, инженерного батальона и авиаэскадрильи. Танковая дивизия – это основная ударная сила.

Наличие в дивизии тяжелых танков (кроме СССР никто в мире и не имел тяжелых танков), способных совершенно свободно решать задачи, не боясь поражения 3-дюймовой

полевой артиллерией, и остальных, не боящихся 37-45-мм калибров противотанковой артиллерии, наличие огнеметных танков, способных выжигать уцелевшего противника, показывает нам мощь танковой дивизии... Вполне понятно, что пара таких дивизии представляет очень грозную силу... Таким образом, танковый корпус, имеющий большую ударно-пробивную силу и технические возможности, в сочетании с другими подвижными родами войск (мотопехота, конница, авиация), может и должен решить следующие задачи:

1. Внезапным ударом нарушить сосредоточение и развертывание главных сил противника.

2. Окружить и уничтожить главную группировку противника.

3. Выйти на фланг и в тыл и совместно с войсками, действующими с фронта, уничтожить противостоящего противника.

4. Танковый корпус в состоянии и обязан расширить тактический успех в оперативный».

Взяв указку, генерал-полковник Павлов обернулся к висящим за его спиной схемам.

«...После прорыва второй оборонительной полосы, – слышатся заключительные слова генерала Павлова, – начинается третий этап, который характерен тем, что требует самых решительных и быстрых действий по разгрому подходящих резервов и по уничтожению основной группировки противника, на пути отхода которого прочно встанет мехкорпус и совместно с частями, действующими с фронта, уничтожит противника».

Все, война закончена. Выступающие полностью выложили сценарий «Грозы» в, своем творческом понимании.

На этом можно было бы и закрывать совещание, если бы храбрый Мерецков не настоял, чтобы наряду с наступлением, хоть немного поговорили бы и об обороне. Нет, не об отступлении, упаси Бог! Но в условиях стремительного наступления что только может не случиться! Разгромленный противник на каком-то участке возьмет и нанесет контрудар. Надо же и к этому быть готовым. Нельзя жить по простой схеме: сокрушить, окружииъ, уничтожить.

Совещание должно было завершиться большими оперативно-стратегическими играми, назначенными на 2 января.

29 декабря Тимошенко представил Сталину порядок проведения игр по особому плану, первый этап которых будет проходить до 6 января, а второй с 8 по 11 января. 31 декабря маршал Тимошенко закрыл совещание. Назначенные на игры должны были задержаться в Москве, прочие – вернуться в свои округа и части.

Наступал новый, 1941 год. Празднование Нового года официально в СССР не проводилось, поскольку этот праздник, равно как и Рождество, считался «пережитком капитализма».

1 января был обычным рабочим днем и, если чем и отличался от других, то очень большим количеством опоздавших на работу, за что полагался тюремный срок. Но к чести товарища Сталина надо сказать, что 1 января в стране царили довольно либеральные нравы. Глупо было идти против вековых народных традиций.

Газеты и радио, строя прогнозы на будущий год, сходились во мнении, *«что это будет очень счастливый год»*.Газета «Правда» от 31 декабря 1940 года писала в редакционной статье: «Мы можем оглянуться на 1940 год с чувством глубокого удовлетворения... В 1940 году Партия и Правительство много сделали для увеличения военной мощи СССР и военной подготовки всего советского народа. В громадной степени улучшились боевая и политическая подготовка личного состава армии и флота... во всех областях мы достигли громадных успехов». Заканчивалась предновогодняя статья следующими словами:

«1941 год будет четвертым годом третьей Сталинской Пятилетки. Поэтому, вступая в 1941 год, который станет годом еще более гигантских достижений нашей социалистической экономики, советские люди смотрят в будущее с радостью и полной-уверенностью».

Что конкретно ждет народ, намеком говорилось в стихотворении, напечатанном в несколько игривом оформлении на 4-й странице (и перепечатанной многими другими газетами, включая и «Красную звезду»):

Наш каждый год – победа и борьба

За уголь, за размах металлургии!..

А может быть – к шестнадцати гербам

Еще гербы прибавятся другие!

Глава 12. Стратегическое рукоблудие

В отличие от СССР, в Третьем Рейхе праздновалась Рождественская неделя. Многие солдаты и моряки получили краткосрочные отпуска домой. Прибывшие с восточных границ поражали родственников знанием английского языка, прося, правда, хранить это обстоятельство в тайне. После короткого отдыха на востоке все они примут участие в окончательном сокрушении Англии.

В Албании греки продолжали гнать на запад итальянскую армию, английская агентура на Балканах продолжала свои грязные игры и, по некоторым сведениям, взаимодействовала уже со сталинской разведкой.

В бессильной ярости Гитлер приказал Герингу устроить лондонцам такой новогодний праздник, чтобы они именно от него начали отсчет своего английского времени.

В ночь на 29 декабря, построившись несколькими волнами, немецкие бомбардировщики, пробившись через все пояса ПВО, появились над английской столицей, сбросив тысячи фугасных и зажигательных бомб над историческим центром Лондона. Такого пожара столица империи не знала со времен 1666 года.

Море огня бушевало над городом, пожирая дворцы и храмы. Фугасная бомба угодила в церковь святого Лаврентия, построенную в 1411 году, во дворец лорда-мэра. Гитлер приказал, чтобы подобные налеты продолжались каждую ночь вплоть до 1 января включительно. Однако грозовые облака, хлынувшие широким фронтом на юг из полярных районов, сорвали этот замысел.

30 декабря Гитлеру представили перевод новогоднего радиообращения Черчилля к английскому народу.

«Я уверен, – говорил неукротимый английский премьер, – что мы можем считать этот грозный год самым славным, хотя он и был самым тяжелым годом в длительной истории Англии и Британской империи. К концу 1940 года наш небольшой древний остров вместе с преданным ему Содружеством наций и доминионами оказался способным вынести всю тяжесть страшной борьбы и все удары судьбы. Мы не пали. Мы не дрогнули. Душа английского народа и английской расы оказалась непобедимой. В одиночестве... мы дали отпор тирану на вершине его триумфа....В Ливийской пустыне была одержана победа, а по ту сторону Атлантического океана Великая Республика все ближе подходит к выполнению своего долга и все в большей степени идет нам на помощь».

Гитлер молча прослушал перевод, не сказав ни слова и засел за писание новогодних писем. Обычно письма, даже очень секретные, он диктовал, а тут решил написать сам, выгнав из кабинета стенографисток и адъютантов.

Одно из писем предназначипось Муссолини.

«Дуче! – писал Гитлер. – Сама по себе война на Западе выиграна. Необходимо еще приложить последнее серьезное усилие, чтобы сокрушить Англию. Для того чтобы определить, как нам этого добиться, мы должны взвесить факторы, которые будут еще отделять Англию от окончательного краха... В этой битве... Германии необходимо будет принять важные решения для окончательного наступления на Британские острова...Нами разработан план полной нейтрализации английского флота и увода его от Британских островов на достаточное время, чтобы могли без помех осуществить высадку...»

Далее фюрер коснулся вопросов двуличности правительства Виши, что заставляет его все время быть начеку, наивности Франко, отказавшегося от сотрудничества с державами оси и оказавшегося один на один с коварной Англией.

Перейдя к положению на Балканах, фюрер с огорчением отметил, что «Болгария также не проявляет готовности связать себя с тройственным пактом и занять ясную позицию в области внешней политики. Причиной этого является растущий нажим Советской России. Если бы царь немедленно присоединился к нашему пакту, никто не осмелился оказывать бы на него такой нажим...».

«Только Венгрия и Румыния, – продолжал Гитлер изливать свои мысли „единственному уцелевшему римлянину“, – заняли в этом конфликте наиболее ясную позицию.

С 13 декабря осуществляются непрерывные транзитные перевозки в направлении Румынии. Венгрия и Румыния предоставили в мое распоряжение всю сеть железных дорог...

Затем Гитлер переходит к той части, ради которой он и сел писать это письмо – к перспективе отношений с СССР.

«Принимая во внимание угрозу возникновения внутренних конфликтов в некоторых Балканских странах, необходимо заранее учесть все возможные последствия и разработать систему мер, которые бы позволили бы нам избежать их.

Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин, а мы сами не станем жертвами каких-либо серьезных неудач. Я хотел бы добавить к этим общим соображениям, что в настоящее время у нас очень хорошие отношения с СССР. Фактически только два вопроса еще разделяют нас – Финляндия и Константинополь. В отношении Финляндии я не предвижу серьезных затруднений, ибо мы не рассматриваем Финляндию как страну, входящую непосредственно в нашу сферу влияния, и единственное, в чем мы заинтересованы, чтобы в этом районе не возникла вторая война. В противовес этому в наши интересы отнюдь не входит уступить Константинополь России, а Болгарию – большевизму...

Однако прежде всего, – заканчивает свое письмо Гитлер, – как я уже указывал, я считаю необходимым постараться во что бы то ни стало ослабить позиции английского флота на Средиземном море с помощью вашего флота, дуче, и нашей авиации, так как использование наших сухопутных войск в этом секторе не может привести к улучшению ситуации. В остальном, дуче, мы не можем принять каких-либо важных решений до марта.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер Берлин, 31 декабря 1940 года»

Это письмо будет отправлено в Рим таким способом, что копию с него Сталин получит раньше, чем подлинник дойдет до Муссолини.

Настало время для быстрых решений. Если это время упустить, Германия будет раздавлена стальным кольцом сверхдержав, которые даже не скрывают своих намерений.

29 декабря президент США Рузвельт в предновогоднем обращении к американскому народу заявил:

«Мы должны стать великим арсеналом демократии. Любая страна, которая борется против Гитлера, или воюет с ним, может рассчитывать на нашу помощь... Я убежден, что

державы оси не выиграют этой войны. Мое убеждение основывается на самых последних и надежных данных».

Вот так! Это говорит глава государства, с которым у Германии существуют пока нормальные дипломатические отношения. Он говорит подобное почти каждый день. Его неприкрытая воинственность стала раздражать даже его собственных сторонников. Это означает, что война с Соединенными Штатами неизбежна, она, по существу, уже началась.

А англичане уже вышибают из войны Италию. В канун Рождества Черчилль обратился с открытым воззванием по радио к итальянскому народу, очень хитро построив свою речь, нанеся смертельные оскорбления дуче, Гитлеру и всему немецкому народу.

«Наши армии, – вещал английский премьер, – рвут на куски вашу африканскую армию. Тысячи итальянцев гибнут, тысячи попадают в плен. Ради чего все это?

Итальянцы, я скажу вам правду. Все это из-за одного человека. Один человек, только один человек вовлек итальянский народ в смертельную борьбу против Британской империи и лишил Италию сочувствия и дружбы Соединенных Штатов Америки...

Он привел вашу страну на грань страшной катастрофы. Этот человек наперекор мнению короны и королевской фамилии Италии, наперекор папе и всему авторитету Ватикана и римско-католической церкви, вопреки желаниям итальянского народа, который не стремился к этой войне, заставил наследников древнего Рима стать на сторону «одичавших язычников» и варваров...

Куда завел дуче свой доверившийся ему народ после 18 лет диктаторской власти? Перед каким тяжелым выбором стоит этот народ сейчас? Он стоит под огнем всей английской империи на море, в воздухе, в Африке, подвергается энергичным контратакам со стороны греческого народа.

С другой стороны, он призывает Атиллу, чтобы тот спустился к нему со своими ордами распоясавшейся солдатни и бандами гестаповцев через Бреннерский проход и оккупировал Италию, угнетал итальянский народ, к которому он сам и его нацистские приспешники питают самое глубокое и явное презрение, какое когда-либо отмечалось историей.

Вот куда завел вас один человек, только один человек.

На этом я прекращу свое обращение до того дня, который, несомненно, наступит, когда итальянская нация снова возьмет свою судьбу в свои руки».

О каком мире, о каком прекращении войны можно говорить с человеком, который публично употребляет в твой адрес подобные выражения, повторяя все домыслы и эпитеты еврейской пропаганды.

С Востока тоже не приходят особо обнадеживающие вести. Советская пресса после короткого затишья снова начала призывать Красную Армию куда-то «вперед». Получается, на запад. Больше некуда.

Через Англию пришла информация, что всю вторую половину декабря Сталин проводил какие-то секретные совещания с представителями военной верхушки страны. В Москву съехались чуть ли не все командующие округами. Английский источник указывал, что на совещании рассматривался только один вопрос: способ нанесения по Германии внезапного сокрушительного удара. Немецкая разведка в Москве не смогла это подтвердить, хотя о самом совещании знала. На нем просто подводились итоги 1940 года. Это делается в каждой стране, а уж в такой милитаризованной, как Советский Союз, особенно.

Гитлера этот вопрос уже интересовал с чисто практической точки зрения: успеет он или нет нанести Сталину тот самый внезапный удар, который, по многим данным, Сталин готовит против него. Но для того, чтобы подготовить удар по СССР, необходимо проделать еще

гигантскую подготовительную работу, да так, чтобы в Москве не заметили и не заподозрили ничего.

Но невозможно развернуть на тысячекилометровой границе 200 дивизий, чтобы этого никто не заметил.

Нужна не менее масштабная операция по дезинформации Москвы с весьма проблематичными шансами ее успешного завершения. Но выхода другого уже не существует.

После подписания плана «Барбаросса» (Директивы № 21) Гитлер подписал и утвердил целый ряд основополагающих документов по введению Москвы в заблуждение. В этих документах, в частности, говорится: «В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится...»

«...Цель маскировки – скрыть от противника подготовку к операции „Барбаросса". Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо на первом этапе, т.е. приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время...»

«...Необходимо у англичан сохранять впечатление, что мы продолжаем готовить высадку широким фронтом».

«Вторая фаза дезинформации противника начинается с введения максимально уплотненного графика движения эшелонов (22 мая).

В это момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение сил к операции «Барбаросса», как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение противника. По этой причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию. Принцип таков: чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений».

В тот же день 31 декабря 1940 года Гитлер написал и второе письмо, адресованное на этот раз самому Сталину.

«Уважаемый г-н Сталин, пользуюсь случаем, чтобы, вместе с новогодними поздравлениями лично Вам и всему народу Советской России, с пожеланиями успехов и процветания, обсудить ряд вопросов, которые ранее уже поднимались в ходе моих бесед с господином Молотовым и господином Деканозовым.

Борьба с Англией вступила в решающую фазу, и я намерен не позднее лета наступающего года решительно покончить с этим довольно затянувшимся вопросом путем захвата и оккупации сердца Британской Империи – Английских островов. Я отдаю себе отчет в сложности этой операции, но уверен, что она будет осуществлена, ибо никакого другого способа закончить эту войну я не вижу.

Как я уже писал Вам ранее (всего с октября 1940 года по май 1941 года Гитлер направил Сталину 6 личных писем. Отыскать удалось два. Остальные письма пока не обнаружены. Не обнаружены пока и ответы Сталина, хотя где они хранятся, известно.), те примерно 70 дивизий, которые я вынужден держать в генерал-губернаторстве, проходят переформировку и обучение в районе, недоступном для авиации и разведки англичан. То, что они вызывают у Вас понятное беспокойство, я понял из бесед с г-ми Молотовым и Деканозовым. Начиная примерно с марта, эти войска начнут перебрасываться на побережье канала и западное побережье Норвегии, а на их место будут прибывать новые части для ускоренного обучения, о чем я и хочу заранее предупредить Вас.

Кроме того, эти войска в самом ближайшем будущем я намерен использовать для вытеснения англичан из Греции, для чего мне придется провести их через территории Румынии и Болгарии. Войска, которые осуществят вторжение в Англию с территории

Норвегии, будут продолжать пользоваться транзитом через Финляндию. У Германии нет никаких интересов в Финляндии и Болгарии и, когда цели этой войны будут достигнуты, я немедленно уберу оттуда свои войска...

Особо я хочу Вас предостеречь от следующего.

Агония Англии сопровождается лихорадочными поисками спасения от своей неминуемой судьбы. С этой целью они фабрикуют всевозможные вздорные слухи, главные из которых можно грубо разделить на две категории. Это слухи о готовящемся нападении СССР на Германию и Германии на СССР. Я не хочу останавливать Ваше внимание на нелепости подобного вздора. Однако, на основании имеющихся в моем распоряжении данных, могу предсказать, что по мере приближения нашего вторжения на (Британские) острова, *интенсивность подобных слухов будет постоянно возрастать,*а, *возможно, к ним добавятся и какие-нибудь сфабрикованные документы.*

Буду с вами совершенно откровенен. Часть подобных слухов распускается и соответствующими ведомствами Германии. Успех нашего вторжения на острова во многом зависит от достижения тактической внезапности, поэтому полезно держать Черчилля и его окружение в некотором неведенье относительно определенности наших планов.

Ухудшение отношений между нашими странами до уровня вооруженного конфликта является для англичан единственным путем к спасению и я уверяю Вас, что они будут продолжать усилия в этом направлении с присущей им хитростью и коварством...

Для окончательного решения о том, что делать с обанкротившимся английским наследством, а также для упрочения союза социалистических стран и установления нового мирового порядка мне бы очень хотелось встретиться лично с Вами, о чем я уже говорил с г-ми Молотовым и Деканозовым.

К сожалению, исключительная загруженность делами, как Вы хорошо понимаете, не позволяет мне организовать нашу встречу до окончания сокрушения Англии. Поэтому я предполагаю наметить эту встречу на конец июня – начало июля 41-го года и буду рад, если встречу согласие и понимание с Вашей стороны.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. Берлин, 31 декабря 1940 года».

В Рождественские и новогодние праздники в Берлине соблюдалось полное затемнение. Война уже успела достаточно изменить столицу Третьего Рейха. Над крышами некоторых домов были натянугы маскировочные сети, иногда прямо через улицу, закрывая для прохожих небо. Многие витрины и подъезды были заложены мешками с песком. На бульварах и в парках зияли свежевырытые противовоздушные щели.

В американском посольстве тишина. Отозванный в Вашингтон посол так и не вернулся, да и у временного поверенного в делах также немного работы.

Американцев давно уже не приглашали ни на какие приемы и рауты. Давно кончились те времена, когда американского военно-морского атташе катали по базам немецких подводных лодок, а военный атташе мог созерцать горящую Варшаву прямо с башни немецкого танка. Не вернулся из отпуска атташе по культуре. Лишили аккредитации без всяких объяснении и выслали из Германии атташе по печати. И только коммерческий атташе Сэм Эдиссон Вудс, как ни в чем не бывало, продолжает свою деятельность.

«Ибо, как сказал еще в начале прошлого века великий президент Монро, пусть гибнет и разваливается этот несовершенный мир, но наши торговые операции будут продолжаться!»

Продолжаются они и с Германией, и немцы, как никто другой, в них заинтересованы, так как даже гигантские поставки из СССР не могут уже удовлетворить аппетита стремительно растущих вооруженных сил и военной индустрии.

В ноябре Вудсу привелось встретиться с самим Хьялмаром Шахтом – президентом Рейхсбанка, поведавшего американцу, что недостаточно продуманная политика фюрера

относительно евреев (президент Имперского банка выбирал самые осторожные выражения) поставила финансовую систему Рейха на грань катастрофы. Германия остро нуждается в кредите.

Речь идет примерно о миллиарде долларов с поэтапным погашением в течение пяти лет. Не может ли господин Вудс, используя свои связи с частными банками в Штатах, помочь этот кредит получить.

Американец разводит руками. Он попытается, но, к сожалению, подавляющая часть частных банков США находится в еврейских руках. А у евреев, да будет это известно г-ну рейхспрезиденту, какие-то свои планы относительно ближайшего будущего Германии – именно этих предстоящих пяти лет, о которых и говорил г-н Шахт.

Кроме того, банки потребуют гарантий кредита. А какие гарантии ныне может предоставить Германия, чей бюджетный дефицит уже напоминает пропасть, ведущую прямо в преисподнюю. «К сожалению, образование нынешнего канцлера таково, что ему трудно это объяснить. Объявив войну евреям, фюрер по существу пытается уничтожить сложившуюся в мире финансовую систему. А для этого у него совершенно недостаточно сил, и неизбежно он проиграет эту войну с еще большим позором для Германии, чем это было во времена кайзера Вильгельма II».

«Надеюсь, – поинтересовался Вудс, – это понимаете не вы один?»

Шахт уклонился от ответа. На том и расстались.

В канун Нового года Сэм Вудс получил от своего друга, молодого аристократа, очередное письмо, в котором среди рекламных листков различных мелких фирм лежал билет в кино.

Вернувшись из кинотеатра в посольство, Вудс вскрыл конверт, сунутый в карман его пальто в темноте кинозала.

Первое, что увидел Вудс, были большие красные готические буквы, хищно выстроившиеся в слово «Барбаросса». Чуть ниже: Директива №21. Пробежав документы глазами, Вудс понял, что речь в них идет о плане Гитлера напасть на Россию. Как и большинство американцев своего времени, Вудс очень мало знал и мало интересовался советской Россией. Все усилия американских политологов и разведчиков сосредоточивались на Японии и Германии, как на главных потенциальных противниках США в будущем. Тем не менее, сам факт задуманного переноса Гитлером направления следующего удара вызывал несомненный интерес.

Вудс, как и положено, переслал документы в госдепартамент. Госсекретарь Хэлл, ознакомившись с содержимым полученных документов, немедленно доложил их Президенту. К этому времени и помимо Вудса госдепартамент обладал соответствующей информацией относительно планов Германии. Обладал он информацией и относительно планов Москвы. Президент Рузвельт, получив план «Барбаросса», почувствовал легкое волнение, какое бывает у врача, постепенно убеждающегося в правильной постановке сложного диагноза. На предложение Хэлла информировать об этом русских, Рузвельт решил с этим немного повременить. У русских, он слышал, есть своя, совсем неплохая разведка. Пусть она сама что-нибудь добудет, а от нас получит лишь подтверждение.

В Швейцарии, в своей маленькой квартире пригорода Люцерны, Рудольф Росслер не смог как следует отпраздновать Рождество – единственный праздник в году, который он ценил по-настоящему. Его друзья – заговорщики в Берлине начали передачу самого длинного сообщения за весь период их деятельности. В течение 48 часов сидел Росслер у приемника, принимая послание, переданное восемью отдельными блоками. Еще 12 часов ему понадобилось на расшифровку. В итоге перед ним лежал план «Барбаросса» с некоторыми сопутствующими документами. К этому времени Росслер, работавший под патронажем швейцарской секретной службы, а точнее – ее главы, бригадного генерала Роже Массона,

установил связь с англичанами. Англичане пользовались его информацией, однако никак ее не комментировали. Никакой связи с русскими у него не было. Будучи убежденным антифашистом, Росслер, естественно, столь же ненавидел и коммунистов, не очень различая оттенки одного и того же спектра: красный и коричневый. Однако он хорошо отдавал себе отчет в том, что если Гитлер собирается нападать на Россию, то враг врага неизбежно превратится в друга.

План «Барбаросса» был передан в Лондон. Как обычно: ни ответа ни привета. Только квитанция: принято.

Нужно было довести эту информацию и до русских. Так считал Роже Массон. Швейцарская контрразведка отлично знала, что в Женеве действует советская разведывательная сеть. Знала она и то, что эта сеть профильтрована английской разведкой, внедрившей туда своего офицера. Но не трогали никого и никому не мешали. Окруженная со всех сторон немецкими и итальянскими войсками, Швейцария делала все возможное, чтобы это кольцо распалось, ведя своими разведывательными и контрразведывательными службами тонкую и деликатную игру, которая немало способствовала крушению многих планов Третьего Рейха.

Чтобы выйти на русских, генерал Массон посоветовал Росслеру побеседовать со своим приятелем Христаном Шнейдером – тоже немцем – эмигрантом, бежавшим из Германии и не скрывавшим своих прокоммунистических взглядов. Росслер действительно знал его с самого прибытия в Люцерну и даже учился у Шнейдера азбуке Морзе. Не знал он только того, что Шнейдер работает на советскую разведку. Но генерал Массон это знал, а потому и рекомендовал его Росслеру. Чего не знали ни Массон, ни Росслер, ни Москва – так это того факта, что Шнейдер был американским агентом, внедренным в круги немецкой антифашистской эмиграции с целевым заданием выйти на советскую разведку. Недавняя бойня, которую устроил Ежов в кадрах иностранной разведки весьма способствовала успеху Шнейдера.

Росслер встретился со старым знакомым в ресторане «Унтер дер Эгт» на набережной Фиревальдшетского озера. Не тратя времени, он открыто спросил Шнейдера: не знает ли тот способа связать его с русскими?

–У меня есть разведывательная информация, – без обиняков объявил Росслер, – которая чрезвычайно пригодилась бы Советскому Союзу. Если они готовы мне за нее заплатить, то могут это сделать позднее, когда у меня будет, а я в этом уверен, еще больше важной для них информации. Впрочем, хотя и не хочу, чтобы меня ловили на слове, я даже готов работать с ними и просто так. Совершенно бесплатно.

Шнейдер некоторое время молчал, опустив глаза в тарелку. Затем он поднял глаза на Росслера, прожевал кусок мяса и сказал:

– Если вы не потребуете с них платы, они точно решат, что вы провокатор. Я их хорошо знаю. У вас действительно важные сведенья?

Росслер решил идти ва-банк:

– Германия собирается напасть на Россию. Недоверие блеснуло в глазах Шнейдера:

– Вы уверены в своем источнике?

– Абсолютно, – ответил Росслер, а затем добавил, что единственным условием своей кооперации с русскими является то, что он никогда не откроет своих источников информации.

– Подобное условие Москве будет принять труднее всего.

На этом разговор временно закончился. С сомнением покачав головой, Шнейдер покинул ресторан.

Через две недели Шнейдер появился снова. Анонимность источников, признался он, тормозит дело. Не называя Росслера, Шнейдер рассказал о нем и его информации руководителю группы советской разведки в Женеве, но это почти не произвело на того какого-либо впечатления. Он согласился переслать информацию Росслера в Центр, но какова там будет реакция – никто предсказать не в силах. Шнейдер добавил, что в интересах конспирации Росслеру никогда не придется встречаться с руководителем группы, равно как и тому с ним.

Вскоре они, однако, встретились, поскольку Радо как директор картографического издательства «Гео-Пресс» выполнил заказ Росслера на изготовление карт к его статье, анализирующей стратегию вермахта.

Руководителем группы, на которую работал Шнейдер, был Александр Радольфи, венгерский еврей по происхождению, полковник НКВД, известный позднее как Шандор Радо.

Известность ему принес 25-летний срок заключения, который он получил после войны по обвинению в присвоении казенных денег, включая и деньги, предназначенные для Росслера.

Он сдержал свое слово. Вся информация была передана в Москву.

Кроме плана «Барбаросса» были переданы сведения о сосредоточении немецких войск в Румынии, о плане Гитлера относительно Югославии, Болгарии и Греции. Реакция Москвы была почти мгновенной. Такие подробности могут быть известны только в штабе Гитлера. Узнать подобное не в состоянии ни один разведчик. Немедленно прекратите разрабатывать источник. Это совершенно явный провокатор. У Радо хватило ума этот приказ проигнорировать, хотя сведения в Москву он временно перестал посылать. У него просто не было другого источника.

5 января, когда Гитлер слушал доклад адмирала Редера о последних операциях надводного флота, пришло сообщение о захвате англичанами крепости Бардия, о неприступности которой уверял Муссолини.

Доклад Редера, хотя и был составлен в самых обтекаемых выражениях, также не говорил ни о чем хорошем. Доблестный карманный линкор «Адмирал Шеер» (именно так выразился адмирал) из Южной Атлантики перешел в Индийский океан, намереваясь действовать у Мозамбикского пролива. 30 ноября, закончив долгий ремонт в машине, вышел в море тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» под командованием капитана 1-го ранга Майзеля. 25 декабря «Хипперу» удалось обнаружить английский конвой, но прежде чем ему удалось что-либо предпринять, на него обрушилась артиллерия английского тяжелого крейсера «Бервик», вызывавшего по радио другие корабли охранения конвоя. «Хипперу» удалось всадить в противника два снаряда, но, подчиняясь инструкции, капитант 1-го ранга Майзель вышел из боя.

В канун нового года сделали попытку прорваться в Атлантику из Киля линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау». К сожалению, это не удалось, так как корабли попали в жесточайший шторм, получили серьезные повреждения и вынуждены были вернуться в Киль для ремонта.

Фюрер слушает доклад с мрачным выражением лица.

Он требует от флота резкого усиления деятельности с тем, чтобы не только покусывать англичан, а начать с ними серьезную борьбу за обладание морем. Он поручает флоту открыть дорогу армии на Британские острова! Он ждет от него самопожертвования во имя победы, как это было у древних германцев, остановивших римские полчища!

Адмирал молчит, хотя ему есть что возразить фюреру. Древние германцы боролись с римлянами отнюдь не на море, а на суше. Вернее, в лесах, где бъшо невозможно развернуть легионы в правильные боевые порядки.

Чем фюрер прикажет выполнять полученный приказ?

Обещанный фюрером план «Зет» фактически умер, не родившись.

И причем туг Англия, если командование «Криесмарине» уже получило копию плана «Барбаросса».

Возможно, «Барбаросса» является фальшивкой для англичан, чтобы они расслабились и дали, наконец, возможность осуществить операцию «Морской Лев». Или наоборот?

Немного успокоившись, Гитлер более понятно разъясняет свои планы главкому ВМС. В мае, когда войдут в строй «Бисмарк» и «Тирпиц», он намерен послать в море целую эскадру: четыре линкора и все тяжелые крейсеры. Их задача как бы будет прежней: нанести удар по английскому судоходству.

Это вынудит англичан собрать в единый кулак весь собственный флот и бросить его в бой с нашей эскадрой где-нибудь в центральной Атлантике. И тогда им придется увести свой хваленый флот от метрополии или погубить свои линии коммуникаций. В этот момент мы совершим триумфальный бросок через канал.

Адмирала совсем не вдохновил план фюрера. Оттого, что английские линкоры и тяжелые крейсеры уйдут в центральную Атлантику, от этого в Германии не прибавится десантно-высадочных средств, не прибавится и эсминцев, бездарно погубленных в норвежской авантюре. И если фюрер намерен помимо этого еще напасть и на Россию, то прекратятся бесценные поставки материалов, благодаря которым еще удается достраивать спущенные еще до войны корабли.

Вскоре пришло сообщение о падении Бардии.

2 января, завершив окружение Бардии, англичане подвергли крепость бомбардировке с суши, моря и воздуха. При полном бездействии итальянского флота с моря подошел английский линкор «Варспайт» и стал крушить крепость залпами своих пятнадцатидюймовых орудии. Ближе у берега ревели тяжелые орудия английских мониторов: «Террор», «Ледибирд» и «Эфис».

Бомбардировки практически уничтожили систему водоснабжения и разрушили все продовольственные склады.

Гитлер приказал немедленно представить ему на подпись проект директивы о помощи итальянцам в районе Средиземного моря и в Греции.

Опережая директивы, в тучах песчаной пыли на грунтовые аэродромы Сицилии уже садятся пикирующие бомбардировщики X Воздушного Корпуса генерал-лейтенанта Ганса-Фердинанда Гейслера, развернувшего свой штаб в отеле Сан-Доминго в Таормина на Сицилии. Он имеет приказ уничтожить английский Средиземноморский флот и лишить англичан возможности перевозить войска и технику во всем районе от Гибралтара до Александрии и Порт-Саида.

В проекте директивы, получившей через несколько дней – официальное название – Директива № 22, говорилось: «Обстановка в районе Средиземного моря, где Англия превосходящими силами (!) действует против наших союзников, требует быстрого германского вмешательства по стратегическим, политическим и психологическим причинам».

Вся эта директива дышала какой-то паникой, столь не свойственной прошлым директивам, подписанным Гитлером.

Риббентроп срочно телеграфировал Шуленбургу в Москву:

«С начала января через территорию Венгрии осуществляется переброска в Румынию крупных германских частей.

Эти перевозки войск вызваны необходимостью серьезно заняться вопросом о полном вытеснении англичан со всей территории Греции.

Что касается численности германских войск, то на этот вопрос пока что желательно по-прежнему давать уклончивые ответы.
Риббентроп».

Инструкции из Берлина очень пригодились графу Шуленбургу, когда утром 10 января 1941 года он поехал в здание Народного комиссариата Иностранных дел подписывать с Молотовым очередной секретный протокол по Литве, которую со времен совместных аннексий все не могли окончательно поделить. Текст протокола под грифом «Совершенно секретно!» был окончательно согласован к 10 января и гласил:

«Германский посол граф Шуленбург, полномочный представитель Правительства Германской Империи, с одной стороны, и Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В.М.Молотов, полномочный представитель Правительства СССР, с другой стороны, согласились в следующем:

1. Правительство Германской Империи отказывается от своих притязаний на полосу литовской территории, упомянутой в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 г. и обозначенной на карте, приложенной к этому Протоколу.

2. Правительство Союза Советских Социалистических Республик готово компенсировать Правительству Германской Империи территорию, упомянутую в статье 1 данного Протокола, выплатой Германии 7500000 золотых долларов или 31937500 марок...

3. Данный протокол составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языке каждый, и вступает в силу немедленно после его подписания.

За правительство Германии
Шуленбург.
По уполномочию
Правительства СССР
В.Молотов».

Подписанное в тот же день новое Хозяйственное соглашение увлекло тему короткой беседы Молотова с Шуленбургом совершенно в другое русло и обе стороны не сказали о немецких войсках в Румынии ни единого слова.

Кроме секретного протокола Шуленбург и Молотов подписали еще и соглашение о государственной границе.

В вышедшей на следующий день – 11 января – «Правде» на первой полосе под заголовком «Очередная победа советской внешней политики» была помещена фотография улыбающихся Шуленбурга и Молотова в момент подписания ими соглашения о государственной границе.

На той же странице было помещено также и «Коммюнике о заключении Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией». Коммюнике завершала бодрая фраза о том, что «все хозяйственные вопросы, включая те, которые возникли в связи с присоединением к СССР новых территории, разрешены в соответствии с интересами обеих стран».

С тем же энтузиазмом советская пресса вещала об успехе германо-советского фестиваля дружбы В очередном фестивале советско-нацистской дружбы товарищ Сталин лично не участвовал, поскольку был занят гораздо более важными делами. Подводился итог декабрьского совещания высшего командного состава армии путем проведения серии оперативно-стратегических игр.

Игры проводились в три этапа, на каждом из которых участники в соответствии с заданиями и полученными вводными принимали решения, исполняли в письменном виде директивы, боевые приказы, оперативные сводки и другие документы. На пространстве от Балтийского до Черного морей действовали фронтовые и армейские объединения, своей дислокацией и организацией откровенно нацеленные на запад.

Участники игры организационно были разделены на «Восточных» и «Западных». Командовал «Восточными» генерал-полковник танковых войск Дмитрий Павлов. Начальником штаба у него был генерал-лейтенант Кленов, начальником оперативного отдела штаба – генерал-майор Климовских, а авиацией «Восточных» командовал сам Рычагов.

В распоряжении «восточных», которые на первом этапе игры считались Северо-Западным фронтом и должны были наносить самый вожделенный удар по Восточной Пруссии, пять общевойсковых армий, четыре механизированных корпуса в составе 10 танковых дивизии, один кавалерийский корпус, отдельный стрелковый корпус и 80 авиаполков. Поддерживал удар группировки Балтийский флот, которым командовал контр-адмирал Алафузов.

«Западными» командовал генерал армии Жуков, а начальником штаба у него был бывший военный атташе в Берлине, тогда комкор, а ныне генерал-лейтенант Пуркаев.

Силы «Западных», как всегда, были гораздо слабее и состояли из трех общевойсковых армий одного механизированного корпуса, одной танковой, одной кавалерийской дивизии и одной пехотной дивизии резерва.

Действия «Западных» также поддерживало соединение флота, которым командовал молодой контр-адмирал Головко.

Авиацией у «Западных» командовал генерал Жигарев, которому было суждено заменить вскоре арестованного Рычагова.

Как и следовало ожидать, стремительное наступление «Восточных» на Кенигсберг и Варшаву развивалось почти без помех. Смятые и окруженные «западные», которых еще именовали «синими», быстро прекратив организованное сопротивление, не успели даже откатиться на новые рубежи, как попали в стальные клещи танковых корпусов «Восточных», справедливо именуемых «красными».

Жуков не привык проигрывать и, в свойственной ему манере, высказал претензии Мерецкову относительно столь резкого неравенства сил, льготных для «красных» условий и вводных, сковывание инициативы «синих», которые не могли даже маневрировать собственными войсками в своем оперативном тылу. Стоило только подумать, – и нужный мостик оказывался взорванным, железная дорога выведена из строя, электростанция уничтожена и т.п.

Хорошо, соглашается Мерецков. Он разрешил добавтъ «синим» еще две армии, один танковый корпус и слегка смягчить вводные по линиям коммуникаций и связи.

Но за «красными», тем не менее, остается главное: внезапность и полуторное (вместо тройного) превосходство – в численности войск, танках, артиллерии и авиации.

Главное: внезапность. Внезапность нападения всегда действует ошеломляюще, порождая целую цепь катастроф, которые, в свою очередь, множат все нойые и новые катастрофы.

Внезапный удар авиации, уничтоживший авиацию «синих» на аэродромах, делает их войска беззащитными от воздушных ударов, заставляя откатываться от границы, оставляя наступающим «красным» тысячи тонн боеприпасов, горючего и прочего снабжения.

Бросаются пограничные аэродромы, которые тут же захватывают и начинают использовать воздушные силы противника, что позволяет авиации «красных» («восточных») действовать на еще большую глубину территории «синих».

Однако быстрая переброска войск из стратегического резерва позволила «синим» остановить прорыв «красных» и нанести удар во фланг их группировке в Восточной Пруссии.

Завязались ожесточенные бои: рывок «красных» на Варшаву был остановлен. Фронт в восточной Пруссии стабилизировался. Наступающим не удалось выйти на оперативный простор, смяв и окружив «западных».

А Мерецкова неожиданно охватило вдохновение.

Он предложил, исключительно ради проработки теоретического варианта, взять за основу состав сил сторон, указанный в «Сводке № 8», и несколько изменить условия игр. Передать внезапность «западным» («синим») и посмотреть, что из этого получится.

Тимошенко снова пытался возражать, но Мерецкова неожиданно поддержал Жуков, почуявший в этом варианте возможность еще раз ярко продемонстрировать свои наступательные возможности.

А собственно говоря, если речь идет об играх, пусть даже военных, не все ли равно откуда их демонстрировать: с запада, юга или с востока. На то игры и существуют, чтобы выдумывать, проигрывать и исследовать самые невероятные варианты, которых в реальной жизни может никогда и не быть.

Удар «западных», руководимых Жуковым и Пуркаевым, оказался страшным.

«Прорвав в нескольких местах фронт „восточных‟, танки Жукова ринулись вглубь территории противника, сметая все на своем пути.

Не имея права на отступление, части «восточных» («красных»), заняв жесткую оборону, быстро угодили в окружение и их положение стало безнадежным. Катастрофа на севере и в центре не позволила южному флангу «восточных» осуществить задуманное контрнаступление.

Чтобы спасти положение, Павлову нужно было срочно отводить свои войска, но не имея никакого плана на отступление, и он сам, и посредники ясно видели, что отступление мгновенно перерастет в хаос и беспорядочное бегство.

Игра была быстро прекращена.

Тягостное чувство охватило всех участников. Такое чувство бывает у обреченных, которым чудесный оракул на мгновение приоткрыл тайну их будущей судьбы.

Узнав об этой игре, Сталин пришел в ярость.

Вызвав в Кремль участников игр вместе с Тимошенко и Мерецковым, вождь потребовал объяснений.

Как водится, все свалили на Мерецкова, поскольку инициатива этого безобразия исходила именно от него.

Однако Сталин никаких шуток выслушивать не желал. Он заметил Павлову что тот не смог найти правильных решений в ходе игры и подставил свои войска под разгром.

Павлов стал возражать, что он подвергся внезапному удару. А эти вопросы вообще никогда ранее не прорабатывались ни теоретически, ни тем более практически. И атакован он был какими-то фантастическими силами, взятыми с потолка.

Наконец Сталин изрек:

– Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся.

Мерецков и Жуков одинаково помертвели.

Для первого это означало снятие должности с непредсказуемыми последствиями.

Для второго это означало вступление в должность, где он ничего ровным счетом не смыслил, что также могло привести к непредсказуемым последствиям.

Видимо, на Сталина произвела сильное впечатление речь Жукова на Совещании, а также его действия в игре, как на стороне «синих», так и на стороне «красных».

Прямо на совещании в Кремле 12 января 1941 года Сталин снимает с должности Мерецкова и назначает Жукова именно начальником Генерального штаба.

К этому времени в СССР уже сформировался тип так называемого универсального профессионального руководителя, способного в теории возглавлять любое доверенное ему

учреждение. Вчера он мог быть директором больницы» завтра – директором консерватории, послезавтра – главным редактором центральной газеты. Администрирование везде шло по общему трафарету и никаких крупных проблем не возникало.

Но даже в сталинской России подобный человек не мог быть назначен на должность, требующей не административного опыта, а глубокой профессиональной подготовки. Другими словами, он мог быть директором больницы, но не ведущим хирургом, директором консерватории, но не ведущим дирижером и т.д.

Генерал Жуков с грехом пополам – справился бы с должностью Наркома обороны. Тем более, что он был бы нисколько не хуже своих предшественников на этом посту: Ворошилова и Тимошенко. Но на посту Начальника генерального штаба – должности чисто профессорской, академической – он мгновенно достиг предела своей полной некомпетентности.

Как известно, сразу же после начала войны Жуков был снят с должности начальника Генштаба, которой он полностью не соответствовал, и начал миллионами солдатских трупов (которые до сих пор не могут точно сосчитать, остановившись на цифре между 25 и 40 миллионами человек) исправлять свои довоенные ошибки.

Его методы ведения войны ужаснули даже самого Сталина. Но послевоенный Сталин был уже не тот, чтобы как следует разобраться со столь популярной личностью. Все, что вождь мог сделать, это отправить Жукова командовать отдаленным округом.

Появившись снова на сцене после смерти вождя, послевоенный Жуков прославился тем, что отдал приказ на живых солдатах испытать атомную бомбу, что и произошло 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне под Оренбургом.

Что это? Малограмотность или сознательное преступление? Возможно, Жуков не понимал, что такое атомное оружие, а советники побоялись ему об этом доложить? Маловероятно.

Это обычное для Жукова отношение к солдатам, как к самому дешевому расходному материалу.

Из 40 тысяч военнослужащих, брошенных на полигон, 30 тысяч быстро умерли от ожогов и радиации. 10 тысяч стали инвалидами. В настоящее время (1997 г.) их осталось менее тысячи человек. А это были парни 33-34 гг. рождения. Только сейчас они должны были пересечь шестидесятилетний рубеж.

Вскоре после испытаний Жуков получил четвертую Звезду Героя.

За каждую его звезду заплачено примерно десятью миллионами солдатских жизней.

14 января 1941 года Сталин в числе других членов Политбюро завизировал приказ о назначении Жукова начальником Генштаба и о перемещениях в связи с этим назначением.

13 января 1941 года «Правда» опубликовала «Заявление ТАСС», где указывалось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием».

Вот такими незатейливыми методами мелкого провокатора Сталин зондировал Берлин.

Далее ТАСС был уполномочен заявить следующее:

1. Если немецкие войска и в самом деле имеются в Болгарии, и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это происходит без ведома и согласия СССР, германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию».

Но в Берлине с такими тонкими методами Москвы уже освоились и научились на нее реагировать, используя почти советскую «новоречь».

«Германское информационное бюро о заявлении ТАСС.

14 января 1941 года. В виду большого количества слухов... относительно мнимой переброски германских войск в Болгарию, в берлинских политических кругах заявляют, что нет ничего удивительного в том, что русское официальное агентство ТАСС сочло своим долгом опубликовать опровержение в связи с этим сообщением…»

«Строго секретно.
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 14 января 1941 года.
О начальнике Генштаба и командующем войсками военных округов
Для улучшения подготовки войск округов и армий утвердить назначения:
1. Начальником Генерального Штаба и заместителем Наркома Обороны – генерала армии Жукова Георгия Константиновича;
2. Заместителем Наркома Обороны по боевой подготовке – генерала армии Мерецкова Кирилла Афанасьевича... »

При очередном докладе Филипп Голиков упомянул о плане «Барбаросса», полученном от неизвестного источника в Швейцарии. Сталин вздохнул: «Что за источник?» Голиков пояснил, что с этим источником работает полковник Радо. Где он его нашел и прочее пока выясняется, Источник получил кодовое имя «Люси».

То, что англичане будут множить свои провокации через нейтральные страны, можно было предугадать. Но то, что они пойдут на фабрикацию директив самого Гитлера, было неожиданностью и вызывало сомнение. Сталин спросил Голикова, что тот по этому поводу думает?

Голиков ответил, что фотокопий документов никто не видел, а тексты, в принципе, придумать совсем несложно.

Разведка НКВД порадовала вождя. Утраченные связи на территории Германии, уничтоженные врагом народа Ежовым, восстанавливаются. Начальник ИНО НКВД Фитин доложил, что сразу после нового года резидент НКВД Александр Короткое, действующий под документами на имя Александра Эрдберга, отбыл в Германию, где 7 января встретился с «Корсиканцем», который сообщил ему, что в аристократических и интеллигентных кругах Германии растет убежденность в тем, что Германия эту войну проиграет. Эпоха громких побед вермахта кончилась, началась затяжная война, которой так все боялись, а потому оппозиция Гитлеру растет не только в этих изначально космополитичных кругах, но и в армии. В дополнение ко всему по Берлину ходит упорный слух, что Гитлер решил напасть на СССР. Тогда ему действительно конец.

10 января 1941 года звонок из Вашингтона известил Черчилля, что в Лондон прибывает личный посланник президента США Гарри Гопкинс. О миссии Гопкинса знала вся Америка, а следовательно – весь мир.

Накануне на пресс-конференции журналисты буквально вцепились в Рузвельта, пытаясь выведать причину поездки Гопкинса. Газеты опубликовали следующую стенограмму:

«Вопрос: Едет ли г-н Гопкинс с какой-либо особой миссией, г-н президент?

Ответ: Отнюдъ нет.

Вопрос: Присвоен ли ему какой-нибудь ранг?

Президент: О, нет.

Вопрос: Г-н президент, можно ли определенно сказать, что г-н Гопкинс не будет назначен новым послом?

Президент: Как вы знаете, Гарри не обладает нужным здоровьем для этой работы...

Вопрос: Будет ли кто-либо сопровождать г-на Гопкинса?

Президент: Нет, и он не будет располагать никакими полномочиями.

Вопрос: Но ему будет дано какое-либо определенное поручение?

Президент: Нет. Вам не удастся выудить ничего интересного. (Общий смех.)

Когда Черчиллю сообщили, что Гарри Гопкинс собирается его посетить, премьер недоуменно спросил: «Кто это?» (Такой же вопрос задал и Сталин, когда в июле того же года Рузвельт направил своего ближайшего друга и советника в Кремль, чтобы вытащить Сталина из той выгребной ямы, куда тот провалился под грузом своих гениальных планов).

Когда же парламентский секретарь премьера Брендан Бракен разъяснил Черчиллю кто такой Гопкинс, премьер тут же приказал «расстелить перед ним все красные ковры, уцелевшие от бомбежек».

Хотя президент и пытался уверить общественность, что Гопкинс не имеет никаких поручений, он вручил перед отъездом своему другу нечто вроде рекомендательного письма следующего содержания: «Питая к вам особое доверие и полагаясь на вас, прошу как можно скорее выехать в Великобританию, чтобы действовать там в качестве моего личного представителя. Прошу вас также сделать аналогичное сообщение Его Величеству королю Георгу VI.

Естественно, что вы сообщите нашему правительству все, что привлечет ваше внимание в процессе выполнения вашей миссии и что, с вашей точки зрения, послужит важнейшим интересам Соединенных Штатов. Желая вам всего наилучшего для успеха вашей миссии, остаюсь искренне преданный вам Франклин Д. Рузвельт».

Но самое главное сообщение Гопкинс должен был передать устно.

Встретившись с Черчиллем и с чисто американской непосредственностью прервав протокольную часть, Гопкинс наклонился к премьеру и тихо, но внятно сказал:

«Президент твердо решил, что мы должны выиграть войну вместе. Пусть на этот счет у вас не будет никаких сомнений. Он послал меня сюда, чтобы сообщить вам, что он будет поддерживать вас любой ценой и любыми средствами, чего бы это ни стоило ему лично. На свете нет таких вещей, которых он не сделает, если только это в пределах человеческих сил».

Глава 13. Игра втемную

Немецкая печать нервно реагировала на визит Гопкинса в Лондон. Газеты писали, что Гопкинс приехал, чтобы «обменять остатки Британской империи на очередную партию ржавого американского металлолома и виде эсминцев времен Первой мировой войны».

На Германию продолжали дождем сыпаться английские листовки, предрекая Германии скорый конец и предлагая свергнуть Гитлера и сдаться пока не поздно.

Немецкие листовки, также обильно сбрасываемые над Англией, предрекали скорый конец Британской империи и ее «жадной и хищной метрополии», когда немецкие войска, как только установится погода, высадятся на островах.

В личном кинозале Гитлера демонстрировалась кинохроника удара Люфтваффе по соединению английского флота в Средиземном море, ловко смонтированная из английских и немецких материалов.

Пикирующие бомбардировщики «Ю-87» – «Штукас» – с воем и ревом атаковали новейший английский авианосец «Илластриэс», ведущий конвой транспортов на Мальту и в Пирей. Объятый пламенем авианосец, закрытый водяными столбами близких разрывов авиабомб, действительно кажется обреченным. Бодрый и торжественный голос диктора объявляет о его потоплении. Еще одна великая победа Люфтваффе! В этот же день, 10 января, добавляет диктор, в другом сражении потоплен еще один английский авианосец «Арк-Ройял». Пришел конец господству англичан на море.

Гитлер разрешил использовать эти кадры в еженедельном киножурнале «Ди Вохе Рундщау». Народ изголодался уже по каким-нибудь громким боевым эпизодам,

доказывающим непобедимость немецкого оружия. Но на душе у фюрера бъшо не очень весело. Он-то знал, что ни один из английских авианосцев потоплен не был. «Илластриэс», хотя и получил несколько прямых попадании авиабомб, благополучно добрался до Мальты, а «Арк-Ройял», как выяснила разведка, вообще не был атакован. Зато за три дня действии над Средиземным морем 10-й авиакорпус потерял 27 машин. Большая часть пилотов попала в плен к англичанам.

14 января Гитлер в присутствии Кейтеля и Йодля принимал прибывшего в Берлин с кратким визитом румынского диктатора Антонеску. Гитлер прямо задал ему вопрос, что собирается делать Бухарест, если сталинские войска сделают попытку аннексировать еще кусок румынской территории?

– Воевать! – твердо ответил Антонеску.

15 января фюреру представлялся Гальдер по случаю возвращения из отпуска.

Свежий и отдохнувший начальник генерального штаба предстал перед Гитлером, который пребывал не в самом лучшем расположении духа.

Поздоровавшись с Гальдером, Гитлер молча сунул ему последний образец английской пропаганды в виде листовки, где предсказывался конец Германии под объединенными ударами Англии, Америки и России. «Англия надеется на Америку и Россию, – мрачно прокомментировал листовку Гитлер. – Какая цель Англии в этой войне? Она всегда стремилась к господству на континенте. Следовательно, и разгромить нас она будет пытаться на континенте. Значит, я должен быть на континенте настолько сильным, чтобы эта цель никогда не могла быть достигнута! Поэтому мы должны в 1941 году настолько укрепить свои позиции на континенте, чтобы в дальнейшем вести войну и с Англией и с Америкой.

17 января советский посол Деканозов явился в германское министерство иностранных дел и вручил меморандум следующего содержания: «По имеющимся сведениям, в Румынии находится большое количество германских войск, которые в настоящий момент готовятся вступить в Болгарию, имея своей конечной целью оккупацию Болгарии, Греции и проливов...

Ввиду всего этого Советское правительство считает своим долгом предупредить, что оно будет рассматривать появление каких.бы то ни было иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и Проливов как нарушение интересов безопасности СССР. Советское правительство не может безразлично отнестись к событиям, которые угрожают безопасности СССР».

22 января Вайцзекер принял Деканозова и устно сообщил советскому послу ответ на его заявление от 17 января, а затем вручил ему и текст, составленный в форме меморандума.

«Мь уверены, заявил он, что наши планы служат интересам СССР, который, без сомнения, также против получения Англией плацдарма в этих районах».

В Германии шумно отмечаются «Дци Фридриха». В витринах выставлены портреты великого короля. В основном в одной позе: во весь рост, опираясь на массивную трость, великий король наблюдает за боем.

Красной нитью проходит единственный мотив: один против всей Европы. У многих людей это вызывает мрачные аналогии. Великий Фридрих чуть не погубил Германию. Французы захватили рейнские провинции, датчане – Шлезвиг-Гольштейн, русские – Кенигсберг и Берлин.

Главное: Фридрих не искал мира, а сражался до конца. По этому случаю Гитлер принимал военных. Командующие видами вооруженных сил: Браухич, Геринг и Редер со своими начальниками штабов, строевые и отставные фельдмаршалы, генерал-полковники и полные генералы.

Отношения Гитлера с армией оставались сложными, хотя фюрер начал бороться за армию еще задолго до своего прихода к власти.

Многие помнили, как в сентябре 1930 года Верховный суд веймарской Германии судил трех лейтенантов из гарнизона Ульма по обвинению в распространении нацистской пропаганды среди военнослужащих. Правительство посильными силами боролось против фашизма в армии. Однако армейская молодежь все более и более заражалась идеями нацизма.

Военный министр генерал Вильгельм Гронер, чтобы избежать излишней огласки, хотел судить юных лейтенантов закрытым военным судом, но один из обвиняемых, лейтенант Вильгельм Шерингер, успел сообщить об этом в нацистскую газету «Фолькишер Беобахтер», которая подняла страшный шум по поводу ущемления демократии и гласности и возвращения мрачной эпохи прошлой войны – эпохи «закрытых военных трибуналов». В итоге состоялся открытый суд.

Зашита вызвала в свидетели самого Гитлера. Надо сказать, что до прихода к власти Гитлер неоднократно с кем-нибудь судился, выступая то в роли истца, то в роли ответчика, то в роли свидетеля. Он не только не избегал судов, но сам рвался на них, чтобы в очередной раз публично заявить о своих взглядах и намерениях.

На этот суд Гитлер примчался с особым энтузиазмом. Он чувствовал то инстинктивное недоверие, которое армия питает к нему и готов был на все, чтобы это недоверие развеять. Судьба трех молодых офицеров, конечно, беспокоила его неизмеримо меньше, чем возможность заручиться поддержкой всего офицерского корпуса.

«Эти трое молодых людей, – заявил он на суде, – жестоко ошибаются, если думают, что мы даже умозрительно обсуждаем возможность вооруженного мятежа. Чтобы придти к власти, мы собираемся использовать только конституционные средства. Я никогда не позволю себе ни единого шага, который поставил бы меня в такое положение, что я вынужден был бы бороться с германской армией. Напротив. Когда управление нашей страной перейдет в мои руки, а это вопрос нескольких месяцев, я буду рассматривать нынешних господ офицеров как ядро, из которого вырастет великая армия немецкого народа».

Гитлер говорил, держа левую руку на сердце, а правую, сжатую в кулак, – вытянутой вперед. Гул пошел по залу, прерванный неуверенными аплодисментами. Этой речью Гитлер завоевал рейхсвер, явно дав понять, что он не намерен дробить армию, высасывая из нее своих сторонников. Он желает ее всю, но не ранее, чем станет главой государства.

Приговор суда – 1,5 года тюрьмы каждому из обвиняемых – не удовлетворил тогда никого. Для симпатизирующих Гитлеру приговор выглядел слишком суровым. Для других – слишком мягким. Если бы судьи действовали со всей строгостью закона, они, возможно, смогли вернуть армии какую-то уверенность в будущем и вывести офицеров из-под гипнотического шока, вызванного речью Гитлера, который говорил целый час и никто не осмелился его прервать. Робость лейпцигских судей окончательно деморализовала армию, бросив ее в объятия Гитлера.

Она (армия) не ликовала, но и не протестовала, когда через 34 месяца после суда в Лейпциге, 14 июля 1933 года появился декрет Гитлера, где говорилось:

«Германская национал-социалистическая рабочая партия является единственной легальной политической партией Германии».

Армия никак не проявила себя, когда были отменены выборы, упразднен со смертью фельдмаршала Гинденбурга пост президента, отменена конституция и Гитлер, будучи канцлером, официально объявил себя «фюрером германской нации».

Немного всколыхнулась армия после публикации антиеврейских нюрнбергских законов. Армия, авиация и флот отказались выдать евреев из своей среды. Как ни странно, Гитлер и не настаивал. Такие известные офицеры-евреи, как Бакенкелер, Грасман, Рогге, Мильх и многие другие менее известные остались в кадрах вооруженных сил до самого крушения

Рейха. Слова Геринга: «В своем штабе я сам решаю, кто у меня еврей, а кто – нет» стали своего рода руководством к действию.

Представители высшего эшелона немецкого офицерского корпуса недоумевали и считали антисемитскую политику Гитлера крупной тактической ошибкой. Они цитировали знаменитые слова кайзера, как-то заявившего:

«В Германии нет евреев, а есть немцы иудейского верования. Без их помощи Германия никогда не стала бы великой».

Не лучше ли было бы иметь на своей стороне деньги, предприимчивость, мозги и международные связи евреев?

Однако, зная мнение на этот счет высшего офицерского состава, Гитлер время от времени пытался объяснить генералам корни и истоки своего отношения к евреям.

«Наша эпоха знаменует собой начало самой безжалостной борьбы за мировое господство. Эта борьба фактически ведется между двумя нациями – между немцами и евреями. Все остальное – лишь обман зрения. Израэлиты стоят за спиной Англии, США и СССР. Даже если мы изгоним евреев из Германии, они все равно останутся нашими врагами в мировом масштабе...

Поставив меня во главе Германии, высшие силы указали именно на немецкий народ как на новый Избранньш народ! А два народа не могут быть избранными одновременно. Сейчас мы – народ Божий! Время евреев кончилось. Две супернации не могут существовать одновременно! Одна из них должна быть уничтожена».

С чисто военной точки зрения было непонятно, зачем в начале процесса собственного возрождения сразу же бросать вызов «супернации», которая, по словам самого фюрера, владычествует над миром. Если Гитлер так уж одержим идеей борьбы с евреями, то эту борьбу можно было начать позднее, когда силы хоть немного уравняются. Если евреи действительно являются мощной «мировой силой», то результаты уже налицо: прошло всего полтора года войны, а Германия уже в кольце врагов, а главное – без друзей. И занята уже не поиском победы, а поиском спасения. Планы фюрера приведут к тому, что в дополнение к Англии в самое ближайшее время придется сражаться с СССР и США, т.е. со всем миром.

Попытки Гитлера внушить военным упрощенную истину о том, что на каких фронтах они бы ни сражались, они везде сражаются с евреями, до военных не доходила. Многие как трагедию воспринимали войну с Англией, где было полно их друзей и родственников. Так было в прошлую войну, так случилось и в нынешнюю. Гитлер уже не мог поручиться, как поведет себя армия, окажись она каким-то чудом на Британских островах. Не произошло бы братания, как в Первую мировую войну, что в итоге ускорило крушение кайзеровской Германии.

Но это была чистая теория. Гитлер прекрасно знал, что до Англии, а уж тем более до США ему никогда не дотянуться.

То недолгое время, которое еще у него есть, необходимо использовать, чтобы выбить из будущей игры Сталина.

Но разворачивая свои армии на Восток, необходимо было считаться с тем фактом, что почти вся военная верхушка вермахта – до командиров дивизий включительно – заражена так называемым «духом Рапалло». В расшифровке это означало, что большая часть руководящего немецкого офицерского корпуса, в первую очередь танкисты, летчики и подводники прошли подготовку и обучение в Советском Союзе. История эта была давняя и началась в пасхальное воскресенье 17 апреля 1922 года, когда в тихом итальянском курортном городке Рапалло был подписан договор, восстанавливающий дипломатические отношения между Германией и Советской Республикой.

Германия лежала униженная и поверженная после проигрыша Первой мировой войны. Россия, опустошенная мировой и гражданской войнами, зажатая железными тисками тоталитарного коммунистического режима находилась в изоляции от всего мира, выставившего против нее нечто вроде «санитарного кордона».

Договор в Рапалло был ее первым прорывом на международную арену. Остальная Европа и Америка потешались над этим альянсом, называя его союзом «слепого и хромого», «договором нищих» и т.п. Но, как показало дальнейшее развитие событий, потешались они над союзом двух изгоев совершенно напрасно. Помимо взаимовыгодной торговли, обеспечивающей рабочие места в Германии и приток новой технологии в СССР, обе стороны быстро наладили и военные связи.

Первоначальные задачи военного готрудничества Германии и России были сформулированы бывшим начальником кайзеровской секретной службы полковником Вальтером Николаи, старым и добрым куратором большевиков еще со времен, предшествующих февральской революции.

Неизвестно, встречался ли старый полковник с Лениным, но с членами ленинского ЦК встречался неоднократно, подробно и вдумчиво их инструктируя. Одним из старых сотрудников полковника Николаи был Карл Радек, близкий друг Ленина, Троцкого и Сталина, отвечавший в то время за советскую внешнеполитическую пропаганду. В частности, по его указанию Коминтерн со своей стороны также включился в борьбу против Версальского договора, называя его капиталистическим наступлением на германский пролетариат.

По поводу военного сотрудничества Радек писал: «Новая советская армия готова предоставить неограниченные возможности опытным немецким офицерам. Мы нуждаемся в помощи для восстановления полностью разрушенной русской военной машины. В обмен Советский Союз сможет производить оружие, которое Рейхсверу иметь запрещено, и Рейхсвер сможет научиться пользоваться этим оружием, проходя боевую подготовку на русской земле».

После осторожного зондажа немецкой реакции, советский посол Крестинский сделал на этот счет прямые предложения военному министру Германии Отто Гесслеру и командующему рейхсвером генералу Гансу фон Секту. В результате был подписан целый пакет секретных соглашений, согласно которым ежегодно, до 1930 г., треть ежегодного бюджета рейхсвера плюс 120 миллионов так называемых «стабилизированных» марок вкладывались в странный картель, имевший довольно замысловатое название: «Корпорация предприятий промышленного развития». Самолеты «Юнкерса» проектировались и строились в Фили и Самаре, артиллерийские снаряды – в Туле и Златоусте, производство боевых отравляющих веществ было налажено в Красногвардейце, а Ленинград предоставил свою научно-производственную базу для создания новых подводных лодок.

Вместе с тем, для боевой подготовки специалистов германской армии были развернуты три крупных учебно-тренировочных базы в Липецке, Воронеже и Казани. В Липецке и Воронеже проходили подготовку будущие офицеры Люфтваффе, а в Казани – танкисты, которым в будущем предстояло поразить весь мир, и больше всех именно Россию, смертельными ударами танковых клиньев. 20 тысяч будущих офицеров Вермахта прошли боевую подготовку на авиабазах и танкодромах Советского Союза.

Это было фантастическое предприятие. Прототипы самолетов и танков, разработанных в Германии и сделанных там тайно в одном экземпляре, морем по частям доставлялись в Ленинград через свободный порт Штеттин. Там они собирались и испытывались на полигонах, а затем поступали в серийное производство на советских заводах. Первые прототипы пикирующего бомбардировщика Ю-87 и будущего «Мее-сершмитта» прошли испытания на советских полигонах

До конца жизни немецкие летчики и танкисты считали Липецк и Казань своими «Альма-Матер». Без их подготовки было бы невозможно создать в кратчайший срок ни мощные соединения Люфтваффе, ни легендарные танковые группы Гудериана, Гота и Манштейна.

На советских полигонах бок о бок с немецкими офицерами обучались в не меньшем количестве и офицеры Красной Армии, неминуемо создавая дух общего боевого братства, который по замыслу организаторов этого крупномасштабного мероприятия, должен был в итоге перерасти в дух прочнейшего в истории военного союза.

Будущий военный союз зрел не только на совместных жестких учениях, где одинаково часто гибли и немцы, и русские, но в тиши кабинетов высшего военного руководства двух стран.

Командующий рейхсвером генерал Сект вынашивал план удара по Польше в качестве первого шага к ликвидации Версальского договора, поскольку Польшу он считал французским форпостом на востоке. Его планы находили живой отклик у Михаила Тухачевского и у других руководителей Красной Армии. Они прямиком требовали заключения военного союза с Германией, пугая Сталина возможностью того, что Германию могут переманить к себе западные страны и объединенным военным союзом начать поход против СССР. Братство по оружию внизу и единые военные планы наверху и породили именно то, что называлось «духом Рапалло» и, разумеется, даже сама мысль о возможном военном столкновении между СССР и Германией никому не могла придти в голову даже в страшном сне.

Приход Гитлера к власти перечеркнул все далеко идущие планы, но «дух Рапалло» – дух боевого братства по оружию —пустил глубокие корни и в советской, и в немецкой армиях.

Сталин решил эту проблему со свойственной ему гениальной простотой, расстреляв всех, имеющих к тем событиям отношение: от Радека, Крестинского и Тухачевского, до комендантов аэродрома в Липецке и танкодрома в Казани.

Однако не считаться с настроениями офицерского корпуса Гитлер не мог. С одной стороны «братский народ» англичане, с другой – братья по оружию. Как поведет себя армия в грядущей смертельной схватке с «братьями»?

Третий срок на должности президента развил в Рузвельте сильнейшие диктаторские наклонности, не имевшие аналога в такой стране, как Соединенные Штаты. Внешне соблюдались все демократические процедуры, но фактически политику страны определял узкий круг лиц, направляемый президентом. Члены кабинета ничего не знали о планах и замыслах президента, особенно во всем, что касалось вопросов внешней политики.

Вместе с Кордуэллом Хэллом Рузвельт уже подготовил указ об эмбарго на торговлю с Японией, если та не прекратит экспансии в юго-восточной Азии. Затем будут заморожены все японские активы в американских банках. Два-три ультиматума с оскорбительными оборотами. Всего этого будет достаточно, чтобы оскорбленный самурай выхватил меч и был убит выстрелом в упор.

Готовя страну к войне, Рузвельт уже принял решение создать объединенную разведслужбу США и Англии, назвав это учреждение Управлением Стратегических Служб. Англичане с радостью согласились создать подобное учреждение, возглавляемое американцем. Официально у США никакого разведывательного органа не было. ФБР главным образом занималось контрразведкой и борьбой с преступностью. Военная разведка – своими специализированными делами, Разведка госдепартамента действовала в очень тесных дипломатических рамках. Глобальные же задачи, которые мыслил поставить перед своей страной президент Рузвельт, требовали и глобального разведывательного обеспечения.

Во главе нового разведывательного ведомства Рузвельт решил поставить довольно известного адвоката Уильяма Донована. Участник прошлой войны, полковник резерва армии

США, Донован обладал талантом добывать любую информацию и способностью втираться в доверие к самому дьяволу.

Вернувшийся из Европы Донован был наполнен творческим оптимизмом.

– Сталин никогда не нападет первым, – успокоил президента Донован. – Сейчас он остался, видимо, последним человеком в мире, который еще верит в операцию «Морской Лев», а Гитлер тратит огромное количество времени и ресурсов, чтобы Сталин в этом не разуверился. Сталин ждет его высадки в Англии, чтобы начать свой победный марш, а Гитлер уверяет всех, что где-то в конце июня или начале июля непременно высадится в Англии.

28 января генерал Гальдер собрал совещание по вопросам практической подготовки к операции «Барбаросса». Картина получилась совершенно безрадостная. Транспорта не хватало катастрофически. Бензином армия была обеспечена на три месяца военных действий. Примерно на такое же время рассчитан и расход всех видов боеприпасов. Дизельного топлива – на один месяц военных действий. Другими словами, учитывая расходы на стратегическое развертывание, всех запасов хватит только на два полных месяца военных действий. Большинство автотранспорта придется мобилизовать из гражданского сектора. Автомобильных, авиационных и артиллерийских покрышек недокомплект более 70%.

(Как тут не вспомнить, что, помимо всего прочего, американцы во время войны поставили в СССР 12 миллионов автомобильных, авиационных и артиллерийских покрышек. Сталин получил более 150 тысяч тяжелых американских грузовиков).

Советский народ ждало исключительно радостное событие. 30 января газеты и радио опубликовали Указ Президиума Верховного Совета о том, что огромный карательный монстр НКВД разбух настолько, что разделился на два самостоятельных Наркомата – Внутренних дел и Государственной безопасности, а товарищ Берия Л.П. получил звание «Генерального Комиссара Государственной Безопасности», что соответствовало званию маршала Советского Союза. При этом как-то незаметно пришло сообщение о назначении товарища Меркулова В.Н. наркомом госбезопасности. И уж совсем ничего не сообщалось о том, что именно 30 января генерал армии Жуков, вернувшись из Киева, где он сдавал округ генералу Кирпоносу, приступил к исполнению своих новых обязанностей начальника Генерального штаба РККА.

Накануне поминовения Владимира Ильича нарком Тимошенко отдал секретный приказ «О зачислении в кадры Красной Армии начальствующего состава запаса, призванного по мобилизации» (№ 023), где говорилось:

«Начальствующий состав запаса, призванный в ряды Красной Армии по мобилизации на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1939 года и задержанный до особого распоряжения согласно приказу НКО СССР за № 0110 от 3 июня 1940 года... зачислить в кадры... Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С.Тимошенко».

Этим замечательным приказом все офицеры запаса, призванные еще в 1939 году для похода в Польшу и на войну с Финляндией, должны были остаться в армии навсегда. В подавляющем большинстве – до конца жизни.

Просмотрев общие проработки своих предшественников: Егорова, Шапошникова и Мерецкова по операции «Гроза», – Жуков правильно решил, что если на дворе уже стоит февраль, а операция назначена на июль-август, то необходимо разворачивать войска, преобразовывать округа во фронты, формировать фронтовые штабы. То есть, браться за дело по-серьезному. Призвать в армию еще 800 тысяч человек. Обязать промышленность еще более увеличить выпуск всех видов военной техники с учетом ее неизбежного «расхода» на первом этапе войны.

Понятно, что такие вопросы мог решить только Сталин, который, узнав о приезде Жукова из Киева, приказал ему быстро войти в курс дела и доложить.

Жуков входил «в курс дела» в течение недели «по 16 часов в сутки», консультируясь с многоопытным Шапошниковым и его старыми разработчиками: Василевским и Ватутиным.

8 февраля Тимошенко и Жуков направились к Сталину на ближнюю дачу.

Предложение Жукова Сталин встретил настороженно. Разворачивать фронты и фронтовые штабы? Фронт – это крупнейшая группировка вооруженных сил, создаваемая только в военное время. Фронт должен иметь службу управления, штаб. В его подчинении находятся несколько армий, авиадивизии, фронтовая система ПВО, специальные части связи, усиления, инженерные войска и, конечно, фронтовые тылы. Всего около миллиона солдат и офицеров. В мирное время никаких фронтов не существует. Существуют округа. Создание и развертывание фронта говорит о том, что мирное время кончилось и началось военное. А противник об этом узнает обязательно, поскольку скрыть подобное широкомасштабное мероприятие практически невозможно.

Поэтому Сталин сказал – нет. Рано еще. Мы спровоцируем немцев на первый удар.

Выбирая наиболее тактичные формулировки старорежимных выражений, используя в голосе профессорские интонации, объясняющие пациенту простым языком симптомы его сложного недуга, маршал Шапошников произнес краткую речь, которая сводилась к следующему.

Как товарищ Сталин вообще представляет себе операцию «Гроза»? Правительство принимает решение на ее начало, нарком обороны по прямой связи дает команду в пограничные округа – и войска пошли? Нет, товарищ Сталин, так не делается. Нужно развернуть фронты и фронтовые штабы. Это дело долгое и муторное. Если мы начнем прямо сейчас, то дай Бог управиться к концу мая.

– Весь вопрос в этом и заключается, что удар первым может нанести только тот, кто первый развернет армии, создаст боевые фронты и органы управления ими. Наличие какого угодно количества войск в принципе не имеет большого значения, если не проведены указанные мероприятия.

Например, на нашей западной границе в настоящее время находится от 70 до 99 дивизии противника. А мы спокойны. Почему? Не только потому, что этих сил слишком мало. И малыми силами можно нанести такой внезапный удар, последствия которого могут быть катастрофическими. А потому, что на нашей границе не развернуты фронтовые штабы или штабы армейских групп, как принято у немцев. То есть все эти дивизии, о которых так беспокоится товарищ Голиков и его подчиненные, просто не могут двинуться вперед. Другую картину мы наблюдаем на Западе. Готовя вторжение в Англию, немцы развернули три фронтовых штаба: два во Франции и один – на западном побережье Норвегии. Об этом свидетельствуют все разведданные и анализ радиоперехвата.

– Кроме того, – продолжал Шапошников, – Гитлеру сейчас явно не до нас. Ему надо спасать от краха своего союзника – Италию. И делать это быстро. Поскольку времени на раздумья у него не осталось. 8 февраля конгресс Соединенных Штатов в первом чтении принял закон о так называемом «ленд-лизе». Это равносильно объявлению войны. По нашим данным, Соединенные Штаты будут готовы к вступлению в войну не позднее начала 1942 года. К этому времени они завершат первый этап своей впечатляющей программы вооружении. Однако все потуги Америки окажутся тщетными, если к этому времени Гитлер захватит Британские острова, ибо все планы Рузвельта основаны на переброске американских войск и боевой техники в Англию с тем, чтобы оттуда нанести удар по Европе. Это, конечно, теория. Лично я полагаю, что подобная десантная операция на практике абсолютно невозможна. Но дело не в этом. Вернемся к фактам. Чтобы уберечь себя от неминуемой катастрофы, Гитлер должен совершить высадку в Англии в короткий период благоприятной для этого погоды, который, по многолетним наблюдениям, устанавливается в проливе Ла-Манш примерно с начала июля до конца августа.

К этому времени, естественно, должны быть полностью готовы и мы, если мы хотим воплотить в жизнь задачи, поставленные партией и лично вами, товарищ Сталин.

Да, Сталин прекрасно понимал необходимость всех мероприятий, предложенных высшими руководителями Красной Армии, которых он сам тщательно отобрал и назначил на занимаемые ими посты.

Но ведь столь масштабных мероприятии не скрыть и они могут вынудить Гитлера не только отложить (или вообще отменить) грядущую высадку в Англии, но и, в свою очередь, принять меры против столь откровенной угрозы с Востока.

С середины тридцатых годов в распоряжении Сталина находился проживающий в Москве известный берлинский психиатр доктор Артур Кронфельд. Уникальность доктора Кронфельда заключалась в том, что ему удалось провести психиатрическую экспертизу Гитлера. В мае 1932 года Гитлер подал в суд «за клевету» на некоего Вернера Абеля, обвинявшего будущего фюрера в получении 10 миллионов лир от итальянских фашистов. Скандал разразился по поводу того, что представленная в немецком парламенте партия национал-социалистов финансируется из-за границы, что было запрещено законом.

Поскольку с самого начала процесса истец и ответчик обвинили друг друга в ненормальности, суд, по взаимному требованию адвокатов, пригласил психиатра для официальной экспертизы обоих. Заключение доктора Кронфельда было однозначным: Гитлер ярко выраженный психопат. «Гитлер среднего роста, – писал в заключении доктор Кронфельд, – узкие плечи, широкий зад, толстые ноги, тяжелая походка подчеркивает безобразное строение тела. Незначительный рот, небольшие мутные глаза, короткий череп, слишком большой подбородок подчеркивают известную дегенеративную примитивность... Он невероятно гримасничает, постоянно в каком-то беспокойном движении. У Гитлера бывают судорожные эпилептические припадки». Психопаты такого типа, указывал доктор Кронфельд, склонны время от времени впадать в депрессии, откуда они обычно выходят в состоянии совершенно не контролируемой агрессивности. Неконтролируемая агрессивность позволяет забыть о риске и броситься на гораздо более сильного противника, который часто бывает не способен оказать адекватного сопротивления, находясь под воздействием мощного импульса энергии безумия. Энергия безумия – была именно той темой, исследованиями которой фундаментально занимался доктор Артур Кронфельд.

После прихода Гитлера к власти, доктор Кронфельд сразу же покинул Германию, поскольку он был еще и наполовину евреем. В 1935 году профессор со своей женой и своим любимым ассистентом Эрихом Штернбергом появился в СССР. В отличие от других политэмигрантов, он очень хорошо устроился, получив шикарную квартиру, куда он вывез из Швейцарии свою богатейшую библиотеку, коллекцию французской эротической бронзы и роскошную мебель. Получив возможность богато практиковать в Москве, доктор Кронфельд лично консультировал Сталина, вместе с профессором Снежневским проводил психиатрические экспертизы для НКВД, занимался фундаментальными проблемами психиатрии.

В 1939 году, по заданию НКВД, Кронфельд опубликовал секретную брошюру, изданную типографией ЦК ВКПб) тиражом 50 экземпляров (после начала войны эта книга была издана открыто и гораздо большим тиражом) и озаглавленную «Дегенераты у власти», где он давал тщательный психиатрический анализ всем руководителям Третьего Рейха. В 1940-41 доктор Кронфельд неоднократно вызывался в Кремльи на Лубянку, консультируя самых высоких лиц. Он выполнил и секретный заказ наркомата обороны, разработав методику отбора и подготовки лиц, поступающих в авиационные училища, и набор психологических тестов для них. (Интересно отметить, что начальник новорожденной американской разведки Уильям Донован заказал известному американскому психоаналитику профессору Лангеру психологический анализ личностей Гитлера и Сталина.

В результате изучения биографий европейских вождей, анализа информации о их влечениях, поведении в различных ситуациях, их навязчивых идеях (о собственной мессианской роли у фюрера, о «коммунизме как светлом будущем всего человечества» у Сталина), суицидных наклонностях, проявившихся у Гитлера в 1933 году, а у Сталина – в 1936 году, профессор Лангер пришел к выводу, к которому до него пришли знаменитые психиатры Бехтерев и Кронфельд, гласившем, что Гитлер – психопат, а Сталин – параноик. Разница между этими двумя терминами заключается в том, что термин «психопат» подразумевает болезнь в острой форме, а «параноик» – в хронической.

Отметим, что если Бехтерев после постановки своего знаменитого диагноза был отравлен, то почти такая же судьба ждала и профессора Кронфельда. Во всяком случае официальная версия его смерти гласит следующее:

В октябре 1941 года, когда немецкие войска вплотную подошли к Москве, в столице началась паника, вылившаяся в повальное бегство. В городе жгли служебные бумаги, уничтожали заключенных, минировали дома и правительственные здания. В подобной суматохе о докторе Кронфельде просто забыли. Перспектива новой встречи со своим старым пациентом Адольфом Гитлером была для Артура Кронфельда столь страшна, что профессор и его жена отравились газом. Их нашли мертвыми 17 октября в собственной квартире.

Так это было или иначе, неизвестно, но факт остается фактом, что все знаменитые психиатры, допущенные к осмотру наиболее известных в мире маньяков, своей смертью не умирали).

Поскольку мы ничего не знаем о собственном мозге, кроме самого факта его существования, то и не можем знать природу той могучей, гипнотической энергии, которую распространяет вокруг себя мозг, пораженный тем или иным недугом. Но почему-то овладеть массами, истребляя одних и сколачивая в шеренги других, ослепляя их и ведя затем разными дорогами в одну пропасть, удавалось только откровенным безумцам и эпилептикам. Это одна из наиболее интересных тайн человечества.

9 февраля 1941 года эскадра английских кораблей, демонстрируя свое откровенное презрение к итальянскому флоту, появилась у мошной икыьянской военно-морской базы и крупнейшего коммерческого порта Генуя. Английские корабли вышли из Гибралтара под командованием адмирала сэра Джемса Сомервилля, державшего флаг на линейном крейсере «Ринаун». За ним, ощерившиеся страшными стволами своих восьми пятнадцатадюймовых орудий, шел линейный корабль «Малайя». Крейсер «Шеффилд» возглавлял корабли прикрытия, а чуть мористее держался авианосец «Арк Ройял», чьи самолеты готовились поддержать действия линейных кораблей.

Развернувшись на боевой курс, «Ринаун» и «Малайя» начали бомбардировку Генуи, посылая на город и порт через каждые 40 секунд по 6 пятнадцатидюймовых снарядов.

Эффект был ужасающим. Огромные снаряды сносили многоэтажные здания в городе и порту. Тонули транспорты с нагруженными на них немецкими танками и солдатами, предназначенными для переброски в Африку на помощь погибающей итальянской армии. Горели машиностроительные заводы фирмы «Ансальдо», пылали и рушились склады с боеприпасами, взрывались цистерны с нефтью. Выпустив 400 снарядов, английская эскадра с достоинством удалилась, потеряв 1 самолет.

В тот же день английские бомбардировщики обрушились на Мессину и Неаполь.

Начиная со 2 февраля, английская авиация день и ночь бомбила и порты Северной Франции: Шербур, Гавр, Кале, и бельгийский порт Остэнд, уничтожая доки, краны, причалы и склады, нещадно топя все транспорты противника, рискнувшие туда зайти.

10 февраля англичане сбросили воздушный десант, который, воспользовавшись внезапностью, захватил порт Калабрия на южной оконечности Италии, уничтожив все что было возможно в порту и захватив массу секретных документов и оборудования.

Подошедшие эсминцы приняли десантников на борт и ушли, дав по порту несколько прощальных залпов.

И в Германии, и в Италии царила паника, поскольку возросшая активность английской авиации и флота явно показывала, что англичане задумали еще что-то новое, чтобы окончательно деморализовать деградировавших наследников великого Рима.

Для завершения кампании необходимо было захватить Триполи. Однако из Каира, от главнокомандующего английскими силами на Ближнем Востоке генерала Уайвелла поступил приказ остановить наступление, перегруппировать силы и ждать дальнейших распоряжений.

Новый премьер-министр Греции Александр Коризис, едва вступив в должность, открыто призвал на помощь англичан. Из Лондона последовал приказ: немедленно приостановить наступление в западной пустыне, перенацелив основные силы своих войск на помощь Греции.

Историки до сих пор считают это решение Черчилля его самой крупной стратегической ошибкой в течение всей войны. Они с иронией отмечают, что главной «виной» Уайвелла и О'Коннора является то, что они слишком быстро расправились с итальянцами, сделав катастрофу вооруженных сил Муссолини слишком очевидной. Протяни они с этим еще месяца четыре, планомерно дожав итальянцев до Триполи, Гитлер, завязший в Советском Союзе, не мог бы начать своей африканской кампании, и союзникам не пришлось бы сражаться еще почти 2 года, чтобы окончательно утвердиться на всем африканском побережье от Атлантики до Суэца.

В этой смелой гипотезе в воздухе повисает только один вопрос: а произошло бы вообще нападение на Советский Союз, если бы Италия рухнула не в 1943, а в 1941 году?

Возможно, что эта крупнейшая стратегическая ошибка Черчилля была сознательной? Черчилль не был человеком, способным делать непродуманные шаги, а тем более – опрометчивые.

Увы, история не терпит сослагательных наклонений.

8 февраля генерал Эрвин Роммель был вызван к фюреру.

Гитлер принял Роммеля в присутствии Браухича. Фюрер сообщил генералу, что он назначен командиром особой группы, состоящей из 5-й легкой дивизии и части 15-й танковой дивизии, которые уже грузятся в Генуе для переброски через Триполи в Северную Африку, чтобы спасти Италию от полного краха. К концу мая Роммелю пообещали перебросить в Африку полностью всю 15-ю танковую дивизию.

Когда 11 февраля Роммель прилетел в Рим, он уже знал, что в результате бомбардировки Генуи английскими кораблями и самолетами, его хилые силы, выделенные Гитлером, сократились почти наполовину.

Но Роммель не растерялся, приказав остаткам 5-й легкой дивизии и всему тому, что осталось от 15-й танковой, срочно грузиться на суда и следовать в Триполи. Следовать по одному, не привлекая конвоем внимания англичан.

Приказав генералу Гейслеру подготовить часть сил к перелету в Африку и немедленно начать действия крупными силами против главной английской базы снабжения в Бенгази, Роммель 12 февраля вылетел в Триполи на транспортном «юнкерсе».

Закамуфлированный «Ю-52» стелился над самой водой и, проскочив под самым носом англичан, благополучно доставил Роммеля в Триполи 12 февраля. К своему величайшему изумлению, Роммель узнал, что англичане прекратили наступление на Триполи. 6-я ударная австралийская дивизия перебрасывалась в Грецию, 7-я танковая английская дивизия грузилась на транспорта в Александрии, также направляясь в Грецию. Туда же была отправлена большая часть транспорта, средств артиллерийской и зенитной поддержки, боеприпасов и горючего.

Фронт на линии Эль Агейла-Марада занимала необстрелянная 9-я австралийская дивизия неполного состава и 2-я резервная танковая дивизия, посаженная, за неимением другой матчасти, на кое-как отремонтированные трофейные итальянские танки.

С трудом подавив в себе дикую радость от такого подарка судьбы, Роммель с нетерпением стал ожидать прибытия первых частей 5-й немецкой легкой дивизии, что ожидалось уже 14 февраля, моля Бога, чтобы англичане не перехватили в море и не перетопили одиночные транспорта, идущие с таким бесценным грузом из Генуи и Триполи.

Именно в тот день, когда эскадра адмирала Сомервилля, как воплощение несокрушимой морской мощи, громила генуэзский порт, капитан 2-го ранга Вольфганг Калер – старший артиллерийский офицер линкора «Гнейзенау» заметил с «вороньего гнезда» на мачте слабый дымок на горизонте. Об этом было немедленно сообщено на «Шарнхорст». Корабли отряда адмирала Лютьенса находились в северной Атлантике уже 6-й день, но пока не повстречали никого.

4 февраля, воспользовавшись снеговыми зарядами и пришедшей из Арктики мглой, им удалось незамеченными проскочить мимо английского сторожевого крейсера через Датский пролив в Атлантику. Обратившись к экипажу, адмирал Лютьенс с нотками триумфа в голосе объявил: «Впервые в истории именно сегодня немецкие надводные корабли сумели прорваться через английскую блокаду в Атлантику. Впереди вас ждет еще больший успех!»

8 февраля оба линкора шли на параллели южной оконечности Гренландии, держась в тридцати милях друг от друга. Дул пронизывающий холодный ветер, нагоняя встречную волну, обрушивающуюся на палубы. Налетающие временами снежные заряды сводили видимость к нулевой.

На следующее утро ветер слегка стих, и корабли начали поиск добычи. Имеющаяся информация гласила, что вышедший 31 января из Галифакса конвой НХ-105 держится на северо-восточном курсе. Об охранении конвоя ничего известно не было. Лютьенс планировал подойти к конвою,с юга на «Гнейзенау», взяв его затем в клещи с помощью «Шарнхорста», который должен был появиться с севера.

И вот в 08:30 9 января капитан 2-го ранга Калер с вороньего гнезда «Гнейзенау» заметил на горизонте дымок, а затем – кончики мачт. Корабли продолжали сближение, пробиваясь через бушующие волны, и в 09:47 на дистанций 17 миль штурман «Шарнхорста» капитан 2-го ранга Гельмут Гисслер опознал английский линкор «Ремиллес».

Это был старый тихоходный (21 узел) корабль, построенный в 1916 году. Ему было не уйти от тридцатидвухузловых немецких линкоров и не догнать их. Но старый линкор нес восемь пятнадцатидюймовых орудии и в случае боя мог разнести в клочья оба немецких корабля.

Как только противник был опознан, Лютьенс немедленно приказал отменить акцию, помня о приказе, категорически предписывавшем любыми средствами избегать боя с английскими кораблями и особенно с линкорами. Экипажи кораблей были разочарованы и раздражены.

Гигантские волны захлестывали линкоры, с грохотом обрушиваясь на башни главного калибра, мостики и надстройки. Бортовая качка достигала 40 градусов, носовая часть кораблей уходила в воду по надстройку. Зенитные автоматы были повреждены и исковерканы. Волны смыли за борт почти все вентиляционные грубы.

Отряд находился в море уже 17 дней, еще никак себя не проявив. Погода продолжала неистовствовать и адмирал Лютьенс стал подумывать о возвращении в Брест.

Глава 14. Глухота

15 февраля 1941 года в Москве открылась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), продолжавшаяся до 20 февраля. С докладом на партконференции выступил Георгий

Маленков. Официальной темой доклада было положение в промышленности и на транспорте. И хотя доклад, как и положено, произносился на непереводимой «новоречи», его лейтмотивом было требование довести промышленность и транспорт до состояния полной мобилизационной готовности.

«Полная мобилизационная готовность» —эта фраза постоянно звучала и в докладе, и в прениях. Речь шла, конечно, о предприятиях, работающих «на оборону», хотя уже никаких других предприятий в Советском Союзе практически не осталось.

В клубке интриг, в который была превращена вся общественная, экономическая и политическая жизнь страны, в вакханалии массовых убийств, арестов и доносов, отчаянных попыток с помощью нагнетания всевозможных «истерии» нащупать выход из того смертельного тупика, куда была загнана страна, склока между армией и военной промышленностью занимала одно из самых первых мест по беспощадности и беспринципности.

И как всегда, в центре склоки выступал сам отец всех народов. Как-то в разговоре со своим любимцем Андреем Ждановым Сталин заметил, что в годы гражданской войны, он помнит, была очень хорошая 107-мм полевая пушка. Ее очень любили красноармейцы. Такая пушка легко перевозилась лошадьми. Вот если сейчас ее бы установить на танки?

Поскольку речь шла о полевой пушке времен гражданской войны, то естественно, установить ее на танк было никак невозможно. Но мысль вождя была развита творчески. Жданов дал указание конструкторам Кировского завода в Ленинграде создать для танка 107-мм орудие. Те пришли в ужас. Для такого орудия необходимо было создать совершенно новый танк, а не тот, который уже шел в серию. Тем более, что уже была создана для серийных танков прекрасная 76-мм пушка. Не говоря уже о том, что для этой мифической 107-мм пушки не бъш еще создан и боезапас.

Жданов же тем временем уже заручился поддержкой маршала Кулика, занимавшего пост начальника Главного Артиллерийского Управления РККА. Узнав, кто «создатель» 107-мм пушки, Кулик немедленно отдал приказ снять с производства 76-мм орудие и начать изготовление любимой сталинской пушки, с тем чтобы ее можно было установить на новые танки.

Узнав об этом, нарком вооружений Борис Ванников пришел в ужас. В состоянии тихого ужаса он жил постоянно, но подобные истории, приводя его в ужас, заставляли забывать обо всем, даже о собственной безопасности. Ое наотрез отказался выполнять распоряжения Жданова и Кулика. Разразился скандал, в котором обе стороны апеллировали, естественно, к Сталину – на этот раз не только как к отцу всех народов, но и как к создателю нового орудия.

Для пущей убедительности Кулик сфабриковал липовую разведсводку о том, что немцы перевооружают свои'танки новым 100-мм орудием, чего те и не думали делать. Ванников связался с ГРУ и получил разъяснение, что на немецких танках главным образом 45 и 50-мм короткоствольные пушки, на некоторых имеются 75-мм.

«Маловероятно, – указывали эксперты, – чтобы немцы смогли за год обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники»...

Вскоре Ванников был вызван к вождю.

Тот хмуро спросил: «Что скажете вы по поводу предложения вооружать танки 107-мм пушкой? Товарищ Кулик говорит, что вы не согласны с ним. А пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне...» К этому времени и сам Ванников уже хорошо знал, откуда дует ветер. Но тем не менее он нашел в себе достаточно мужества, чтобы объяснить товарищу Сталину в наиболее мягкой форме всю абсурдность его неожиданной инициативы.

Сталин ходил по кабинету за спиной Ванникова и слушал.

В этот момент в помещение вошел Жданов.

Увидев его, Сталин с укором в голосе сказал:

– Вот Ванников не хочет делать 107-мм пушки для наших ленинградских танков. Такие хорошие пушки, а делать не хочет. Почему?

– Ванников всегда всему сопротивляется, – подыграл «хозяину» фаворит. – Это стиль его работы. И поглядел на наркома вооружений с таким видом, будто говоря: «Понял, щенок, против кого идешь?»

Ванников пытался снова возразить, но Сталин резко его оборвал, заявив, что все объяснения наркома ему известны: это граничащее с саботажем нежелание перестраиваться на выпуск новой продукции, что наносит ущерб государственным интересам и является в чистом виде вредительством.

Нарком вооружений похолодел, решив, что прямо из кабинета вождя его отправят на Лубянку, что очень часто практиковалось.

Сталин, подойдя к бледному Ванникову, с трудом поднявшемуся на ватных ногах со стула, с сильным грузинским акцентом произнес:

– Нужно, чтобы вы не мешали. А поэтому передайте директорам предприятий указание немедленно прекратить производство пушек 45 и 76-мм и вывести из цехов все оборудование, которое не может быть использовано для изготовления 107-миллиметровых пушек.

Вопрос был решен, но Ванников не утихомирился. На заседании государственной комиссии по этому вопросу он прямо сказал Жданову: «Вы перед войной допускаете разоружение армии!» Ему это не забыли.

Не забыли ему и то, что еще в 1937 году Кулик дал на Ванникова материал, позволявший усомниться в его безграничной преданности товарищу Сталину, что позволяло его, как, впрочем, и любого другого, вычеркнуть из жизни когда заблагорассудится. Впрочем, сам Ванников тоже не остался в долгу и дал на Кулика такой убийственный материал, что Кулика пришлось расстрелять, а сам Ванников сподобился умереть своей смертью, дотянув до шестидесяти пяти лет. Иногда вождь оказывал наркому вооружений огромное доверие, информируя Ванникова о грядущих арестах и как бы желая выслушать его мнение на этот счет. Как-то в середине февраля 1941 года Ванников был удостоен чести ужинать на квартире Сталина. Вождь был угрюм и неразговорчив, хотя обычно за столом был весьма весел и словоохотлив.

– Среди военных инженеров, – проговорил наконец Сталин, – оказались подлецы. Их скоро арестуют. И дал Ванникову список ознакомиться. Ванников посмотрел. У него застучало в висках. На уничтожение были назначены его близкие коллеги, ценнейшие сотрудники, выдающиеся создатели нового оружия.

Чувствуя на себе пристальный взгляд вождя, нарком молча кивнул головой. Сталин взял список, сложил его вчетверо и сунул в карман френча. Он не показал Ванникову другого списка, который открывался его собственной фамилией. Но Ванников и без этого мог понять, что если в скором будущем будут арестованы его ближайшие сотрудники, то НКВД получит такое количество показаний на него самого, что и в его дальнейшей судьбе можно было не сомневаться. Но уж такова природа человека, постоянно живущего под дамокловым мечом, что он до последней секунды надеется на лучшую долю. В данном случае надежду давал тот факт, что вождь сам пригласил к себе наркома вооружений и оказал ему огромное доверие, ознакомив со списком обреченных.

Ванников просто плохо знал Сталина.

А кто его знал хорошо? Никто.

Даже ближайшие сотрудники, парализованные страхом и загипнотизированные его волей, мало что могли сказать для лучшего понимания логики его мыслительного процесса и процесса принятия решений. Но ведь кто-то все-таки ловко манипулировал этими процессами? Как случилось то, что Сталин полностью выполнил все пункты сценария второй мировой войны, о которых якобы даже не имел понятия? Сколько – по идее, ему должны были заплатить американцы за его самое гениальное изречение о том, что *«кибернетика – чуждая марксизму жидовская наука»*, что обеспечило американцам доминирование над миром на все обозримое будущее.

Что дала запущенная им кампания *«по борьбе с космополитизмом»,*кроме окончательного становления государства Израиль и резкого роста еврейского капитала с одновременным разрушением всего того, что еще оставалось от международного рабочего движения.

Аллен Даллес, привлеченный Уильямом Донованом к работе в американской разведке, еще до официального вступления Соединенных Штатов во вторую мировую войну, составил любопытную записку на имя президента Рузвельта, где указывал, что ахиллесовой пятой Советского Союза является уход от официального *«интернационал-социализма»*к *«национал-коммунизму»*как к более чудовищной форме немецкого *«национал-социализма».*В этом случае, указывал Даллес, Советский Союз неизбежно рухнет и распадется на дюжину псевдонезависимых государств. Чтобы достичь этого, необходимо всего лишь развить в России националистические тенденции.

Как же случилось то, что Сталин выполнил практически все, о чем говорилось в записке первого директора ЦРУ?

На эти вопросы ответов нет. Пока нет, поскольку их еще никто не ставил. Но в них не так уж сложно разобраться, даже не заглядывая в «Особые папки Политбюро».

Даже не предполагая какого-либо злого умысла, можно с уверенностью заявить, что, когда человек, не имеющий даже автомобильных прав, садится за штурвал огромного авиалайнера, каким является государство, это неизбежно приведет к катастрофе, что и случилось.

Мины замедленного действия, подложенные под нашу страну, сначала Лениным, а потом и товарищем Сталиным, сработав, разнесли Советский Союз в клочья, и дай Бог, чтобы они не разнесли Россию.

Но не будем забегать вперед...

Генерала Проскурова между тем перевели в тюремную спецбольницу, подлечили. Срастили поломанные ребра и раздробленные пальцы. У медиков большую озабоченность вызывали отбитые почки. Врачи считали, что бывший генерал от силы протянет год-полтора. И рекомендовали чекистам несколько снизить интенсивность допросов, предупредив, что на каждом допросе бывший начальник ГРУ может неожиданно скончаться.

Но как можно было уменьшить «интенсивность допросов», когда уже во всей своей красе вырисовывался очередной мощный военный заговор с целью государственного переворота и реставрации власти помещиков и капиталистов. При этом предполагалась активная помощь Германии и Англии, с которыми собирались рассчитаться обширными кусками советской территории и богатствами страны.

Мозг заговора находился где-то в недрах Генерального штаба, откуда зловещие нити вели в Управление ВВС, в Наркомат Вооружений, в Главное Разведывательное Управление РККА и через агентуру последней – в столицы и резидентуры ряда капиталистических стран. В первую очередь – Германии, Англии и Японии. Два следственных отдела на Лубянке работали круглосуточно, составляя списки подозреваемых, вычерчивая схемы и линии связи, видя при этом, как зловещие нити сплетаются в не менее зловещую паутину, готовую накрыть армию и все планы партии и правительства, как это уже произошло в не таком уж

далеком 1937 году, когда все глобальные планы товарища Сталина были сорваны заговорщиками, опутавшими страну такой сетью, из которой, казалось бы, и не существовало выхода. Но товарищ Сталин нашел тогда выход. Он найдет его и сейчас...

«Секретное Постановление Политбюро
Особая папка от 19 февраля 1941 г.
«О развертывании фронтов на базе пограничных военных округов»
«На базе Ленинградского Военного округа, Прибалтийского Особого Военного округа, Западного Особого Военного округа и Киевского Особого Военного округа создать и развернуть фронты и фронтовые штабы....Созданные фронты отныне именовать соответственно:
1. На базе ЛВО– Северным фронтом.
2. На базе ПБОВО– Северо-Западным фронтом.
3. На базе ЗПОВО– Западным фронтом.
4. На базе КОВО– Юго-Западным фронтом...
11. В связи с абсолютной секретностью указанного мероприятия окружная система полностью сохраняется и передается заместителю командующего фронтом по территориальному управлению, который после ухода войск фронта с указанной территории вступает в полные права командующего тыловым военным округом».

Визируя это постановление Политбюро, Сталин с сомнением сказал Жукову: «Путаница только начнется, штабы эти переругаются между собой, кому какие приказы отдавать. Порядка не будет».

Великий вождь, как в воду глядел. Слишком сложная была задумка для неуклюжей советской военной машины. «Порядок наведем, – твердо пообещал новый начальник Генерального штаба, – порядок будет. А иначе никак нельзя, товарищ Сталин».

Сталин понимал, что иначе нельзя, но его самого немного пугал размах затеянных мероприятий. Но нравилось, как горячо взялся за дело новый начальник Генерального штаба. И времени оставалось совсем немного. Нужно было спешить.

Деканозов через свою агентуру в Берлине добыл замечательные сведения о плане-графике подготовительных мероприятий Германии для вторжения в Великобританию летом текущего года.

Вместе с тем на побережье Северной Африки предполагается высадить несколько пехотных и танковых дивизий для нанесения англичанам решительного поражения и вытеснения их на первом этапе за линию Суэцкого канала с захватом Александрии и Порт-Саида.

В самое ближайшее время немецкие войска намерены нанести удар по Греции с целью уничтожения развернутых там английских экспедиционных сил и захвата островов Эгейского моря, включая Крит, где созданы английские базы.

В Ливийском порту Триполи высадились первые немецкие пехотные и танковые части под командованием известного по боям во Франции немецкого генерала фон Роммеля (так в тексте – И. Б.), который уже развернул в пустыне боевые штабы.

Источники в министерстве авиации Германии подчеркивают, что английская разведка частично вскрыла намеченный план действий немецкого командования и уже фактически открыто цепляется за последнюю возможность спасения, которую видит в отравлении между собой Советского Союза и Германии.

Вместе с сообщением Деканозова Сталин получил справку Генерального штаба об экспертизе документа, имеющего название «План Барбаросса». Тщательное исследование показало, что «...данный документ никак не может представлять плана кампании,

разработанного специалистами в любом Генеральном штабе. В плане отсутствуют общая идея операции, график которой взят буквально с потолка. Обращает внимание тот факт, что три группы армий („Север‟, „Центр‟ и „Юг‟) собираются наступать вглубь территории СССР по расходящимся направлениям, чего ни один стратег не мог бы себе позволить. Фактически „План Барбаросса‟ является очень грубой фальшивкой и представляет из себя не что иное, как план-график введения войск кайзеровской Германии на территорию Прибалтики, нынешней Белорусии и Украины в 1917-1918 гг. после крушения Восточного фронта и подписания Брест-Литовского мирного договора».

С этой оценкой «Плана Барбаросса» совершенно не был согласен начальник Информационного отдела ГРУ подполковник Новобранец. Получив от генерала Голикова копию документа, подполковник засел за его изучение и пришел к выводу, что план не является английской или чьей-то другой фабрикацией. Это подлинный документ, и все говорит о том, что немцы уже приступили к его осуществлению.

– Ты как будто не две академии окончил, – не желая обострять отношений со своим настырным подчиненным после реакции Сталина на «Сводку № 8», миролюбиво заметил Голиков, а и простого училища не кончал. Ты гляди, как здесь задумано наступление: одна группа прет на Ленинград, вторая – на Москву, третья – на Киев. И с каждым днем они все дальше удаляются друг от друга. Тут еще наступление предусмотрено с территории Румынии, а там вообще нет развернутых сил. Войска просто идут транзитом через румынскую территорию.

Голиков обычно бил своего подчиненного двумя «козырными тузами»: отсутствием на советской границе немецких штабов фронтового управления и отсутствием у немцев зимнего обмундирования.

Подполковник Новобранец, однако, уже иащупал под Варшавой, пока замаскированный под какое-то интендантское управление, штаб группы армий. Более того, в нескольких метрах от Бреста его агентурой был обнаружен штаб танковой группы, пока законсервированный.

Второй фронтовой штаб был обнаружен Новобранцем в районе Тильзита. Там же, как гриб на общей грибнице притулился и штаб еще одной танковой группы. Оба штаба, естественно, вели полулетаргическое существование, чтобы не быть обнаруженными раньше времени.

Голиков, а вместе с ним и руководство Генштаба, склонялись к мысли, что это временные штабы, управляющие переброской войск в южном направлении.

Подполковник Новобранец в специальной докладной на имя начальника Генштаба пытался доказать, что это не так. Штабы явно нацелены на восток. Он понял, что это постоянная и мощная концентрация немецких войск на границе с СССР неизбежно сорвет «Грозу» и в лучшем случае создаем непонятную патовую ситуацию, когда обе стороны лишатся даже теоретической возможности достижения внезапности и вынуждены будут топтаться на месте.

Он предлагал нанести удар, не дожидаясь переброски основной массы немецких войск на Запад, которой можно и вообще никогда не дождаться, а нанести удар не позднее первых чисел апреля, когда немецкие войска будут связаны операциями в Греции. Прямой удар через Румынию на Югославию (которую можно и нужно сделать союзной) отрезал бы находящиеся в Греции немецкие войска от находящихся в Польше и Восточной Пруссии, которые разфомить по последнему откорректированному плану на 1 января 1941 года.

Новобранец на основании новых данных составил еще одну докладную, доказывая, что по меньшей мере два фронтовых штаба из трех, развернутых на западе якобы для вторжения в Англию, являются бутафорскими.

Никакой реакции на эту бумагу не было. Возможно, Голиков ее перехватил по дороге. А возможно, что Жуков ее прочитал и, как часто с ним бывало, ничего не понял. Новый начальник Генштаба больше любил устные доклады.

А вот второго «козырного туза» Голикова – а почему немцы, если они готовятся на нас напасть, не запасаются зимним обмундированием, даже подполковник Новобранец побить не мог.

Сам искал ответа на этот вопрос, но ответа не было.

«Берлин, 22 февраля 1941 г. – 06:25. Москва, 22 февраля 1941 г. – 11:00. Главе дипломатической миссии или его представителю лично.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Должно быть расшифровано лично.
№ 353 от 21 февраля.

В телеграфной инструкции за № 36 от 7 января было сделано указание на то, что в течение какого-то времени желательно поддерживать неопределенность в сообщениях о количестве германских войск и что в подходящее время будет сообщено о полной мощи войск. Теперь это время пришло.

В Румынии в боевой готовности находятся 680000 (шестьсот восемьдесят тысяч) германских войск. Среди них очень высокий процент технических войск, особенно бронетанковых сил, с самым современным вооружением. В тылу этих войск, в Германии, находятся неисчерпаемые резервы, в том числе регулярные войска, сосредоточенные на германо-югославской границе.

Я прошу членов дипломатической миссии и возможных доверенных лиц начать приемлемым способом во впечатляющей форме давать знать об этой силе, указывая, что ее более чем достаточно, чтобы справиться на Балканах с любым непредвиденным обстоятельством с любой стороны, причем делать это не только в правительственных кругах, но также и среди заинтересованных иностранных дипломатов. Оставляю на Ваше усмотрение, когда не следует называть точную цифру, указанную выше. Напротив, можно также использовать намеки и околичности, как, например, «едва ли не 700000» и т.п.
Риттер».

Неизвестно, кого хотели напугать немцы, распространяя подобные слухи, хотя, как правильно определила советская разведка, их в Румынии было не более 450 тысяч. Четыре армии, 10 отдельных корпусов и 12 авиадивизий нависшего над немецкими флангами Киевского Особого Военного округа, уже преобразованного в Юго-Западный фронт, превосходили немецкую группировку почти втрое по численности личного состава и почти в четыре раза по количеству танков и самолетов.

А если учесть, что на Северном Кавказе для Юго-Западного фронта формировались еще две армии, то и говорить смешно о том, что немецкая «утечка» напугала кого-нибудь в Кремле. Дело уже дошло до того, что генерал Кирпонос решительно отказывался командовать такой огромной группировкой и бомбардировал Москву проектами разделить Юго-Западный фронт (идя повышения эффективности управления) на два фронта: Юго-Западный и Южный. Жуков нашел эту идею достойной обсуждения. Сталин промолчал, пообещав подумать.

В вопросах управления войсками Сталин понимал мало да и не вникал в них особо. Пусть Генштаб представит обоснование – тогда и решим.

Сталина заботили более простые, но с его точки зрения, важные вопросы. Скрытая мобилизация, непрерывно ведущаяся с сентября 1939 года, уже довела армию до немыслимой в мирное время численности, приближающейся к 8 миллионам человек. Кроме проблем в хозяйственной жизни страны, которые были частично решены массовой

мобилизацией в промышленность и сельское хозяйство женщин и подростков, мобилизация породила и внутриармейские проблемы, связанные с управлением такой огромной массой людей. В частности, обнаружилась довольно сильная нехватка командиров нижнего звена. В частности, командиров взводов, рот и команд. Сталин посоветовался с Тимошенко и Жуковым. Выход нашли быстро. Спрашивается, зачем пехотному лейтенанту учиться целых два года, когда все, что надо, ему дают за первые полгода обучения?

Действительно, нужно подумать о переводе сухопутных военных училищ на шестимесячное обучение. А пока необходимо ускорить выпуск 2-х курсов – и в строй!

Все мысли фюрера были заняты дипломатической игрой на Балканах, чтобы заставить Болгарию и Югославию присоединиться к странам Оси. Обе страны явно этого не хотели. Особенно Болгария.

Гитлеру было легче. Он мог грозить прямым вторжением с предварительной воздушной бомбардировкой Софии.

Впрочем, у товарища Сталина был рычаг воздействия на болгар, правда в эффективности его к февралю 1941 года великий вождь уже успел почти полностью разочароваться.

На одной из тогдашних окраин Москвы, вблизи Выставки достижений сельского хозяйства, в тиши парка находился солидный четырехэтажный дом-особняк, построенный в конце 30-х годов в архитектурном стиле «раннего сталинского ампира». В этом доме обосновался Исполнительный комитет Коминтерна, председателем которого являлся Георгий Димитров – герой нашумевшего в свое время Лейпцигского процесса, болгарин по происхождению.

Давно уже канули в лету те времена, когда шумные съезды Коминтерна проходили на немецком языке.

Об этих временах уже никто не помнил и не осмеливался вспоминать.

Товарищ Сталин учинил Коминтерну такой разгром, перед которым меркли все Варфоломеевские ночи истории. Из некогда могучей и представительной «русской секции Коминтерна» разве что одному Калинину посчастливилось умереть в собственной постели. За небольшим исключением та же судьба постигла и иностранцев. В итоге к середине 30-х годов Коминтерн превратился в обычное подразделение НКВД, что-то среднее между отделом и управлением, со своими, как и у каждого отдела, специфическими задачами.

Задачи, решаемые исполкомом Коминтерна, постоянно сужались, а после позорного провала испанской авантюры были сведены к минимуму.

Какое-то время при исполкоме Коминтерна работал и пропагандистский отдел. Одним из наиболее громких дел пропагандистов была операция, провернутая немецкой коминтерновкой Марией Остен, которая в период особо плохих отношении между Сталиным и Гитлером привезла в СССР из Германии десятилетнего немецкого мальчика Губерта Лосте и состряпала нашумевшую в то время книгу «Губерт в стране чудес», где немецкий мальчик не переставал буйно радоваться всему увиденному в СССР, проклиная при этом все, что оставил на Родине. Предисловие к этой книге написал сам Георгий Димитров. Эту книгу читали вслух в школах и домах пионеров, по радио, отрывки публиковались в газетах. Фотография самого Губерта заняла почетное место среди прочих «героев-пионеров» рядом с фотографией Павлика Морозова. После подписания пакта в 1939 г. вся операция потеряла смысл. «Писательница» Мария Остен была расстреляна как «немецкая шпионка», а несчастный Губерт Лосте отправлен в ГУЛАГ, где и умер.

Почти такая же судьба ожидала американского малолетнего преступника Гарри Айзмана, которого удалось привести в СССР как раз в тот момент, когда разгневанная американская Фемида, несмотря на всю свою демократичность, хотела выдать юнцу полновесный тюремный срок за уличный разбой и нападение на полицейских. Гарри с

триумфом возили по стране, устраивали в его честь истерические митинги, где малолетний борец с капитализмом выступал с пламенными речами.

Наконец он всем надоел, был обвинен в шпионаже и отправлен в ГУЛАГ, где просидел семь лет. Все организовавшие его доставку в Союз коминтерновцы были, от греха подальше, расстреляны...

Среди нерасстрелянных деятелей Коминтерна к концу февраля 1941 года оставались Георгий Димитров, Иосиф Тито и еще десяток-другой авантюристов, которых вождь всех народов предполагал везти в обозе «Грозы» и по мере продвижения на Запад сажать на маленькие диктаторские троны в соответствующих странах, прекрасно понимая, что и на этих тронах их никогда не будет поздно расстрелять, если понадобится.

Существовал вариант получения призыва о помощи от истинного народного правительства Болгарии, возглавляемого, естественно, товарищем Димитровым и перехваченного по радио.

Димитров клялся великому вождю, что он все организует. Встречались они совсем недавно – 18 февраля, когда Сталин вызвал председателя Исполкома Коминтерна к себе на дачу. Гостеприимный вождь, хотя и лично разливал харчо по тарелкам, а «Кахетинское» – по рюмкам, слушал с сомнением на лице. Генерал Жуков уже успел просветить вождя в том, что от пролетариата, особенно европейского, ничего хорошего ожидать не приходится. Бездельники из Коминтерна уже морочат нам голову больше двадцати лет, а не смогли организовать ни одного пролетарского восстания, на которых была основана вся наступательная доктрина Красной Армии.

Нужно, указал Жуков, связываться не с этими мошенниками, а непосредственно с генеральными штабами, предлагая им конкретную помощь.

Жуков, используя контакты ГРУ и НКВД, уже установил связь с генеральными штабами Болгарии и Югославии. Болгарские военные в эйфории «славянской солидарности» прямо сказали Жукову, что, сумей Советский Союз ввести в Болгарию свои войска раньше немцев, никаких бы проблем не возникло. Армия всегда бы убедила и царя, и премьера в том, что это самый лучший выход из положения. То, что при этом «самом лучшем выходе» всем им прямиком пришлось бы отправиться в ГУЛАГ или встать к стенке, никто из них не предвидел, а посланцы Жукова, разумеется, не объясняли. Главное было другое: на данном этапе ввести войска в Болгарию не представлялось возможным.

1 марта 1941 года в Вене премьер-министр Болгарии профессор Филов подписал акт о присоединении своей страны к «Тройственному пакту». Подписание происходило торжественно в присутствии Гитлера, который удостоил болгарского премьера рукопожатия и нескольких слов о традиционной и принципиальной позиции Болгарии по отношению к панславянизму и прочим глупостям, связанным со славянской солидарностью. Со стороны немцев договор подписал Риббентроп, со стороны итальянцев зять Муссолини – граф Чиано.

Не успела подпись болгарского профессора-премьера высохнуть, как немецкие танки и мотопехота двинулись по мостам через Дунай.

Построившиеся журавлиным клином «юнкерсы» зачернели в болгарском небе, низко проревев моторами над Софией, то ли приветствуя нового союзника, то ли давая понять, что ждало бы болгар, окажись они менее сговорчивыми.

В тот же день МИД Германии получил телеграмму от Шуленбурга, ретранслированную в поезд, на котором Гитлер и Риббентроп возвращались из Вены.

«№ 444 от 28 февраля. Получена 1 марта 1941 г. – 02:10.
Срочно! На телеграмму № 403 от 27 февраля.

Я посетил господина Молотова этим вечером и вышолнил инструкцию № 1. Молотов воспринял мое сообщение с понятной тревогой и заявил: «...мнение советского правительства, что Болгария входит в зону безопасности СССР, остается неизменным».

Пока весь мир узнавал из газетных сообщений, что два главных европейских хищника начали впервые публично рычать друг на друга из-за неподеленной добычи, почти незамеченным прошел факт прибытия в Лондон нового американского посла Джона Винанта. Мало кто обратил внимание и на то, что на перроне вокзала, вопреки протоколу и традиционному этикету посла встречал даже не Черчилль, а сам король Великобритании Георг VI, одетый в военную форму. Такой чести еще никому оказано не было.

Посол информировал Черчилля, что закон о «ленд-лизе» будет утвержден конгрессом в пределах ближайших двух недель. Непредвиденные случайности практически исключены. В Англию в ближайшее время прибудет специальный уполномоченный американского президента по «ленд-лизу» господин Гарриман в ранге посланника.

Некоторая отсрочка принятия закона о «ленд-лизе» была вызвана ожесточенными спорами вокруг одной фразы рассматриваемого закона, где говорилось, что «ленд-лиз» может быть распространен на «любую страну, оборону которой президент считает жизненно важной для обороны Соединенных Штатов». Пока речь шла о Великобритании, Греции и Китае– все шло хорошо и гладко. И тут, как поведал Винант Черчиллю, кто-то из республиканцев поинтересовался, не означает ли подобная фраза в законе, что американская помощь может быть оказана, например, и Советскому Союзу, если так решит президент.

– А почему нет? – пожал плечами Рузвельт. Республиканцы и изоляционисты закатили скандал. Зал заседаний конгресса был оглашен их далеко не парламентскими воплями. Вся Америка придет в ужас даже от одной мысли, что американского налогоплательщика могут заставить оплачивать какие-нибудь очередные авантюры Сталина и его Красной Армии!

По этому вопросу оппозиционеры развернули настоящее сражение, и некоторые советники Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский Союз. Но президент был тверд. План «Барбаросса» лежал у него в сейфе, и он верил, что все произойдет именно так, как в этом плане и написано. А если это произойдет, СССР будет отчаянно нуждаться в американской помощи.

– Вы считаете, что они все-таки сцепятся? – поинтересовался Черчилль у нового посла, который, в отличие от своего предшественника старого Джозефа Кеннеди, был настроен гораздо решительнее и больше говорил, чем молчал.

– По крайней мере, президент в этом абсолютно уверен, – ответил Винант. – Наши ребята в Берлине добыли подписанный Адольфом план нападения на Сталина. Билл Донован уверяет, что кое-кто из его парней в Москве видел аналогичный план нападения на Германию, подписанный самим Сталиным. Так что они сцепятся обязательно и хотелось бы, чтобы избавить нас от дополнительной головной боли, чтобы это произошло побыстрее и первый ход сделали в Берлине. В противном случае как бы и вам, и нам не пришлось бы иметь дело с красным вариантом операции «Морской лев».

К этому времени англичане, конечно, тоже уже знали о плане «Барбаросса». Знали англичане и о планах Сталина, запечатанных в красные конверты с надписью: *«Вскрыть по получениисигнала «Гроза».*Знали в Лондоне и то, что сигнал «Гроза» последует после вторжения вермахта на английские острова. И хотя все английское руководство отлично понимало, что такой высадки никогда не произойдет, они с каждым днем все более убеждались в очевидном сдвиге стратегии Гитлера против Англии.

И активизация морской войны, и переброска войск в Северную Африку, и переброска авиации на Сицилию, и явная подготовка удара по Греции – все говорило о том, что Гитлер

демонстративно определяет Англию как главного противника. Но порты северной Франции и Норвегии и прилегающие к ним территории, объявленные немцами закрытой зоной, были пусты. Никакой концентрации войск там не отмечалось.

Было отмечено еще одно непонятное явление: немецкие торпедные катера, идя полным ходом по Ла-Маншу, вели активный радиообмен с какой-то непонятной радиостанцией в Гавре, выдающей себя за штаб группы армий. Агентурная разведка докладывала, что никакого штаба группы армий в Гавре и его окрестностях не развернуто. Что это: отработка управления десантными силами или какая-то очередная мистификация?

– Президент только боится, – рассмеялся новый американский посол, что Гитлер завязнет в Греции и не успеет в этом году высказать Сталину все, что он о нем думает. Насколько нам известно, вы уже там собрали целый экспедиционный корпус в 50 тысяч человек. А ваши солдаты славятся тем, что за любым деревянным забором могут обороняться в течение нескольких лет.

– Президент опасается, – продолжал Винант, что, если он застрянет в Греции, – могут произойти совсем непредвиденные события. Впрочем, я передаю вам мнение президента. Сам я в этих вопросах разбираюсь плохо. Но вы не хуже меня знаете, что сегодня немецкие войска вошли в Болгарию.

Вход немецких войск в Болгарию не был неожиданностью ни для кого, а уж тем более для Черчилля. Он ждал этого события давно, еще когда получил сообщение о вторжении итальянской армии в Грецию. И с тех пор он пытался организовать немцам капкан на Балканах.

Черчилль замыслил сколотить для сопротивления Гитлеру союз из Греции, Югославии и Турции, обещая немедленную помощь английской авиацией и флотом.

Турция не желала вмешиваться ни во что, одинаково страшась и немцев, и русских. Особенно русских. Советские войска в Закавказье откровенно проводили съемку турецкой территории, вели разведку местности, а характер их учений не оставлял сомнений, куда они собираются наступать и какие у них планы. Неожиданная переброска трех советских горно-стрелковых дивизий из Закавказья на Украину, где, как известно, никаких гор не было, скорее удивила турок, но не успокоила.

С немцами связываться было не менее опасно. Совсем недавно Черчилль направил специальное послание президенту Турции Инешо, где, в частности, писал:

«Быстро возрастающая угроза Турции и британским интересам заставляет меня, г-н президент, обратиться к Вам непосредственно. Немецким эскадрильям нужно лишь перелететь с их аэродромов в Румынии на те базы, которые для них готовятся в Болгарии, и они смогут немедленно вступить в бой. Затем... немцы будут полностью контролировать все выходы из Дарданелл и таким образом добьются полного окружения Турции в Европе стрех сторон... Поэтому я предлагаю, г-н президент, чтобы мы с Вами приняли для обороны Турции те же меры, которые немцы осуществляют на болгарских аэродромах...».

Ответ из Анкары более напоминал глухой стон тяжелобольного, который просит только об одном – дать ему умереть спокойно.

С Югославией дело тоже не ладилось. Принц Павел – регент королевства, не желал вообще ни с кем связываться, прилагая усилия только к тому, чтобы сохранить целостность своего государства.

14 февраля Цветкович и Маркович были вызваны в ставку Гитлера в Берхтесгадене, Сказав несколько слов о непобедимости немецкой армии, Гитлер ясно дал понять югославам, что деваться им некуда, особенно подчеркнув тесное взаимодействие между Берлином и

Москвой. В связи с этим Гитлер предложил Югославии присоединиться к «Тройственному пакту», пообещав взамен при нападении на Грецию не перебрасывать через территорию Югославии свои войска, а использовать ее линии коммуникаций только для перевозки военных материалов. Министры вернулись в Белград, совершенно не зная, что делать в создавшейся обстановке. Присоединение к державам Оси могло вызвать возмущение и восстание в Сербии. Война с Германией – раскол с Хорватией.

Тем не менее Черчилль все еще пытался сколотить свой призрачный союз.

Откровенно говоря, Черчилль мало чего ожидал от югославского правительства в лице регента Павла, Цветковича и Марковича. Он надеялся, что это письмо вдохновит генерала Симовича – командующего военно-воздушными силами Югославии и исполняющего обязанности начальника Генерального штаба.

Пятадесятидевятилетний генерал Душан Симонович был участником балканской и первой мировой войны. Глубокий стратег, автор ряда теоретических работ по военному искусству, он не считал положение югославской армии таким уж безнадежным.

Югославия могла развернуть три группы армий, семь полевых армий, 28 пехотных, три кавалерийских дивизии и 5 отдельных бригад специального назначения, действия которых могли бы поддержать более 150 танков и 415 самолетов. Этих сил, конечно, было недостаточно, чтобы разгромить вермахт, но вполне достаточно, чтобы оказать немцам достойную встречу, особенно с учетом горной и труднопроходимой местности.

Воинственные и доблестные сербы, с территории которых в свое время заполыхала первая мировая война, не желала капитулировать, и сейчас вокруг генерала Симовича группировался заговор офицеров-патриотов, предпочитавших смерть позору капитуляции и готовивших мятеж с целью свержения правительства. Сеть заговора распространялась из Белграда на основные гарнизоны в Загребе, Скопле и Сараево.

Вокруг Симовича уже действовали английские и американские разведслужбы, а им в затылок уже жарко дышала советская разведка. Черчилль хорошо понял, на что намекал Джон Винант.

Американцы предлагали прекратить мышиную возню на Балканах, а заняться осуществлением по-настоящему глобальных планов. Когда эти планы будут осуществлены, Греция, Югославия и Турция автоматически окажутся у нас в кармане.

– У нас или у вас? – переспросил Черчилль.

– Я не вижу особой разницы, – засмеялся Винант.

Но мысливший имперскими категориями Черчилль видел эту разницу очень хорошо. Великая Британская Империя сама становилась частью какой-то новой и более мощной империи.

Молотов всеми силами пытался дать понять графу фон Шуленбургу, что Советский Союз крайне недоволен вступлением немецких войск в Болгарию, куда предполагался ввод советских войск.

«Советское правительство, – заявил Молотов, – неоднократно подчеркивало германскому правительству как во время берлинских переговоров, так и позже – свою особую заинтересованность в Болгарии.

Следовательно, оно не может оставаться безразличным к последним германским мероприятиям и должно будет определить свое отношение к ним».

Молотов прямо в присутствии Шуленбурга собственноручно написал Ноту. Ее немедленно оформили как положено и вручили послу.

В ноте говорилось:

«1. Прискорбно, что, несмотря на предостережение со стороны советского правительства, содержащееся в заявлении от 25 ноября 1940 года, правительство Германской империи нашло для себя возможным придерживаться курса, наносящего ущерб интересам безопасности СССР, и решило осуществить военную оккупацию Болгарии.

2. Так как советское правительство до сих пор стоит на позициях, описанных в заявлении от 25 ноября, германское правительство должно понимать, что оно не может рассчитывать на поддержку СССР в отношении своих мероприятий в Болгарии».

Шуленбург пробежал глазами меморандум, пожал плечами и снова уверил Молотова, что в данной акции германского правительства даже намека нет на ущерб интересам безопасности Советского Союза.

На том и расстались.

Еще менее сдержанным был заместитель Молотова Андрей Вышинский, принимавший болгарского посланника, сделавшего аналогичное заявление и пытавшегося уверить кровожадного прокурора в невиновности своей страны, действовавшей исключительно «во имя сохранения мира на Балканах».

Своим резким, скрипучим голосом, каким он обычно зачитывал смертные приговоры, Вышинский оборвал посланника. «Напротив, – заявил он, – мы считаем, что это просто расширит район конфликта на Балканах. Сколько раз мы предлагали вам сделать то же самое! А вы крутили, вертели и докрутились. Живите теперь под немцами!»

Советская пресса была гораздо сдержаннее. Она просто констатировала случившиеся, воздерживаясь от каких-либо комментариев.

2 марта 1941 года «Правда» (на 4-й странице) дала три строчки под заголовком: «Присоединение Болгарии к пакту трех держав»:

«Берлин, 1 марта (ТАСС). Агентство Трансоцеан сообщает, что сегодня в 19 часов 45 минут в Вене болгарский премьер-министр Филов подписал протокол о присоединении Болгарии к пакту трех держав».

3 марта на той же четвертой странице были опубликованы еще три строчки под заголовком: «Вступление германских войск в Болгарию»:

«Берлин, 2 марта (ТАСС). Германское информационное бюро сообщает из Софии, что германские войска, с согласия болгарского правительства, вступили на территорию Болгарии»

Советский Союз недоволен! Очень недоволен!

Когда немцы, как они обещают, выведут свои войска из Болгарии и Румынии, мы уже будем иметь моральное право ввести в эти страны свои собственные войска.

Сталин, напротив, пребывает в очень хорошем настроении. При очередном докладе Тимошенко и Жуков принесли ему на утверждение ряд новых документов. Чувствуется твердая рука нового начальника Генштаба. От самих документов веет таким наступательным порывом, что это захватывает всех присутствующих и самому товарищу Сталину приходится слегка осаживать товарищей военных, чтобы те своей лихостью не оборвали постромки и не перевернули всю государственную колесницу.

Даже от приказов наркома Тимошенко повеяло чем-то новым. По-настоящему большевистским динамизмом.

Недаром XVIII партийная конференция оказала товарищу Жукову величайшую честь и доверие, сделав его членом ЦК ВКП(б).

Член ЦК, начальник Генерального штаба– это не командующий округом, которому со своего командного пункта не положено видеть ничего дальше своих окопов. Это уже государственный муж, и мыслить он должен по-другому, по-государственному.

Товарищ Сталин намекнул, что армия разложена устаревшей пропагандой о том, что враг обязательно нападет на СССР и тогда будет война, а иначе советский народ будет наслаждаться вечным миром.

Товарищ Жуков намек понял: на стол вождя легли несколько докладных, в результате которых новым начальником ГлавПУРА РККА был назначен Щербаков и начальником пропаганды и агитации у него – товарищ Запорожец. Вместе с Генштабом они отредактировали и принесли на визу Сталина документ.

Документ назывался:

«О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года».

«Многие политработники и групповоды политзанятий забыли известное положение Ленина о том, что „как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот".

О войнах справедливых и несправедливых иногда дается такое толкование: если страна первая напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой. ..

Из этого делается вывод, что якобы Красная Армия будет вести только оборонительную войну, забывая ту истину, что всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной СПРАВЕДЛИВОЙ».

И Сталин с удовольствием сделал приписку: «Проработать в войсках не позднее 15 мая».

Еще один документ. Стоило товарищу Сталину мягко упрекнуть военных, что обучение курсантов в сухопутных училищах длится непозволительно долго, как это безобразие было немедленно исправлено.

Но приятно то, что товарищи проявили настоящую партийную инициативу и добрались и до летных училищ.

Это был приказ № 080 от 3 марта 1941 года: «Об установлении системы подготовки и порядка комплектования вузов Военно-Воздушных Сил и улучшения качества подготовки летного и технического состава».

В нем указывалось:

Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1941 года:

1. Установить следующую систему подготовки летного... состава ВВС Красной Армии:...2. Школа военных пилотов. Срок обучения: в мирное время – 9 месяцев, в военное время – 6 месяцев.

Установить в школах военных пилотов общий налет на курсанта на учебном и боевом самолетах:

а) для бомбардировщиков – 20 часов,

б) для истребителей – 24 часа».

Приказ этот можно считать очень передовым для своего времени, если вспомнить, что даже японцы в отчаянных попытках остановить американское наступление, создавшие в октябре 1944-го года корпус «камикадзе», и то давали своим смертникам налетать по 30 часов летного времени. А этот приказ датирован 3 марта 1941 года. Приоритет несомненен, а если еще вспомнить, что пилотов сначала лишили офицерских званий, а затем в летные школы начался принудительный набор, потом им запретили жениться, то надо признать, что японцам с их «камикадзе» было далеко до того, что замысливал товарищ Сталин в 1941 году!

Тучи смертников появились бы над Европой, забив обломками своих машин всю территорию несчастного континента. Ведь летные школы не успевали за конвейерным выпуском боевых самолетов.

Однако бурная деятельность генерала Жукова по превращению военных училищ страны в скоростные инкубаторы смертников натолкнулась на решительное сопротивление наркома ВМФ адмирала Кузнецова, который категорически не желал переводить военно-морские училища на двухгодичный в мирное и одногодичный – в военное время срок обучения. Жуков решительно не понимал, чему можно учить человека в течение целых 5 (пяти) лет? Корабли водить? Танк, например, нисколько не хуже, а учатся водить за полгода, а если постараться, то и за 2 месяца можно научить. Естественно, что оба апеллировали к Сталину, который тоже считал пятилетний срок обучения морских офицеров чрезмерным. Ведь можно пересмотреть программы обучения? Зачем, например, в училищах столько математики? А астрономия? Ну конечно, нужна, никто не спорит. Но почему так много?

Адмирал Кузнецов понимал, что ему ничего этим людям не объяснить. И попросил товарища Сталина освободить его от должности наркома. «Вы нас не пугайте, товарищ Кузнецов, – тихим голосом сказал Сталин. – Когда надо, мы вас снимем. Без вашей просьбы снимем».

И слово свое, как всегда, сдержал, но несколько позже.

А с училищами отстал. Моряки продолжали учиться по полной программе. Не прошло и предложение Жукова пополнить ряды офицеров флота путем производства в офицеры старшин сверхсрочной службы. Не прошло и другое предложение: выпускать из военно-морских училищ главстаршин, а не офицеров. Как в авиации.

Это была первая схватка адмирала Кузнецова с Жуковым.

Но Кузнецов был не один, кто открыто восстал против грубых (куда ни шло!) и безграмотных мероприятий нового начальника Генерального штаба. Следующим был генерал-полковник Штерн, бывший начальник Жукова во время боевых действий на Халхин-Голе. Он был неожиданно отстранен от должности командующего Дальневосточным фронтом и назначен на должность начальника Управления ПВО Красной Армии, поскольку предыдущий начальник генерал Козлов был переведен командовать округом.

Видимо, уязвленный, что его подчиненный занял столь высокий пост, Штерн не скрывал своего негативного отношения к Жукову, раздраженно рассказывая, как он, Штерн, спас положение на Халхин-Голе, где без его помощи Жуков бы потерпел сокрушительное поражение. Как он писал доклад, который Жуков прочел на военном совещании в декабре прошлого года, так понравившийся товарищу Сталину, и многое другое, что неизменно накапливается в душе обиженного и обойденного.

Все это, разумеется, дошло до Сталина, и тот спросил у Жукова, каковы его отношения с генерал-полковником Штерном. Жуков ответил, что генерал Штерн, заступив на должность начальника Управления ПВО Красной Армии, считает Постановление СНК от 20 января 1941 года «Об организации противовоздушной обороны» и приказ Наркома за № 0015 от 14 февраля сего года «О разделении территории СССР на зоны, районы и пункты ПВО» чуть ли не вредительскими и не собирается их выполнять. Его в этом, кстати говоря, поддерживает и начальник Управления ВВС Рычагов.

Сталин Штерна к себе вызывать не стал, но мнение его выяснил. Штерн считал, что подобные приказы и постановления о ПВО делают всю территорию СССР фактически беззащитной от налетов авиации любого противника, будь то Люфтваффе, собирающееся бомбить Киев, Севастополь, Минск или Ригу, будь то англичане, собирающиеся бомбить Баку, или японцы, прицеливающиеся на Владивосток и Хабаровск. Концентрация основных авиационных сил у самой западной границы не оправдана никакими предпосылками, независимо от того, собираемся ли мы наступать или обороняться. Его поддерживал и Рычагов, явно выражавший последнее время свое недовольство. Изменение правил прохождения службы в ВВС и перекройка на ходу учебных программ привели к резко возросшей аварийности, доходящей уже почти до 11% вместо терпимых трех.

«Ну разве можно принудительно кого-то загонять в авиацию?» – восклицал Рычагов, хотя на совещании у Сталина, когда этот вопрос обсуждался, был целиком (и полностью) за, поскольку быстро понял, чего именно хочет Сталин.

Сталин всегда острее всего переживал армейские склоки, Даже острее, чем в НКВД. Люди должны работать дружно, сплотившись вокруг ЦК. А они создают проблемы. Есть человек – есть проблема. Никуда не уйти от первой части самого гениального из открытых им общественных законов. Никуда не уйти и от второй...

Огромная работоспособность Сталина и его огромная власть далеко не всегда тратились исключительно на решение военных, карательных и прочих вопросов, связанных с проведением человеконенавистнической внутренней политики и разбойничьей внешней.

Бывали и другие вопросы.

Например, именно сегодня Сталин нашел время посмотреть документы, присланные ему из отдела социалистической культуры при ЦК ВКП(б). Речь шла о разрешении экспедиции Ленинградского Государственного Эрмитажа под руководством академика Орбели вскрыть в Самарканде гробницу величайшего из завоевателей средневековья легендарного Тамерлана. Инициатором этой затеи был, конечно, НКВД, который имел информацию о том, что в гробнице одного из мечтателей о мировом господстве, каким является Тамерлан, замурованы несметные сокровища. А «кладоискательством» Сталин заразился еще от Ленина, который тоже знал юлк в подобных делах.

К документам была приложена историческая справка, где указывалось, что существует старинная легенда, даже не легенда, а своего рода поверье, уходящее еще в XIV век и предупреждающее любого, кто осмелится вскрыть могилу Тамерлана, что, сделав это, он выпустит на свою страну самого страшного демона кровавой и опустошительной войны.

Сталин понял, что именно из-за этой справки документы попали к нему на стол. Никто не мог взять на себя ответственносгь проигнорировать историческую справку. Учишь людей, учишь, а остаются суеверными, верят в разные бабьи сказки.

НКВД постоянно докладывал о многочисленных арестах, особенно в глухих деревнях, за распространение вздорных, антисоветских слухов, замешанных на религиозных предрассудках, о приближении страны к какой-то очередной катастрофе, связанной с каким-то новым нашествием, похожим на нашествие хана Батыя. То голая дева выйдет из леса и начнет пророчествовать перед колхозниками о том, что «грядут беды великие и огонь поглотит села и поля»; то мальчик в белом появится среди крестов на каком-нибудь кладбище и слезы будут катиться из его ясных глаз; то старец в саване с длинной седой бородой и посохом возникнет на руинах какой-нибудь снесенной церкви и громогласно объявит «смерть, мор и глад» за грехи ваши.

Конечно, никого из этих старцев и отроков схватить не удавалось, но те, кто эти пророчества распространял, получали полновесные сроки – до 10 лет спецдагерей без права переписки. Сталин еще раз перечитал историческую справку, усмехнулся, макнул ручку в

чернильницу (авторучек не признавал – старая школа!) и наложил резолюцию: «т. Орбели! Не позднее мая начните работы по вскрытию гробницы Тимура в Самарканде. И.Сталин».

Как правильно сказала его мать при их последней встрече: «Лучше бы ты стал священником»!..

Советское посольство в Берлине неоднократно обращало внимание германского МИДа на тот факт, что при посольстве нет бомбоубежища, а участившиеся налеты английских бомбардировщиков на город заставляют персонал посольства, среди которых есть женщины и дети, искать укрытия в ближайших станциях метро и во временных противовоздушных щелях в парках и на бульварах. Немцы отнеслись к этой проблеме с пониманием, и новое бомбоубежище к концу февраля было уже практически готово.

Некогда блестящая и шумная дипломатическая жизнь в Берлине поблекла. Посольские особняки с окнами, затянутыми светомаскировочными шторами, казались нежилыми. Большой прием, который, по традиции, германское правительство устраивало для дипломатического корпуса в первый день Нового года, был на этот раз отменен «по случаю войны».

Дипломаты, аккредитованные в Берлине, обращались больше друг с другом, нежели с германским министерством иностранных дел, бесконечно устраивая всевозможные рауты, главной целью которых было получение нужной информации даже на уровне простых слухов.

А слухов в первые месяцы 1941 года по Берлину ходило великое множество, главным образом о перспективах дальнейшего хода войны. Когда начнется вторжение в Англию? Скоро ли вступят в войну Соединенные Штаты? Будет ли нарушен нейтралитет Швеции, Швейцарии и Турции? Каковы дальнейшие планы Советского Союза?

Планы Советского Союза интересовали более всего, поскольку почти ежедневно английские и американские газеты со ссылками то на информационные агентства, то на какие-то таинственные источники, «близкие к Кремлю», публиковали обширные материалы о грандиозных военных приготовлениях СССР на немецкой границе и о подготовке Сталиным внезапного удара по Германии. Немецкие газеты старательно перепечатывали эти материалы, и первого секретаря советского посольства Валентина Бережкова регулярно вызывали в МИД для объяснений, подчеркивая, что все это омрачает «советско-германские отношения». Бережков резонно отвечал, что советское правительство не может отвечать за провокации реакционных, буржуазных изданий.

Москва была крайне встревожена шумихой в «реакционной буржуазной прессе», и в Берлин полетел строжайший приказ выяснить источники утечки.

Советское посольство в Берлине уже откровенно ничем другим не занималось, кроме шпионажа и распространения дезинформации. В эти игры вовлечены были даже хозяйственники, регулирующие хозяйственные поставки, а также члены всевозможных совместных комиссий и подкомиссий, расплодившихся, как муравьи, после подписания договора о дружбе в сентябре 1939 года.

Что редко бывает в дипломатической практике, разведывательную сеть в Германии возглавлял сам посол Владимир Деканозов, профессиональный чекист, долгое время возглавлявший разведку (Иностранный отдел) НКВД. В Берлине он возглавлял и координировал работу обеих ветвей разведки: и по линии НКВД, и по линии ГРУ.

Разведчиком-профессионалом был и первый секретарь посольства Валентин Бережков– доверенное лицо Сталина и Молотова, имеющий право доклада через голову поела непосредственно в аппарат Сталина. Изящный и элегантный, умеющий располагать к себе на дипломатических раутах, он имел особое задание по добыванию информации в дипломатических кругах и по распространению нужной дезинформации.

Резидентуру НКВД возглавлял 2-й секретарь посольства Амаяк Кобулов – родной брат знаменитого заместителя Берия – Богдана Кобулова. Фактически вторым резидентом с января 1941 года считался при посольстве Александр Короткое, развивший лихорадочную полулегальную деятельность.

Разведкой занимался и пресс-атташе посольства Александр Смирнов (будущий посол СССР в Иране), добывающий очень важную информацию в окружении министра пропаганды Германии доктора Геббельса.

Интересы ГРУ представляли: военный атташе генерал-майор Тупиков и военно-морской атташе контр-адмирал Воронцов, имеющий собственную агентурную сеть, нисколько не меньшую, чем сеть НКВД.

Гестапо практически не мешало действиям советской резидентуры, в которую превратилось посольство Москвы. Напротив, оно обрушило на сталинских разведчиков горы дезинформации.

Сам посол Владимир Деканозов вращался в самых высоких кругах нацистского общества и чаще всего – с рейхсмаршалом Герингом, который принимал советского полпреда в своем поместье Каринхолл, обставленном со средневековой роскошью. В просторном кабинете, увешанном картинами мастеров эпохи Возрождения, маленький щуплый Деканозов в костюме-тройке и величественный Геринг в придуманном специально для него мундире рейхсмаршала вели неторопливую беседу. Вдвоем, на фоне друг друга, они выглядели очень комично и наверняка могли бы составить прекрасную эстрадную пару, будь судьба хоть чуть милосерднее к ним обоим.

Показывая Деканозову американскую газету с крупным заголовком «Сталинский паровой каток готовится раздавить Германию», Геринг, улыбаясь, покачал головой и заметил, что англичане и американцы очень много бы дали, чтобы такое произошло в действительности. Они спят и видят, чтобы стравить между собой первые в мире социалистические страны во имя спасения своего прогнившего общества и совершенно антинародного государственного строя. Летом фюрер собирается поставить окончательную точку в этом вопросе. Накануне фюрер показал Герингу проект директивы «Об особой подсудности в зоне действия плана „Барбаросса“, предусматривающего освобождение военнослужащих вермахта от любой уголовной ответственности при грабежах и убийствах мирного населения на территории Советского Союза. Речь идет об уничтожении идеологии, – пояснил фюрер.

А Деканозов лично принимал участие в составлении обширного документа по истреблению и депортации мирного населения на территории Прибалтики.

Сейчас же Деканозов поведал Герингу, что лично всегда был сторонником не только политического, но и военного союза между СССР и Германией. В военном союзе, пояснил он, мы были бы абсолютно непобедимыми. Даже трудно себе вообразить, что бы произошло, если бы в единый военный союз слились боевые потенциалы СССР и Германии! Разве не об этом мечтал еще кайзер Вильгельм II.

В самом деле, оживлялся Геринг, что, в сущности, нас разделяет? Всего лишь разная трактовка понятия «социализм». Мы за национальный социализм, вы – за интернациональный. Вы – за тотальную национализацию экономики и торговли, мы предпочитаем иметь многоукладную. Но, мой дорогой посол, я уверяю вас и вы убедитесь со временем, что были правы мы, а не вы. В мире не существует никакого интернационализма. Это придумали евреи, а будь у них свое государство, и они бы не были интернационалистами. И вы неизбежно придете к тому же. Вы отбросите еврейский интернационализм и придете к русскому национализму, как мы пришли к немецкому. Один народ, один рейх, один вождь!

Сам Деканозов по национальности армянин, т.е. принадлежит к национальному меньшинству, которое веками преследовалось и истреблялось нисколько не меньше евреев.

Сталин и Берия грузины – тоже представители нацменьшинства, подвергавшегося геноциду со всех сторон: и от монголов, и от турок, и от персов, потерявших свою независимость за частоколом русских штыков, чтобы спасти свою нацию от поголовного истребления. А между тем идеи, почерпнутые Деканозовым из бесед с Герингом и другими нацистскими лидерами и переправленные в секретных депешах в Москву, нашли в сердце Сталина живой отклик. Развернув в СССР кампанию великорусского шовинизма (с обязательным антисемитизмом), сам Сталин раздирался комплексами собственной национальной неполноценности. Он даже запретил играть себя в многочисленных кинофильмах грузинскому актеру Геловани, заявив, к великому удивлению своих приближенных: «Сталин – русский человек, и играть его должен русский».

Впрочем, Геринг интересовал Деканозова не столько как теоретик социализма, сколько как главнокомандующий видом вооруженных сил, несущих на своих плечах в настоящее время основную тяжесть войны против Англии. В поместье была оборудована специальная галерея, где в торжественном военно-траурном оформлении висели портреты пилотов, сложивших головы в битве над Британией. Время от времени в ходе беседы в кабинет входили адъютанты, щелкали каблуками, извинялись и передавали рейхсмаршалу срочные донесения. Бывало, и сам Геринг, пробежав глазами очередную бумагу, извинялся перед Деканозовым и куда-то срочно уезжал.

Да, признавался Геринг, англичане оказались намного сильнее, чем мы предполагали. Но их дело так или иначе проиграно. Пока Соединенные Штаты раскачаются, с англичанами будет покончено. Их сокрушение далось нам нелегко.

В настоящее время мы вынуждены держать против них, в преддверии окончательного удара, практически все наличные силы Люфтваффе. И если бы вы (тут Геринг тонко улыбался) действительно собирались на нас напасть, как об этом пишут газеты, то убедились бы, что на Востоке у нас практически нет авиасоединений. Солдат там действительно много, поскольку там формируются части вторжения в Англию подальше от любопытных глаз их разведки.

Существует и еще одна проблема, продолжал рейхсмаршал, которую я сообщу вам, посол, исключительно в надежде на вашу общеизвестную порядочность и умение хранить деликатные тайны. Война с Англией очень непопулярна в германском народе. Во всех слоях общества. Ведь мы – кровные братья. Мы соотносимся почти так же, как русские и украинцы. Вы составляете семью славянских народов, а мы, англичане и скандинавы, – семью германских народов.

И если мы сегодня говорим об окончательном сокрушении Англии, то, пожалуйста, не подумайте, что речь идет о их истреблении. Вовсе нет! Речь идет исключительно о их возвращении в семью германских народов...

Пока советский посол вел приятные, полезные и взаимообогащающие беседы с руководителями третьего рейха, его подчиненные тоже трудились не покладая рук.

Валентин Бережков был неизменным лицом, представляющим посольство СССР на всех дипломатических раутах. Там же присутствовала и вся берлинская богема, изнывающая от скуки в пуританских ограничениях военного времени, очаровательная Ольга Чехова – кинозвезда, от которой млели все нацистские бонзы, начиная с самого Гитлера, неизменно приглашающего племянницу великого классика русской литературы на все торжества в имперской канцелярии; аристократически холодная Пола Негри – владычица дум берлинского бомонда; неотразимый Вилли Форст – мечта всех девушек Германии и многие другие. Но дипломаты мало обращали внимания на красоту кинозвезд и опереточных див

Шла война, и они были на службе, ставя своей главной задачей выудить друг у друга побольше информации.

Более всего Бережков любил беседовать (по его собственному признанию) со словоохотливым турецким послом Гереде. Сейчас, после вступления немецких войск в Болгарию, информация турка могла быть наиболее ценной, хотя бы для прояснения позиции Турции в этом вопросе. Тем более что Гереде сам лез с информацией, неизменно начиная свой разговор фразой: «Не могу поручиться, что это так, но все может быть, и потому я решил вас проинформировать конфиденциально...» При этом он угощал Бережкова турецким кофе («таким густым, – вспоминает Бережков, – что в чашке чуть ли не торчком стояла ложка»), рахат-лукумом и знаменитым измирским ликером.

Излюбленной темой разговора турецкого дипломата были разговоры о возможном захвате немцами нефтяных районов Ирака.

Японский посол в Берлине генерал Хироси Осима, хотя всегда был в штатском, поражал Бережкова своей военной выправкой и резкой жестикуляцией правой рукой при разговоре. Как будто постоянно рубил кого-то самурайским мечом.

Осима, служивший когда-то в Квантунской армии, считал трагическими недоразумениями конфликты, периодически вспыхивавшие на границе между японской и советской армиями, давая понять, что является сторонником если не дружеских, то по крайней мере нормальных отношении с Советским Союзом.

Общался Бережков и с временным поверенным в делах США Паттерсоном. В американском посольстве на него смотрели с любопытством, но без неприязни. Просто сам Бережков не любил там появляться особо часто, потому что все сотрудники посольства, начиная от самого Паттерсона и кончая коммерческим атташе Вудсом постоянно намекали ему, что следующим объектом нападения Гитлера будет Советский Союз. Подобные провокации, в которых слышался отголосок американских газет, выводили Бережкова из себя.

Он не имел права вообще подобные вещи обсуждать, тем более с американцами. Его общительность и приятная улыбка мгновенно исчезали, он замолкал, как рыба, и пользовался случаем, чтобы побыстрее уйти.

Москва требовала практически дословной передачи всех диалогов, порой даже с указанием интонации. Как и всем, Бережкову было приказано не загружать сводки собственным мнением, а также всячески избегать англо-американских провокаций и постоянно их разоблачать. Чем он и занимался.

Не менее вольготно чувствовал себя в Берлине и советский военно-морской атташе контр-адмирал Михаил Воронцов.

Немецкие моряки ни на минуту не забывали, чем они обязаны Советскому Союзу, который укрыл в своих портах их самые ценные транспортные суда, обеспечил военно-морской базой на Кольском полуострове, дал возможность пользоваться Северным морским путем и уже второй год обеспечивает немецкий флот всеми необходимыми материалами.

Получаемая Воронцовым информация однозначно указывала, что весь немецкий флот сражается против Англии в Северном море и в Атлантике. Имеются планы выделения сил в Средиземном море, но пока фактически ничего не удается. Слишком мало сил.

В середине марта 1941 года Воронцов получил приглашение начальника главного штаба германского флота адмирала Шнивинда прибыть к нему.

Сказав несколько слов о плодотворном сотрудничестве советского и немецкого флотов, имевшем место в прошедшие полтора года, адмирал Шнивинд признался, что немецкий флот снова нуждается в экстренной советской помощи и очень надеется ее получить.

Германия столкнулась с проблемой. Это острая нехватка транспортных судов для перевозки и снабжения высадившихся войск. Не может ли СССР одолжить Германии два-три десятка сухогрузов, которых не хватает для переброски второго эшелона десанта? При

перевозке второго эшелона десанта риск будет уже практически минимальным, но само собой разумеется, что германское правительство возместит Советскому Союзу все убытки и компенсирует все потери, включая амортизационные.

Адмирал Воронцов заверил, что немедленно поставит свое руководство в известность о просьбе командования немецкого флота.

Только 15 марта в Берлин пришли более-менее приятные новости. Первой приятной новостью было то, что транспорты с танками для Роммеля, воспользовавшись густым туманом, господствовавшим в центральной части Средиземного моря в это время года, проскользнули в Триполи.

Затем пришло сообщение с линкоров адмирала Лютьенса. Они обнаружили несколько союзных транспортов, отставших из-за шторма от своих конвоев, и с наслаждением перетопили их артиллерийским огнем. Бурное море не дало возможности предпринять что-либо для спасения команд расстрелянных судов.

Линкоры Лютьенса, спустившись далее на юг, уничтожили еще несколько транспортов, но были отогнаны подошедшим английским линкором «Родней».

А до этого, за первые две недели марта, все поступающие новости были отвратительными, пугающими и просто трагическими.

4 марта в Берхтесгаден к Гитлеру тайно прибыл югославский регент принц Павел. Гитлер заявил прямо: либо Югославия вступает в Ось, либо пусть пеняет на себя. Принц устно пообещал в ближайшем будущем подписать пакт и был отпущен в Белград.

В тот же день пришло сообщение об очередной вылазке англичан, высадивших десантно-диверсионную группу вблизи Нарвика. Все произошло настолько внезапно, что десанту не успели оказать никакого сопротивления. Перебив немецкую охрану порта, десантники взорвали и сожгли здания заводов по производству ценнейших сортов технического масла, нефтеочистительный завод и оборудование рыбного терминала.

Было потоплено несколько немецких и норвежских грузовых судов, взято в плен около 300 человек и вывезено в Англию более 400 норвежских и польских рабочих, которых принудительно заставляли работать на этих заводах.

8 марта пришло удручающее сообщение, которого ждали со дня на день. Верхняя палата конгресса США одобрила закон о «ленд-лизе». Это событие сопровождалось новой, еще более воинственной речью Рузвельта. «Все страны, которые борются с нацизмом или вступят в борьбу с ним, получат от США все необходимое, чтобы эта борьба победоносно завершилась».

А 11 марта пришло страшное известие, потрясшее и Гитлера, и всю Германию. Фактически в одном бою, при попытке атаковать очередной английский конвой, погибли сразу три наиболее прославленных подводных аса: Гюнтер Прин, который некогда влепил англичанам звонкую пощечину, прорвавшись в Скапа-Флоу и утопив линкор «Ройал Оук»; Иохим Шепке и Отто Кречмер. Правда, позднее выяснилось, что Кречмер не погиб, а был взят в плен англичанами, но от этого легче не становилось. Все трое были кавалерами рыцарского креста, причем двоим из них – Прину и Шепке – фюрер вручал эти кресты лично.

Гитлер долго сидел молча, положив голову на руки. Слезы текли из его глаз.

Ответом были опустошительные налеты на Плимут, Клайдсайд и Марсейсайд, в которых Люфтваффе потерял 16 машин. Новые молодые лица в траурных рамках заулыбались с газетных страниц.

Кроме всего прочего, друг дуче, которьш клялся, что вскоре перейдет в контрнаступление в Албании, 9 марта попытался это сделать и снова был разгромлен греками.

Окончательно разочаровавшись в итальянцах, Гитлер все более и более думал об японцах. Он ни на секунду не забывал, что, нападая на СССР, он оставляет у себя в тылу Англию и Соединенные Штаты, которые, без сомненья, раздавят его, если он замешкается в России. Если поступить наоборот– действительно рискнуть и вторгнуться в Англию (хоть на плотах), то его тут же раздавит Сталин, который только этого и ждет.

А если его врагов удалось бы поставить в два огня? Если бы Япония открыла второй фронт, хотя бы против Англии и Америки, а еще лучше – и против Сталина.

Риббентроп в беседах с генералом Осима, уже не стесняясь, советовал: «Вы должны немедленно захватить Сингапур!»

«Но мы не воюем с Англией», – вежливо кланялся японский генерал.

В Берлине со дня на день ожидали приезда японского министра иностранных дел Мацуока, с которым и решено бьио обсудить вопросы открытия второго фронта против всех нынешних и потенциальных противников «нового порядка в Европе и в мире».

К приезду Мацуока Гитлер подписал «Директиву N 24», которая имела подзаголовок «О взаимодействии с Японией». В директиве говорилось:

«1. Целью взаимодействия, основанной на „Пакте трех держав", должно стать побуждение Японии как можно быстрее открыть военные действия на Дальнем Востоке. Параллельно осуществляемый план «Барбаросса» создаст особо благоприятные политические и военные условия для этого.

2. В подготовке такого взаимодействия наиболее важным является усиление боевой мощи Японии всеми средствами.

Для выполнения этой задачи главнокомандующие всеми видами вооруженных сил Германии должны быстро и в полном объеме удовлетворять все требования Японии об информации, связанной с немецким опытом войны, а также с вопросами экономической и технической помощи...

При этом следует руководствоваться следующими принципами:

а. Общая стратегическая цель должна быть представлена как быстрое завоевание Англии, с тем чтобы предотвратить вступление Америки в войну...

в. Огромные успехи, достигнутые Германией в войне против судоходства, должны стимулировать использование мощных японских морских сил для решения подобной задачи...

г. Положения «Пакта трех держав» относительно стратегического сырья предполагают, что Япония должна сама захватить богатые сырьем территории, необходимые для ведения войны...

д. Захват Сингапура – ключевой позиции Англии на Дальнем Востоке – явится решительным успехом комбинированной стратегии трех держав».

17 марта пришло сообщение от советского посла в Вашингтоне Уманского о том, что он был вызван к заместителю государственного секретаря Самнеру Уэллесу, где его ознакомили с документами плана «Барбаросса», добытых в Берлине Сэмом Вудсом. Американцы были настолько любезны, что даже предоставили фотокопии добытых Вудсом материалов.

Сталин приказал вызвать Уманского в Москву и, на первый раз, объяснить ему провокационную суть англо-американской политики, направленной на разжигание недоверия и враждебности между СССР и Германией.

К этому времени советский военный атташе в Берлине генерал-майор Тупиков через свою агентуру тоже добыл фрагментарные материалы, говорившие о том же, что и материалы Вудса.

И, наконец, из Швейцарии продолжали поступать данные Росслера – дополнительные материалы и сопутствующие разработки к плану «Барбаросса». Хотя Росслер как источник

считался совершенно ненадежным, а точнее, провокационным, специально созданным для распространения английской дезинформации, его сообщения тем не менее читали внимательно и принимали к сведению.

20 марта Сталин собрал специальное совещание для обсуждения накопившейся информации, прямо противоположной по содержанию и направленности.

На совещании присутствовали Тимошенко, Жуков, Шапошников, Берия и Молотов, а для доклада были вызваны: начальник ГРУ генерал Голиков и начальник Управления Внешней Разведки новорожденного НКГБ (бывший ИНО НКВД) генерал Фитин и его новый начальник Меркулов.

Голиков зачитал добытый его людьми и проверенный подполковником Новобранцем документ, где говорилось:

«Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант N 3 по данным на февраль 1941 года: «Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта – в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая».

По сообщению генерала Туликова (от 14 марта), завербованный им немецкий майор дословно сказал следующее: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть».

Майор считал, что нападение на СССР произойдет где-то между 15 мая и 15 июня.

Говорили и о сообщении Зорге от 5 марта. Он якобы видел телеграмму Риббентропа немецкому послу в Токио генералу Отто, где сообщалось, что нападение на СССР произойдет в середине июня.

При упоминании о Зорге в глазах вождя появилось тоскливое выражение. Неужели нельзя прекратить действия этого разоблаченного провокатора? Сделайте что-нибудь: арестуйте семью, информируйте, наконец, японцев. Слова вождя были приняты к сведению.

Взявший слово генерал Фитин доложил, что в распоряжении разведки НКГБ имеется запись разговора, имевшего место между нашим полпредом товарищем Деканозовым и Вальтером Шелленбергом, возглавляющим внешнюю разведку в системе СС – СД. Разговор произошел на одном из приемов, куда товарищ Деканозов был приглашен не как полпред СССР, а как ветеран НКВД – ВЧК.

На приеме царила непринужденная, товарищеская атмосфера, подогретая шампанским и ликерами. Воспользовавшись моментом, Деканозов прямо спросил у Шелленберга о слухах, которые ходят о каком-то плане «Барбаросса», якобы составленном для нападения на СССР. Шелленберг рассмеялся, сказал несколько лестных слов о советской разведке и признался, что такой план действительно существует. Более того, он составлен его службой даже без консультации с военными.

При вторжении в Англию очень важен фактор внезапности. Пусть англичане думают, что мы изменили свои планы, и немного расслабятся.

Мы уже подкинули этот план американцам, поскольку уверены, что они информируют англичан. Затем он погрозил Деканозову пальцем и заметил: мы тоже кое-что знаем о вашей операции «Гром», но не относимся к этому серьезно.

Так и сказал «Гром» (дер Доннер), а не «Гроза» (дас Гевиттер), хотя в немецком языке эти понятия часто путаются.

Сталин окидывает грозным взглядом Берия, Меркулова и Фитина:

«Когда прекратится это безобразие? Выясните наконец, откуда идет утечка информации?» Чекисты ежатся под взглядом великого вождя. Берия, выручая всех, спокойно говорит: «Я ведь вам уже докладывал, товарищ Сталин, откуда идет утечка. А вы не санкционируете предложенные мною мероприятия. Утечка идет из Управления ВВС, о чем уже докладывали многие, включая резидента НКВД в Германии Кудрявцева».

Сталин жестом руки приказал Берия замолчать и предложил товарищам вернуться к обсуждаемому вопросу, хотя все, услышав о подготовке органами какого-то мероприятия, связанного с прекращением «утечки», почувствовали себя не очень уютно, поскольку все были допущены к информации об операции «Гроза».

«Мероприятия» могли коснуться и любого из них.

Далее были анализированы:

Донесение военно-морского атташе в Берлине адмирала Воронцова о просьбе немцев предоставить в их распоряжение советские торговые суда для перевозки второго эшелона десанта.

Новое хозяйственное соглашение с СССР до осени 1942 года, без соблюдения которого немцы будут просто не в состоянии вести войну.

Наличие на границе с СССР слишком малых сил для наступления.

Отсутствие в пограничных с СССР районах развернутых фронтовых штабов и наличие таковых в северной Франции и Норвегии.

Лейтмотивом совещания была уверенность, что бросаться с такими хилыми силами на мощную многомиллионную армию, перенасыщенную боевой техникой, не решится и псих.

Итог совещанию подвел генерал Голиков, зачитавший следующее резюме:

«1. Можно считать совершенно достоверными намерения немцев осуществить вторжение на Британские острова не позднее лета сего года. К этому времени должна быть закончена подготовка к проведению в жизнь намеченных партией и правительством политических и военных мероприятий.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и... германской разведки».

После этого совещания во все звенья, подчиненные прямо или косвенно советским разведывательным службам, полетела шифрованная директива:

«ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА БЛИЗКОЕ НАЧАЛО ВОЙНЫ, ДОЛЖНЫ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ФАЛЬШИВКИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ БРИТАНСКИХ ИЛИ ДАЖЕ ГЕРМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ».

23 марта 1941 года в Москву, проездом, прибыл министр иностранных дел Японии Иосуке Мацуока. Мацуока направлялся в Берлин и Рим, но сделал весьма многозначительную остановку в Москве. Министру были оказаны высшие прою-кольные почести, и прямо с вокзала его повезли в Кремль, где он был принят лично Сталиным.

Столь великой чести давно никто не удостаивался.

Сталин принял японского министра очень радушно.

«Мы оба – азиаты, – объявил он посланцу страны Восходящего Солнца, – Советский Союз ошибочно считается европейской страной. Мало кто понимает, что Россия – это такая же азиатская страна, как и Япония». Мацуока не остался в долгу. Будучи потомком знатнейшей в Японии могучей феодальной фамилии, он не моргнув глазом признался Сталину в том, что *«по духу он убежденный коммунист».*

Затем Мацуока стал убеждать Сталина, что японцы борются в Китае вовсе не с китайцами, а с англо-саксонским либерализмом, который представляет большую опасность для Японии, поскольку все японцы «в душе коммунисты».

Через некоторое время, находясь в Риме, Мацуока объяснял римскому папе, что его страна борется не с китайцами, а с большевизмом, который поддерживается англо-саксами, являющимися, по существу, тоже большевиками. Это опасно для Японии, поскольку все там ненавидят большевизм, отрицающий религию и демократию. Он не понимает Гитлера, признался Мацуока, превратившего Антикоминтерновский пакт в какое-то посмешище.

Постепенно разговор, как и положено на Востоке, перешел в деловое русло. Поговорили о возможном заключении договора о ненападении и нейтралитете и ликвидации японских концессий на северном Сахалине. Торговались долго, в соответствии с древними традициями азиатских базаров, и Сталин жестами показал Мацуока, что тот – бессердечное существо – просто душит его. Показал, взяв себя руками за горло.

Мацуока пообещал решить все вопросы после возвращения из Берлина, когда он, по пути на родину, снова заедет в Москву. Он рассчитывает это сделать примерно 8 апреля.

Сталин поинтересовался, что думают японцы делать с английскими и голландскими колониями в юго-восточной Азии, которые остались фактически бесхозными после крушения далеких метрополий.

О сокрушении Англии уже говорили так, как будто это уже произошло. Мацуока отметил, что это вопрос «очень сложный и деликатный». Он знает, что Советский Союз уже вел переговоры с Гитлером по поводу дальнейшей судьбы «обанкротившегося британского поместья» и претендует на район Персидского залива. Япония ничего не имеет против этого, но нужно твердо и точно решить, что достанется Японии, а что – СССР. Тут речь идет главным образом об Индии, поскольку западнее этого района Япония никаких интересов не имеет.

Зная, что большая часть его слов будет наверняка пересказана Гитлеру, Сталин сделал вид, что полностью разделяет взгляды японского министра.

К сожалению, отметил Мацуока, он не может не обратить внимание господина Сталина на совершенно неконструктивную, провокационную и просто оскорбительную позицию, которую заняли поджигатели войны в Вашингтоне по отношению к Германии и Японии. Особенно к Японии. Они грозят нам торговыми санкциями, обещают задушить нашу экономику, заморозить наши активы, пожаловался Мацуока.

Сейчас вся Япония возмущена очередной американской провокацией. Рузвельт приказал своему флоту постоянно оставаться на Гавайских островах, чтобы, по его словам, играть роль револьвера в руках полицейского и остановить Японию, вставшую на путь разбоя. Какое право имеет Америка объявлять какие-то страны преступными, а себя считать блюстителем порядка?

Мацуока признался, что столь откровенная подготовка Америки к войне против его страны, очень волнует японское правительство. Но, добавил он, никто не сомневается, что американцы способны наковать горы кораблей, самолетов и прочего оружия, но кто будет воевать этим оружием? Он, Мацуока, сильно сомневается, чтобы американцы были на это способны.

Сталин оживился. Примерно то же самое говорили ему и его аналитики. Америка готова поставлять оружие в любом количестве, чтобы воевать чужими руками. Но воевать сама изнурительную, современную, кровавую войну совершенно неспособна. Неспособна благодаря сильному общественному мнению и демократии.

Кроме того, не унимался обиженный Мацуока, нам тоже есть чем удивить этих трусливых янки, если они полезут воевать.

Сталин знал, о чем говорил японец. Советская разведка давно уже сообщала о строительстве в Японии каких-то сверхмощных линейных кораблей, аналога которым не было ни у Соединенных Штатов и ни у кого в мире. Огромный японский флот мог без страха ждать любых провокаций Америки.

Разволновавшись, Мацуока признался Сталину, что ненавидит демократию, которая разлагает народ, заставляя его подчиняться собственным прихотям, а не выполнению национальной задачи, поставленной вождями.

Говоря дипломатическим языком, был достигнут полный «консенсус». На следующий день в Наркоминделе был дан большой прием в честь японского министра, а наутро Мацуока отбыл в Берлин, весьма растроганный тем сердечным приемом, который ему был оказан в Москве.

26 марта адмирал Лютъенс вылетел в Берлин на доклад к адмиралу Редеру. Четыре дня назад, 22 марта, пробившись через чудовищный десятибалльный шторм, Лютьенс привел «Шарнхорст» и «Гнейзенау» в Брест.

Правда, Брест был плохим убежищем. Не успели корабли войти в порт, как над базой появился английский разведчик, сделавший несколько кругов и явно ведущий аэрофотосъемку. Все с тревогой ожидали воздушного налета англичан, но, к счастью, погода становилась все хуже и хуже.

В Берлин и Рим, сообщил Редер, прибывает японский министр иностранных дел Мацуока. Это важнейшее событие, которое, возможно, присоединит военные усилия Японии к усилиям Германии и Италии в борьбе против Англии. Очень важно сейчас открытие против Англии второго фронта на Дальнем Востоке и захвата Сингапура. Япония же специфическая морская держава.

Наибольшее впечатление на них могут оказать победы на море, что и побудит их к активным действиям. Просто необходимо, чтобы во время пребывания Мацуока в Берлине и Риме пришло известие если не о победе, то о каком-нибудь успехе итальянского флота в Средиземном море.

По приказу фюрера штаб флота подготовил проект приказа о новой операции надводных кораблей, которую вновь предстоит вести в бой адмиралу Лютьенсу. Но на этот раз в состав эскадры войдет новейший линкор «Бисмарк», находящийся сейчас в Готенгафене. Вместе с тяжелым крейсером «Принц Ойген» линкор прорвется в Атлантику через Датский пролив, где и соединится с вышедшими из Бреста «Шарнхорстом» и «Гнейзенау». Начало операции намечено на следующий период новолуния, который будет в апреле. Позднее к эскадре Лютьенса присоединится и второй линкор этого типа – «Тирпиц». Господству англичан на море будет положен конец, а Атлантика окажется полностью закрытой для их судоходства.

Пока моряки готовились к новым боям под традиционным лозунгом «Боже, покарай Англию!», Гитлер, готовясь к приему в Берлине японского министра, приготовил маленький сюрприз. Этим сюрпризом было присоединение Югославии к странам Оси.

25 марта премьер-министр Югославии Цветкович и министр иностранных дел Маркович тайно прибыли в Вену. Там они при полном отсутствии прессы и даже собственного посла в Германии подписали протокол о присоединении Югославии к Тройственному Союзу,

Это было первым из того, о чем Риббентроп сообщил Мацуока по его прибытии в Берлин,

Начал имперский министр с того, что напомнил Мацуока и присутствовавшему на беседе послу Осима о крахе Англии. «Германия, – сказал он, – находится в последней стадии своей борьбы против Англии. В течение минувшей зимы фюрер сделал все необходимые приготовления, так что сейчас Германия вполне готова помериться с Англией силами где угодно. Фюрер имеет в своем распоряжении, вероятно, сильнейшие вооруженные силы из

всех существующих когда-либо». Риббентроп с гордостью заявил, что Германия уже имеет 24 танковых дивизии. Мацуока почтительно поклонился. Из источников собственной разведки он знал, что СССР только в западных округах уже развернул 40 танковых дивизий.

Поэтому японский посол осмелился почтительно осведомиться: каковы ныне отношения Германии и России?

Но это, – «только конфиденциально», – предупредил Риббентроп, сообщив, что «нынешние отношения с Россией являются корректными, хотя и не очень дружественными. После визита Молотова, когда русским предложили присоединиться к пакту трех держав, Россия поставила неприемлемые условия. Они означали принесение в жертву Финляндии, предоставление Сталину баз в Дарданеллах и возможности оказывать сильное влияние на положение на Балканах, особенно в Болгарии.

Мацуока поинтересовался, не опасается ли Германия, что в подобной ситуации Сталин, сговорившись с англичанами, нанесет удар, воспользовавшись какими-нибудь удобными обстоятельствами, скажем уходом крупных сил немецкой армии на Балканский полуостров?

«Если когда-нибудь Россия займет позицию, – сдерживая себя, ответил Риббентроп, – которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сокрушит Россию!

Германия уверена, что кампания против России завершится абсолютной победой германского оружия и полным разгромом русской армии и русского государства!

Фюрер убежден, что в случае боевых действий великая держава Россия перестанет существовать!

Германия стоит настороже и не потерпит никогда ни малейшей угрозы со стороны России.

Германия хочет как можно быстрее завоевать Англию и не допустить, чтобы что-либо помешало ей в этом».

«Поэтому фюрер по зрелому размышлению, – понизив голос, сказал он, – пришел к выводу, что было бы выгодно, если бы Япония решилась как можно скорее принять активное участие в войне против Англии. Например, молниеносное нападение на Сингапур явилось бы решающим фактором в быстром разгроме Англии... Япония, захватив Сингапур, приобретет абсолютно господствующую позицию в этой части Восточной Азии. Фактически она разрубит гордиев узел».

Это было слишком даже для невозмутимого Мацуока. Он ответил, что подобный вопрос требует тщательного изучения и консультаций с правительством.

Покидая германское министерство иностранных дел, он заметил генералу Осима: «Зачем нам захватывать Сингапур, если они летом завоюют Англию? Сингапур сам упадет к нам в руки?»

«Извините, Мацуока-сан, – ответил генерал. – Я сильно сомневаюсь, что произойдет так, как нас пытался уверить господин министр».

«Почему?» – поинтересовался министр иностранных дел.

«Во-первых, потому, что у них нет флота, – объяснил генерал Осима, – а во-вторых, как только они соберутся высаживаться в Англии, их тут же, как зеленую гусеницу на циновке, раздавит русский сапог. И они это отлично понимают. Так что впереди нас ждет все что угодно, кроме высадки немцев в Англии».

Мацуока ничего не ответил. Он думал.

У Гитлера, как и у всякого человека с повышенной нервной возбудимостью, было очень острое чувство надвигающейся беды. Еще во время приема в честь японского министра иностранных дел Гитлер осознал, что его что-то удручает. Возможно, его раздражали улыбки, уклончивые сладко-вежливые ответы и идиотские поклоны японцев. Нет, тут было что-то другое. Он видел, как его любимый адъютант штурмбанфюрер Гюнше несколько раз

появлялся в зале с какой-то бумагой в руке, но, видя, что фюрер занят оживленной беседой с посланцами далекой Японии, не решался подойти.

Только проводив японцев, Гитлер узнал, в чем дело: в Югославии произошел государственный переворот.

Уже были известны подробности.

26 марта, когда Цветкович и Маркович возвратились из Вены и стало известно, что они подписали пакт с Гитлером, генерал Симович поднял военный мятеж. Кровопролития не было. Несколько генералов были арестованы. Цветкович, задержанный полицией, доставлен в штаб Симовича» где его заставили подписать заявление об отставке. Как только принц Павел прибыл в Белград, его доставили в штаб генерала Симовича, где он вместе с двумя другими регентами, подписал акт отречения.

Сказать, что Гитлер пришел в ярость, получив это известие, значит не сказать ничего.

Позднее Гитлер сам говорил, что «Югославский путч явился для меня громом среди ясного неба. Когда мне сообщили о нем, я подумал, что это шутка».

Фюрер немедленно вызвал к себе Геринга, Кейтеля, Йодля, Гальдера и Риббентропа. К их прибытию он уже полностью успокоился и сказал, что это даже хорошо, что Югославия так себя проявила.

Хуже было бы, если бы все это произошло, когда началось вторжение в Грецию, а еще хуже – при выполнении плана «Барбаросса».

Поэтому он решил, не дожидаясь возможных деклараций о лояльности со стороны нового правительства, провести все приготовления к военному разгрому Югославии и уничтожению ее как национального государства.

Приказ Гитлера был оформлен в виде Директивы № 25. Это нарушало все ранее разработанные военные планы. Операцию «Марита» (вторжение в Грецию) пришлось почти полностью перепланировать.

Не успел Гитлер немного прийти в себя от югославского сюрприза, как пришло сообщение о новом разгроме итальянского флага.

27 марта, в соответствии с договоренностью, достигнутой в Меране между адмиралами Редером и Риккарди, в море вышло мощное соединение кораблей итальянского флота.

Новейший линкор «Витторио Венето» под флагом адмирала Якино вел за собой 6 тяжелых крейсеров, 2 легких и 14 эсминцев. Линкор «Витторио Венето» был лучшим в мире. Закованный в 350-миллиметровую броню, водоизмещением более 45000 тонн, корабль нес девять 15-дюймовых орудий длинной в 54 калибра и мог развивать скорость до 30 узлов. Прекрасные тяжелые крейсеры типа «Пола» по своим боевым и техническим характеристикам превосходили в марте 1941 года все зарубежные корабли своего класса, включая и японские.

Узнав из сообщения разведки о выходе в море итальянцев, командующий английским флотом Восточного Средиземноморья адмирал Каннингхем вышел на перехват противника, ведя под своим флагом трех ветеранов Ютландского боя – линкоры «Варспайт», «Веллиэнт» и «Бэрхэм». Хотя модернизация, проведения в середине 30-х годов, и придала ютландским ветеранам современный вид, «старики» задыхались уже при скорости 22 узла, а их орудия, номинально имевшие тот же 15-дюймовый калибр, что и у итальянского линкора, были гораздо менее дальнобойными.

На рассвете 28 марта южнее мыса Матапан (южная оконечность Греции) легкие силы англичан вступили в боевой контакт с противником. Не считаясь с тем, что тяжелые орудия итальянцев способны быстро уничтожить их всех, англичане немедленно открыли ураганный огонь по противнику. Огромные водяные столбы, поднятые снарядами «Витторио Венето», обрушивались на палубы и надстройки английских крейсеров, но попаданий не было. В этот

момент в воздухе появились шесть торпедоносцев-бипланов с авианосца «Формидейбл». Маленькие бипланы, совершенно комично выглядевшие на фоне камуфлированных бронированных чудовищ флота Новой Римской Империи, стрекоча моторами на своей парадной скорости 200 км/час, устремились в атаку.

Ни одного английского самолета итальянцам сбить не удалось, а линкор «Витторио Венето» получил торпеду в корму. Корабль лишился хода и управления, в огромную пробоину хлынула вода. Адмирал Якино немедленно приказал всем кораблям ложиться на обратный курс и отходить в Таранто, до которого было 420 миль.

Окружив поврежденный линкор, сумевший поднять скорость до 19 узлов, итальянское соединение, не выполнив задачи, уходило на запад.

Через час после захода солнца оно было настигнуто еще одной шестеркой торпедоносцев «Свордфиш».

На этот раз торпеду получил красавец – тяжелый крейсер «Пола», который, приняв несколько тысяч тонн воды, полностью лишился хода. «Свордфиши» понеслись к родному авианосцу, который зажег все палубные огни, чтобы принять самолеты на палубу.

В этот момент к месту боя подошли старики-ветераны адмирала сэра Эндрю Каннингхема. Обнаружив радарами итальянский отряд, линкоры Каннингхема обрушили на противника огонь своих пятнадцатидюймовых орудий.

В это время в луч английского прожектора попал в стоявший без хода тяжелый крейсер «Пола». Сгрудившийся на баке подбитого крейсера экипаж протягивал англичанам буксирные концы.

Адмирала Каннингхем приказал снять итальянцев на эсминцы, а «Полу» добить торпедами, упустив тем самым уникальный случай захвата в море и привода в Александрию тяжелого крейсера противника, что стало бы наиболее уникальным эпизодом второй мировой войны на море. Со времен Цусимы, когда в плен японцам сдалась целая русская эскадра, ничего подобного в XX веке еще не случалось...

Это был конец. Итальянский флот больше и не пытался доказать кому-то свою полезность. Огромные корабли простояли по портам до 1943 года, а потом дисциплинированно сдались союзникам. Даже Гитлер больше не напоминал ничего Муссолини о его флоте.

Известие о военном перевороте в Югославии вызвало в Кремле радостное возбуждение. Дело в том, что политика товарища Сталина привела фактически к полной политической изоляции Советского Союза. У Гитлера была Италия, Венгрия, Румыния, Болгария и в потенциале – Япония, а у СССР – никого, если не считать, конечно, Монголии.

Никто особенно не анализировал даже такой, казалось бы, важный вопрос: как поведут себя Англия и Соединённые Штаты после начала операции «Гроза». Некоторые склонялись к мысли, что Англия автоматически станет союзницей по принципу «враг моего врага – мой друг». Другие, а таких было большинство, напротив, предостерегали, что с началом освободительного похода Красной Армии в Европу англичане заключат быстро мир с Гитлером и выступят совместно против СССР.

Но товарища Сталина можно было еще запугать в начале 1940 года, но не сейчас.

Соединенные Штаты он презирал и ненавидел, и как они себя поведут, было решительно наплевать.

Что касается англичан, то они, ведя кровопролитные воздушные бои на юге своей страны, не скоро придут в себя, чтобы как-то среагировать на наши молниеносные действия, договориться с немцами или, наоборот, утопят их в канале, поскольку деваться тем уже будет некуда. А на побережье Ла-Манша будет стоять непобедимая Красная Армия.

Поэтому товарищ Сталин твердо придерживался мнения, что не следует мешать Гитлеру окончательно очистить континент от англичан, чтобы не создавать себе в дальнейшем лишних проблем.

Плодить ненужных союзников так же опасно, как и лишних врагов. Некоторые горячие головы в Генштабе высказывали предположение, что на волне общего хаоса, вызванного нашим наступлением, может быть удастся и с ходу форсировать Ла-Манш, захватив заодно и Британские острова. Но вождь подобных подходов не одобрял, считая подобные взгляды волюнтаризмом, от которых уже рукой подать до «головокружения от успехов». Что очень опасно.

Что касается Югославии, то, конечно, в конце концов, есть она или нет ее – было не так уж важно. Однако генштабисты просчитали великолепную возможность переброски в Югославию по воздуху крупных контингентов Красной Армии. Кинжальными ударами можно было быстро искромсать весь этот район, включая и Италию. Попутный захват Швейцарии сулил еще большие выгоды. Еще Ленин считал, что лучшими местом для начала мировой революции является именно Швейцария, а отнюдь не Россия. Семиязычная Швейцария предоставляла в теории такие возможности, даже не говоря об ее банках, что захватывало дух от открывающихся перспектив.

Москва немедленно признала правительство Симовича и с быстротой, поистине необыкновенной, стала втягивать Югославию в договорные отношения.

Германская реакция была очевидной. Советская разведка в Венгрии перехватила послание Гитлера венгерскому регенту адмиралу Хорти, где ясно говорилось: «Югославия будет уничтожена, так как она только что открыто отвергла политику взаимопонимания с державами Оси».

В то же время премьер-министр граф Телеки вечером 2 апреля получил телеграмму от своего посланника в Лондоне, тоже легко добытую советской разведкой. Английское министерство иностранных дел официально предупреждало, что, если Венгрия примет участие в каких-либо операциях Германии против Югославии, она должна ожидать объявления войны со стороны Великобритании.

Клубок интересно затягивался, и в Москве было решено несколько обострить игру.

Был подготовлен договор о «ненападении и дружбе», в котором Советский Союз не брал на себя абсолютно никаких обязательств, кроме обязательства самому не нападать на Югославию.

4 апреля с текстом предстоящего советско-югославского договора был ознакомлен посол Германии граф Шуленбург.

5 апреля югославы в Кремле, где их встретили Сталин и Молотов, предложили готовьш проект договора в собственной редакции. Это был даже не договор, а нечто вроде дружелюбного жеста.

А утром 6 апреля стало известно, что немецкие войска вторглись в Югославию и Грецию, а Белград подвергся беспощадному удару с воздуха, в результате которого погибли 17 тысяч мирных жителей.

В Кремле царила мертвая тишина.

Когда же 6 апреля Шуленбург явился к Молотову с разъяснениями, что «югославское правительство, пришедшее к власти нелегально в результате переворота 27 марта, объединилось с Англией и Грецией» и Германия «располагала точной информацией, что югославский генеральный штаб вместе с греческим генеральным штабом и командованием высадившейся в Греции британской экспедиционной армии подготовились к совместной операции против Германии и Италии», Молотов только вздохнул.

Председатель Совета Народных Комиссаров и Нарком Иностранных Дел СССР выразил свою крайнюю печаль о том, что, несмотря на все усилия, избежать расширения войны так и не удалось. И, видимо, никогда не удастся, пока не будет покончено с Англией. О подписанном вчера советско-югославском договоре о дружбе Молотов не упомянул ни словом, а Шуленбург и подавно.

Все было ясно без лишних слов. При очередной попытке влезть в европейские дела Сталин получил от Гитлера недвусмысленную затрещину, но стерпел ее, поскольку она соответствовала так или иначе его глобальным планам.

Однако 13 апреля Сталин отвесил Гитлеру ответную и гораздо более болезненную оплеуху, когда из Москвы пришло сообщение о подписании между СССР и Японией договора о нейтралитете, о чем хитрый Мацуока, будучи в Берлине, даже не намекал. Более того, сообщалось, что при отъезде Мацуока домой Сталин лично появился на перроне, чего вообще никогда не случалось, чуть ли не целовался с японцами, а затем обнялся с немецким военным атташе полковником Кребсом и провозгласил вечную дружбу между СССР и Германией.

Тот, кто хорошо знал Сталина, должен был от подобного его поведения просто умереть от страха.

Многим было хорошо известно сталинское выражение о том, что *«он обнимает кого-либо только тогда, когда не имеет возможности его зарезать».*Сборники крылатых сталинских фраз хранились уже не в одной разведке.

Была понятна и его радость.

В отличие от Гитлера, Сталин решил проблему войны на два фронта. Теперь всю свою боевую мощь он может обрушить на Европу, т.е. на Гитлера.

Предательство Японии, на которую Гитлер так рассчитывал, снова выбило его из колеи. Фюрер впал в сильнейшую депрессию, из которой его не могло вывести даже давно ожидаемое известие о том, что генерал Роммель, совершив 400-мильный марш по пустыне, нанес англичанам первое поражение.

Глава 15. Ослепление

Парад войск на Красной площади 1 мая 1941 года поразил всех наблюдателей своей агрессивной направленностью.

Даже предыдущий парад 7 ноября 1940 года, специально задуманный, чтобы оказать впечатление на Берлин перед визитом Молотова, не проходил в таком милитаристском угаре. Возможно, большое значение имело музыкальное сопровождение этого военного шоу.

Если 7 ноября над Красной площадью лилась музыка Шопена, то ныне военные духовые оркестры постоянно играли знакомые каждому бравурные марши: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин»,

«Если завтра война»,«По дорогам знакомым за любимым наркомом». Боевым набатом звучали традиционные первомайские призывы ЦК ВКП(б) и, что интереснее всего, призывали к готовности ко всяким неожиданностям. Всему этому созвучна была и речь принимавшего парад Наркома обороны маршала Советского Союза Тимошенко.

«В этом году, – ревел усиленный громкоговорителями голос первого маршала, – трудящиеся нашей страны и всего мира встречают Первое мая в исключительно сложной международной обстановке..... Поэтому весь советский народ, Красная Армия и Военно-морской фло г должны быть в состоянии мобилизационной и боевой готовности... Товарищи! Будьте бдительны, неустанно овладевайте военным делом, с удесятеренной энергией на всех участках социалистического строительства крепите экономическое и военное могущество нашей Родины! Да здравствует великий Сталин! Ура!»

По площади поползли танки. Все обратили внимание на то, что на параде были представлены только новейшие танки Т-34 и KB. Гусеничные тягачи тащили за собой огромные артиллерийские орудия невиданных ранее систем. Прошли грузовики с воздушными десантниками. Со штыками наперевес и в касках прошли, чеканя шаг, части НКВД. В небе плыли армады боевых самолетов.

Войска сменили физкультурники. Многие из них также шли с винтовками наперевес или изображали своими мускулистыми, гибкими телами различные виды боевой техники. Затем пошли колоны демонстрантов, всем своим видом символизируя несокрушимое единство партии и народа.

«Великому Сталину – Ура!» – неслось над площадью.

«Ура!» – ревели в ответ демонстранты.

Сталин, стоявший на трибуне мавзолея и приветствовавший ликующие крики усталым поднятием руки, мог быть доволен. Вряд ли у кого-нибудь из идущих сейчас по Красной площади и восторженно орущих «ура» не был кто-то из родных арестован, расстрелян, выслан. И, тем не менее, с какой неподдельной радостью и энтузиазмом они сплотились вокруг вождя, готовые идти за ним, куда он поведет, не задавая никаких вопросов.

Время от времени Сталин уходил за спины стоявших на трибуне членов политбюро и задумчиво мерил трибуну неторопливыми шагами туда и обратно. Он думал. И было о чем.

Как и следовало ожидать, Югославия и Греция не выдержали удара мощных сил вермахта. Была некоторая надежда, что англичане в районе горы Олимп остановят немецкое наступление. Но этого не произошло. Неожиданно для всех англичане начали эвакуацию своего почти пятидесятитьгсячного экспедиционного корпуса. Сделали они это, как всегда, очень организованно, фактически без потерь. Англичане эвакуировались на Крит, уведя с собой почти все суда греческого торгового флота – пятого в мире.

Наступление немцев в Греции и Югославии совпало по времени с их наступлением и в Северной Африке, где генерал Роммель уже фактически отогнал англичан обратно к египетской границе, а победитель итальянцев генерал О'Коннор захвачен немцами в плен.

На побережье Франции немецкие войска, по сообщениям разведки, продолжают интенсивные учения по высадке десанта. Немцы предполагают использовать при вторжении в Англию крупные силы воздушнодесантных войск, предварительно испытав их боевые возможности при захвате какого-нибудь крупного острова. Разведчики сходятся во мнении, что это будет остров Крит.

Англичане явно встревожены. Весь апрель приема у Сталина пытался добиться английский посол Стаффорд Криппс с какими-то новыми провокационными сообщениями о планах Германии напасть на СССР. Сталин не принял его и приказал Молотову английского посла Криппса и американского посла Штейнхарта также не принимать. Пусть ими занимается Вышинский.

Главное, что немцы, со свойственной им педантичностью, вьтолняют свой график операций, который нам хорошо известен, благодаря прекрасной работе нашей разведки. Значит, вскоре немцы предпримут крупное наступление против англичан на море. Они выполняют свой график, а мы – свой.

Заключение договора о нейтралитете с Японией позволило перебросить с Дальнего Востока несколько мощных танковых и общевойсковых соединений.

Заканчивается окончательная разработка мобилизационного плана, имеющего наименование МП-41, и шлифовка операции «Гроза». Сталин приказал закончить все работы не позднее 15 мая. Меры, принятые в промышленности после проведения XVIII партконференции, дали очень положительные результаты. Не подводили ни авиационные, ни артиллерийские заводы, ни заводы по выпуску боеприпасов. Был наведен полный порядок на

транспорте, а железнодорожники переведены на военное положение и фактически влиты в железнодорожные войска Красной Армии.

20 апреля, по показаниям бывшего генерала Проскурова, был арестован начальник Управления ВВС генерал-лейтенант Рычагов.

У Сталина давно уже вызывала подозрение слишком высокая аварийность в авиационных частях, весьма смахивающая на вредительство и умышленные диверсии. Он неоднократно ставил эти вопросы перед Рычаговым.

Сначала тот пытался как-то это объяснить слишком интенсивными программами летной подготовки, плохим оборудованием аэродромов, неправильным комплектованием летного состава.

А последнее время начал просто хамить. На последний упрек Сталина по поводу слишком большого количества ЧП в авиации чуть-ли не заорал: «Вы нас на гробах летать заставляете. Вот и аварийность большая!» Сталин даже опешил. Почему «на гробах»? Прекрасные самолеты у нас МИГи, ЯКи, ЛАГГи. «Не надо так гаварить, – мягко сказал он Рычагову. – Не должны вы так гаварить».

Но даже сам Сталин не ожидал того, что обнаружилось после ареста Рычагова, когда провели обыск в его служебных сейфах в Управлении, в академии ВВС, на КП управления авиацией МО, на центральном пульте ПВО и, конечно, на квартире и даче.

Было собрано достаточно улик, чтобы предъявить бывшему командующему военно-воздушными силами обвинение в измене Родине. Правда, сами по себе улики ни о чем не говорили, но с помощью показаний самого Рычагова они стали совершенно очевидными.

Рычагов быстро во всем признался. Он не так давно женился на известной летчице Марии Нестеренко, которую очень любил. Поэтому на вопрос следователя Матевосова, насколько его жена была осведомлена о его преступной деятельности и не хочет ли он с ней очной ставки, в котором слышалась явная угроза ареста и Марии Нестеренко, Рычагов сломался.

Он признался в том, что в преступном сговоре с бывшим генералом Проскуровым, а также и с другими генералами, главным образом, авиационными, готовил государственный переворот с целью убийства товарищей Сталина, Молотова, Жданова и Щербакова и реставрации в СССР власти помещиков и капиталистов.

Разумеется, ему было предложено назвать сообщников.

Рычагов было заупрямился, но следователи Родос, Шварцман, Матевосов и Семенов, выделенные в специальную бригаду для проведения этого важнейшего дознания особой государственной важности, были большими мастерами своего дела.

В связи с особой важностью дела следственную бригаду возглавлял, лично принимая участие в допросах, сам нарком госбезопасности Всеволод Меркулов. Дело находилось на контроле у Генерального комиссара госбезопасности Берии, который ежедневно докладывал лично Сталину.

Почти одновременно с Рычаговым были арестованы и его основные сообщники по преступной группе (заговору): начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант Федор Арженухин, генерал-лейтенант Петр Пумпур – командующий ВВС Московского военного округа, генерал Иван Сакриер – начальник управления вооружений главного управления ВВС и виднейший конструктор авиационных пушек Яков Таубин.

Затем, изобличенные показаниями, были схвачены: начальник штаба управления ВВС генерал-майор Володин, командующий ВВС Дальневосточного фронта генерал-майор Гусев и генерал-майор технических войск Каюков – начальник одного из управлений НКО.

Следствие, однако, с большими основаниями считало, что пока в руки чекистов попали, пусть крупные, но исполнители. Руководство заговора, резонно полагали они, находится еще на свободе, поскольку не установлено.

Сталин был согласен с товарищами. Допросы, аресты и обыски продолжались. Сменяя друг друга, следователи работали круглосуточно. У Сталина даже на душе стало легче. Подумать только, чем могла закончиться «Гроза», начнись она при таком количестве изменников в Военно-воздушных силах? Все бы могло сорваться. Хорошо, что хоть в последний момент это гнездо гнуснейших предателей удалось накрыть.

Впрочем, особенно задумываться о подобных гнусных делах просто не было времени.

Прежде всего, когда Красная Армия начнет свой великий освободительный поход и весь мир вздрогнет при упоминании Советского Союза, все должны знать, кто стоит во главе этой великой страны, и кто бросил в поход великую армию для освобождения трудящихся всего мира.

Да, но он, Сталин, был главой СССР «де факто», а «де юре» – вообще не занимал никакого официального поста, числясь генеральным секретарем правящей партии.

Сейчас, когда никто уже, казалось, не осмелился бы даже намеком посягнуть на абсолютность его власти, ему уже не было никакого резона сторониться ее официальной стороны. А потому Сталин решил убрать Молотова с должности председателя Совета Народных Комиссаров и занять этот пост самому. Президиуму Верховного Совета СССР в лице Михаила Калинина было приказано подготовить соответствующий указ и опубликовать его не позднее 6 мая.

Немецкий посол в Москве граф Фридрих Вернер фон Шуленбург вернулся из отпуска 30 апреля. Он привез в Берлин меморандум, составленный совместно с военным атташе генералом Кестрингом. В меморандуме указывалось, что поскольку СССР находится в полной политической изоляции, расширение экономических отношений с ним неизбежно приведет сначала к более тесному политическому, а затем и к военному союзу, весьма выгодному для Германии.

28 апреля Гитлер вызвал Шуленбурга к себе. На столе фюрера лежал меморандум, написанный Шуленбургом и Кестрингом.

– Что вы мне тут пишете, граф, – поинтересовался Гитлер, – как я могу следовать вашим рекомендациям, если Сталин уже принял решение на меня напасть?

Шуленбург был ошеломлен таким началом беседы.

Однако, справившись с волнением, граф твердо заявил Гитлеру, что не верит в возможность нападения России на Германию. Напротив, в Москве все встревожены слухами о предстоящем нападении Германии на СССР.

– Вы не верите, что Сталин может напасть на нас? – спросил Гитлер Шуленбурга. – Вы не верите, граф, а я верю. У меня больше информации на этот счет, чем у вас, хотя, казалось бы, должно быть наоборот.

Фюрер подвел оторопевшего посла к карте, на которой были изображены знаменитые Белостокский и Львовский балконы, и водя пальцем по синим условным знакам, изображающим советские танковые, пехотные и кавалерийские дивизии, артиллерийские полки и аэродромы, спросил у Шуленбурга, можно ли подобное сосредоточение войск квалифицировать иначе, чем стратегическая концентрация накануне вторжения?

– Рейхсканцлер, – пытался возразить Шуленбург, – я уверен, что вы преувеличиваете опасность. В любом случае война с Россией, кто бы ее ни начал, будет трагедией для обеих наших стран. В то время как дальнейшее экономическое и политическое сотрудничество, о чем я указал в доложенном вам меморандуме, принесет неисчислимые выгоды нашей стране.

– Что вы меня уговариваете, граф? – усмехнулся Гитлер. – Я не собираюсь нападать на СССР. И если сделаю это, то только в том случае, когда у меня не будет никакого другого выхода. А так я, в принципе, совершенно с вами согласен и готов всячески содействовать улучшению отношений между нами и Кремлем. – Да, – засмеялся Гитлер, – если не будет выхода!

Алогизм всех поступков Гитлера приводил графа Шуленбурга в отчаяние. Он покинул на следующий день Берлин в полном убеждении, что его долгом является предотвращение любой ценой будущей войны между Германией и Россией и создание того немецко-русского союза, о котором мечтал еще Бисмарк.

Уже 2 мая Шуленбург был вынужден послать в МИД Германии донесение следующего содержания:

«Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрестанно поступают сюда из Германии и если каждый прибывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты. Шуленбург».

Не получив на это послание никакого ответа, граф Шуленбург решил начать собственные секретные переговоры с русскими, чтобы предотвратить «сползание к войне» со стороны двух великих держав.

Граф колебался, поскольку то, что он задумал без санкции своего правительства, граничило с государственной изменой. Единственным человеком в посольстве, которому Шуленбург мог доверять, был его советник Густав Хильгер, известный графу своими резкими антинацистскими взглядами.

Именно Хильгер и посоветовал Шуленбургу связаться с кем-нибудь из советских дипломатов примерно такого же ранга, что и он, и поговорить с ним в неофициальной обстановке по поводу возможного опасного развития немецко-русских отношений.

Хильгер знал, что сейчас в Москве находится коллега Шуленбурга – советский посол в Берлине Владимир Деканозов, и посоветовал побеседовать именно с ним. Помимо должности посла в Германии Деканозов являлся еще и заместителем наркома иностранных дел Молотова и даже вхож к самому Сталину. По крайней мере, он всем все доложит, как надо.

5 мая Деканозов был приглашен на завтрак в подмосковное Астафьево, где в роскошном особняке находилась резиденция германского посла, в которой тот, помимо прекрасной антикварной мебели, собрал драгоценную коллекцию картин и старинного оружия. В СССР все это стоило копейки.

Со стороны немцев на завтраке присутствовали только сам Шуленбург и, разумеется, Хильгер, прекрасно знающий русский язык.

Для начала граф фон Шуленбург заявил, что с детства был воспитан в духе незабвенного Бисмарка, всегда желавшего хороших отношений с Россией и предостерегавшего от любых конфликтов с ней. Тем более ему прискорбно, продолжал немецкий посол, что отношения между нашими странами ухудшились настолько, что уже открыто циркулируют слухи о возможной войне между Россией и Германией. А потому он, осознавая серьезность ситуации, хочет заявить следующее...

Тут Деканозов прервал речь Шуленбурга и осведомился, от имени кого посол собирается делать заявление? Говорит ли он по поручению своего правительства? Имеет ли он на это полномочия? В противном случае он будет не в состоянии что-либо передать советскому руководству.

Шуленбург и Хильгер сообщили Деканозову, что пошли на этот, «небывалый в истории дипломатии ша» по собственной инициативе и без ведома своего руководства.

Прежде, чем события начнут развиваться по самому худшему варианту, причем, развиваться автоматически, следует проявить двустороннюю дипломатическую активность и сделать еще шаг навстречу друг другу, как это имело место в августе – сентябре 1939 года.

Деканозов задал уточняющий вопрос, кто, по мнению Шуленбурга, является источником подобных слухов?

Шуленбург довольно резко ответил, что это сейчас не имеет значения. Но со слухами следует считаться как с фактом. Затем в разговор вмешался Хильгер, сказав, что было бы неплохо, чтобы правительство СССР предприняло какие-нибудь шаги в противовес своим последним заявлениям. А затем выступить с новыми инициативами в духе возобновления прерванных в ноябре прошлого года переговоров...

Все свои инициативы Советский Союз уже исчерпал. Любая новая инициатива по сближению с Германией неизбежно бы вовлекала СССР в Союз трех держав и в войну на стороне Германии. Это отлично понимали не только в Москве, но и Берлине.

Пока советский и немецкий послы проводили «тайную» встречу в резиденции Шуленбурга, товарищ Сталин выступал в Большом Кремлевском Дворце на приеме, устроенном в честь выпускников военных академий. Маршалы, генералы и адмиралы, офицеры всех рангов, затаив дыхание, слушали речь.

Поздравив выпускников с окончанием учебы, Сталин заговорил об изменениях, произошедших в армии за те годы, которые выпускники провели в стенах военных академий. «Вы вернетесь в армию, – указал вождь, – и не узнаете ее. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад».

Далее вождь признал, что в Красной Армии на сегодняшний день развернуто 300 дивизий, 20 тысяч танков и «многие тысячи самолетов».

«Красная Армия, – еще раз подчеркнул вождь, – есть современная армия, а современная армия – армия наступательная».

«Вы приедете в части из столицы, – обратился к слушателям Сталин. – Вам красноармейцы и командиры зададут вопросы, о том что происходит сейчас? Надо командиру не только командовать, этого мало. Надо уметь беседовать с бойцами. Разъяснять им происходящие события, говорить с ними по душам. Наши великие полководцы всегда были тесно связаны с солдатами. Надо действовать по-суворовски».

Упоминание в качестве примера царского генерала было совершенно новым. В зале почти все заметили этот оригинальный идеологический поворот. Вскоре из управления по боевой подготовке РККА поступят новые плакаты, где будет начертано:

«Внуки Суворова, дети Чапаева! Бьемся мы здорово, колем отчаянно!»

Это было первое, пока микроскопическое изменение курса от интернационализма к национализму, говорящее о том, что пространные депеши Деканозова с законспектированными лекциями нацистских идеологов не пропали даром.

А, действительно, кого еще приводить в качестве примера? Не Тухачевского же? А кто, кроме Суворова, так лихо наступал по сопредельным странам и даже по Италии и Швейцарии?

Сталин сделал паузу, отпил воды из стакана, прищурив глаза, осмотрел притихший зал и продолжал: «Чтобы готовиться хорошо к войне – это не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически.

Что значит политически подготовить войну? Политически подготовить войну – это значит, чтобы каждый человек в стране понял, что война необходима. Народы Европы с надеждой смотрят на Красную Армию, как на армию-освободительницу. Видимо, войны с

Германией в ближайшем будущем не избежать и, возможно, инициатива в этом вопросе будет исходить от нас. Думаю, это случится в августе. И вот почему.

Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические».

Сталин понимает, что несет ахинею. Разве Версальский договор отнимал у Германии Австрию, Чехословакию или Польшу, которую они так славно разодрали пополам вместе с Гитлером. Но он также понимал, что уже никто не только из сидящих в зале, но и во всей гигантской стране, не осмелится ни то, чтобы что-то сказать, но и подумать иначе, чем повелел вождь.

Затем Сталин переходит к самому главному вопросу – к разоблачению мифа о непобедимости немецкой армии.

«Действительно ли германская армия непобедима?» – вопрошает с трибуны великий вождь и отвечает: «Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые».

С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. (Сталин-то знает лучше других, что в Красной Армии боевой техники раз в пять больше, чем у вермахта, а качество – вообще сравнивать нечего.)

Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Англия и Америка».

Это тоже что-то новое. Впервые в столь положительном контексте упомянуты главные оплоты империализма Англия и Америка. У них, оказывается, даже авиация не хуже немецкой.

В заключение, с заметным трудом выбравшись из частокола повторов, Сталин сказал: «Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой». Намек был более чем прозрачный. В самом ближайшем будущем Германию ждет такая же катастрофа, что постигла Францию летом прошлого года.

Поздравив еще раз всех присутствующих с окончанием курса обучения и пожелав успеха, Сталин закончил свою речь, переждав с усталым видом очередную буйную овацию аудитории. Затем начался банкет.

Тосты за пехотинцев, за танкистов, за летчиков, за конников. Еще раз за великого вождя, родного и мудрого товарища Сталина!

За всепобеждающее дело Ленина-Сталина! За прошлые и грядущие победы!

И тут начальник Военной Академии им. Фрунзе генерал-лейтенант Михаил Хозин вдруг взял и предложил тост за мирную политику Советского Союза. Конечно, генерал не сам придумал этот тост – он значился в номенклатуре тостов на всех официальных торжествах. Но произошло неожиданное. *Сталин демонстративно отказался пить свой бокал.*

Заметно захмелевший вождь поставил свой бокал на стол, расплескав вино на скатфть, и, глядя в помертвевшее лицо генерала тигриными от ярости глазами, раздраженно заявил, что «пора кончать эти оборонительные призывы, ибо их время прошло. Отныне Красной Армии следует привыкать к мысли, что эра мирной политики закончилась и наступила эра насильственного распространения социалистического фронта».

Затем Сталин в более простых выражениях повторил то, что уже сказал с трибуны:

«Война с Германией неизбежна и возможно, что Красной Армии придется взять на себя инициативу, не ожидая германского наступления».

Разумеется, никто не осмелился задать вождю никаких вопросов.

В тот же день 5 мая 1941 года, неожиданно для всех Гитлер прибыл на специальном поезде в Готенгафен, чтобы лично проинспектировать готовность нового линкора «Бисмарк» к выполнению боевой задачи.

Впервые за восемь лет в такой поездке фюрера на сопровождал гроссадмирал Редер, что само по себе говорило о некоторой необычности визита Гитлера на одну из главных тыловых баз германского флота.

Фюрер прибыл с небольшой свитой. Его сопровождали: генерал Кейтель, военно-морской адъютант, капитан 1-го ранга Путткамер и чиновник министерства иностранных дел при штаб-квартире фюрера Вальтер Хевель.

У трапа главу государства и вождя нации встретили: адмирал Лютьенс и командир линкора капитан 1-го ранга Линдеман. На палубе ровными рядами стояли матросы, застывшие по команде смирно.

Затем в сопровождении адмирала и командира Гитлер обошел линкор. Он почти час задержался на носовом посту управления артиллерийским огнем, выслушав объяснение младшего артиллерийского офицера о том, как данные о курсе и скорости корабля, а также о направлении ветра и температуре воздуха вводятся в автомат управления огнем. Генерал Кейтелъ, сам бывший артиллерист, также слушал этот рассказ с неподдельным интересом.

Затем Гитлер уединился в адмиралом Лютьенсом в его салоне, взяв с собой Путткамера, но оставив Кейтеля наслаждаться свежим воздухом на палубе среди корабельных офицеров.

События войны давно уже превратили адмирала Лютьенса в фаталиста. Он был убежден, что рано или поздно ему придется погибнуть в каком-нибудь бою с англичанами, который наверняка будет неравным. Поделился он своими мыслями только с женой, у которой еще с прошлого похода лежал запечатанный конверт с завещанием мужа.

Из плана адмирала Редера послать в океан мощное соединение линкоров и тяжелых крейсеров во главе с «Бисмарком», как ожидал Лютьенс, ничего не вышло.

«Тирпиц» еще совершенно не был готов к боевому походу. Ремонт котлов на «Шарнхорсте» сильно затянулся из-за гораздо большого объема тяжелых работ, чем планировалось.

«Гнейзенау» был еще менее удачлив. Корабль стоял у стенки, когда пятисоткилограммовая бомба упала рядом с его бортом, но, к счастью, не взорвалась.

Это случилось еще 5 апреля, а утром 6-го над гаванью появились английские торпедоносцы. Один из них, низко проскочив над молом, ринулся на «Гнейзенау».

Все зенитные средства базы вели яростный огонь по самолету, который, вспыхнув, стал разваливаться на части. Но из-под пылающей и падающей в воду машины выскочила торпеда и угодила «Гнейзенау» в корму.

Из всего этого вытекало, что «Бисмарка» сможет сопровождать в походе только тяжелый крейсер «Принц Ойген», но и с ним случилась беда. 24 апреля примерно в 30 метрах от крейсера взорвалась магнитная мина, повредив машину.

Встал вопрос об отмене всей операции. Редер и Лютьенс склонялись к этому, но Гитлер приказал вьходить в море, даже если «Бисмарк» останется совершенно один.

Фюрер специально прибыл на базу, чтобы убедиться в готовности кораблей и повысить боевой дух их экипажей.

Лютьенс, конечно, не стал делиться с фюрером своими сомнениями, заявив, что полностью готов к выполнению задачи.

«Адмирал, – сказал фюрер, – от вашего похода зависит будущее Германии». Слышавший эти слова капитан 1-го ранга Путткамер понял их значение значительно позднее.

6 мая советские газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Сталина председателем Совета Народных Комиссаров.

Молотов становился его заместителем, сохранив за собой должность народного комиссара иностранных дел.

Под заголовком «Мы должны быть готовы к любым неожиданностям» газеты отметили и вчерашнюю речь Сталина на приеме выпускников военных академий. «В своей речи, – сообщали газеты, – товарищ Сталин отметил громадные перемены, которые произошли в Красной Армии за последние несколько лет. Сталин говорил сорок минут и был выслушан с исключительным вниманием».

Все разведки мира извивались ужами, чтобы узнать, что именно говорил вождь военным в течение целых сорока минут.

Не меньшее удивление и загадку представлял и указ о назначении Сталина официальным главой советского правительства.

Иностранные газеты выдвигали всевозможные версии, а граф фон Шуленбург был твердо уверен, что Сталин предпринял этот шаг только для того, чтобы в будущем лично вести переговоры с Гитлером, который кроме фюрера был еще рейхсканцлером.

7 мая Шуленбург телеграфировал из Москвы:

«...Сталин, сменив Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, таким образом возглавил правительство Советского Союза...

Я убежден, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией.

Шуленбург»

Всегда опасно, когда отношения между двумя уголовными «паханами» пытается наладить такой интеллигент-идеалист, каким был граф фон Шуленбург.

Он был настолько «проницательным» и так «здорово разбирался» в кроваво-грязных лабиринтах кремлевской власти, что у Гитлера были все основания расстрелять его прямо в 1941 году, а не в 1944-м, как он это сделал.

8 и 9 мая пришли сообщения о тяжелых налег ах немецкой авиации на Лондон, когда бомбы угодили в «святая святых» Великобритании – в Палату Общин парламента. Газеты публиковали фотографию Уинстона Черчилля, стоящего среди руин парламентского зала заседаний.

10 мая более 1000 немецких самолетов несколькими волнами появились над английской столицей. Их встретили в небе английские истребители, оборудованные новыми секретными радарами ночного воздушного боя.

Во время апрельских налетов немцы потеряли 89 машин над Лондоном, за первые 10 дней мая Люфтваффе потеряло уже 70 машин.

Газетные заголовки сообщали о знаменитых зданиях английской столицы, уничтоженных немецкими бомбами, о пленных немецких пилотах, о своих погибших воздушных асах, о боях на Ближнем Востоке, о восстании в Ираке, где Рашид Али объявил себя премьером страны.

Однако 10 мая произошло событие, перед сенсационностью которого померкли все остальные новости.

Вечером 10 мая 1941 года на испытательный аэродром фирмы Мессершмит в Аугсбурге прибыл заместитель Гитлера Рудольф Гесс.

Начиная с осени 1940 года, Гесс выразил желание лично испытывать новые модели немецких истребителей.

Генеральный авиаконструктор хотел протестовать, ссылаясь на вышедший в начале войны катенорический приказ Гитлера, запрещающий всем руководителям нацистской партии Германии в военное время управлять самолетами.

Но существовал и другой указ Гитлера, также хорошо известный Мессершмиту, который гласил: «Декретом фюрера заместитель фюрера Гесс получает полную власть принимать решения от имени фюрера». Отказать требованиям такого человека не мог никто, в том числе и Вилли Мессершмит.

Гесс облюбовал для полетов новый истребитель дальнего действия Ме-110.

Нисколько не уступая профессиональным летчикам-испытателям по мастерству управления истребителем, Гесс совершил десятки взлетов и посадок с аэродрома в Аугсбурге, каждый раз отчитываясь перед Мессершмитом и его инженерами о результатах испытаний, указывая на различные недостатки новой машины. Особенно тревожил Гесса недостаточный, по его мнению, радиус действия новой машины.

Он предложил Мессершмиту установить на истребителе дополнительные баки с горючим, которые можно было затем сбрасывать в процессе полета.

Рудольф Гесс прибыл на аэродром, чтобы проверить, как поведут себя в полете некоторые последние изменения, внесенные в проект истребителя конструкторами по его рекомендации. Речь шла о создании на базе Ме-110 более совершенной модели ночного истребителя.

Захлопнув фонарь и запустив двигатель, заместитель Гитлера лихо оторвался от земли, использовав только треть полосы, и исчез в надвигающихся сумерках. На аэродром Гесс не вернулся.

10 мая в 22:08 английский пост ПВО северного побережья в районе Нортумберленда заметил одиноко летящий немецкий истребитель. Это было странно, потому что так далеко на север самолеты противника никогда не залетали.

В 23:07 пришло новое сообщение с поста ПВО, заметившего одинокий «Мессершмит». Несколько минут назад, говорилось в сообщении, замеченный самолет упал и сгорел около населенного пункта Иглшем в Шотландии, а пилот выбросился с парашютом и был задержан бойцами гражданской самообороны.

Выбросившегося на парашюте пилота первым встретил фермер Дэвид Маклин. Фермер уже ложился спать, когда мощный взрыв, прогремевший на его поле, заставил Маклина выскочить из дома.

На поле он увидел догорающие остатки упавшего самолета, а в небе – купол спускающегося парашюта. Маклин понятия не имел, чей это самолет.

Летчик, погасив парашют, сняв шлем и очки, обратился к фермеру на безукоризненном английском языке. «Я ищу замок лорда Гамильтона. Если я не ошибаюсь, это его поместье?»

Фермер ответил, что это так, но до замка лорда еще далеко и поинтересовался у летчика, что случилось и кто он такой. Тот назвался как Адольф Хорн и сообщил, что «привез очень важные вести для королевских Военно-Воздушных сил» и попросил поскорее отвезти его в замок лорда Гамильтона.

Выяснив, что незнакомец немец, Маклин вызвал бойцов местной гражданской самообороны, а те отвезли пленного в ближайший населенный пункт Бубси, где находился их штаб.

Заперев летчика в одном из помещений штаба и доложив об этом начальству, бойцы МПВО посчитали свой долг выполненным по крайней мере до утра, когда начальство пообещало прислать за пленным машину.

Но пленный неожиданно разбушевался, крича, что он немецкий офицер, прибывший в Англию со специальной миссией, и ему необходимо немедленно встретиться с лордом Гамильтоном.

Все советы отдохнуть до утра, а «там разберемся», пленный летчик игнорировал, продолжая громко повторять свои требования.

Штаб самообороны снова доложил начальству, что задержанный немецкий офицер Адольф Хорн, который уверяет, что прибыл со специальной миссией, выбросившись для этого на парашюте из истребителя, желает немедленно говорить с лордом Гамильтоном.

Герцог Гамильтонский – знатнейший вельможа Великобритании, пэр империи, имеющий свободный вход к королю Георгу и премьер-министру Черчиллю, чей родовой замок находился неподалеку, был крайне удивлен, что какой-то пленный немецкий летчик желает сообщить ему нечто важное. Именно ему, а никому другому.

Тем не менее, утром 11 мая герцог в сопровождений следователя приехал в казармы «Мэрихилл», куда перевезли захваченного пилота.

Прежде всего были осмотрены найденные у летчика вещи: фотоаппарат «Лейка», какие-то таблетки, несколько фотографий, видимо, семейных, и визитные карточки на имя доктора Карла Хаусхоффера и его сына доктора Альбрехта Хаусхоффера. Затем, в сопровождении дежурного офицера и следователя, герцог вошел в помещение, в котором поместили пленного.

Увидев герцога, пленный сказал, что хочет говорить с ним с глазу на глаз. Гамильтон попросил сопровождающих его офицеров выйти.

Тогда немецкий пилот напомнил лорду, что они уже встречались на авиационных соревнованиях в 1934 году и на Берлинской Олимпиаде 1936-го. «Не знаю, помните ли вы меня, – сказал он, – я – заместитель Гитлера, Рудольф Гесс...»

11 мая 1941 года выпало воскресенье, а по воскресеньям – война не война – Черчилль любил отдыхать. «Иначе, – говорил он, – невозможно всю неделю работать круглосуточно».

Находясь в загородном замке своего приятеля в Дитчли, Черчилль с удовольствием смотрел кинокомедию с участием знаменитых комиков братьев Макс. В этот момент к премьеру Великобритании подошел секретарь и доложил, что его срочно просит к телефону герцог Гамилътонский.

Черчилль был удивлен. Он знал, что его друг находится в Шотландии. Что там могло произойти такого, что не могло бы подождать до завтрашнего утра? Премьер просит секретаря передать Гамильтону, чтобы тот позвонил утром. Однако секретарь возвращается и повторяет, что герцог настаивает на разговоре, подчеркивая его необычайную важность и срочность.

«Уинстон, вы не поверите, – кричал в трубку Гамильтон, – в Шотландию прибыл Гесс». Черчилль знал только одного Гесса – заместителя Гитлера, рейхсминистра, члена высшего совета обороны Германской империи, члена Тайного совета нацистской партии, где он считался первым после Гитлера лицом. Черчилль решил, что это фантастика.

Осознав происходящее, он немедленно продиктовал своему секретарю те меры, которые необходимо принять в связи с этим сенсационным событием:

«1. Распорядиться передать господина Гесса как военнопленного не министерству внутренних дел, а военному министерству.

2. Пока временно поместить его вблизи Лондона в удобно расположенном доме, в полной изоляции. В дальнейшем нужно сделать все, чтобы он изложил свои взгляды и замыслы, стараясь при этом получить от него как можно больше ценных сведений.

3. Необходимо следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха. Он не должен иметь никаких связей с

внешним миром или принимать посетителей, за исключением лиц по указанию министерства иностранных дел».

Видимо Гесс рассчитывал совсем на другой прием. Но на что бы он ни рассчитывал, он наверняка не предполагал, что, начиная с 10 мая 1941 года, ему придется провести в заключении 46 лет – вплоть до самой смерти, последовавшей 17 августа 1987 года в тюрьме Шпандау. Он не знал также, что тайна, связанная с его внезапным бегством из Германии, не только не рассеется после его смерти, но еще более обрастет мифами и спекуляциями.

Накануне вечером любимец Гитлера и его личный архитектор Альберт Шпеер вместе с фюрером работали над проектом перестройки Берлина в столицу мира. Огромный бульвар в центре города, с установленными на нем статуями полководцев, должен был упираться в гигантскую триумфальную арку, под которой могло пролететь целое звено бомбардировщиков. Гитлер сделал несколько несущественных замечаний по проекту и попросил Шпеера явиться к нему утром 11 мая с доработанным проектом, воплотить который в жизнь предполагалось не позднее 1950 года.

Рано утром с рулоном чертежей Шпеер прибыл в Бергхов.

В приемной Гитлера он застал бледных и возбужденных адъютантов Гесса – Лейтгена и Питча. Те попросили архитектора пропустить их первыми к фюреру, так как они должны передать тому важное письмо от Гесса. Шпеер, разумеется, согласился и, пока один из адъютантов прошел в кабинет Гитлера, Шпеер, развернув на столе свои эскизы, стал проверять, насколько ему удалось учесть все замечания фюрера.

Страшный, почти животный рев заставил Шпеера вздрогнуть. Эскизы триумфальных арок посыпались на пол. Затем он услышал крик Гитлера: «Где Борман? Немедленно ко мне!» Всех ожидавших в приемной заставили перейти в помещение на верхнем этаже и заперли там.

Через пятнадцать минут в Бергхов в полном составе во главе с самим Гиммлером прибыли руководители службы безопасности: Гейдрих, Шелленберг и Мюллер.

Последствия были ужасны. Все сотрудники Гесса, начиная с шоферов и кончая личными адъютантами, были арестованы. Узнав, что перед вылетом Гесс консультировался с астрологами и, якобы, те посоветовали ему лететь в Англию, Гитлер распорядился произвести массовые аресты среди астрологов, прорицателей, гадалок и экстрасенсов и строжайше запретить впредь заниматься в Германии чем-либо подобным.

Когда-то интересовавшийся этими вопросами, Гитлер, после бегства своего заместителя к противнику, приходил в ярость от одного упоминания об астрологии. Особенно был расстроен Гиммлер, державший в штате гестапо трех личных астрологов и привыкший не начинать ни одного дня без консультации со своим гороскопом. Зная о слабости своего шефа, Гейдрих и Мюллер с особым садистским удовольствием приносили рейхсфюреру СС на подпись все новые и новые списки направляемых в концлагеря «звездочетов».

Жена Гесса была объявлена соучастницей, лишена всех привилегий, вытекающих из высокого положения ее мужа, включая и государственное содержание. Никаких пенсий ей не полагалось и только благодаря участию Евы Браун, тайно снабжавшей свою подругу деньгами за спиной Гитлера, ей удалось кое-как сводить концы с концами. Не пережил случившегося и отец Гесса, скоропостижно скончавшись на следующий день. Никто из окружения Гитлера на это событие никак не отреагировал и только Альберт Шпеер прислал на похороны старика цветы, не указав, впрочем, что цветы именно от него.

Разумеется, Мюллер послал бригаду гестапо арестовать и Вилли Мессершмита как основного соучастника преступления. Однако гестаповцы не были допущены на испытательный полигон в Аугсбурге, охраняемый службой безопасности Люфтваффе, Оказалось, что сам Мессершмит уже арестован по приказу Геринга и отправлен к нему для

допроса. Авиаконструктор был доставлен в специальный вагон-салон Геринга, стоявший на одном из путей Мюнхенского вокзала.

Геринг встретил Мессершмита с нескрываемой радостью.

– Я предупреждал фюрера, – сдерживая улыбку, объявил рейхсмаршал, —что эти полеты Гесса кончатся тем, что он перелетит к англичанам. Он вообще не был немцем. Он – типичный британец.

Затем Геринг ткнул Мессершмита в живот маршальским жезлом и заорал:

– Вы очень хорошо знали этого мерзавца, Мессершмит! Как вы могли доверить ему самолет? У вас что, любой имеет право летать на ваших истребителях? Вам известен указ фюрера на этот счет?

Стараясь сохранить спокойствие, Мессершмит объяснил Герингу, что Гесса все-таки нельзя считать «любым». Он заместитель фюрера и рейхсминистр. Согласно декрету Гитлера, он имеет право приказывать кому угодно, включая и его, Мессершмита.

– Ну, все-таки надо соображать, – немного сбавил тон Геринг, – прежде чем предоставлять самолет в распоряжение такого идиота, каким был Гесс!

– Если бы вы пришли на мой завод, – ответил генеральный авиаконструктор, – и попросили у меня самолет для испытания, понравилось бы вам, если бы я сначала обратился к фюреру и спросил, могу ли я вам этот самолет дать?

– Между мной и Гессом большая разница! – снова заорал Геринг. – Я – министр авиации!

– А Гесс – заместитель фюрера, – парировал Мессершмит.

– Но вы должны были видеть, – не унимался Геринг, – что он сумасшедший!

– Как же я мог предполагать, – сухо ответил главный создатель боевых истребителей Люфтваффе, – что в Третьем Рейхе сумасшедший может занимать такие высокие посты?!

Геринг весело засмеялся:

– Отправляйтесь домой, Мессершмит, и стройте дальше свои самолеты!

Между тем, бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг – глава СД —докладывал Гитлеру, какую информацию англичане потенциально могут выжать из Гесса. Прежде всего, начальник внешней разведки СС выразил уверенность в том, что из-за своей преданности Гитлеру и делу национал-социализма Гесс никогда не выдаст противнику наших стратегических планов. «Хотя, – добавил Шелленберг, увидев сомнение на лице фюрера, это вполне допустимо, учитывая его нынешнее положение».

«Что касается предстоящей кампании в России, – продолжал начальник СД, – было бы благоразумнее рассматривать данный инцидент с Гессом как возможное предупреждение русских, хотя сомнительно, что англичане, что-либо узнав из допросов Гесса, тут же оповестят об этом русских. Видимо, основной целью Гесса было не предательство наших целей и планов, а навязчивая идея примирить Англию и Германию».

Выступивший затем Гейдрих добавил, что, хотя он в целом согласен с мнением Шелленберга, он полагает необходимым расследовать в этом деле роль английской секретной службы. В любом случае анализ информации, которой владел Гесс, говорит следующее:

Во-первых, он знал о замысле войны против России, был ее противником. Будучи по горло занятым партийной работой и идеологией, он не вникал в подробности военных планов, не знал никаких точных дат и тому подобного, чтобы могло представлять стратегический интерес для противника.

Во-вторых, будучи человеком наивным и легковерным, Гесс продолжал быть уверенным, что операция «Морской Лев» будет осуществлена этим летом, что причиняло ему дополнительные страдания и, возможно, что с целью убедить англичан не доводить дело до

вторжения на их острова, а пойти на мирное соглашение с Германией, он и предпринял свой более чем странный шаг.

И, в-третьих, что касается возможности передачи англичанами сведений, полученных от Гесса, в Москву, то необходимо иметь в виду, что уже давно русские рассматривают все поступающие из Лондона сведения как дезинформацию, просто не желая даже слушать что-либо, исходящее от англичан.

Таким образом, закончил Гейдрих, никаким нашим планам и замыслам не грозят серьезные осложнения из-за бегства Гесса. Главная трудность видится только в объяснении этого инцидента союзникам. Особенно Японии, которая может решить, что мы за ее спиной решили договориться с Англией. Не менее важно как-то объяснить этот поступок и Сталину, который, при его подозрительности, может решить, что мы отказываемся от запланированных акций против британской метрополии, и соответствующим образом изменит1 собственные планы, что очень опасно, особенно сейчас, когда подготовка к плану «Барбаросса» вступила в решающую фазу.

И, наконец, вздохнул Гейдрих, все случившееся надо как-то объяснить и немецкому народу, с которым Гесс общался; гораздо больше, чем все другие руководители страны. Даже больше и теснее, чем доктор Геббельс. К сожалению, нам не избежать официального заявления по этому поводу.

Официальное заявление было составлено достаточно быстро. В нем говорилось: «Член нашей партии Гесс, которому из-за продолжающейся в течение многих лет прогрессирующей болезни фюрер самым строгим образом запретил летать, в последнее время попытался – несмотря на имеющееся запрещение – снова овладеть самолетом. 10 мая он вылетел из Аугсбурга, но из этого полета до сегодняшнего дня не вернулся.

При таких обстоятельствах национал-социалистическое движение должно, к сожалению, считаться с тем, что член нашей партии Рудольф Гесс попал в авиакатастрофу и мог погибнуть или попасть в руки противника.

Выслушав официальное заявление, Гитлер сказал, что отныне в условия мира с англичанами будет вставлен специальный пункт о выдаче Гесса, которого он намерен публично повесить как предателя.

12 мая Сталин распорядился закрыть в Москве посольства Бельгии, Норвегии, Греции и Югославии, а их персоналу либо выехать из страны в течение 48 часов, либо перейти на положение интернированных. Это было правовое признание оккупации этих стран Гитлером.

В тот же день советское правительство официально признало режим Рашида Али в Багдаде. Это был весьма резкий антибританский шаг. Видно, проклятая английская база в Мосуле, с которой англичане грозились разбомбить Баку, сильно сидела у Сталина в памяти. Теперь немцы, оккупировав Грецию и часть островов Эгейского моря, вполне могли достать до Ирака, чтобы оказать повстанцам необходимую помощь и окончательно изгнать англичан из этой арабской страны. Немцы помнили о своих обещаниях и с каждым днем все активнее посылали в Ирак оружие и инструкторов.

Накануне на секретном совещании Политбюро, т.е. в присутствии Сталина, Молотова, Берия и Меркулова, который членом Политбюро не являлся, был заслушан доклад советского посла в Берлине Владимира Деканозова.

Суммируя свои многочисленные беседы с Герингом, Гессом, Шелленбергом, Риббентропом, Вайцзекером и другими руководителями Германии, Деканозов доложил, что немецкое руководство почти официально предупредило его о мероприятиях по введению англичан в заблуждение в 1941 году.

В ходе этих мероприятий будут распространены слухи о возможном нападении Германии на Советский Союз, поскольку крупные контингенты сил вермахта отведены на восток, за пределы действия английской авиации, для отдыха и переформирования. Советское

правительство не должно реагировать на эти слухи, так как их основная цель – сбить с толку и усыпить бдительность англичан и, насколько это возможно, обеспечить внезапность высадки на Британские острова.

В действительности же немецкие планы предусматривают: в ближайшее время средствами воздушного и морского десантов будет захвачен остров Крит, где будут отработаны окончательно тактические приемы высадки на острова английской метрополии. Затем предполагается дать решительное сражение английскому флоту где-нибудь в центральной части Атлантики. На первом этапе для этой цели, чтобы проверить реакцию англичан, будет использовано соединение во главе с новейшим линкором «Тирпиц», а затем – «Бисмарк» (видимо, Деканозов перепутал очередность. – И.Б.). В зависимости от реакции англичан на третьем этапе операции для этой цели будут использованы все наличные силы немецкого флота.

Советское правительство также должно понимать, что англичане, со своей стороны, приложат все усилия, чтобы натравить друг на друга СССР и Германию, о чем свидетельствует уже начавшаяся кампания в английской и американской прессе о намерении Советского Союза нанести внезапный удар по Германии.

На это Сталин задумчиво сказал: «Да, нас пугают немцами, а немцев пугают нами».

Далее Деканозов повторил уже ранее сделанный Сталину доклад о своей беседе с Шуленбургом и Хельгером.

Сталин слушал не очень внимательно. У присутствующих сложилось впечатление, что Сталин не услышал для себя ничего нового и все сказанное Деканозовым ему было уже известно по другим каналам. Вождь лишь коротко заметил: «Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов».

Если доклад Деканозова не произвел на Сталина особо сильного впечатления, то пришедшее в тот же день по нескольким разведывательным каналам сообщение о прибытии Рудольфа Гесса в Англию ошеломило вождя всех народов нисколько не меньше, чем Гитлера.

Гесса послал в Англию, конечно, Гитлер. Иначе это просто себе невозможно представить. Что бы подумал мир, если бы товарищ Молотов, украв, скажем, истребитель МИГ-3, улетел в Германию и выбросился с парашютом над ставкой Гитлера? Что бы он подумал? Что товарищ Молотов выполняет задание ЦК, т.е. товарища Сталина. Иначе не бывает. Значит, Гитлер снова решил предложить Англии мир и в знак искренности своих намерений послал к Черчиллю ни кого-нибудь, а своего первого заместителя. И не просто заместителя, а заместителя по партии. Значит, он отказывается от своих планов вторжения в Англию нынешним летом? Чего же он хочет? Он узнал о наших планах и хочет встретить нас всеми имеющимися силами, перебросив все свои дивизии с канала на восток? Есть от чего свихнуться! Немедленно выяснить, с какими предложениями Гесс прилетел в Анг лию. Кто его послал? Какова реакция англичан? Что за грязная игра!

Вождь был искренне возмущен. Берия, Фитин и Голиков видели по глазам и интонациям вождя, что нужно торопиться. Пересекаясь друг с другом, в эфир полетели шифровки. Телефон на столе советского посла в Лондоне Ивана Майского надрывался непрерывно.

Пришла в движение вся советская агентура в Германии, на оккупированных территориях и в нейтральных странах.

Подоспевшее к этому времени официальное немецкое сообщение, переданное без комментариев агентством БДН, разумеется, вызвало только кривые ухмылки.

Наконец, 14 мая пришла первая шифровка из Лондона, зарегистрированная в журнале входящих шифротелеграмм НКГБ за №376.

«СОВ. СЕКРЕТНО
Вадим сообщает из Лондона, что:

1. По данным «Зенхен», Гесс, прибыв в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. Гамильтон принадлежит к так называемой кливлендской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2. Киркпатрику Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестна. (Киркпатрик – бывший советник английского посольства в Берлине.)

14/У—1941г. №376».

«Вадимом» являлся резидент в Лондоне Иван Чичаев, «Закоулком» условно обозначался Форин Оффис – английское министерство иностранных дел, а «Зенхеном» – знаменитый Ким Филби – двойной агент, выданный англичанам еще в 1940 году Вальтером Кривицким и с тех пор снабдивший советскую разведку таким количеством дезинформации, которая могла бы привести к катастрофе не одну страну, а целый континент. Все беседы с Гессом, которые англичане считали допросами, а сам Гесс и товарищ Сталин – переговорами, писала на пленку английская разведка, в которой служил Филби, передававший все эти пленки в Москву после некоторой их редакции.

Следующее сообщение Филби гласило (№ 338):

«1. Гесс до вечера 14 мая какой-нибудь полной информации англичанам не дал.

2. Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом, Гесс утверждал, что он прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи, как стабилизирующей силы.

3. По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру.

4. Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергается.

5. В беседе с Киркпатриком Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением...

«Зенхен» считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера».

Из дальнейших сообщений Сталин понял следующее: Гесс ни разу словом не упомянул о возможности нападения Германии на Советский Союз, а на прямые вопросы англичан о такой возможности, отвечал отрицательно. Так, на предложение, сделанное им – «дать Гитлеру свободу рук в Европе», Гесс был спрошен: «Считает ли Гитлер Россию Европой или Азией?», Гесс ответил: «Азией».

Гесс откровенно предупредил англичан о том, что высадка немцев неминуема, и Англия будет уничтожена еще в этом году, если англичане и не согласятся на мир.

Никакого согласия со стороны англичан не последовало.

Во всяком случае такие сообщения присылал Филби, из которых Сталин сделал вывод:

1. Вторжение в Англию обязательно состоится.

2. У Германии нет планов нападения на СССР. Он мог в этом не сомневаться, поскольку все беседы с Гессом шли в обстановке сверхсекретности и уж никак не предназначались для его, Сталина, дезинформации.

Это было вполне логично, если бы не одно обстоятельство.

Англичане знали, что Филби работает на Москву и, передавая пленки ему, прекрасно понимали, что Сталин поверит в их подлинность. А потому и строили беседы с Гессом в соответствующем ключе.

Почему?

Да очень просто: и в Берлине, и в Лондоне, и в Вашингтоне не хотели, чтобы следующую партию глобальной борьбы за мировое господство Сталин начал первым. Общими силами уже созданы условия, когда руководитель СССР не верит в подлинную информацию, считая ее дезинформацией, а дезинформацию – считает информацией. Это и есть высочайшее искусство разведки.

15 мая 1941 года, в 7 часов 30 минут утра по московскому времени, со стороны немецкой границы над Белостоком появился трехмоторный немецкий транспортный самолет Ю-52.

Немецкие самолеты последнее время неоднократно нарушали воздушное пространство СССР, ежедневно ведя визуальную разведку и аэрофотосъемку районов концентрации советских войск. Подобные полеты настолько раздражали советское командование, вынужденное действовать по ночам и тратить массу времени на маскировку всех своих мероприятий по развертыванию войск в дневное время суток, что Молотов еще 22 апреля был вынужден направить немцам довольно резкую ноту протеста.

Перепровождая эту ноту в Берлин, временный поверенный в делах германского посольства Типпельскирх с тревогой отмечал, что «следует, вероятно, ожидать серьезных инцидентов, если германские самолеты будут продолжать нарушения советской границы». Инциденты, которых опасался Типпельскирх, происходили чуть ли не ежедневно.

Навстречу немецким нарушителям взмывали советские истребители, отгоняя их со своей территории, а один не в меру ретивый разведчик был посажен истребителями под Ровно, а его экипаж бесцеремонно обыскан.

При этом были конфискованы кассеты с аэрофотосъемкой, карты, записи и все оборудование для ведения визуальной и фоторазведки.

Немцы слегка приутихли, а вчера, 14 мая, МИД Германии инструктировало специальной телеграммой Шуленбурга как раз по этому поводу.

В шифровке говорилось: «Прошу вас сообщить Комиссариату по иностранным делам, что 71 случай упомянутых нарушений немцами границы расследуется.

Расследования потребует некоторого времени, поскольку военно-воздушные подразделения и имеющие к этому отношение экипажи самолетов должны допрашиваться персонально.

Прошу Вас добиться скорейшего освобождения советским правительством самолета, совершившего 15 апреля аварийную посадку под Ровно. Риттер».

Соответствующая бумага в этот же день была направлена в Народный Комиссариат Иностранных Дел, где подчеркивалось, что все облеты советской территории являются следствием недисциплинированности отдельных командиров частей и соединений, встревоженных слухами о концентрации советских войск, о возможном советско-германском конфликте, а потому предпринимающих эти полеты по собственной инициативе без ведома не только правительства, но и высшего командования.

Советское правительство призывалось к сдержанности и уверялось, что все виновные «в несанкционированных нарушениях границы СССР, после завершения расследования, понесут строгое наказание».

Это было 14 мая, а 15 мая новый самолет-нарушитель с утра пораньше появившись над Белостоком, продолжал полет вглубь советской территории, держа курс на Минск. Тысячи глаз следили за его полетом с земли, но никаких попыток прервать тот вызывающий полет не предпринималось.

Пролетев над Минском, Ю-52 продолжал полет дальше на восток, направляясь к Смоленску. Стояла прекрасная погода, в голубом небе ярко сияло солнце. Все было тихо и спокойно. Наземные станции ПВО, вместо того, чтобы объявить тревогу и начать наводить на

нарушителя перехватчики, связавшись с «юнкерсом», корректировали его курс и высоту полета.

Миновав Смоленск, «юнкерс» взял курс на Москву и около половины двенадцатого утра вошел в зону ПВО столицы СССР. Прекрасно ориентируясь в сложной инфраструктуре окрестностей гигантского города, самолет уверенно пошел на посадку, на полосу известного всей стране Тушинского аэродрома.

Развернувшись в самом конце посадочной полосы, «Юнкерс» заглушил свои двигатели как раз в тот момент, когда к нему лихо подкатил элегантный черный «Форд», сверкая на солнце никелированными ободками стекол,фарами и бамперами.

Из автомобиля вышел человек, одетый, несмотря на жару, в двубортный костюм и шляпу, поднялся в самолет по выдвинутому изящному металлическому трапу.

Вскоре он появился снова, неся небольшой (не больше дамской сумочки) кожаный портфель. «Форд» немедленно покинул аэродром и в сопровождении черной «эмки» помчался в сторону Москвы.

Через два часа, заправившись горючим, «Юнкере» вылетел с Тушинского аэродрома и, точно повторив весь свой путь в обратном направлении, исчез в воздушном пространстве Германии.

«Уважаемый господин Сталин,

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства. Как Вам хорошо известно, я давно принял решение на проведение серии военных мероприятий для достижения этой цели.

Однако, чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами – трагическим событием. Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир, убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако, английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о «народах-братьях», применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю – в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, еще раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самим своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моем распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство.

При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце.

Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действии и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, который, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе и прошу извинить меня за тот способ, которьш я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года».

Пока Сталин наслаждался чтением письма своего берлинского друга, сам Гитлер с не меньшим удовольствием читал меморандум Министерства Иностранных дел Германии, составленный коммерческим советником Шнурре. Тем самым Шнурре, который еще летом 1939 года вместе с советским атташе Астаховым заложил фундамент столь теплых и интимных отношений, сложившихся к этому времени, как мы убедились, между вождями двух стран.

В этом документе, который назывался «Вторым меморандумом о германо-советских экономических отношениях», советник Шнурре докладывал:

«1. Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР Крутиковым, закончившиеся несколько дней назад, были проведены Крутиковым в весьма конструктивном духе.

2. Как и в прошлом, сложности возникли в связи с выполнением германских обязательств о поставках в СССР, особенно в сфере вооружений. Мы и впредь не сможем придерживаться сроков поставок. Однако невыполнение Германией обязательств начнет сказываться лишь после августа 1941 года, так как до тех пор Россия обязана делать поставки авансом.

3. Большие затруднения созданы бесконечными слухами о неизбежном германо-русском столкновении. За стойкость этих слухов в большой степени ответственны официальные источники. Эти слухи причиняют серьезное беспокойство германской индустрии, которая пытается отказаться от заключения с Россией сделок и в некоторых случаях уже отказывается посылать в Россию персонал, необходимый для выполнения контрактов.

4. У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года, требования, могущие обеспечить германские потребности в продуктах и сырье в пределах больших, чем обусловлено договором...

Советник Шнурре. 15.05.1941 г.»

16 мая облегченно вздохнули и в Москве, и в Берлине. И перевели дух.

Многочисленные разведсводки устанавливали дату немецкого нападения на 15 мая.

В Берлине, после хулиганской выходки Рудольфа Гесса, имелись сведения, что Сталин, потерявший терпение и, поняв, как его дурачат, даст приказ к наступлению. Тем более, что немецкая разведка определила 15 мая как дату окончательной подготовки Красной Армии к нанесению давно задуманного удара.

Все как бы были правы, но ничего не произошло.

10, 12, 13 и 14 мая Сталин проводил секретные совещания с Тимошенко и Жуковым, оттачивая последние детали мобилизационного плана и его главного детища – операции «Гроза».

16 мая план был представлен в окончательной редакции. Условное его название МП-41 было утверждено 12 февраля 1941 года, когда генерал Жуков, заступив на должность начальника Генштаба, представил его товарищу Сталину.

Выполнение этого плана, как в центре так и на местах, предполагалось завершить к 1 июля 1941 года. Календарный план работ был утвержден Жуковым 19 февраля 1941 года, а указания о порядке, разработке и обеспечении плана были отданы фронтам (округам) в начале марта.

В окончательном виде мобилизационный план МП-41 предусматривал развертывание Вооруженных Сил СССР в составе 303-х дивизий, не считая войск НКВД, отдельных воздушно-десантных частей и частей особого назначения.

В своем выступлении 5 мая товарищ Сталин похвастал перед выпускниками военных академий, что в составе Красной Армии уже имеются 300 дивизий.

Теперь ему было приятно узнать, что он ошибался.

Дивизий уже не 300, а 306, а в скором будущем их число будет доведено до 309. К августу 1941 года расчетное число дивизий будет 344. Из них в настоящее время развернуты: 200 стрелковых дивизий, 61 танковая дивизия, 31 моторизованная дивизия, 13 кавалерийских дивизий, 348 авиаполков, 5 воздушно-десантных корпусов с самостоятельными управлениями, 10 отдельных противотанковых артиллфийских бригад РГК, 94 корпусных артполка, 72 артиллерийских полка РГК.

Не считая войск НКВД, численность армии уже перевалила за 8 миллионов человек и должна была к 1 июля достигнуть 8,9 миллиона человек. Число танков к 1 июля должно было составить около 37 тысяч единиц (к настоящему моменту имелось уже 27,5 тысяч). Число самолетов всех типов уже достигло 32628, из них боевые машины составляли 22171 единицу. В войсках имелось уже более 106 тысяч артиллерийских и минометных стволов разных калибров. Более 75 % от общего количества вооруженных сил было развернуто на Западной границе двумя стратегическими эшелонами. Начато формирование и третьего стратегического эшелона.

13 мая Жуков отдал приказ о начале развертывания 5 армий второго стратегического эшелона. По этому приказу 22-я (генерал Ф.А.Ершаков), 21-я (генерал В.Ф.Герасименко) и 19-я (генерал И.С.Конев) армии начали выдвижение из Уральского, Приволжского и Северо-Кавказского военных округов на рубеж рек Западная Двина и Днепр. Вместе с тем, 16-я армия генерала М.Ф.Лукина и 20-я армия генерала Ф.Н.Ремезова направлялись на Юго-Западный фронт (Киевский особый военный округ), где они должны были составить резерв Главного Командования. Все эти армии и приданные им части должны были развернуться на указанных им рубежах в период с 1 июня по 3 июля.

14 мая нарком обороны Тимошенко отдал приказ о досрочном выпуске курсантов военных училищ и немедленном направлении их в войска. 15 мая Жуков представил Сталину проект указа о дополнительном призыве в армию 800 тысяч запасных под видом учебных сборов, отнеся это мероприятие на конец мая – начало июня.

16 мая 1941 года был окончательно утвержден план операции «Гроза», отредактированный и представленный Сталину 15 мая. Именно этот план, хранящийся в красных запечатанных конвертах с надписью «Вскрыть по получении сигнала „Гроза"» и дал полуофициальное название этой операции. Официально же, как и водится в советском делопроизводстве, документ был обозначен как «План стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». План был составлен под руководством Жукова генералами Василевским и Ватутиным. Он имел грифы: «Совершенно секретно» и «Только лично» и обращен непосредственно к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР товарищу Сталину с указанием, что данный экземпляр до его утверждения является единственным.

В отличие от предыдущих, этот последний вариант «Грозы», по которому и предполагалось действовать, был составлен, во-первых, с учетом выполнения Мобилизационного плана (МП-41) и, во-вторых, в нем полностью отсутствовала «новоречь» и никому ненужные преамбулы типа: «Если Советский Союз подвергнется нападению...» и т.п.

Все формулировки были просты, ясны и недвусмыслены. В них ясно прослеживаются последние указания Сталина, что «пора кончать с этими оборонительными призывами».

В преамбуле плана и замысла говорилось, что

«для обеспечения его выполнения необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможнонанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. Произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса – выполнено на 80 %.

2. Под видом выезда в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования – выполняется.

3. Скрытно сосредоточить на полевые аэродромы авиацию из отдаленных округов и теперь же начать развертывание авиационного тыла – выполнено на 75 %.

4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу – выполняется».

«Первой стратегической целью действий войск Красной Армии, – говорил далее план, – поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест-Демблин... Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача – разгромить германскую армию восточнее реки Висла и на Краковском направлении, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке...

III. Исходя из указанного замысла стратегического развертывания, предусматривается следующая группировка Вооруженных Сил СССР:

1. Сухопутные силы Красной Армии в составе 198 сд, 61 тд, 13 кд —всего 303 дивизии и 74 артполка РГК, распределить следующим образом:

а) главные силы в составе 163 сд, 58 тд, 30 мд и 7 кд (всего 258 дивизий) и 53 артполка РГК иметь на Западе,..

б) остальные силы в составе 35 сд, 3 тд, 1 мд, 6 кд (всего 45 дивизий) и 21 артполк РГК назначаются для обороны дальневосточных, южных и северных границ СССР...

IV. Состав и задачи развертываемых на Западе фронтов (карта 1:1.000.000).

Северный фронт (ЛВО) – 3 армии, в составе 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 21 дивизия, 18 полков авиации и Северного военно-морского флота...

Северо-Западный фронт – 3 армии, в составе 17 стрелковых дивизий, 4 танковых, 2 моторизованных дивизий, а всего 23 дивизии и 13 полков авиации... ...начать наступление в направлении Тильзит-Кенигсберг, прикрывая при этом упорной обороной Рижское и Виленское направления...

Западный фронт – 4 армии, в составе 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 45 дивизий и 21 полк авиации. Задачи: с переходом армии Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец-Радом, разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой; во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на реку Висла и подвижными частями овладеть г. Радом. Правым крылом фронта, взаимодействуя с войсками Северо-Западного фронта, отрезать главные силы противника от Восточной Пруссии и форсировать Вислу в ее нижнем течении. Границу Дании без особого распоряжения не переходить...

Документ был подписан Тимошенко и Жуковым.

Силы противника в этом плане оценивались следующим образом.

На сегодняшний день, утверждалось в плане, на границах Советского Союза сосредоточено 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия, а всего до 120 дивизий. В процессе нашего наступления немцы и их союзники потенциально могут довести это число до 180 дивизий. Однако, вероятнее всего, главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест-Демблин для нанесения удара в направлении Ковель-Ровно-Киев.

Чтобы предотвратить это, план считал необходимым «ни в коем случае не давать инициативы действий немецкому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Данные о противнике в плане были даны так затейливо, что Сталин даже вынул трубку изо рта и спросил Жукова: «Сколько немцы имеют сейчас всего дивизий на нашей границе?» Начальник Генштаба вынул справки генерала Голикова из папки и доложил, что на 5 мая 1941 года на границе с СССР немцы держат примерно 107 дивизий, включая 6 дивизии, расположенных в районе Данцига и Познани, и 5 дивизий в Финляндии. Из этого количества дивизий в Восточной Пруссии – 23-24 дивизии, в Польше против Западного фронта – 29 дивизий, против Киевского округа (Юго-Западного фронта) – 31-34 дивизии, в Румынии и Венгрии – 14-15 дивизий.

– Они начали развертывание? – поинтересовался вождь. Жуков признался, что данных об этом не имеется.

– Так в чем вы хотите их упредить, товарищ Жуков? – спросил Сталин. – Если мы уже начали развертывание, а они – нет.

Жуков молчал. Молчал, разумеется, и Тимошенко.

Сталин хорошо знал в чем дело. Генштаб желал начать операции как можно быстрее, пока Красная Армия почти по всем показателям имеет тройное преимущество над противником – классическое преимущество для полного успеха наступательной операции.

В представленном ему плане наступления было предусмотрено все, кроме одного и, пожалуй, самого главного. Там даже в рекомендательном смысле ничего не говорилось о сроке начала операции. Не говорилось, потому что вождь это делать запретил.

Все сроки установит он сам.

Потому что только он один имеет всю информацию об обстановке.

– Все мероприятия по развертыванию, – приказал вождь, что-то подсчитывая в уме, – закончить примерно к 1 июля. Ну, скажем, к 3-му, Не позднее. И только не поддавайтесь ни на какие провокации со стороны немцев и их не провоцируйте. И помните, Германия никогда не пойдет на нас войной, не покончив с Англией. А мы выберем нужный момент...

Все знавшие Сталина в те времена обратили внимание, что примерно со второй половины мая, он вдруг стал опасаться каких-то провокаций, постоянно указывая на них не поддаваться.

Сталин взглянул на Жукова и Тимошенко и увидел, что ничего из сказанного им до них не дошло. Особенно до Жукова. Начиная с немецкого вторжения в Грецию и Югославию, он постоянно докучал вождю своими просьбами разрешить начать «Грозу» как можно быстрее. Ну, 15 мая, наконец. Ну, 1 июня. Генерал работал по 20 часов в сутки. Он не только вошел во вкус новой должности, но фактически подмял под себя бесхарктерного и слабовольного маршала Тимошенко. Жуков уже не нуждался ни в каких советчиках кроме Василевского и Ватутина. Он избавился даже от Шапошникова, добившись, чтобы того отправили на западную границу имитировать строительство укрепленных районов. Он уже неоднократно, не стесняясь, выражал желание, чтобы из Москвы куда-нибудь отправили Мерецкова и Штерна. «Куда?» – поинтересовался Сталин. Жуков молчал.

Эта нечеловеческая агрессивная энергия, исходящая от нового начальника Генерального штаба, начала вызывать у Сталина тревогу. Гитлер прав. Собственные генералы часто бывают опаснее любого Противника. Уж кто-кто, а Сталин это знает, возможно, лучше всех в мире.

Гитлер распустил своих генералов, но он, Сталин, умеет их держать в такой узде, что никто не смеет и пикнуть.

Конечно, он понимает, что уже были благоприятные моменты, когда можно было нанести по немцам сокрушительный удар. Но он ждет не просто благоприятного момента, а самого благоприятного, который наступит, когда Гитлер уведет большую часть войск к Ла-Маншу и бросит их через канал.

Сталин уже подготовил войну политически и только он решит, когда «Гроза» полыхнет над Европой.

И чтобы Тимошенко с Жуковым все поняли правильно, сказал:

– Если вы там, на границе, будете дразнить немцев – двигать войска без нашего разрешения, – тогда имейте в виду, что головы полетят.

И вышел, хлопнув дверью.

Пусть генералы пугают кого-нибудь другого, что 78 немецких дивизий смогут, опередив нас в развертывании, нанести удар в направлениях Риги, Минска и Киева, в три раза уступая нам по всем показателям!

Оптимизм вождя совсем не разделял подполковник Новобранец, продолжавший, как это ни странно, не только занимать должность начальника информационного отдела ГРУ, но и испытывать терпение своего командования.

Но что самое главное, подполковник продолжал свою разведывательную деятельность с блеском настоящего профессионала.

В феврале Новобранец проследил хорошо скрытую переброску на восток еще 25 немецких дивизий, в марте – 5-и, в апреле – 13-и, а к 20 мая – еще 30-и.

В итоге, он с ужасом убедился, что на советской границе уже сосредоточено по меньшей мере 170 немецких дивизий, а с учетом войск союзников Германии – более 200. Войска разгружались к западу от линии Радом – Варшава и ночными маршами двигались к границе.

При этом штабы новых соединений размещались в расположении уже находившихся там частей и учреждений. Известен был Новобранцу и приказ командующего группой армий «Б» («Центр») о сооружении различных укреплений вдоль границы СССР, предназначенных якобы для обороны от возможного советского наступления. Казалось бы, ничего особенного, но в приказе специально оговаривалось, что работы не должны маскироваться. Более того, предлагалось «не препятствовать советской воздушной разведке наблюдать за проводимыми работами».

Новобранец знал, что тоже самое происходит и с нашей стороны границы, где под руководством маршала Шапошникова делают вид, что строят УРы для введения немцев в заблуждение по поводу наших истинных планов. Анализ железнодорожных перевозок немцев показывал, что на каждый эшелон, прибывающий к границам СССР, приходится два, идущих на запад. Агентурная разведка сообщала, что эти эшелоны не привозят новые войска на побережье канала, а, наоборот, грузят и куда-то увозят уже развернутые там части.

Но, с другой стороны, имелись сведения о формировании в Германии мощного авиадесантного корпуса, специальных подразделений морской пехоты и многого другого, что применять в случае войны с СССР было нецелесообразно.

Однако факт, что количество немецких дивизий на границе с СССР за три месяца возросло в два раза, говорил сам за себя, но командование, как всегда, не обращало на этот факт ни малейшего внимания.

Новобранец регулярно докладывал Голикову подробные сводки с номерами новых немецких дивизий, с фамилиями их командиров, и с указанием, откуда эта дивизия прибыла, где развернута и где находится ее штаб.

Голиков не спорил, как когда-то, запирал сводку в сейф и молча отпускал Новобранца.

Однако материалы Генштаба, проходившие через руки Новобранца, по-прежнему говорили ему, что там, наверху, продолжают исходить из предпосылки, что против СССР, не начиная развертывания, просто топчутся 70-80 немецких дивизий. Иногда в материалах мелькала цифра 120 дивизий с учетом войск союзников Гитлера.

Это приводило подполковника уже не в ужас, а в отчаяние, как приводит в отчаяние смертельный диагноз, поставленный врачами кому-нибудь из родных и особо близких людей. Это отчаяние от осознания собственной беспомощности чем-либо помочь.

В отчаяние подполковника Новобранца приводили не только поступающие к нему сведения о мероприятиях и планах немецкого командования.

Не меньший ужас вызывало и то, что творилось в высших эшелонах военного руководства Красной Армии.

Будучи опытнейшим и образованным генштабистом, за плечами которого было две военных академии, подполковник Новобранец со все усиливавшимся недоумением и страхом смотрел на дикие и совершенно безграмотные мероприятия генерала армии Жукова.

Фактически с его приходом на должность начальника Генштаба в начале февраля 1941 года, Генеральный Штаб Красной Армии прекратил свое существование в качестве специализированного военного института, символизирующего «мозг Армии», превратившись

в филиал Наркомата Обороны, ведующий распределением живой силы и боевой техники согласно поступающим с мест заявкам.

Жуков превратился в наркома обороны, отодвинув на второй план Тимошенко и, как таковой, действовал с вулканической активностью юного пионера, играющего в войну.

Войска расставлялись вдоль границы, как шашки при игре в поддавки, двумя линиями стратегических эшелонов. Никакого оперативного тыла не существовало. Не шло и никакой подготовки ТВД к боевым действиям.

Между фронтами и на стыках армий зияли страшные пустоты, предназначенные по замыслу для ввода в действие второго стратегического эшелона, а пока заткнутые чем попало или просто открытые.

Ежедневно к границе подходили новые воинские части и эшелоны с военными материалами. Прямо на открытом воздухе, порой даже без охраны, складировалось немыслимое количество боеприпасов и военного снаряжения.

Снаряды, бомбы, патроны, мины, иногда в ящиках, а иногда и нет, египетскими пирамидами возвышались над складскими помещениями в гарнизонах и на окружных пунктах боепитания.

Туда же свозились из тыловых окружных складов горы винтовок и револьверов, огромное количество обмундирования и продовольствия в концентратах, индивидуальные пакеты первой помощи и многое другое.

Забивая подъездные пути и магистральные линии, на многие километры тянулись эшелоны с цистернами дизельного топлива и бензина, горбатились бесконечные платформы с танками, тягачами и тяжелыми артиллерийскими орудиями. На аэродромы прямо в заводской упаковке доставлялись самолеты. Царили хаос и неразбериха. На разгрузку эшелонов сгонялись колхозники из ближайших деревень, в основном прибалты, поляки и западные украинцы. Возрастала опасность диверсий. Особые отделы работали в мыле.

Становилось плохо от одной мысли, что на все это неожиданно может обрушиться немецкая авиация.

Генеральный штаб прекратил военно-научную деятельность. Не собирались конференции с командующими фронтами и командирами для теоретической отработки возможных вариантов развития событий и выявления опгимального.

Командующие армиями, корпусами и дивизиями ничего не знали о предстоящих им задачах. От лежащих в сейфах запечатанных конвертов с надписью «Вскрыть по получении сигнала „Гроза"» веяло холодной мистикой. Но если командармы, периодически призываемые на окружные командно-штабные игры, еще о чем-то были осведомлены, то уровнем ниже царили одни догадки и общие понятия.

На всем протяжении границы не существовало оборудованного предполья. Целая армия заключенных была согнана на строительство УРов, но не делала практически ничего. Боевые позиции не были защищены ни заградительными сооружениями, ни минными полями, хотя мин имелось огромное количество. На предложение некоторых командующих армиями минировать предполье, маршал Кулик сделал следующее разъяснение:

«Мины имеют впечатляющий успех, но они – оружие слабых, тех, кто обороняется. Нам же нужны не столько мины, сколько средства разминирования, когда мы пойдем вперед...» Все это видел и понимал подполковник Новобранец. Он был уверен, что Сталину ничего неизвестно об истинном положении на границе. Во-первых, ему не докладывают истинную обстановку, а, во-вторых, будучи сугубо штатским человеком, вождь партии и народа просто не в состоянии разобраться во всех этих, специфически военных вопросах, легкомысленно отданных им на откуп совершенно безграмотным в военном отношении людям. Из Генштаба изгнан даже Шапошников. Ничего не слышно о Мерецкове.

Новобранец, не задумываясь, отдал бы несколько лет жизни, чтобы иметь возможность в спокойной обстановке выступить с обстоятельным докладом перед товарищем Сталиным и членами Политбюро, объяснив им, что армия и страна стремительно скатываются в ловушку, чреватую военной катастрофой. Но это, разумеется, было совершенно невозможно осуществить.

Слишком маленьким человеком был подполковник Новобранец, несмотря на то, что все основные военные тайны обеих противостоящих сторон шли через его отдел и через его аналитический мозг.

Мы не знаем даже, почему он, окончив академии Фрунзе и Генштаба, оставался подполковником, хотя его однокашники уже командовали армиями и военными академиями.

Только никого из них не было в Генштабе, где вместе с Жуковым делами заправляли генералы Василевский и Ватутин, также не имевшие соответствующего образования (Василевский прослушал всего один курс АГШ) и опыта.

Но Новобранец не сдавался. Он снова решил действовать через голову Голикова, чтобы его материалы пришли непосредственно к Жукову.

Но Жуков – это был не Мерецков.

Он позвонил Голикову и, гневно дыша в трубку, сказал:

– Ты, Голиков, вот что... Ты наведи, наконец, порядок в своем хозяйстве. Долго твои паникеры и провокаторы буду г через твою голову передавать мне английскую «дезу» и пугать тут нас всех. Разберись и доложи!

Осунувшийся, с красными от бессонницы глазами подполковник Новобранец продолжал сутками напролет сидеть в своем кабинете, зарывшись в горы непрерывно поступающей разведывательной информации, когда 21 мая к нему вошел незнакомый генерал.

Фамилия генерала была Дронов. Он объявил, что назначен новым начальником информотдела ГРУ.

– Для вас, кажется, это неожиданность? – спросил Дронов, взглянув на побледневшее и исказившееся лицо Новобранца.

Взяв себя в руки, подполковник признался, что, да, полная неожиданность. Его не предупредили даже устно. Хотя ждал этого (и похуже) каждый день. Он позвонил Голикову и спросил, когда сдавать дела.

Затем подполковника вызвали в отдел кадров и предложили отправиться в отпуск.

Новобранец ответил, что уже был в отпуску, а два отпуска в год не полагается.

– Ничего, – засмеялся начальник отдела кадров полковник Кондратов, —в нашей системе полагается. Тем более, что вам придется провести его в Одессе в доме отдыха Разведупра.

Подполковник понял в чем дело. Одесский дом отдыха закрытого типа предназначался для разведчиков, о судьбе которых еще не было принято окончательного решения. Иногда люди возвращались оттуда на службу, но чаще всего пропадали навсегда.

В начале июня подполковник отправился «отдыхать». Ему повезло, о нем забыли, и он «отдыхал» до самого начала войны...

21 мая немецкое радио объявило о вторжении на остров Крит. Вторжение проводилось с моря и воздуха. Парашютисты генерала Штуденга были высажены на остров совершенно неожиданно для англичан, хотя разведка уже три недели предупреждала командование о подготовке немцами подобной операции.

Первая волна десантников, высаженная на парашютах с огромных десантных планеров для захвата английского аэродрома Малем, сразу же встретила ожесточенное сопротивление.

Один батальон десантников, сброшенный восточнее аэродрома, попал под убийственный огонь англичан с господствующих высот и был почти полностью уничтожен во время высадки.

Еще один воздушно-десантный полк, сброшенный подальше от аэродрома, хотя и не понес тяжелых потерь, но никак не мог соединиться с остатками двух батальонов первого полка.

Еще хуже сложилась обстановка у второй волны десантников, чьей задачей был захват аэродромов Ретимноне и Гераклионе. Предварительный налет бомбардировщиков не только не смял обороны англичан, а привел ее в состояние наивысшей готовности. Высадившихся на парашютах уничтожали кинжальным пулеметным огнем. Огромные десантные планеры, которые несли каждый до сотни десантников, сидевших в три яруса, со страшным треском разваливались, наткнувшись на специальные преграды, превращаясь в страшную смесь из деревянных обломков и месива человеческих тел.

Небольшие, отрезанные друг от друга, группы немецких парашютистов, заняли круговую оборону, не позволяя противнику уничтожить себя окончательно. К исходу 20 мая ничто еще не говорило об успехе вторжения.

Утром 21 мая немцам удалось высадить с воздуха истребительно-противотанковый дивизион парашютной дивизии и еще один батальон, сформированный из остатков этой дивизии. На позиции англичан волна за волной стали обрушиваться пикирующие бомбардировщики, переброшенные на итальянский остров Сарпанто.

Под их прикрытием десантникам удалось захватить полосу аэродрома Малем, где к полудню начали приземляться транспортные самолеты с первыми подразделениями альпийских стрелков. Вокруг полосы еще шел ожесточенный бой.

Один из транспортных самолетов, сбитый при заходе на посадку, рухнул на полосу и взорвался. Второй самолет врезался в его пылающие обломки, загорелся и стал разваливаться на части, выплевывая на полосу пылающие фигурки людей.

Десантники под убийственным огнем противника стали расчищать горящие обломки двух транспортных машин. К концу дня десантникам удалось оттеснить яростно сопротивлявшихся английских и новозеландских солдат, обеспечив вокруг аэродрома зону диаметром примерно 3,5 километра.

На полосе еще продолжали взрываться английские снаряды, но пикировщики и истребители, беспрерывно штурмуя английские позиции, заставили противника зарыться в землю и обеспечили высадку альпийских стрелков.

Еще накануне немцы перевели из греческого порта Пирей на остров Мидос, в 120 км от Крита, целую флотилию маленьких каботажных пароходиков и рыболовных шхун, которые должны были доставить на Крит легкие танки, тяжелые минометы, противотанковую и зенитную артиллерию и прочие грузы, которые невозможно было перебросить по воздуху.

По пути этот конвой был перехвачен английскими крейсерами и эсминцами и почти полностью уничтожен. Погибли 300 немецких моряков, специально для этой цели прибывшие в Грецию.

Но на следующий день немецкие пикирующие бомбардировщики волна за волной стали обрушиваться на английские корабли.

Три линкора – «Бэрхэм», «Варспайт» и «Веллиэнт» получили прямые попадания авиабомб, причинившие кораблям тяжелые повреждения. Два крейсера – «Глостер» и «Фиджи» вместе с двумя эсминцами были потоплены авиабомбами, еще несколько кораблей получили повреждения.

Авианосец «Формидейбл» нанес своими самолетами удар по немецким аэродромам на острове Скарпанто, уничтожив около 20 «Юнкерсов». Но на отходе авианосец был

перехвачен пикировщиками, взлетевшими с аэродромов Северной Африки. Истребители боевого воздушного патруля сбили 8 немецких бомбардировщиков, но остальные, пробившись через зенитный огонь, всадили в «Формидейбл» две бомбы.

Оставшись без воздушного прикрытия, адмирал Кеннингхэм временно отвел свои корабли от Крита. На всем пути его отхода в Александрию неистовые «штукос» – Ю-87 – беспрерывно атаковали его корабли, утопив еще один эсминец и повредив много других, потеряв еще 3 машины от зенитного огня.

К Криту из греческих портов сразу двинулись тяжелые транспортные суда с подкреплениями и грузами для немецкого десанта. На Крите продолжались ожесточенные бои, но защитники острова, не имея поддержки с воздуха и с моря, уже попали в безнадежное положение.

Вторжение немцев на Крит отвлекло на какой-то момент внимание от другого события, произошедшего в то же самое время.

Утром 20 мая английская агентурная сеть в Гогенгафене сообщила, что ночью линейный корабль «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» исчезли из гавани.

Позднее в тот же день оба корабля были замечены в море со шведского крейсера «Готланд», который немедленно сообщил об этом по радио в Стокгольм. Шведская разведка немедленно поставила об этом в известность английского военно-морского атташе, и вторая шифровка полетела в Лондон, призывая к готовности.

В воздух были немедленно подняты самолеты-разведчики берегового командования. Командующий английским флотом метрополии адмирал сэр Джон Тови приказал сторожевым крейсерам «Суффолку» и «Норфолку» занять позиции в Датском проливе, а соединению вице-адмирала Холланда выйти в море и следовать в предполагаемую точку перехвата немецких кораблей южнее Исландии.

Адмирал Тови получил благородную приставку «сэр» за участие в Ютландском бою, где он, командуя эсминцем, всадил торпеду в немецкий линейный крейсер «Зейддиц». Это был решительный и агрессивный адмирал, прекрасный моряк и организатор. Тови держал свой флаг на новейшем английском линкоре «Кинг Джордж V» – головном корабле новой серии английских бронированных монстров.

Подчиняясь приказу главкома, адмирал Горацио Холланд с наступлением темноты вывел в море и повел к точке возможного перехвата противника свое соединение, состоящее из линейного крейсера «Худ» и линкора «Принс оф Уэлс» – второго корабля типа «Кинг Джордж V», который совсем недавно вступил в строй и еще не успел пройти полного цикла боевой подготовки.

Адмирал Холланд нес свой флаг на линейном крейсере «Худ». Если и существовал корабль, который являлся символом и воплощением морской мощи Британии, то им несомненно был линейный крейсер «Худ», который не только не уступал «Бисмарку» вооружением, размерами и водоизмещением, а даже превосходил его, хотя был более чем на 20 лет старше.

Названный в честь целой плеяды прославленных английских адмиралов, последний из которых Гораций Худ героически погиб на линейном крейсере «Инвинсибл» в Ютландском бою, линейный крейсер «Худ» шел через ночную мглу на перехват противника, навстречу своей судьбе. За ним грузно клевал носом линкор «Принс оф Уэлс», для которого этот поход был первым боевым рейдом. Девять эскадренных миноносцев, прикрыв соединение с флангов, пытались на крупной волне не отстать от своих главных сил.

Между тем, отряд адмирала Лютьенса в окружении четырех эсминцев пробирался вдоль норвежского побережья на север. Перед адмиралом Лютьенсом, стоявшим в окружении офицеров своего штаба на флагманском мостике «Бисмарка», стоял вопрос, каким путем пробиваться на просторы Атлантики: Датским проливом или Фарерско-Исландским проходом?

И снова адмирал выбрал Датский пролив, надеясь, что господствующие там туманы и снеговые вихри опять дадут ему возможность проскочить незамеченным и хорошо погонять английский флот по центральной Атлантике.

Отпустив танкеры, «Бисмарк» и «Принц Ойген» вместе с эсминцами завернули в Гримстад-фиорд южнее Бергена, чтобы пополнить запасы топлива и переждать в укрытии светлое время суток. Там они и были обнаружены английским самолетом-разведчиком, сделавшим несколько аэрофотоснимков. С самих кораблей самолета не заметили.

Просмотрев еще мокрые снимки, адмирал Тови приказал Холланду несколько уменьшить скорость и, держась на прежнем курсе, ждать дальнейших распоряжений.

Новый самолет-разведчик, направленный в фиорд, доложил, что немецкие корабли уже исчезли оттуда.

Погода продолжала портиться, низкая облачность мешала наблюдению с воздуха, а полоса густого тумана надежно прикрывала немецкие корабли, когда они вечером 21 мая выскользнули из фиорда и взяли курс на северо-запад, огибая северную оконечность Англии.

Вскоре четыре эсминца сопровождения, просигналив «Счастливого плавания и хорошей охоты!», отвернули в Тронхэйм.

Рейдеры остались одни.

Германская военно-морская разведка передала на «Бисмарк», что сегодня, из-за плохой погоды, не удалось провести разведку с воздуха главной английской военно-морской базы в Скапа-Флоу, но данные вчерашнего дня показывают, что все тяжелые корабли англичан стоят там и на базе незаметно никаких признаков какой-либо повышенной активности.

Англичане, потеряв «Бисмарк» из вида, обшаривают самолетами и кораблями арктические воды, но не могут ничего обнаружить.

Между тем, Лютьенс уже подвел свои корабли к северному входу в Датский пролив. Море спокойно, туман почти исчезает, только в восточной части пролива, у самых берегов Исландии над морем еще стелется небольшая дымка. Военно-морская разведка сообщила на «Бисмарк», что данные аэрофотосъемки Скапа-Флоу показывают, что английские линкоры еще находятся там. Малоопытные летчики «Люфтваффе» приняли за чистую монету фанерные макеты боевых кораблей, выставленные в Скапа-Флоу специально для введения их в заблуждение.

Вечером 23 мая из туманной дымки, стелющейся вдоль берегов Исландии, с мостиков немецких кораблей замечают силуэт английского тяжелого крейсера. Затем еще одного. Это «Суффолк» и «Норфолк». Их радиостанции, подобно охотничьим рогам, возвещающим о подъеме крупного зверя, взрывают эфир, наводя на противника соединение адмирала Холланда.

Из Скапа-Флоу адмирал Тови выводит свой флагманский линкор «Кинг Джордж V» и авианосец «Викториэс». В море к ним присоединяется линейный крейсер «Рипалс», отозванный из охранения конвоя. На полном ходу корабли спешат занять позицию южнее отряда адмирала Холланда, если тем не удастся перехватить немцев на выходе из Датского пролива.

Всю ночь «Худ» и «Принс оф Уэлс», сверяя свой курс с сообщениями сторожевых крейсеров, идут тридцатиузловым ходом, чтобы к утру перехватить противника.

Поздно ночью из далекого Гибралтара выходит эскадра адмирала Сомервилля в составе авианосца «Арк Ронял», линейного крейсера «Ринаун» и легкого крейсера «Шеффилд». Корабли Сомервилля спешат на север, чтобы отрезать «Бисмарку» пути отхода на Брест.

На рассвете 24 мая на дистанции 17 миль сигнальщики «Бисмарка» замечают на горизонте корабли отряда адмирала Холланда.

Адмирал Лютьенс воочию убеждается в надежности германской военно-морской разведки: «Худ», который по данным разведки должен находиться у западного побережья Африки, уже держит «Бисмарк» в прицелах своих орудий у южного выхода из Датского пролива. Кроме того, разведка уверяла его, что в море вообще нет английских линкоров. Они все стоят в Скапа-Флоу!

На английских кораблях также царит неразбериха.

Сигнальщики не могут опознать где «Бисмарк», а где – «Принц Ойген».

Ошибочно приняв «Принц Ойген» за «Бисмарк», «Худ» обрушивает на крейсер первый залп своих пятнадцатидюймовых орудий. Снаряды ложатся со значительным перелетом.

В тот же момент «Принс оф Уэлс» взрывается залпом своих десяти четырнадцатидюймовок. Снаряды также падают с большим перелетом.

Секундой позже заревели пятнаддатидюймовки «Бисмарка», направленные на «Худ». По «Худу» открыл огонь и «Принц Ойген» из своих восьмидюймовок.

Подтвердив свото блестящую репутацию, немецкие комендоры первым же залпом накрывают противника.

Английские снаряды снова ложатся с перелетом. После второго немецкого залпа на «Худе» вспыхивает пожар.

Английские снаряды падают с недолетом.

Внезапно за носовой надстройкой английского линейного крейсера поднимается огромный язык пламени, принимающий форму огненного шара. Затем высоко в воздух взлетают облака пара, черного дыма, сверкающие полошища огня и обломков. Гигантский корабль, задирая в воздух нос и корму, медленно и страшно переламывается пополам.

На такой большой дистанции не слышно грохота взрыва. Артиллерийские офицеры на «Бисмарке» и «Принце Ойгене», прильнув к двалцатикратным цейсовским дальномерам, не веря своим глазам, наблюдают эту невероятную картину.

«Бисмарк» и «Принц Ойген» перенесли огонь на «Принс оф Уэлс», который был вынужден резко изменить курс, чтобы не врезаться в обломки «Худа».

Только что вышедший с завода английский линкор, получив несколько попаданий с «Бисмарка», отходит, укрывшись дымовой завесой.

Опомнившись от шока, английские эсминцы прочесывают место гибели «Худа». Из экипажа в 2000 человек им удается подобрать из воды лишь троих. Адмирал Холланд и все офицеры его штаба погибли. Ликование и боевой подъем царят на немецких кораблях. Особенно ликуют на «Принце Ойгене». Тяжелый крейсер не получил попаданий и не понес никаких жертв.

«Бисмарк» был не так удачлив. «Принс оф Уэлс» на прощание всадил в немецкий линкор три снаряда. Один из этих снарядов причинил «Бисмарку» достаточно серьезное повреждение. Попав в носовую часть в районе ватерлинии, он вскрыл две топливные цистерны и разбил насосную систему, отрезав от машин тысячи тонн горючего, которое стало выливаться в море, оставляя за линкором многомильный предательский след. Его скорость упала, но не настолько, конечно, чтобы потерять боеспособность.

Продолжая двигаться на юг, навстречу более длинным ночам и бескрайнему океану, адмирал Лютьенс решает отпустить «Принц Ойген» в самостоятельное рейдерство в океан, а самому следовать в Сент-Назер, где имеется линкорный док.

Линкор остался один, продолжая двигаться на юг. Топливо хлещет из разбитых цистерн. Вода, несмотря на все усилия, продолжает затоплять носовые отсеки. Контрзатопление приводит к тому, что скорость «Бисмарка» падает до 26 узлов.

Между тем, англичане, опомнившись от шока, вызванного гибелью «Худа», принимают все меры для нового перехвата и уничтожения «Бисмарка».

Практически весь английский флот уходит в океан за одним немецким линкором, следующим без всякого охранения и прикрытия с моря и воздуха.

Адмирал Тови бросает в атаку самолеты-торпедоносцы с авианосца «Викториэс». Незадолго до полуночи торпедоносцы обнаруживают «Бисмарк» и, пробившись через его зенитный огонь, пытаются атаковать. Одна из торпед попадает в цель, но, разорвавшись у броневого пояса по правому борту, не причиняет ему никакого вреда.

На рассвете 25 мая английские крейсеры теряют «Бисмарк» из вида, его поиск не дает результата.

На английских кораблях кончается горючее, противник исчез, и адмирал Тови склоняется к мысли прекратить погоню.

26 мая в 10 часов 30 минут утра по Гринвичу американская летающая лодка «Каталина», управляемая американским экипажем в американской военной форме, вылетев с северного побережья Ирландии, снова обнаруживает «Бисмарк» по стелющемуся за ним мазутному следу.

Не обращая внимания на зенитный огонь, «Каталина», лениво развернувшись, сделала круг над немецким линкором, передавая англичанам данные о месте, курсе и скорости противника. Это был первый случай прямого участия американцев в войне с Германией за 7 месяцев до ее официального начала.

Не обращая внимания на кошмарные валы, шквальный ветер и дождь, бипланы «Свордфиш» – десять машин одна за другой – вышли в воздух, построились и ринулись через сплошные тучи на поиск «Бисмарка». Путаница в сигналах привела к тому, что торпедоносцы чуть не утопили выдвинутый вперед собственный крейсер «Шеффилд» и вернулись на авианосец ни с чем.

Погода продолжала портиться. Видимость упала до такой степени, что с мостика авианосца было невозможно различить сигналы, подаваемые с флагманского «Ринауна».

Уточнив место противника, торпедоносцы взлетели снова. На этот раз их было 14.

Вывалившись из облаков над самым «Бисмарком», «Свордфиши», гудя растяжками крыльев и стрекоча моторами, ринулись на линкор, как стая бабочек на ревущего тигра.

Захлебывались от огня зенитные орудия отчаянно маневрирующего линкора, пытающегося избежать предназначенных ему торпед.

Десяти торпед удалось избежать, но две попали в цель.

Одна попадает в броневой пояс и не причиняет линкору какого-либо вреда. Но вторая – оказывается роковой.

Разорвавшись в корме, она заклинила руль корабля, положенный на борт.

«Бисмарк» потерял управление и мог теперь двигаться только по кругу.

События принимают поистине драматический оборот. К этому времени адмирал Тови принял решение ровно в полночь преследование прекратить. На кораблях начался расход неприкосновенного запаса горючего, а район боя неумолимо приближался к границе действия немецкой авиации. Но узнав о роковой торпеде, Тови принял решение продолжать бой, «даже если на базу придется возвращаться на буксире».

После полуночи к «Бисмарку» на полном ходу подходит дивизион английских эсминцев. Как гончие, терзающие медведя до подхода охотников, они всю ночь кружатся вокруг «Бисмарка», пытаясь выйти на позицию для торпедной атаки. Но у подбитого чудовища еще достаточно сил, чтобы отгонять их. Из 16 выпущенных в «Бисмарк» торпед не попадает ни одна. Но и эсминцам удается увертываться от артиллерийского огня неуправляемого линкора.

Заключительный акт этой трагедии разыгрывается утром 27 мая. К месту боя подходят линкоры адмирала Тови, к которым ночью присоединился «Родней», несущий девять шестнадцатидюймовых орудий.

Англичане, держась оптимальных курсовых углов, с которых не в состоянии действовать башни ходящего кругами «Бисмарка», начинают его расстрел.

В средней части «Бисмарка» бушует пожар, разбит главный артиллерийский пост, почти все верхние надстройки объяты пламенем или разрушены, одна за другой выходят из строя и замолкают артиллерийские башни. Около 10 часов утра ответный огонь «Бисмарка» прекращается. Немецкий линкор превращен в сплошной вихрь ревущего пламени, но упорно держится на плаву.

Тогда к погибающему монстру подходит крейсер «Дорсетшир» и в упор выпускает в него четыре торпеды.

В 10 часов 40 минут 27 мая 1941 года, медленно погружаясь кормой, пылающий «Бисмарк», не спустив флага, отправляется в океанскую пучину.

Крейсер «Дорсетшир» и эсминец «Маори», несмотря на бурное море, подбирают 110 человек из состава экипажа «Бисмарка». Среди них всего один офицер – лейтенант барон фон Мюлленгейм-Рехберг. По показаниям пленных, адмирал Лютъенс и командир «Бисмарка» капитан 1-го ранга Линдеман решили разделить участь своего корабля, одну из самых драматических в недолгой истории немецкого флота.

Глава 16. Нарыв, проколотый немецким штыком

В Москве царило радостное возбуждение. Что ни говори, а немцы молодцы! Гитлер замечательно продемонстрировал, что его угроза вторжения в Англию не является пустыми словами.

Операцию по захвату острова Крит можно вполне считать прологом к высадке на Британские острова. Именно так, как был захвачен Крит, будет захвачен плацдарм на юге Англии. Все умники, доказывавшие с цифрами и фактами, что вторжение в Англию невозможно, были посрамлены и замолчали.

Англичане эвакуировали Крит. Их флот не смог предотвратить немецкого вторжения, не имея противника на море.

Теперь немцы разворачивают на северном побережье Франции целый воздушно-десантный корпус, перебрасываются из Германии сотни транспортных самолетов и планеров.

Правда, неугомонные англичане никак не хотели признать свое поражение и нанесли Сталину еще одну обиду.

30 мая английские войска взяли Багдад и свергли режим Рашида Али, с которым Сталин совсем недавно (12 мая) заключил в полном объеме дипломатические отношения. Рашид вместе с иерусалимским муфтием, бежал к немцам, и проклятая авиабаза в Мосуле так и продолжала оставаться нацеленной на Баку, нервируя Кремль.

Сталин ничего не сказал. Пусть потешатся перед смертью.

С 1 июня в Красную Армию под видом учебных сборов был призван еще почти миллион запасных. Из этого даже никто не делал особой тайны.

Даже армейская газета «Красная Звезда» объявляла:

«В частях Красной Армии развертывается переподготовка призванного рядового и младшего начальствующего состава. В армию вольются целые сотни тысяч бойцов. Задача кадров Красной Армии состоит в том, чтобы дать возможность им овладеть новой военной техникой в короткий срок».

2 июня секретарь ЦК ВКП(б) Щербаков сделал доклад «О текущих задачах пропаганды», где, повторив почти слово в слово речь Сталина от 5 мая, добавил: *«Красная Армия готова*

на чужой земле защищать свою землю». Это было великолепно, а потому и встречено оглушительными аплодисментами.

Примерно в то же время М.Калинин выступал перед слушателями Военно-политической академии им. Ленина. На вопрос, когда же начнется война с Германией, «всесоюзный староста» воскликнул: «*Чем скорее, тем лучше! Мы все ждем этого... и свернем им, наконец, шею!»*

В начале июня нарком госбезопасности Белорусской ССР Цанава сообщил в Москву, что немцы опубликовали в варшавских газетах распоряжение, запрещающее распространять слухи о якобы предполагавшейся войне между Германией и СССР. Виновные караются наказанием до пяти лет тюремного заключения, но, несмотря на это, разговоры о войне Германии с Советским Союзом не прекращаются.

Сталин нашел эту меру, принятую германскими властями, совершенно правильной и инструктировал Лаврентия Павловича давать распространителям подобных слухов в СССР десять лет лагерей. (Меньше чем за месяц за распространение подобных слухов было посажено около 10 тысяч человек. Ни один из них не был освобожден после 22 июня. А последний суд (в Ленинграде) за распространение подобных слухов имел место аж 11 июля).

6 июня товарищу Сталину представили перевод хулиганской статьи, появившейся в одной из ведущих американских газет, где говорилось:

«Когда после первого же залпа „Бисмарка" взлетел на воздух символ Британской империи линейный крейсер „Худ", считавшийся самым крупным и самым мощным кораблем в мире, когда немецкие парашютисты без особых усилий захватили Крит, стало очевидно, что Англии остается надеяться: только на милость Всемогущего Бога и что намерения мистера Гитлера захватить Британские острова не только совершенно серьезны, но и вполне осуществимы.

Однако... немцы все с большей тревогой должны оглядываться на восток, где Сталин развернул против них армию, один размер которой не поддается воображению и должен вызывать ужас...

По мнению военных авторитетов, эта гигантская армия имеет в своем составе более 10 тысяч танков, 15 тысяч самолетов, а ее артиллерийский парк просто не поддается учету. Силы вермахта на востоке оцениваются примерно в 4 миллиона человек, 4 тысячи танков и 5 тысяч самолетов.

Для того, чтобы наступать на противника, имеющего двойное преимущество в людях и технике, надо сойти с ума.

Не существует ли между Москвой и Лондоном скоординированного плана сокрушения Гитлера и раздела Европы?»

К подобным опусам из англо-американских газет Сталин давно относился как к жужжанию надоедливой мухи.

Но тут не мог сдержать улыбки, отметив явный недостаток воображения у неизвестного американского публициста, писавшего о 10 тысячах советских танков, как о чем-то необыкновенном и чуть ли не сверхъестественном.

По последней сводке Сталин знал, что в Красной Армии уже имеется 23457 танков, готовых к немедленному действию и еще примерно 11 тысяч, проходящих заводские испытания и разные стадии ремонта.

Столь громадное превосходство в силах придавало уверенности в благополучном исходе операции при любых, даже самых неожиданных поворотах сценария.

Сегодня Берия представил ему последние сводки от секретной агентуры.

«...В личной беседе военный атташе Германии полковник Ганс фон Кребс заявил, что Сталин... не считает возможным, что Германия и Россия могут в скором времени начать войну друг против друга...

Полковник Кребс знает о выговоре, данном адмиралу Кузнецову Сталиным в присутствии т. Л.П.Берии в Кремле за самовольный приказ по Балтийскому флоту обстреливать немецкие самолеты, нарушающие воздушное пространство СССР. »

Сталин пробежал глазами сводки, ничем не выразив своего интереса. Гораздо большую реакцию у него вызвало сообщение о том, что 4 июня в Голландии в возрасте 82-х лет скончался «генеральный спонсор» большевистской революции 1917 года кайзер Вильгельм II.

Вождь выразил сожаление, что бывший кайзер ушел от справедливого пролетарского суда. Что вождь имел против кайзера, так и осталось непонятным. Возможно, старик Вильгельм не выплатил в свое время Ленину всех обещанных денег, и Сталин об этом знал?

По лицу Берии Сталин, еще просматривая сводки, понял, что Генеральный комиссар Госбезопасности явился к нему, чтобы доложить о чем-то гораздо более важном, чем сообщения сексоюв. И не ошибся.

Берия всегда любил начинать с мелочей, а теперь он представил Сталину действительно важный документ.

Арестованные артиллерийские конструкторы и инженеры признали на допросах, что их вредительской деятельностью, направленной на срыв производства в СССР новейших видов оружия, лично руководил сам нарком вооружений Ванников. Сталин внимательно прочитал представленный документ дважды.

Он выглядел очень расстроенным. Ведь с Ванниковым они вместе работали в бакинском подполье и в рабоче-крестьянской инспекции. Как маскируются враги!

В ту же ночь нарком вооружений Борис Ванников был арестован и отправлен в Сухановскую тюрьму.

Когда его ввели в кабинет следователя, тот, увидев Ванникова, вышел из-за стола и, не размахиваясь, ударил наркома кулаком в лицо. Ванников упал и получил несколько раз ногой в живот. Несколько крепких рук подхватили наркома вооружений, проволокли по узкому коридору и бросили на мокрый пол камеры поразмыслить о своих преступлениях.

Еще через день было объявлено, что новым наркомом вооружений назначен тридцатидвухлетний Дмитрий Устинов, ему было приказано резко увеличить производство вооружений.

10 июня 1941 года советский посол в Лондоне Иван Майский был приглашен к постоянному заместителю министра иностранных дел Англии Кадогану. После обычного обмена приветствиями Кадоган сказан:

«Господин посол, я пригласил вас, чтобы сделать чрезвычайно важное сообщение. Прошу вас взять лист бумаги и записать все, что я вам продиктую». Затем Кадоган зачитал сведения английской разведки, где перечислялись немецкие дивизии, развернутые на границе с СССР.

Майский хорошо знал, что за пересылку подобных сообщений, можно, как минимум, заработать выговор с занесением, но все-таки передал сообщение в Москву с пометкой: «Английская дезинформация».

Ведь всегда полезно узнать, в чем враг хочет тебя уверить.

Работа в Генеральном штабе кипела, не останавливаясь ни на секунду ни днем, ни ночью. Приграничные округа фронта задыхались от перенасыщенности войсками и всеми видами боевого снабжения.

Генштаб разъяснял командующим фронтами-округами, что как только они двинутся вперед, за ними пойдут эшелоны с грузами, самолеты перелетят на новые аэродромы, танковые соединения, разделенные на волны, рассеются по европейским равнинам, а на их место подойдут армии второго эшелона.

Но сдержать такую огромную армию, совершенно явно нацеленную на запад и учениями, и штабными играми, и политическими занятиями, и агрессивной государственной идеологией, было не так легко.

Участились случаи перестрелок пограничников.

Авиация пограничных округов постоянно нарушает немецкую границу, совершая облеты Мемеля и Тильзита. Еще хуже положение в центре и на юге. Кирпонос самовольно стал занимать своими войсками предполье.

«Полетят головы!» – недвусмысленно предупредил великий вождь. Из Москвы в Киев 10 июня полетел строгий окрик за подписью Жукова:

«...Донесите, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье». В тот же день последовал приказ в пограничные округа «запретить полеты нашей авиации в приграничной полосе...». Ни одного шага без приказа Москвы не предпринимать.

11 июня в штабы пограничных округов полетела совершенно секретная ориентировка, доставленная фельдъегерской авиапочтой специального назначения:

«Наркомат Обороны СССР
Совершенно секретно
Особая папка
11 июня 1941 года
Генеральный Штаб РККА
Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО
7 экземпляров. ...По информации, поступающей по разведывательным и правительственным каналам, в период с 4 по 10 июля 1941 года немецкие войска предпримут широкомасштабные боевые действия против Англии, включая высадку на Британские острова крупных сил воздушного и морского десантов....Штабам военных округов (фронтов) и подчиненных им армейским и корпусным штабам к 1 июля 1941 года быть готовыми к проведению наступательных операций...

Нарком Обороны СССР Маршал Советского Союза С.Тимошенко, Начальник Генерального Штаба РККА Генерал армии Г.Жуков, Член Главного военного совета Секретарь ЦК ВКП(б) А.Жданов».

Хотя окончательный вариант «Грозы» был утвержден еще 15 мая, Жуков упрашивал Сталина внести в него новые изменения. Он предлагал не мелочиться, а одновременно с действиями против Германии нанести удар и по Румынии. Для этого начальник Генерального штаба предлагал создать еще один фронт – Южный, в составе двух армий.

11 июня был отдан приказ о сформировании отдельного Управления воздушно-десантных войск Красной Армии для более гибкого управления корпусами в бою.

Кроме того, был уже готов приказ о выдвижении войск ближе к госгранице, чтобы уложиться в плотный график плановых разработок.

11 июня Берия и Меркулов предъявили Сталину выдержки из протокола очной ставки Проскурова и Рычагова.

Подтвердились самые худшие опасения товарища Сталина.

Конечно, Проскуров, Рычагов и два десятка более мелких генералов, которых пока удалось арестовать, оказались всего лишь исполнителями крупномасштабного заговора.

Сталин еще после ареста Рычагова предположил, что нити к руководству заговором ведут в Генеральный штаб.

И, как всегда, оказался прав!

Преступники сознались, что их диверсионно-вредительскими действиями руководил генерал-лейтенант Яков Смушкевич, дважды Герой Советского Союза, занимающий ныне должность помощника начальника Генерального штаба (т.е. Жукова) по авиации. Он был завербован фашистской разведкой еще в Испании, где был известен как «генерал Дуглас».

«Дружок Жукова», – подсказал Берия молча читавшему документы Сталину. Вождь вздохнул. Все правильно. Командовал авиацией на Халкин-Голе в 1939 году, где уничтожил много японских самолетов и получил вторую Золотую звезду.

Вот она, «испанская банда» – Проскуров, Рычагов, Пумпур и Смушкевич. Никому нельзя общаться с иностранцами! Обязательно завербуют. Но дальше было еще хуже.

В заговоре, оказывается (как и предполагал вождь), участвовал и бывший командующий Военно-воздушными силами, а ныне командующий Прибалтийским военным округом (Северо-западным фронтом) генерал-полковник Александр Локтионов, относительно которого уже подписан указ о производстве его в генералы армии! Было от чего призадуматься!

Нет, нельзя начинать историческое мероприятие такого масштаба, не очистив окончательно свои ряды от предателей и шпионов! Арестовать обоих!

(У меня пока нет доказательств, но я считаю правомерным поставить вопрос: какое отношение имел Жуков к этой новой вакханалии арестов в армии? Мы показываем только наиболее крупные фигуры, а арестовано было, разумеется, гораздо больше людей.

Можно ли считать простым совпадением, что новая волна началась сразу же после назначения Жукова начальником Генерального штаба, охватив очень многих участников боев на Халкин-Голе?)

Утром 12 июня дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Смушкевич был арестован прямо в госпитале, где ему три дня назад сделали операцию, и прямо на носилках отправлен в Сухановскую тюрьму. Ему тут же была дана очная ставка с бывшим генерал-лейтенантом Павлом Рычаговым.

При виде своего боевого товарища по Испании и Халкин-Голу, Рычагов стал сбиваться с ранее данных показаний, а затем замолчал. Вид самого Рычагова с распухшим от избиений лицом в кровоподтеках и синяках, в рваной нательной рубахе со следами крови, так подействовал на слабого после операции Смушкевича, что тот временами терял сознание. Ему давали нюхать нашатырь.

Следователь Влодзимирский снова зачитал показания Рычагова о том, что именно Смушкевич организовал преступную вредительскую организацию и вовлек в нее его, Рычагова, зная о его ненависти к советской власти и рабоче-крестьянскому строю.

– Подтверждаете ли вы эти показания? – спросил следователь.

– Нет, —прошептал разбитыми губами Рычагов.

– А вы, – обратился следователь к бледному, как бумага, Смушкевичу, – подтверждаете ли вы зачитанные вам показания вашего сообщника Рычагова?

– Это чудовищно, – прохрипел Смушкевич. – Не было никакой организации... Не было ничего.

Наступила пауза. Влодзимирский устало вздохнул.

– Тебе что, – заорал присутствующий на очной ставке следователь Шварцман, обращаясь к молчавшему Рычагову, – бабу твою сюда привести и вы..ть на твоих глазах?!

Коротким взмахом он ударил резиновой дубинкой по повязкам на ногах Смушкевича.

– А твоих дочек? – продолжал орать следователь, стараясь заглушить крик Смушкевича. – Твоих дочек сюда привести? Чтобы ты понял, что с тобою не шутят, сволочь!

Новый взмах дубинки. Отчаянный крик и хрип.

Повернувшись, Шварцман с размаха ударил Рычагова дубинкой по лицу. Брызнула кровь. Рычагов упал на пол.

В тот же день в Риге был арестован генерал-полковник Локтионов (накануне получивший известие о своем повышении в звании) и этапирован самолетом в Москву.

Из штаба округа весть немедленно распространилась по штабам армий, а затем и по всему округу, когда в Ригу прилетел новый командующий – генерал-полковник Федор Кузнецов, назначенный по личной рекомендации Жукова.

Генералу Локтионову также устроили очную ставку с Рычаговым. Старый генерал обматерил и Рычагова, и следователей. Его сбили с табурета ударом резиновой дубинки и стали бить сапогами.

Окровавленного, его снова посадили на табурет и следователь Влодзимирский спросил, признает ли он себя виновным в том, что состоял в преступной организации.

– Да, ответил генерал, вытирая ладонью кровь с лица, – признаю, что всю жизнь состоял в преступной организации, именуемой партия большевиков.

Утром 12 июня Тимошенко и Жуков были, наконец, приняты Сталиным. В кабинете вождя находился Молотов. Сталин был бледен. Чувствовалось, что он провел беспокойную ночь. Сталин спросил, известно ли им, что случилось в Прибалтийском округе, имея в виду арест Локтионова.

Хотя вопрос был задан наркому, ответил Жуков: «Да, известно. Новый командующий уже вылетел в Ригу».

Сталин одобрил все мероприятия, предложенные Генштабом, кроме создания Южного фронта, сказав, что об этом следует подумать.

А кто будет координировать действия Южного и Юго-Западного фронтов?

Жукову надоело вспоминать фамилии, и он предложил себя. Генеральный штаб оставит на Василевского.

Итак, действия Западного фронта будет координировать Шапошников. Он уже там находится. Южного и Юго-Западного – Жуков. Сам напросился. А Северо-Западного? Командующий там новый, неопытный.

Жуков тут же предложил Мерецкова. Пусть отправляется в строй. А то неудобно получается. Был начальником Генштаба, а сейчас работает начальником управления. Вечно недоволен. Мешает это работе, когда в подчиненных у тебя твой бывший начальник.

Сталин бросил на Жукова взгляд, но не сказал ничего.

12 июня 1941 года в округа-фронты полетела директива начать выдвижения войск на исходные позиции, чтобы закончить развертывание, как и было приказано ранее, к 1 июля.

«12 июня, – говорится в документах, – командование приграничных округов под видом учений и изменения дислокации летних лагерей приступило к скрытому развертыванию войск уже вторых эшелонов». Как и предусмотрено хитроумным планом «Грозы».

Гигантская армия на всем огромном фронте от Балтийского до Черного моря зашевелилась, тайно разворачиваясь на исходных позициях. За ними на рубеже рек Западная Двина и Днепр грозно разворачиваются армии второго эшелона.

Не позднее 1 июля приказано занять исходные позиции для наступления 12 армиям первого эшелона.

Еще 5 армий имеются в резерве главного командования и на второстепенных участках границы.

Такой мощи мир не знал со времен походов Чингиз-хана!

Но у Чингиза не было танков, самолетов, артиллерии, химического оружия и телеграфа.

«...Час настал. 19 июня я начинаю снимать войска с восточной границы, в чем вы легко убедитесь, когда взревут моторы боевых машин, следующих на погрузку к ближайшим железнодорожным станциям. У нас катастрофически не хватает грузового тоннажа и персонала. Видимо придется, без всякой огласки, разумеется, срочно отзывать немецкие суда из всех портов Швеции, Финляндии и СССР, а также с Дуная. Временно придется отозвать даже персонал наших военно-морских атташатов во многих столицах, включая Москву......Самое опасное время приближается. К сожалению, распространяемые англичанами слухи о неизбежном конфликте между нами очень отразились на настроениях войск. Этому, если быть откровенным, способствовал и официально объявленный Вами призыв более миллиона резервистов. В войсках бытует мнение, что когда они пойдут маршем на англичан, Вы прикажете своим войскам наступать на Германию...

В связи с этим, я убедительно прошу Вас сделать какое-либо официальное заявление, опровергающее английские домыслы и дающее понять моим доблестным солдатам, что они с той же уверенностью, что и летом прошлого года, могут повернуть свои штыки на запад, не страшась за безопасность своих тылов.

Признаюсь, что опасаюсь своих генералов даже больше, чем англичан, и потому снова обращаюсь к Вам с просьбой не давать им никакого повода даже попытаться сорвать план, который я считаю целью своей жизни...

Искренне Ваш Адольф Гитлер».

По приказу Сталина Молотов составил необходимый документ. Сталин внимательно прочел его, завизировал и отдал обратно Молотову. Тот немедленно направился в Комиссариат по иностранным делам, куда поздно вечером был вызван германский посол Шуленбург.

« № 1368 от 13 июня 1941 года.

Народный комиссар Молотов только что вручил мне следующий текст сообщения ТАСС, которое будет передано по радио сегодня вечером и опубликовано завтра в газетах:

«Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной прессе стали муссироваться слухи о близости войны между СССР и Германией. По этим слухам:

1. Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера...

2. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границы СССР с целью нападения на СССР.

3. Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает свои войска у границы последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым... уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны...

Шуленбург».

На следующий день заявление ТАСС было опубликовано во всех советских газетах, начиная с «Правды» и периодически передавалось как радиомаяк.

В тот же день, 14 июня 1941 года, специальные отряды НКВД начали массовую депортацию населения из оперативного тыла фронтов. Таковым считались территории всех трех Прибалтийских республик, районы Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии.

Отряды действовали четко, по заранее составленным спискам. Солдаты НКВД при поддержке милиции врывались в дома, давали 10 минут на сборы, набивали людьми грузовики, некоторых гнали пешком на станции, где уже ждали товарные эшелоны. Людей гнали в чем они были, и набитые товарные вагоны без остановок везли их в восточную Сибирь.

Только из Таллина было депортировано 7 тысяч семей, из Риги – 11 тысяч, из Каунаса – 10 тысяч.

В сельской местности дело шло не так гладко. Многие разбегались по лесам, формируя полу стихийные отряды сопротивления, которые очень пригодились солдатам фельдмаршала Лееба всего через неделю.

От этих страшных ночи и дня 14 июня берут свое начало все эстонские, латвийские, литовские, гомельские, львовские, галицийские и другие дивизии СС, сформированные немцами из бежавших и скрывшихся мужчин, чьи матери, жены, дети и старики были брошены в Сибирь на верную смерть. Не сговариваясь, в тот же день немцы начали аналогичную акцию на своей стороне, но гораздо большего масштаба.

Но главным было следующее: все русские, проживающие в Германии и на оккупированных немцами территориях в возрасте от 16 до 50 лет независимо от пола подлежали временному задержанию до особого распоряжения. (На территории оккупированной Франции, прямо у ворот своего дома, была схвачена жена знаменитого русского генерала Антона Ивановича Деникина. Генерал бросился к гестаповцам, крича: «Господа, вы ошиблись! Вы, видимо, приехали за мной!» Гестаповцы не удостоили его даже взглядом – прославленный белый генерал был гораздо старше 50 лет.)

Риббентроп показал Гитлеру телеграмму Шуленбурга. Гитлер был спокоен, поскольку доктор Моррель вдвое увеличил дозу своих уколов. Так бывает спокоен азартный игрок, собирающийся сорвать банк, блефуя без единого козыря на руках и выжидая момента, когда его партнер – профессиональный шулер расслабится, поскольку имеет на руках все четыре туза и еще два, спрятанных в рукаве. Тогда можно, смахнув карты на пол, оглушить шулера канделябром, схватить деньги и устроить затем драку со всеми присутствующими, надеясь на Провидение...

Казавшаяся безнадежной затея, кажется, начинала удаваться. За последние три месяца был проделан совершенно невероятный объем работ.

К началу операции по плану «Барбаросса» создавались запасы горючего в расчете на 700—800 км марша для всех видов боевых машин и автотранспорта. В каждой пехотной дивизии имелось два боекомплекта боеприпасов, а в танковой – три. Этого должно было хватить на первые 10 суток боев.

14 июня Гитлер собрал совещание по осуществлению плана «Барбаросса». Выслушав доклады командующих группами армий и уточнив ряд вопросов, Гитлер определил окончательную дату нападения – на рассвете 22 июня.

Условный сигнал к наступлению «Дортмунд».

Пообедав с генералами, Гитлер затем выступил перед ними с большой речью. Указав, что он вручает в руки армии судьбу страны, Гитлер подчеркнул, что совершенно невозможно больше терпеть на своих границах такую мощную армию, как сталинская. Он верит в свою

армию и уверен, что большевистская армия, а равно большевистская идеология будут уничтожены быстро и решительно.

«Некоторые газеты нейтральных стран, – продолжал Гитлер, – предрекают нам ужасный конец в этом походе. Так я вам скажу, господа, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Кроме того, – закончил Гитлер, – разгром России вынудит Англию также капитулировать«.

Все, бывшие в тот день с фюрером, запомнили его слова, сказанные в канун нападения на СССР: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Это не были слова Гитлера. Это – слова Гете. Но все поняли, что именно их он нес в своей душе, видя петлю, уже затягиваемую на его горле.

У товарища Сталина были собственные проблемы. Принимая решения, он обдумывал их со всех сторон, вычленяя особо опасные последствия. Задумав бросить армию в европейский поход, вождь отчетливо видел главную опасность: неизбежные широкие контакты военнослужащих Красной Армии с населением захваченных территорий, исповедующим совсем иную мораль, чем советские люди.

Сейчас, правда, другие времена. За двумя эшелонами армий развернуты дивизии НКВД. Политические и особые отделы пронизывают армию до уровня рот и взводов.

Секретными директивами политорганы и особые отделы предупреждены о персональной ответственности за несанкционированные контакты военнослужащих с местным населением. В свою очередь Военные советы округов (фронтов) сообщают, что при столь резком увеличении численности вооруженных сил, обнаружилась острая нехватка политруков.

Поразмыслив, Сталин решил, что товарищи правы.

Было решено призвать в армию некоторое количество освобожденных паргработников с предприятий и учреждений, тщательно их отобрав через горкомы и обкомы.

14 июня новый командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов отдал приказ по случаю своего вступления в должность. Слухи об аресте генерала Локтионова уже распространились по всем частям округа-фронта, что лихорадило личный состав. Надо было привести людей в чувство и успокоить их.

«Сегодня, как никогда, – говорилось в приказе генерал-полковника Кузнецова, – мы должны быть в полной боевой готовности... Надо всем твердо и ясно понять, что в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи».

Уж Кузнецов-то хорошо знал, какая боевая задача предстоит. Да и не он один.

В тот же день началось развертывание стрелковых корпусов Юго-Западного фронта на исходные позиции. Выдвижение войск осуществлялось под видом их передислокации на новую лагерную стоянку.

На Западном фронте, по приказу генерала армии Павлова на исходные позиции двинулись части стрелковых корпусов. Непосредственно к границе были придвинуты соединения четырех танковых корпусов.

Вечером 14 июня Нарком обороны отдал приказ военным советам Прибалтийского, Западного и Киевского округов о переводе управления войсками в заблаговременно развернутые фронтовые штабы Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов.

15 июня, просматривая разведсводки, Сталин с горечью убедился, что практически вся советская разведка попала в сети англо-американских провокаторов. Со всех сторон сыпались предупреждения о предстоящем немецком нападении. Разведчики же просто сообщали то, что видели и слышали.

Вождь с утра находился в хорошем настроении, а потому позволил себе писать на сводках шутливые резолюции. На донесении военного атташе в Берлине генерала Тупикова,

предупреждающего о том, что война начнется 22 июня, Сталин начертал: «Передайте тупому генералу, что это – английская провокация».

Даже сам Деканозов включился в поток дезинформации. Что с ним случилось? Он уже советовался с Берией и Молотовым, не пора ли Деканозова отозвать и провести следствие. И почему нет никаких сообщений от Ахмедова? Измаил Ахмедов – самый опытный ликвидатор НКВД был в конце мая послан в Германию, чтобы, если надо, принять решительные меры против провокаторов и паникеров.

Резиденты-нелегалы, прослышав о приезде Ахмедова, бросились врассыпную, кто в Бельгию, кто во Францию, а некоторые – аж в США. Гоняясь за ними, Ахмедов тоже добрался до Соединенных Штатов, где и решил остаться навсегда и писать воспоминания на тему «Тайная полиция Сталина». Книга выдержала 11 изданий на многих языках.

Сталин еще об этом не знал. А когда узнал, даже не очень разгневался. Выполни Ахмедов свою миссию, он бы к 22 июня вырезал всю нашу нелегальную разведсеть в Европе. А она еще как пригодилась!

С едующее тревожное сообщение пришло с Балтики.

Немецкие торговые суда, даже не закончив погрузки, стали одно за другим уходить из советских портов домой. Сталин прочел эту сводку, машинально кивая головой. Он-то знал в чем тут дело. Он знал даже больше.

Около 30 советских грузовых судов, некоторые уже скоро как месяц, стоят на рейдах разных портов Германии и Дании. Им предстояло помочь немцам в переброске второго эшелона десанта в Англию.

Из разведсводок только одна удостоилась благосклонного внимания Сталина. Источник в Готенгафене сообщал, что, по его данным, новый линкор «Тирпиц» собирается выйти в море с «Адмиралом Шеером» 10 июля. Сталин приказал отправить эту сводку в Генштаб.

16 июня во все округа поступила совершенно неожиданная директива. В пятницу 20 июня и в субботу 21 июня разрешалось отпустить личный состав в увольнение. Офицеров – до утра понедельника 23 июня. С четверга 19 июня и до 23 июня в авиачастях разрешалось произвести 25-часовые регламентные работы, в танковых и артиллерийских частях — парковые дни. По усмотрению командиров подразделений. Это вызвало всеобщую радость.

Не до смеха было только Сталину.

Берия и Меркулов продолжали раскручивать «испанских заговорщиков». В показаниях слишком часто стало фигурировать имя генерал-полковника Штерна. Они попросили разрешение у вождя допросить Штерна в качестве свидетеля.

Улики были налицо. Сражался в Испании, где и вступил в преступную группу, а не исключено – сам ее создал.

Сталин подумал и сказал:

– Зачем свидетелем? Допросить надо как следует. И выясните, наконец, кто ими всеми руководил.

После перешли к текущим вопросам.

Разведка сообщает, что в районе Варшавы и в Восточной Пруссии все узловые станции забиты эшелонами.

Один из наших агентов проник в помещение штаба 175-й пехотной дивизии вермахта. Все стены там увешаны картами южных районов Англии с отработкой задач по захвату плацдармов.

Берия доложил, что завтра начнутся мероприятия по сдаче государственной границы войсками НКВД управлению фронтами. После чего пограничники вольются в дивизии НКВД, развернутые за армиями вторжения.

Параллельно с войсками, подчиненными комиссариату обороны, уже создана целая армия войск НКВД – 18 дивизий и отдельных полков. Дивизии моюризованы даже лучше армейских стрелковых дивизий, поскольку и задачи у них важнее. Кроме заградительных функций по отношению к собственной армии, они должны заниматься своим прямым делом – «чистить» тылы армии в процессе ее наступления на Запад. Все по образцу Прибалтики, Польши и Бессарабии.

Но этого мало. 23 апреля 1941 года секретным приказом Сталина создается принципиально новая организация: Управление оперативных войск НКВД под командованием генерал-лейтенанта НКВД Артемьева. Эта параллельная армия готова к решению самых разнообразных задач: от подавления очагов сопрошвления, оставшихся в тылу наступающей Красной Армии до депортации в течение суток населения среднего европейского города.

17 июня прямо у себя в кабинете управления ПВО Красной Армии был арестован генерал-полковник Григорий Штерн. Его отвезли во внутреннюю тюрьму на Лубянке и, не задав ни единого вопроса, заперли в бокс для подследственных.

А в Сухановке следователи смертным боем били бывшего наркома вооружений Бориса Ванникова. Его били резиновыми дубинками, кулаками, пинали ногами в живот и в пах, требуя назвать сообщников. Ванников упал на пол, и следователь Родос стал топтать его ногами, прыгал на нем, крича: «Скажешь! Все скажешь!»

Ванников ревел от боли, плакал, но показаний ни на кого не давал. Тогда следователь Сорокин вспомнил, что у них в следственном отделе имеется машинка для вырывания ногтей, подаренная гестаповцами еще в 1939 году.

Принесли машинку и для начала содрали ноготь с безымянного пальца левой руки бывшего наркома. Тот потерял сознание. Облили водой, дали понюхать нашатыря...

В совершенно бесчувственном состоянии Ванников подписал показания, где в качестве его сообщников были названы генералы Герасименко, Верцев, Шелковый, Чарекии, Батов, Хохлов, Мирзаханов, Гульянц, Жезлов, Лазарев, Ветошкин, Котов и Иоффе. Их арестовали, не испрашивая особого разрешения Сталина. О Герасименко в череде стремительно развивающихся событий чуть не забыли. Он был арестован только 5 июля и расстрелян в феврале 1942 года.

Между тем, Штерну срезали петлицы со звездами генерал-полковника, отвинтили с гимнастерки Золотую звезду Героя Советского Союза и другие ордена, отобрали ремень и портупею, срезали пуговицы на галифе, выдав взамен веревочки, и в таком виде повели на допрос, который, учитывая высокое в прошлом положение арестованного, проводил сам нарком государственной безопасности Всеволод Меркулов.

На допросе присутствовал и следователь Шварцман, скромно сидевший за угловым столиком, перебирая бумаги.

Меркулов очень вежливо попросил Штерна не отнимать времени ни у себя, ни у них, а чистосердечно сознаться во всех преступлениях, чтобы облегчить собственную участь и уменьшить вину перед родиной.

Штерн, державшийся до удивления спокойно, спросил, в чем его обвиняют?

– Мы надеялись, что вы сами нам расскажете о своих преступлениях, – сказал Меркулов. – Поверьте, в вашем положении запираться глупо.

На что Штерн упрямо заявил, что никаких преступлений против родины и партии не совершал. И сказать ему нечего.

Тогда следователь Шварцман, устало вздохнув, встал из-за стола и, подойдя к Штерну, хлестанул его по лицу жгутом из электрических проводов. И так удачно, что сразу выбил генерал-полковнику правый глаз. Брызнула кровь, Штерн упал со стула на пол.

Меркулов укоризненно посмотрел на Шварцмана. На полу был постелен дорогой ковер, как и подобает в кабинете наркома.

Шварцман извинился, сказав, что у него «от пролетарской ненависти» свело руку. Он хотел ударить по шее, а попал по лицу.

Пришлось вызвать конвой, чтобы те унесли Штерна на перевязку и привели в чувство, а затем отправили в Сухановскую тюрьму.

Меркулов распорядился также, чтобы скатали ковер в его кабинете и постелили новый, пообещав Шварцману высчитать стоимость чистки ковра из его жалования. На что полковник Шварцман ответил натянутой улыбкой.

Так вполне могло произойти. И поехал в Сухановку. Туда же вскоре доставили с Лубянки и Штерна на очную ставку с Рычаговым, который уже был в состоянии близком к помешательству. Штерн стонал, держась за окровавленную повязку на глазу. Шварцман немедленно пообещал ему выбить второй глаз, если он будет продолжать запираться.

«Долг каждого честного советского гражданина, – мягким усталым голосом напомнил Шварцман, – всемерно помогать следствию».

Однако попытка проникновенным словами пробудить в бывшем генерал-полковнике гражданский долг не увенчалась успехом. Штерн продолжал стонать и упорно отказывался признавать себя виновным.

Тогда следователь Зозулов приказал ему встать и ударил сапогом в промежность. Штерн закричал, упал и потерял сознание.

Его за ноги отволокли в камеру. Отвели в камеру и Рычагова, который пел песню о самолетах и о девушках.

17 июня президент США Рузвельт получил очередное письмо от премьер-министра Черчилля. «Судя по сведениям из всех источников,—сообщал английский премьер, – в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию...

Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер.

Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для Вас никаких затруднений».

Рузвельт немедленно ответил, заверив Черчилля, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое сделает премьер-министр, приветствуя Россию как союзника».

Президент и Гопкинс находились во внутреннем кабинете Рузвельта, смежном с овальным залом Белого Дома. Президент перебирал свою огромную коллекцию почтовых марок, а Гопкинс, взлохмаченный и небритый, валялся на диване, просматривая газеты.

Когда Рузвельт прочитал Гопкинсу послание от Черчилля, тот спросил:

– Если Сталин нападет первым, что мы будем делать? Поддерживать Гитлера? И как это объяснить миру? Рузвельт рассмеялся:

– Да, мы бы попали в самое дурацкое положение. Кстати, многие сенаторы именно так и настроены. Если Сталин так поступит, он разрушит всю схему, которую мы разработали на ближайшие пять лет. Но, к счастью, я уверен, что он так не поступит. Он ждет высадки в Англии. В этом его уверили все, а не только немцы. Адольф уже хорошо понимает, что ему конец, а потому вложит в свой удар все силы, которые у него еще есть.

Это будет страшный удар, Гарри, поверьте мне. Сталин не скоро от него оправится, а Гитлер – не оправится никогда. В этом у меня нет сомнений. Меня беспокоит другое. Нам нужно вступать в войну, а как это сделать – я не знаю.

– Может, не нужно спешить, – предложил Гопкинс, – а дать парням в Лос-Аламосе завершить работу. Гитлер сделал нам бесценный подарок, разделив даже физику на еврейскую и арийскую.

– Нет, – сказал президент. – Гровс докладывал мне, что нельзя ожидать окончания работ ранее 1944 года. Будет поздно. Президент задумался, потом мечтательно произнес:

– Когда-то понадобился взрыв броненосца «Мэн» в Гаване, чтобы расшевелить среднего американца и заставить его потребовать у правительства объявления войны Испании. Именно благодаря той войне Америка была принята в клуб великих держав мира. Что же должно взорваться сейчас, чтобы наш добрый обыватель потребовал от правительства немедленно вступить в войну?

– Фрэнк, – засмеялся в ответ Гопкинс, – вы – верховный главнокомандующий. Дайте приказ нашим ребятам разбомбить какую-нибудь базу джапов в Индокитае. Насколько я их знаю, они тут же разбомбят в ответ что-нибудь у нас. И конгрессу не останется ничего другого, как санкционировать ваши действия – действия президента.

– Нет, – твердо сказал Рузвельт. – Ни в коем случае. Мы демократическая, миролюбивая страна. У нас должна быть безупречная репутация. Мы будем продолжать их злить. У Гитлера и японцев плохие нервы, они склонны к истерикам, и что-нибудь обязательно взорвется.

До ожидаемого президентом взрыва уже оставалось совсем немного —чуть более пяти месяцев.

В страшном взрыве, последовавшем в Перл-Харборе 7 декабря 1941 года, была окончательно погребена даже теоретическая возможность для Гитлера и его союзников выпутаться живыми из этой страшной войны.

18 июня из округов и фронтовых штабов сообщили, что к вечеру будет завершена подготовка театра военных действий к наступлению.

На всех участках границы начато разминирование мостов и проходов. Прямо на мостах развернуты спецотряды НКВД.

В штабах всех уровней кипит работа. На полковом уровне командиры пехотных и танковых батальонов получают новые карты сопредельных территорий с приказом: изучить их и подготовиться к получению конкретной боевой задачи.

Артиллеристы получают конкретные задачи и координаты для артподготовки. На аэродромах перед летчиками и штурманами выставлены вынутые, наконец, из сейфов снимки и схемы объектов бомбежки и штурмовки.

Вечером 18 июня были подняты по боевой тревоге и приведены в полную боевую готовность штабы объединений и соединений на всем фронте от Баренцева до Черного моря.

Войска начали выдвижение непосредственно в пограничную зону. Затем командующие приграничными округами и фронтами отдали приказ: привести уровень боевой готовности армий второго эшелона в уровень боевой готовности с войсками первого эшелона.

В тот же день на вакантное место начальника Управления ПВО Красной Армии был назначен генерал Воронов. Радисты, телефонисты, операторы телетайпов не отходили от своих аппаратов в штабах фронтов, округов, корпусов и дивизий, ожидая сигнала «Гроза».

Все, вплоть до командующих фронтами, спали на боевых постах, не раздеваясь, а лишь ослабив ремни. Никакого сигнала не было...

Поздно вечером находящемуся на ближней даче Сталину доложили, что к воротам дачной территории подъехала машина наркома внутренних дел, который просит принять его по вопросу чрезвычайной важности.

Берия был бледнее обычного и сильно нервничал.

Он доложил вождю, что обнаружен генерал, руководящий заговорщиками из Генерального штаба.

– Мерецков? – сразу же догадался вождь.

Берия скорбно кивнул головой.

Это был сюрприз! Бывший начальник Генерального штаба, один из главных разработчиков «Грозы»! На него замыкалась вся военная разведка, военные и военно-морские атташе во всех странах, все управление войсками, все стратегические планы и тактические разработки!

Глубокой ночью генерал армии Жуков был поднят с постели и вызван на дачу Сталина.

Узнав о предательстве Мерецкова, нынешний начальник Генерального штаба почувствовал себя плохо и тяжело опустился на стул, держась рукой за сердце.

Глаза товарища Сталина горели неземным пламенем.

Сначала хотели арестовать Мерецкова прямо сегодня на рассвете. Но сам Сталин и пришедший в себя Жуков сказали Берии, что этого делать не следует.

Слишком крупная фигура. Его арест и неизбежные слухи об этом могут на какое-то время дезорганизовать всю работу Генерального штаба. Нет! Мерецков должен просто исчезнуть. Поскольку он уже назначен главкомом Северо-Западного направления, то пусть не позднее 21 июня отправляется в Ленинград, Там его арестовать вместе со всеми сопровождающими и секретно этапировать обратно в Москву,

– Может быть, это какая-нибудь ошибка? – осмелился предположить Жуков.

– Разберемся, – заверил вождь. – Слишком много последнее время подобных «ошибок».

Тогда встал естественный вопрос: а кого послать главкомом направления на Северо-Запад?

– Ворошилова пошлите, – устало приказал Сталин, вспомнив единственного человека, которому еще можно было доверять в этой зловещей паутине измен и заговоров.

Утром 19 июня американская радиовещательная компания «Коламбия бродкастинг систем» передала сообщение, что Советский Союз в 15-и пунктах вдоль границы атаковал немецкие войска. Завязались ожесточенные бои. Видимо, кому-то в Америке стало совсем уж невтерпеж.

Вся мировая печать уже пишет о советско-германском конфликте, как о почти свершившемся факте. Общий тон международной печати подчеркивает, что у немцев очень мало шансов на успех, если начнется конфликт.

Зато «Правда» вышла с передовой, начисто опровергающей подобные измышления. Передовая называлась: «Летний отдых трудящихся».

Около 10 часов утра вдоль всей границы, которая теперь называлась границей с Германией, взревели моторы тысяч танков и бронетранспортеров вермахта,

Об этом было сразу же доложено товарищу Сталину, когда тот около часа дня прибыл в Кремль.

Вождь ограничился загадочной улыбкой, посасывая потухшую трубку. В приемной сидел Жданов с несколько растерянным лицом. Он только что прочел в «Правде» сообщение, что уехал в Сочи в отпуск для отдыха и лечения.

– Отдохни, – посоветовал Жданову Сталин, – подлечись, а к 1 июля возвращайся.

В последнее время от неумеренного курения и частого потребления спиртного у Жданова участились приступы астмы. Отдохнуть ему действительно было необходимо.

19 июня советские бомбардировщики, истребители и штурмовики начали перелет на полевые аэродромы у самой границы. Подчиняясь приказу наркома обороны, нарком ВМФ

адмирал Кузнецов перевел все флоты и флотилии в оперативную готовность № 2, предупредив о переходе в ближайшие дни на полную боевую готовность № 1.

На железнодорожных станциях Польши и Восточной Пруссии стоят войсковые эшелоны. Вагоны с красными транспарантами: «Вир фарен геген Энглянд!» («Мы направляемся против Англии!»). Танки грузно въезжают на платформы. Это дивизии резерва. Они будут выгружены за линией Варшава-Радом и отправлены обратно на восток.

На стол Берии ложится осведомительная сводка секретного информатора, внедренного в американское посольство. Тот сообщает, что американская журналистка Алиса Леон-Моутся рассказывала всем, будто второй секретарь немецкого посольства, встретив ее, сказал буквально следующее: «Я сожалею, что дезинформировал вас, указав 17 июня в качестве даты вторжения. Нападение состоится 21 июня». Американская журналистка добавила: «Все уже устали предупреждать русских...»

– Поскорее бы они прекратили нас предупреждать, – раздраженно заметил Сталин, прочитав сообщение. – Голова уже идет кругом от их провокаций. Я даже не ожидал, что это примет такой размах! Вождь разволновался и разжег трубку, выпустив клуб дыма. На его столе лежат разведывательные сводки, только что принесенные генералом Голиковым: немцы начали погрузку войск в эшелоны.

– Пусть они своих друзей – англичан предупреждают, чтобы те к драке за свои собственные острова подготовились получше.

Вождь раздражен. Из головы не выходит предательство Мерецкова. Что этот подлец успел передать немцам о «Грозе»? Не сорвал бы всю операцию! Скорее нужно его взять и как следует допросить. Жуков успокаивает Сталина.

– Какой самый худший вариант? Немцы сами на нас нападут? У нас только на границе тройное превосходство по всем показателям. Мы их сразу остановим, окружим и уничтожим. И морально даже будет лучше. Все увидят, что на нас напали.

Сейчас все пограничные части вермахта приведены в движение и, судя по первым сводкам, уже поступающим по линии ГРУ, начали погрузку по меньшей мере трех дивизий в уходящие на запад эшелоны.

Сталин с усталым видом слушает начальника Генерального штаба, следя глазами за его бегающей по карте указке.

На столе у Сталина лежит «Правда» (за среду 18 июня). Синим карандашом подчеркнуто «Сообщение ТАСС».

В нем говорится, что *специальная археологическая экспедиция Ленинградского Государственного Эрмитажа сняла с гробницы Тамерлана в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде тяжелую плиту из зеленого нефрита, вскрыв саркофаг великого завоевателя. В сообщении упоминалось, что на плите имелась надпись, гласящая о том, что вскрывший гробницу Тамерлана выпустит на свою страну беспощадных духов кровавой и опустошительной войны...*

–Только не поддавайтесь ни на какие провокации, – предупредил Сталин, выслушав очередной доклад Жукова. – Без моего личного разрешения никто не имеет права открыть огонь ни при каких обстоятельствах. Головы полетят.

– Завтра, – продолжал вождь, – и до понедельника состояние боевой готовности снять. Все по плану, включая и отдых командующих фронтами.

20 июня английская газета «Тайме» выходит с крупным заголовком: «Германия и Россия лицом к лицу». Теме посвящена целая полоса.

Корреспондент «Нью-Йорк Тайме» передал из Анкары: «Дипломатические источники сообщают, что война Рейха с Советами может начаться в течение ближайших 48 часов».

В Финляндии начался призыв резервистов в возрасте до 44 лет. Газеты публикуют призывы к населению: «Каждый финн должен без колебаний встать на защиту Родины, как в 1939 году».

Паникой охвачены приморские города Румынии и Болгарии. В разгар сезона вымерли первоклассные черноморские курорты Золотого Берега. Все шоссе, ведущие из Констанцы вглубь страны, забиты беженцами.

Официальный представитель правительства Швеции заявил, что «его страна уже приняла все меры, чтобы советско-германская война на застала ее врасплох».

В Берлине иностранные журналисты штурмуют пресс-центр Министерства Иностранных Дел. К ним выходит сам Риттерс. Его засыпают вопросами. Что означают все эти слухи? Правда ли, что на советско-германской границе уже начались столкновения? Риттерс категорически опроверг все слухи.

«В советской столице нет никаких признаков кризиса», – передает из Москвы корреспондент агентства «Рейтер».

Передовая «Правды» озаглавлена «Против болтунов и бездельников» и призывает бороться за «деловитость в работе, против болтовни и трескотни, прикрывающей бездеятельность».

Вдоль советской границы продолжается рев моторов.

Напряженность невыносимая, кажется, что она висит в воздухе и мешает дышать. Из фронтовых штабов запрашивают Москву: остается ли в силе ранее полученное указание, разрешающее провести увольнение личного состава?

Москва отвечает не просто «да», а «обязательно».

Как иронизировал Черчилль, «все, что „можно“, в России – можно обязательно».

Главнокомандующий Западным фронтом генерал армии Павлов был удивлен, когда член военного совета фронта корпусной генерал-комиссар Фоминых предложил ему сходить на спектакль, который будет завтра в Минском Окружном Доме офицеров.

– Какой еще там театр?! – пытался отмахнуться командующий,

– Это приказ, – ответил Фоминых, сам ничего толком не понимая. В театр был направлен и генерал-полковник Кузнецов, а генералу армии Кирпоносу было приказано провести субботу, 21 июня, на киевском стадионе «Динамо» – посмотреть очередной матч на первенство СССР по футболу.

Пусть немцы спокойно отводят войска.

«Секретное Постановление Политбюро Об организации Южного Фронта и назначениях командного состава

21 июня 1941 года

Особая папка от 21 июня 1941 г. (Дата вписана рукой Сталина.)

1. Организовать Южный фронт в составе двух армии с местопребыванием военного Совета в Виннице.

2. Командующим Южным фронтом назначить т. Тюленева с оставлением его на должности командующего МВО...»

Две армии нового фронта нацелены на Румынию. Они давно развернуты. Их надо просто организовать в один фронт.

Сталин прочел документ и спросил:

– Когда Мерецков выезжает в Ленинград?

Ему ответили, что выезжает сегодня «Красной стрелой». Прибудет завтра утром.

У Жукова и Тимошенко на языке вертится вопрос: когда же мы начнем «Грозу»? Но Сталин сам отвечает на этот вопрос. Немцы закончат переброску войск примерно к 1 июля.

Еще недели две понадобится на развертывание войск. Высадка на Британские острова произойдет числа 15—20 июля. Не позже. А мы начнем ровно через три дня после их высадки. То есть, день Д+3. День Д – их, день Д+3 – наш.

Сейчас, продолжал вождь, они перебрасывают войска и существует опасность, что какой-нибудь их генерал, завербованный английской разведкой попытается развязать конфликт на нашей границе. Пусть стреляют, пусть делают, что хотят. Зарыться в землю и сидеть тихо. Понятно?

Военные уехали. Их сменил Молотов, который привез Сталину интересный документ, прошедший через его наркомат.

«Совершенно секретно. Экз. № 1.

Заведующему протокольным отделом Наркоминдела Союза ССР т. Баркову В.Н. 19 июня 1941 г....я, произведя регистрацию поездок иностранцев, обратил внимание на следующее обстоятельство: весь аппарат германского военно-морского атташе состоит из семи человек...

На 20 июня в аппарате атташе не остается ни одного из известных мне сотрудников, что несколько необычно и странно, о чем я считаю необходимым довести до Вашего сведения».

Сталин, хотя и знал об этом из докладов НКВД, прочел справку с улыбкой и молча ее отложил.

Все правильно, все сходится. Немецкие моряки нужны сейчас на родине.

Затем Сталин поинтересовался у Молотова, видел ли тот Шуленбурга сегодня.

Молотов принимал сегодня немецкого посла и в исключительно резкой форме потребовал у него объяснений по поводу непрекращающихся облетов немецкими самолетами пограничных территорий СССР.

Германский посол ответил, что г. Деканозов должен был посетить Имперского Министра иностранных дел и получить от него все разъяснения по этому вопросу. Деканозову было приказано добиться приема у Риббентропа и вручить ему вербальную ноту следующего содержания:

«По распоряжению Советского Правительства полпредство Союза Советских Социалистических Республик в Германии имеет честь сделать Германскому Правительству следующее заявление:

Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР вербальной нотой от 21 апреля информировал германское посольство в Москве о нарушениях границы Союза Советских Социалистических Республик германскими самолетами...».

Это была первая из задуманной серии нот, целью которых было обострение советско-германских отношений путем предъявления Германии новых и более резких претензий, кульминация которых должна быть достигнута (по замыслу) в самый канун вторжения.

Сталин отодвинул разведсводки, которые утомили его своей тупой тенденциозностью, и поинтересовался у Берии, все ли готово к аресту Мерецкова?

Лаврентий Павлович доложил, что готово все. Только еще не решили, где его брать: прямо в поезде или на перроне.

Сталин сказал, что лучше прямо в поезде. Берия согласился. Вся поездная бригада составлена из оперативников и два соседних вагона набиты также оперативниками.

Сталин спросил, как идет следствие, что нового удалось установить? Берия доложил, что уже раскрывается картина очень крупного заговора. Гораздо более крупного, чем даже в 1937 году. Сталин только вздохнул, сокрушенно покачивая головой, и стал набивать трубку.

Пока Сталин пытался разобраться в темном и грязном лабиринте, кишащем генералами-заговорщиками и агентами-провокаторами, Гитлер, измученный томительным ожиданием

часа «Ч», писал длинное письмо своему единственному другу – Муссолини. Письмо выдавало измученное состояние души фюрера, издерганного своими дьявольскими играми в последние дни до нападения на коварного московского партнера.

«Дуче, – изливал свою душу фюрер, – я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также бесконечное нервное выжидание, закончились принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть такое положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России...

Оба государства, Советская Россия и Англия, в равной степени заинтересованы в распавшийся, ослабленной длительной войной, Европе. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидающего Североамериканский Союз. После ликвидации Польши в Советской России появляется последовательное направление, которое умно, осторожно, но неуклонно возвращается к старой большевистской тенденции расширения так называемого«советского, социалистического фронта». Другими словами, расширения до бесконечных пределов Советского государства. Речь идет не больше, не меньше как о советизации всего мира...

Вы видите, Дуче, что на нас накидывают петлю, не давая фактически времени что-либо предпринять... Поэтому после долгих размышлений я пришел к выводу, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута...

Материал, который я намерен постепенно опубликовать о планах Сталина сокрушить Европу, так обширен, что мир удивится больше нашему долготерпению, чем нашему решению...

(Никто в мире и не собирался слушать каких-либо его аргументов. Он уже в глазах мирового общественного мнения попал в положение террориста, взорвавшего жилой дом и пытавшегося объяснить полиции какие негодяи этот дом заселяли.

Но после окончания Второй Мировой войны все предвоенные планы потеряли свою остроту.

Кроме того, никто не был заинтересован в изменении исторической схемы ответственности различных стран за небывалый мировой кризис. Большую роль здесь сыграл старый тезис: «Горе побежденному!»).

В заключение я хотел бы Вам сказать еще одно. Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того, как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, часто тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени.

С сердечным и товарищеским приветом. Искренне Ваш, Дуче, Адольф Гитлер».

На тысячекилометровой линии противостояния, вибрируя от напряжения, как натянутые тетивы гигантских луков, стояли две огромные армии, ожидая условленных сигналов: «Гроза» и «Дортмунд».

Всего группировка германских войск вместе с румынскими и финскими частями насчитывала в своем составе примерно 4,5 миллиона человек, чуть меньше 400 танков и 4275 боевых самолетов, считая самолеты Румынии и Финляндии.

Против них на трех фронтах Западного ТВД была развернута 8-миллионная армия, построенная в два стратегических эшелона и прикрытая тремя отдельными армиями НКВД.

Только в пограничных округах немцам противостояли 11 тысяч танков и еще 8 тысяч в армиях второго эшелона. Сколько было танков в стрелковых дивизиях и в армиях НКВД, включая и их собственную численность, остается неизвестным.

С воздуха эту группировку прикрывали 11 тысяч самолетов и 2300 дальних бомбардировщиков, входивших в состав ДВА РГК. В резерве находились еще 8 тысяч боевых машин.

Приморские фланги фронтов опирались на поддержку мощных и многочисленных соединений Военно-морского флота. Авиация флота (не считая Тихоокеанского) имела в своем составе 6700 самолетов, – больше, чем все соединения Люфтваффе на востоке.

Для чего Сталин сконцентрировал на границе такую чудовищную армию?

Но это вопрос настолько очевиден, что отвечать на него: «Для обороны», – могут только бывшие историки КПСС с вывихнутыми мозгами.

Гораздо интереснее другие вопросы:

Как немцам с их хилыми силами удалось разгромить и уничтожить всю эту чудовищную силу?

Почему официальная история объявила катастрофой потерю 1200 самолетов, когда их было 11 тысяч.

Почему потеря 600 танков в первые два дня войны также объявлена катастрофой, когда их было тоже 11 тысяч?

Куда же делась гигантская армия, нацеленная на вторжение в Европу после высадки немцев на Британские острова?

При всей тактической внезапности удара они должны были быть остановлены к 1 июля. Вырвавшиеся вперед танковые группы Гота, Гудериана и Клейста, опередившие свою пехоту на два суточных перехода, были бы отрезаны от нее, окружены, смяты, раздавлены и размазаны страшным превосходством в силах, которое имела Красная Армия.

И так бы непременно произошло, если бы не одно обстоятельство.

Если бы Красная Армия оказала сопротивление.

Это и была знаменитая ошибка в третьем знаке, допущенная товарищем Сталиным, любившим все упрощать.

Глубокой ночью 22 июня – в 2 часа 10 минут – генерал Гудериан выехал на свой командный пункт, находившийся в 15-ти километрах северо-западнее Бреста у местечка Богукалы.

Он прибыл туда в 3 часа 10 минут ночи. С 8 часов вечера танки его группы, ревя своими бензиновыми моторами, выдвигались к границе.

Солдатам был зачитан приказ Гитлера.

> *«Наступил час, мои солдаты, – обращался фюрер к вермахту, – когда... судьба Европы, будущее Германии и нашего народа находятся отныне полностью в ваших руках!»*

– Что с мостами? – поинтересовался Гудериан и был удивлен, узнав, что русские разминировали мосты, расчистив проходы на многих участках для прохода танков.

Небо на востоке начало сереть. Начинался день 22 июня 1941 года, выпавший на воскресенье. Гудериан еще раз посмотрел на часы. Было 3 часа 15 минут ночи.

И приказал начать артиллерийскую подготовку.

Поздно вечером 21 июня, когда уже всем стало ясно, что немцы перебрасывают свои войска на Запад каким-то очень странным способом – максимально выдвигая их к границам СССР, – из Москвы в штабы фронтов за подписью Тимошенко и Жукова была направлена

последняя директива мирного времени – «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Когда же на границах началась стрельба, и немецкие танки двинулись вперед, Сталин, «в рамках достигнутой договоренности», стал дозваниваться до Гитлера, чтобы пожаловаться фюреру на его генералов, предпринявших провокационные акции, о возможности которых Гитлер уже давно предупреждал своего друга.

Однако до фюрера из Москвы оказалось не так-то просто дозвониться. Но Сталин это делал со свойственным ему упорством. Все это выглядело уже совершенно мистически, если учесть, что Шуленбург уже вручил Молотову составленную по всем правилам ноту об объявлении войны, а в Берлине Риббентроп сделал соответствующее заявление вызванному на рассвете Деканозову.

Неужели у Сталина сложилось впечатление, что Имперский Министр Иностранных дел вместе с Чрезвычайным и Полномочным послом Германии действовали от лица какого-нибудь завербованного англичанами, командира танковой дивизии? Он продолжал звонить в Берлин, и, когда стало понятно, что по телефону это не удастся сделать, использовал линию радиосвязи. В конце концов удалось связаться с Рейхсканцелярией в Берлине. Там мгновенно оценили царящий в Кремле маразм и стали морочить великому вождю голову, уверяя, что им ничего не известно, что все будет доложено фюреру, и «конечно, если все так, как вы сообщаете, то виновные будут строжайше наказаны».

Из Москвы требовали немедленно доложить обо всем Гитлеру лично. Но Гитлера в Рейхсканцелярии никак не могли разыскать и предложили связаться с ними завтра утром, заверив, что они «все, кому надо, доложат».

Тут у Сталина лопнуло терпение, и он решил, что эти переговоры будет гораздо легче вести, если немецких войск не будет на нашей территории. А потому приказал всем фронтам немедленно перейти в наступление, выбить немцев с территории СССР, но границу до особого распоряжения не переходить. Поэтому всего через три с половиной часа после вторжения немцев, в штабы пограничных фронтов поступила первая директива военного времени за подписью Тимошенко и Жукова, которая предписывала:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам границу не переходить».

К полудню 22 июня Сталин, Тимошенко и Жуков, наконец, поняли, что вторжение в Англию, судя по всему, откладывается, поскольку Гитлер предпочел вторгнуться в СССР. И тогда настал великий час! Было принято решение начать операцию «Гроза»!

« *"Гроза ", "Гроза ", "Гроза "*!» – начали надрываться на всех линиях прямой связи и радиочастотах телетайпы и передатчики Наркомата Обороны и Генерального штаба. « *"Гроза ", "Гроза ", "Гроза*"!». Она зашумела и загремела на еще уцелевших линиях связи между фронтовыми, корпусными и дивизионными штабами.

Из сотен сейфов, с некоторой долей ритуальной торжественности, извлекались толстые красные пакеты с надписью «Вскрыть по получении сигнала *«Гроза»».*

Из вскрытых пакетов вынимались пачки оперативных приказов с названиями прусских, польских и румынских городов и населенных пунктов, взять которые приказывалось в первые 72 часа после начала операции. На приданных секретных картах жирные красные стрелки хищно нацеливались на Варшаву и Копенгаген, на Берлин и Кенигсберг, на Бухарест, Будапешт и Вену.

На Северо-Западном фронте командир танковой дивизии полковник Иван Черняховский, вскрыв свой красный конверт, не минуты не колеблясь, бросил танки в наступление на Тильзит, имея целью захватив его, развивать наступление на Кенигсберг, как и было указано в извлеченном из пакета приказе. Даже в условиях 22 июня 1941 года танкам Черняховского удалось, давя немецкие позиции, продвинуться на 25 километров. Только общая обстановка на фронте заставила Черняховского повернуть обратно.

На Западном фронте танковая дивизия 14-го механизированного корпуса под командованием подполковника Сергея Медникова одновременно с немецкими танками, но в другом направлении, форсировала Буг и начала наступление на Демблин, как и было приказано вскрытым красным пакетом. Дивизия продвинулась вперед на 30 километров и остановилась, израсходовав горючее и боеприпасы. Подполковник Медников погиб. На Южном фронте несколько дивизий вторглись на территорию Румынии, поддержанные огнем мониторов Дунайской флотилии.

Но это были исключения из той общей обстановки, которая царила на фронтах в тот момент, когда был отдан приказ о начале операции «Гроза». Исключения, совсем не подтверждающие правило.

Через несколько минут после начала артиллерийской подготовки на границе, в скором поезде «Красная Стрела», курсирующем по маршруту Москва—Ленинград и обратно, был арестован генерал армии Кирилл Мерецков и этапирован в Сухановскую тюрьму. В Москве же все считали, что он стал главкомом Северо-Западного направления в составе двух фронтов – Северо-Западного и Северного. Фронтам, которые уже извлекли из сейфов пакеты с «Грозой», было приказано на первом этапе захватить Восточную Пруссию, на втором – остатки Финляндии и Норвегию и быть готовыми оккупировать Швецию. К сожалению, Черняховскому в одиночку этого сделать не удалось...

Доставленный в Сухановскую тюрьму генерал армии Кирилл Мерецков, уже побывавший в лапах НКВД в 1937 году, думал только об одном: как заслужить побыстрее пулю в затылок, избежав при этом пыток и мучений. Этого можно было добиться, как он знал по опыту, только рассказывая следователям все, что они хотели от него услышать. Он не учел только одного, что обладал опытом трехлетней давности, который несколько устарел.

К этому времени вся следовательская бригада была уже сильно утомлена тем, что можно было назвать «неуемной генеральской гордыней». Приходилось тратить слишком много времени, чтобы показать арестованным генералам, что никакие они не генералы, а говно, как любил выражаться Ленин по поводу всей русской интеллигенции.

Чтобы генералы это поняли побыстрее, был разработан своего рода предварительный ритуал «смирения их гордыни» еще до первого допроса.

С Мерецкова, как и положено, любовно срезали петлицы с пятью звездами генерала армии, отвинтили ордена, содрали хромовые сапоги, срезали пуговицы на брюках, отобрали ремень и портупею, сфотографировали в фас и профиль, а затем, не задав ни единого вопроса, принялись избивать резиновыми дубинками. Далее вся следовательская бригада помочилась на голову лежащего в крови на полу генерала армшъи оставила его лежать в следовательской моче до утра.

Дело в том, что принять участие в первом допросе бывшего начальника Генерального штаба РККА изъявил желание лично товарищ Сталин. Мы уже упоминали, что несмотря на наличие огромного числа картин известных советских художников типа «Товарищ Сталин на маневрах Белорусского военного округа», на маневры и полигоны вождь ездить не любил и не ездил, а вот в застенки НКВД хаживал, и с большим удовольствием. Особенно до войны.

К сожалению, события 22 июня несколько изменили планы товарища Сталина, а потому следователи, не дождавшись любимого вождя, получили указание работать самостоятельно «по плану расследования».

Несмотря на предварительную обработку, а может быть благодаря именно ей, Мерецков сразу же стал давать показания, а очной ставке со Штерном, не обращая внимания на истерические крики последнего: «Кирилл Афанасьевич, ну ведь не было этого, не было, не было!», Мерецков показал, что был вовлечен вместе со Штерном в преступную группу, работавшую на немецкую и английскую разведку одновременно. Что группа периодически передавала за границу наиболее секретные документы относительно планов и вооружения Красной Армии.

На вопрос, кто возглавлял преступную группу, Мерецков ответил, что не знает. Но генералу армии было трудно выдать себя за обычного диверсанта, не знающего кто руководит его действиями. Из него немедленно стали выбивать резиновыми дубинками, кулаками и сапогами новые показания. Следователь НКВД Семенов позднее вспоминал: «Я лично видел, как зверски избивали на следствии Мерецкова и Локтионова. Они не то что стонали, а просто ревели от боли... особенно зверски поступали со Штерном. На нем не осталось живого места. На каждом допросе он несколько раз лишался сознания... Локтионов был жестоко избит, весь в крови, его вид действовал и на Мерецкова, который его изобличал. Локтионов отказывался, и Влодзимирский, Шварцман и Родос его продолжали избивать по очереди и вместе на глазах Мерецкова, который убеждал Локтионова подписать все, что от него хотели. Локтионов ревел от боли, катался по полу, но не соглашался...».

Мерецков, корчась от боли, называл сообщников. Первым назвал самого Жукова, затем Павлова, Кирпоноса, Кленова и многих других. В его показаниях отсутствует только новый командующий Северо-Западного фронта генерал-полковник Федор Кузнецов. Как ни странно, но он один и уцелел, хотя его начальник штаба генерал-лейтенант Кленов был арестован и умер на допросе от сердечного приступа, а сам фронт был разгромлен еще почище Западного. Генерал Павлов был расстрелян вместе со всем своим штабом. Принято считать, что за разгром и развал Западного фронта. Тут уже не определить, за что именно. В Киеве был застрелен особистом генерал армии Кирпонос, по официальной версии покончивший с собой (двумя выстрелами из нагана в затылок). Жуков уцелел, но все его сотрудники от начальника штаба генерала Телегина до шофера Бочина были арестованы...

Мерецкова продолжали таскать на очные ставки. Он разоблачил Смушкевича. Дал показания и на Рычагова. Прославленный летчик-истребитель, видимо, к этому времени уже рехнулся, поскольку начал вести себя крайне вызывающе и даже позволил себе словесные оскорбления в адрес следователя Родоса. Это вынудило последнего осуществить свою давнюю угрозу и арестовать жену Рычагова – майора авиации Марию Нестеренко, которая была схвачена прямо в части 24 июня. Мотивировка ареста была такой: «...будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности своего мужа».

Нестеренко была прославленной летчицей, неоднократно демонстрировавший необыкновенное мужество в небе и редкое мастерство управления самолетом.

«Такое же мужество,—пишет специально исследовавший ее судьбу Аркадий Ваксберг, – *проявила она и в камере пыток, спасая от клеветнических обвинений и себя, и мужа... Истязания, которым подвергли эту замечательную женщину, я не в силах описать. У меня не хватает мужества даже на это...»*

У меня тоже не хватает духа описывать, как истязали эту женщину. Достаточно хорошо известно, что делали с женщинами в застенках НКВД. Скажу только, что прославленная летчица, майор Мария Нестеренко, ни в чем не призналась, не подписала ни одного протокола и в октябре 1941 года была расстреляна вместе с мужем.

(Не все кремлевские«чудеса» имеют реальное объяснение. В сентябре 1941 года Сталин неожиданно приказал выпустить на свободу Мерецкова, Ванникова, Батова и еще несколько человек. Все остальные, включая Проскурова, Рычагова с женой, Смушкевича, Локтионова, Савченко, Сакриера, Штерна, Засесова, Володина, Склизкова, Аржеухина, Каюко-ва,

Соборнова, Таубина, Розова, Розову-Егорову, Булатова и Фибиха были расстреляны. В эту компанию попал и Филипп Голощекин – «цареубийца». Параллельно шли расстрелы в Саратове и Орле.

Следователь Василий Иванов вспоминал: «Будучи в сентябре 1941 года в Харькове, я с огромным удивлением узнал, что Мерецков назначен командующим войсками фронта. А я знал по допросам с моим участием, какие он дал показания, – что состоял в шпионской группе и готовил против Сталина военный переворот».

Переодетый прямо в тюрьме в новую форму, Мерецков в тот же день предстал перед товарищем Сталиным. Вождь сочувственно заметил Мерецкову, что тот плохо выглядит и справился о здоровье. А затем послал командовать фронтом. Ванников назначен наркомом боеприпасов.Можно ли после этого сомневаться, что Сталин был великий человек!) Пока следователи приходили в ужас от открывшейся перед ними бездны очередного военно-контрреволюционного заговора, события на фронте стали принимать формы небывалой в истории военной катастрофы, за которой с усиливающимся ужасом следили из Кремля. Огромный Западный фронт разваливался на глазах.

Сопротивление отдельных застав, частей и гарнизонов не могло скрыть от командования совершенно невероятное поведение армии. Такого история войн еще не знала.

Полтора миллиона человек перешли к немцам с оружием в руках. Некоторые, целыми соединениями, под звуки дивизионных оркестров.

Два миллиона человек сдались в плен, бросив оружие. (Под словом «оружие» подразумевается не только винтовка или пистолет, но все до танка и самолета включительно.) 500 тысяч человек были захвачены в плен при различных обстоятельствах.

1 миллион человек откровенно дезертировали (из них 657354 человека было выловлено, 10200 – расстреляно, остальные исчезли без следа).

800 тысяч человек были убиты и ранены.

Примерно миллион человек рассеялся по лесам.

Оставшиеся (от почти 8 миллионов) 980 тысяч в панике откатывались на восток.

Таково было положение на сентябрь 1941 года.

И именно в этом заключается самая большая тайна военной катастрофы 1941-го года.

В вихре небывалого водоворота бесследно исчезали целые полки, дивизии и даже корпуса. Пропадали без вести целые эскадрильи.

Без вести пропали 20 генералов и 182432 офицера различных рангов. 106 генералов, включая нескольких командующих армиями, оказались в плену.

Почти не встречая сопротивления, немецкие войска занимали город за городом, где летели с пьедесталов памятники Ленину и Сталину. Значительная часть населения ликовала, встречая немцев цветами, хлебом и солью. Они ликовали, но, как вскоре выяснилось, совершенно напрасно.

Немцы не несли освобождения. Они несли новое рабство и террор, поданые с гораздо большей откровенностью. Немецкое командование было ошеломлено.

Командующие быстро оценили все невероятные выгоды создавшегося положения. В их распоряжении была уже миллионная русская национальная армия, готовая сражаться с режимом. Еще два миллиона человек потенциально готовы были влиться в ее ряды. Считалось очень вероятным, что, будь эта армия официально признана, в нее вольются и остатки Красной Армии, рассеянные по местности и в панике отступающие. Эта армия быстро освободила бы страну от сталинского режима. Командующие группами армий немедленно сообщили об этом в Берлин, ожидая решения фюрера.

Гитлер, который всю неделю с 19 по 25 июля провел на уколах, в конце июля был бодр, весел и возбужден.

Он прислал господам командующим «Разъяснение», где указал генералам-идеалистам, что «мы не от чего и ни от кого Россию не освобождаем. Мы ее – завоевываем... Мы не нуждаемся ни в какой русской национальной армии и не собираемся формировать никакого русского правительства... Русский народ нас интересует только как рабочая сила, которая в будущем будет трудиться на германскую нацию».

Умри, лучше не скажешь! Гитлер снова подтвердил «великолепную» прозорливость, упустив, быть может, последний шанс выпутаться живым из всей этой истории.

Перешедших на сторону вермахта с оружием в руках было приказано разоружить и объявить военнопленными. Некоторые пробились обратно в Красную Армию и были, разумеется, расстреляны. Некоторых, на свой страх и риск, немцы оставили у себя, распределив по подразделениям вермахта. (Эти события происходили с июня по, примерно, сентябрь 1941 года. В феврале 1942 года специальная комиссия из Германии занималась подсчетом русских, служивших среди немцев в различных подразделениях вермахта. И насчитала таковых 1 миллион 100 тысяч. Все это происходило задолго до появления генерала Власова. Как известно, Гитлер разрешил формировать 1-ю дивизшо так называемой «Власовской Армии» только в декабре 1944 года).

Свирепый оккупационный режим, установленный немцами на захваченных территориях, массовые казни мирного населения в целях устрашения, открыто декларируемое намерение превратить всех без исключения русских в рабочий скот и многое другое больно ударило по самым чувствительным струнам русского патриотизма.

Этим мгновенно воспользовалась официальная пропаганда, сменив почти все свои довоенные лозунги на национально-патриотические и объявив саму войну Отечественной. К осени 1941 года на территории СССР уже видны все признаки начинающейся народной войны, а войну против народа никому и никогда не удавалось выиграть. Но от этого антинародная и звериная сущность сталинского режима нисколько не изменилась.

Если немецкое командование было ошеломлено событиями лета 1941 года, то можете себе представить, как был ошеломлен товарищ Сталин и «маршалы великие его».

Находясь в полной уверенности, что проводимые с 1917 года воспитательные мероприятия с русским народом, главным из которых было постоянно проводимое массовое истребление этого народа, окончательно превратили его в оболваненную, бессловесную массу, годную только для перемолки в лагерную, а теперь и окопную пыль, товарищ Сталин был потрясен тем сюрпризом, что ему преподнесла любимая армия.

Извращенная психология, культивируемая в коммунистическом антимире, заставила и самого вождя поверить, что красноармейцы и командиры (среди которых практически не найти человека, у кого бы не был расстрелян, замучен, раскулачен, сослан, арестован или бесследно исчез кто-нибудь из родных, близких или друзей) настолько растеряли все нормальные человеческие чувства и эмоции, настолько мутировали на страшном пути от обычного человека к человеку советскому, что не имеют уже никаких других желаний, кроме как идти в поход, чтобы завоевать для преступного режима мировое господство.

К великой чести русского народа надо сказать, что этого не произошло. События лета 1941 года можно без всяких преувеличений назвать стихийным восстанием армии против сталинской деспотии.

Тоталитарный режим вообще, а коммунистический в особенности, превращает страну в одну огромную организованную преступную группировку, где наряду с немыслимо кровавыми преступлениями, направленными против собственного народа, идет процесс втягивания самого народа в преступления режима с возложением на него коллективной ответственности за эти преступления.

При этом создается мощная круговая порука, сцементированная кровью и ложью, как положено в любой организованной преступной группировке.

Нигде в мире и никогда в мировой истории это не было продемонстрировано ярче, чем в мощной преступной группировке, которой стала бывшая Россия благодаря двум великим паханам – Ленину и Сталину. Их расчет был теоретически почти безупречным: весь остальной мир никогда не сможет организоваться и вооружиться таким образом, чтобы противостоять их великим замыслам превращения всей Земли в огромную уголовную зону.

Но великие паханы из-за собственной ограниченности и безграмотности не только не видели закономерностей, управляющих мировым прогрессом, они не понимали процессов, бесконтрольно развивающихся в той примитивно уголовной системе, которую они возвели на костях десятков миллионов уничтоженных русских людей, собираясь облагодетельствовать ею все человечество.

Это – заложенный в саму тоталитарную систему процесс самоликвидации. Этот процесс очень интересен и заслуживает тщательного исследования.

Сталин явно намеревался начать свой поход в Европу еще в 1938 году. Однако по мере приближения заветного часа пошел процесс безжалостного уничтожения собственных вооруженных сил, государственного аппарата, промышленности и, разумеется, народа.

Допустим на минуту, что летом 1941 года все произошло так, как и планировал товарищ Сталин. 19 июня Гитлер бы начал снимать войска с советской границы и, скажем, в конце июля – начале августа вторгся на Британские острова, оставив незащищенный тыл и свою судьбу на усмотрение товарища Сталина. Что бы произошло тогда?

Процесс самоликвидации уже шел полным ходом, набирая обороты. 22 июня уже был арестован генерал армии Мерецков, и было еще далеко до завершения вакханалии арестов в армии и промышленности, начавшейся в СССР после ареста генерала Ивана Проскурова в июле 1940 года. Можно легко предвидеть, что произошло бы дальше.

Следующими под нож должны были лечьТимошенко, Жуков, Павлов и Кирпонос, не говоря о десятках и сотнях генералов и офицеров более низкого ранга. Не истекли бы мы к августу кровью настолько, что снова оказались бы неспособными пошевелить ни рукой, ни ногой?

Огромный нарыв зрел и набухал на теле страны, лихорадя ее и грозя общим заражением крови со всеми вытекающими отсюда последствиями. Гитлер, вскрыв своим штыком этот нарыв, сам того не понимая, оказал великую услугу товарищу Сталину и его режиму, продлив их существование на годы, которых у них уже фактически не было.

Когда же после войны, заполучив в свои руки ядерное и водородное оружие, Сталин, развязав войну в Корее, снова стал лихорадочно готовить свою 8-миллионную армию в поход, начавшийся параллельный процесс самоликвидации на этот раз уничтожил его самого, весь его карательный и рабовладельческий аппарат, а в конечном итоге и Советский Союз. Так ошибки в третьем знаке, постепенно накапливаясь, уничтожили самого вождя и его империю.

Но вернемся в 1941 год. Сталин, возможно, одним из первых оценил подарок Гитлера. То, что его почти 9-миллионная армия перестала существовать, испарившись как капелька росы под лучами солнца, потрясло его, но не настолько, чтобы окончательно потерять голову. Он быстро увидел, какие возможности ему предоставляет невероятная глупость Гитлера и его расовое безумие.

В августе Сталин сделал эпохальное заявление, смысл которого стал понятен много позже. «У нас нет военнопленных, – заявил вождь, – у нас есть изменники Родины». (Было бы честнее сказать «изменники партии, правительства и НКВД!»). У него были все основания для подобного заявления. В руках у немцев к этому времени находилось 4,2 миллиона военнопленных Красной Армии, включая и собственного сына Сталина – Якова Джугашвили.

Затем Сталин отдает приказ № 220 (не путать с более поздним приказом № 227 «Ни шагу назад!»), где без всякой «новоречи», простым и понятым языком всем находящимся на

фронте военнослужащим доводится до сведения, что их семьи в тылу становятся заложниками их поведения на фронте. В случае сдачи в плен семьи будут репрессированы. Сами же военнослужащие будут расстреливаться при одном подозрении в нежелании воевать. Можете себе представить, как бы себя повели эти военнослужащие, если бы к этому времени была создана Русская Национально-Освободительная армия?

Затем Сталин объявляет тотальную мобилизацию, начиная формировать так называемые дивизии «народного ополчения», бросая под немецкие танки совершенно необученные контингенты, состоящие, главным образом, из пожилых и больных людей, не охваченных «Мобилизационным планом-41». Вождь уже не доверяет своей армии!

Катапультированный Гитлером в союз с «великими демократиями», Сталин просит англичан и американцев прислать свои войска на советско-германский фронт, чтобы заменить ими ненадежные части Красной Армии. Он слезливо унижается перед теми, кого еще вчера презирал и ненавидел. А между тем на нашей стороне фронта царит свирепый полицейско-террористический режим нисколько не лучше, чем на той стороне, где хозяйничает гитлеровская армия. Тем временем продолжает раскручиваться еще невиданный военный маховик, запущенный в феврале 1941-го года «Мобилизационным планом-41».

К началу 1942 года формируются еще 420 стрелковых, 120 кавалерийских дивизий, 250 танковых бригад, сотни артиллерийских и авиационных полков. Необученными они бросаются в мясорубку войны, истребляясь почти поголовно.

По мере все большего приобретения войной формы Отечественной, Сталин, вернув былую уверенность, а вместе с ней и презрение к своей стране и ее «населению», не забывает одаривать это население своими новыми милостями.

После победы под Сталинградом он дарит народу смертную казнь через повешение и каторжные зоны.

После победы на Курской дуге в районы Крайнего Севера высылаются все калмыки.

После операции «Цитадель» из Крыма в 24 часа высылаются в Северный Казахстан все татары.

После перехода старой советской границы – чеченцы и ингуши.

Уже почти готовы планы поголовного переселения всех прибалтов, поляков, немцев, румын, венгров, чехов и даже украинцев с евреями. Операция «Гроза» продолжается!

Захват Восточной Европы наводит на искушение завершить задуманное до войны.

Проведена «советизация» Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании, Югославии, части Германии, Кореи, Китая , части Вьетнама.

Для этого пришлось уничтожить еще 30 миллионов русских людей, но это, как всегда, вождя очень мало беспокоило. «При коллективизации мы потеряли больше», – отмахнулся он от Черчилля, когда тот попытался вылезти с соболезнованиями по поводу столь чудовищных потерь СССР. Еще одно усилие – и светлая мечта осуществится!

Все явно уже шло к этому. Однако на линии противостояния стоит уже не нищий вермахт, а огромная американская армия, имеющая на вооружении ядерное оружие, небывалую по мощи авиацию и флот.

Но навязчивая идея сильнее!

Явное намерение впавшего в безумие вождя развязать ядерную войну приводит в ужас его сообщников. Стареющий вождь, ни минуты не колеблясь, как и надлежит старому «пахану», решает их ликвидировать.

Всех: Молотова, Ворошилова, Жукова, Берию, Кагановича и Маленкова. Всех, кто еще не умер своей смертью, как Жданов и Щербаков.

В метастазах процесса самоликвидации гибнет сам вождь и большинство его сообщников.

Они гибнут, а операция «Гроза» остается! Она принимает новые формы, неоднократно ставя мир на грань термоядерной катастрофы. Снова миллионы солдат и десятки тысяч танков вибрируют на линии противостояния, где любая искра может в любой момент перерасти в новый мировой пожар.

Красные стрелы «Грозы» дотягиваются до Кубы, Эфиопии, Йемена, Анголы, Камбоджи и Вьетнама, всюду оставляя миллионы убитых, умерших от голода, сгнивших в лагерях. Но снова начинает набирать скорость, незамеченный из-за ошибки в третьем знаке, процесс самоликвидации. Оказывается, что и милитаризация страны может продолжаться до известного предела. Лихо проскочив этот предел, Сталинская империя рушится, рассыпается, и ее обломки, стремительно летящие вперед, Время выметает на обочину истории.

30 и 31 августа 1994 года бывшие советские, а ныне Российские войска окончательно покидали территории Германии и Прибалтики. Президент России Борис Ельцин и канцлер Германии Гельмут Коль делали все возможное, чтобы придать этому событию хоть какую-то торжественность. Было грустно, потому что в прошлое уходила целая эпоха. Ровно через 55 лет, после своего начала, операция «Гроза» закончилась. Навсегда ли?

СПб, весна—лето, 1993; лето 1997